

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ РАН

ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

*Материалы XII Всероссийской конференции молодых историков
г. Самара 10-11 ноября 2006 г.*

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ.

Грант № 06-01-26181 г/В

Самара

Издательство «Универс групп»

2006

УДК 94
ББК 63.3
П 37

Редакционная коллегия: д.и.н., профессор П.С. Кабытов (ответственный редактор), д.и.н., профессор Ю.Н. Смирнов, д.и.н., профессор Э.Л. Дубман (зам. ответственного редактора), д.и.н., профессор Л.В. Храмов, д.и.н., профессор М.И. Леонов, д.и.н., профессор Л.М. Артамонова, к.и.н., доцент В.А. Тюрин, к.и.н., ассистент Д.В. Серых

Платоновский чтения : материалы XII Всероссийской конференции молодых историков г. Самара 10-11 ноября 2006 г. / отв. редактор П.С. Кабытов. – Самара : Издательство «Универс групп», 2006. – 303 с.
ISBN 5-467-00102-7

ISBN 5-467-00102-7

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ОГЛАВЛЕНИЕ

ХII Всероссийские Платоновские Чтения – 2006	9
Секция «Социально-экономическая история и международные связи России»	15
Серин П.А. Взаимоотношения Рязанской земли и Волжской Булгарии в VIII – первой четверти XIII вв.....	15
Рахматов Р.Р. Рабочая сила на горных заводах Шуваловых в Башкортостане.....	17
Асташкин Р.С. Проблема восточной торговли в экономической программе А.Л. Ордина-Нащокина (60-е-70-е гг. XVII века).....	19
Кистенёв В.В. Политика Петра I по созданию единой системы транспортных путей сообщения и строительство Волго-Донского канала	22
Кулбахтин С.Н. Преображенский медеплавильный завод	24
Сайфуллина Л.Ф. Социальный облик управляющих башкирскими кантонами в первой половине XIX века.....	28
Казаков А.Е. К вопросу о военной мобилизации в России в годы первой мировой войны	30
Шваб Е.В. Телефонная связь в городах Тобольской и Акмолинской губерний в конце XIX – начале XX вв.	33
Шаповалов М.С. Сионистское движение в России в контексте российской ближневосточной политики в начале XX в.	35
Зотов С.Г. К вопросу развития сельскохозяйственной кооперации Самарской губернии в 1921-1925 гг.	38
Деканова М.К. Организация и проведение социальных кампаний в 1920-е гг. (на примере Самарской и Симбирской губерний)	40
Полянскова Л.Ю. Роль концессий в экономике СССР в период НЭПа	42
Леонтьева Л.А. Коммунально–бытовое обслуживание населения Оренбургской области в 30–е годы XX века	45
Юсупова С.Н. Парфюмерно-косметическая промышленность г. Куйбышева в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945 ...	48
Деманов А.А. Партийно-государственное руководство военно-промышленным комплексом СССР в послевоенные годы	51
Нюренберг В.В. К проблеме изучения урбанизации в СССР.....	54
Белкин А.В. Складывание структуры ракетно-космического комплекса Куйбышевской области (1958 – 1961 гг.)	56

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Воронова Е.Э. Роль промышленных предприятий в зарождении института коммерческих банков 1988-1991 гг. (на материалах Среднего Поволжья).....	59
Власенко И.А. Жилищно-коммунальное хозяйство России в 1997 – 2001 гг.	61
Кузнецова Ю.А. Самара – Сент-Луис (опыт побратимства)	64
Кравцова Е.В. Научно-технический потенциал предприятий автомобильной промышленности Среднего Поволжья в 70-е гг. XX в.	67
Мельников Д.А. Формы материального поощрения на промышленных предприятиях г. Самара (1928–1930 гг.).....	70
Секция «Власть и общество в истории России»	72
Толкачев М.В. Феномен Лжедмитрия I: причины появления, триумф, обстоятельства падения.....	72
Павлова Е.В. Переворот 1801 года и царская фамилия	74
Морюшкин С.И. Дело Скопинского банка.....	80
Сергиенко М.А. Деятельность органов городского самоуправления в сфере благоустройства в конце XIX – начале XX в. (на примере Курской губернии).....	82
Измайлов Б.И. Империя Романовых и Татарская ратуша: опыт административного управления татарским населением	85
Копылова Е.П. Власть и общество в пореформенное время: являлось ли провинциальное дворянство опорой самодержавия? (социальный портрет по материалам Пермской губернии)	87
Кокшарова А.А. Земский либерализм как фактор формирования гражданского общества в России в конце XIX века	90
Полянина О.А. Управление муниципальной собственностью в городах Уфимской губернии (1900-1914 гг.)	93
Валеев М.А. Власть, общество и революционное подполье в Уфе в 1905-1907 гг.	94
Буранок А.О. О беспорядках, производимых нижними чинами на Самаро-Златоустовской железной дороге в 1904–1905 гг.	98
Кулбахтина А.З. Медресе «Галия» в период между двух революций..	102
Голубинов Я.А. Земства и обеспечение населения Самарской губернии в 1914-1916 гг.	106
Старков Д.А. Власть и общественные организации помощи фронту в Самарской губернии в 1914-1917 гг.	109

ХІІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Чиркова С.А. Британские либералы и падение русского самодержавия (февраль – март 1917 г.)	112
Акимова Т.М. Земская реформа Временного Правительства как первый опыт по реализации всеобщего избирательного права	115
Калдымова О.А. Коммунальное хозяйство в системе социальной инфраструктуры г.Самары начала XX века	118
Гончарова Е.А. Реорганизация Поволжского районного охранного отделения	121
Панга Е.В. Политика советского государства в сфере предпринимательства: нормативно-правовые документы	124
Надеждина А.С. Отношение жителей Саратовской губернии к Крымской войне 1853 – 1856 гг.	129
Валитов А.А. Становление институтов гражданского общества Западной Сибири 1861-1904 гг.	132
Костин Н.В. Российский Красный Крест в борьбе с голодом 1921-1922 гг.	134
Преснякова А.К. Роль Академцентра Наркомпроса республики в разработке учебно-методических пособий для национальных школ.....	137
Сюков А.В. Власть и научная интеллигенция в 1930-е гг. (на материалах Самарской области)	139
Кузина М.А. Детские медицинские учреждения г. Куйбышева в 1945-1947 гг.	142
Хвостова Г.И. Конституция 1977 г. – обманутые надежды.....	144
Илясова А.С. Радиоигры советской контрразведки в годы Второй мировой войны (1942-1944 гг.).....	146
Рогач Ю.А. Девиантное поведение горожан в конце XIX – начале XX века (на примере Самарской и Саратовской губерний).....	150
Секция «История общественной и исторической мысли, политических партий и общественных движений».....	154
Тритенко Н.А. Екатерина II и Г.Потемкин. Источниковедческие аспекты	154
Русяев П.С. Переписка 1808-1810 годов императора Александра I с сестрой великой княгиней Екатериной Павловной как исторический источник.....	157
Григорьева М.В. Проблемы студенческого самоуправления в российской публицистике второй половины XIX – начала XX века...	163
Галямичева А.А. Г.П. Федотов о научном наследии С.Ф. Платонова..	165

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Ковальчук Е.Г. Дебаты о политическом терроре в российском обществе 1860-1880-х гг.....	169
Евгеньев А.А. Вклад Оренбургской Ученой Архивной Комиссии в изучение археологии Южного Урала	173
Мраморнов А.И. К вопросу о политических взглядах епископа Гермогена (Долганова).....	176
Буранок С.О. Мифологизация Цусимского сражения в современной отечественной историографии	183
Чередников В.В. Политическое руководство «Союза 17 октября»	187
Григорьева М.А. Эсеровский террор как метод политической борьбы и способ гендерного утверждения	190
Кильдюшкин В.М. Основные тенденции и направления аграрной эволюции России в конце XIX – начале XX века: историография проблемы	194
Гатин А.А. На пути к демократии: тюрко – татарское национальное движение в период революций 1917 г.....	197
Иванов А.Ю. Изучение и публикация источников личного происхождения в советской историографии 1920 – 1930 гг.	199
Черкасова М.В. Макулатурные кампании в Средневолжском крае в 1920-1930-х гг.	201
Мерзляков С.Л. Некоторые аспекты научной и исследовательской деятельности Саратовского государственного университета в годы Великой Отечественной войны.....	204
Винокуров Д.А. Особенности формирования образа Иосифа Волоцкого в советской научно-популярной литературе 1930-х – 1980-х гг.	207
Хаджонко Р.И. Интеллигенция в политическом пространстве «перестройки»	209
Матвеев В.Е. К вопросу о толковании термина «Империя» в современной литературе.....	211
Фомина Т.Ю. Новгородское летописание: итоги и перспективы изучения	212
Шацких А.В. Сильные и слабые стороны политических партий России (на основе анализа программных документов и социологического исследования).....	217
Макарова Г.Ю. Семейные отношения русской крестьянки пореформенного периода в отечественной историографии.....	219

ХІІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Войтова Я.Н. Позиция В.П. Милютина по национальному вопросу на Балканах (1922-1924 гг.).....	222
Кошкина О.А. Патриотическое движение среди крестьянства Марийской АССР в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.)	225
Колесова П.А. Новая социальная история: проблемы и методология .	227
Уфимская Е.С. Франция и «Европейский оборонительный союз» на страницах газет «Известия» и «Правда» (1950-1954 гг.).....	231
Пятовский В.Л. Архивы и власть: проблемы комплектования кадрового состава (на материалах Самарской Губернии).....	234
Артемов А.С. Освещение крестоносной агрессии в Прибалтике в первой половине XIII века в западноевропейских источниках	236
Анциборова Л.С. Интеллигенция и власть. Историография проблемы...	238
Секция «Русская культура».....	243
Наумлюк А.А. Указ 1762 г. о переселении старообрядцев и основание Иргизских скитов.....	243
Хохлова И.Л. Социальный состав учителей Российской империи и уровень их подготовки во второй половине XIX – начале XX веков	245
Кутлакова М.В. Формирование новой системы миссионерской деятельности Православной церкви в Российской империи (1905-1917 гг.).....	248
Александрова К.А. Возникновение журнала «Мир искусства» (1898-1904 гг.)	251
Ицкович М.А. Нигилизм 1860-х годов в России как молодёжная субкультура	254
Яранова И.О. Женское домашнее воспитание в дворянских семьях в России 1861-1890 гг.	256
Романович В.Д. Струков Олег Сергеевич – историк-краевед	259
Горунова Н.Ю. Русская дворянская усадьба конца XIX – начала XX века: социокультурный аспект	261
Павлов С.Ю. Сюжет и символика в сатирической печати 1905-1907 гг. ...	264
Воеводина А.А. Социальный идеал З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского	269
Рогач А.А. Досуг и общественная жизнь населения города Самары в 1918-1920 годы	271

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Абрукова Т.А. Чувашская культура 1917-1920-х гг.: идеология и искусство	276
Климочкина А.Ю. Семейные отношения и репродуктивное поведение жителей советского города в 1930-е гг.....	278
Никифорова О.А. Особенности кадрового состава учителей в чувашских братских школах.....	282
Галихузина Р.Г. Основные тенденции развития литературы Татарстана в 1945-1964 гг.....	284
Касымова Д.А. Плакат как средство воздействия на гражданское население СССР и Германии в годы Великой Отечественной войны.....	287
Панкратова Л.А. Культурное строительство в Среднем Поволжье в 1950–60-е гг.: постановка проблемы.....	290
Кныш Н.А. Образ советского ученого в кинематографе конца 1940-х – начала 1950-х гг.: отображение или создание реальности (на примере кинофильмов «Весна» и «Академик Иван Павлов»)	291
Миронова О.А., Кирилина И.В. Из истории развития бисероплетения в России.....	295
Бабина С.Л. Современное состояние дворянских усадеб XIX в. в Самарском крае	297

ХІІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ХІІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2006

ХІІ Платоновские чтения, состоявшиеся 10-11 ноября 2006 г. в Самаре на базе Самарского государственного университета проводились на средства Гранта РГНФ (№ 06-01-26181 г/В) в рамках регионального конкурса 2006 г. «Волжские земли в истории и культуре России (В) РК 2006 Волжские земли: Самарская область».

Цель проведения конференции заключалась в содействии развитию научного творчества молодежи и пропаганде российского национального исторического наследия. Платоновские чтения являются межвузовским форумом научной молодежи России. Они имеют конкурсный характер и собирают молодых исследователей из основных регионов европейской России, Урала и Сибири. По положению о конференции в них могут принимать участие аспиранты, научные сотрудники, преподаватели и студенты в возрасте не старше 30 лет, не имеющие ученой степени или звания.

В 2006 г. конференция собирается в 12-й раз. В предшествующие годы Платоновские чтения проводились на средства Федеральной Целевой Программы «Интеграция науки и высшего образования России», на гранты Самарского научного центра РАН и Министерства образования и науки Администрации Самарской области». Начиная с 1996 г., когда Чтения состоялись впервые, они показали свою высокую эффективность и значимость для вузовской молодежи. Ежегодно в работе секций принимали участие до 200 студентов и молодых аспирантов, выступали с докладами 50 – 70 и более человек, все представленные на конкурс тезисы публиковались. За истекший период общее количество участников Чтений составило более 2000 человек, из них более 700 докладчиков. Многие участники конференции защитили кандидатские диссертации, а один из них В.Н. Якунин – докторскую.

Особая значимость данной конференции состоит в ее регулярности, постоянстве проведения, единстве требований к научным работам и составу участников в течение всего периода ее существования. Проведение «Платоновских Чтений» стало традицией, в ряде городов Российской Федерации – Москве, Ярославле, Екатеринбурге, Казани, Чебоксарах, Оренбурге, Саратове, Казани и других сложился круг постоянных участников этого форума научной молодежи.

Все эти годы организатором и головным исполнителем проекта являлся Самарский государственный университет. Методическую и научную помощь в проведении конференции оказывает Санкт-Петербургский Институт истории РАН.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Осуществление проекта «Платоновские Чтения» является неотъемлемой частью всей системы научной и учебной работы Самарского государственного университета, ежегодных научных конференций молодых ученых и студентов. Платоновские Чтения объединяют эту сферу научно-исследовательской деятельности в области исторических наук в единое целое не только в рамках Самары и других городов Поволжья, но также по территории всей Российской Федерации.

В соответствии с целью основными направлениями работы, выполняемыми в 2006 г. в ходе осуществления проекта «Платоновские чтения», являлись следующие:

- проведение комплекса мероприятий, способствующих и обеспечивающих участие в научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых из вузов различных городов Российской Федерации,
- организация работы конференции,
- подготовка к изданию сборника тезисов докладов и сообщений;
- осуществление научно-исследовательской работы призеров конференции – конкурса в центральных архивах и библиотеках РФ.

На подготовительном этапе Чтений в конце мая 2006 г. на базе кафедры российской истории СамГУ из преподавателей и аспирантов исторического факультета был создан Оргкомитет конференции во главе с П.С. Кабытовым, разработавший программу координационных, подготовительных и организационных мероприятий по проведению конференции.

Оргкомитетом были сформированы тематика и состав президиумов всех 4-х секций конференции («Социально-политическая история и международные связи России», «История общественной и исторической мысли, политических партий и движений в России», «Власть и общество в истории России» и «Русская культура»), коллегия профессоров, а также технический комитет по обеспечению работы самой конференции. В состав президиумов секций вошли ведущие профессора, доценты и преподаватели Самарских государственного университета, государственного педагогического университета, государственной академии культуры и искусств.

Значительную научную и научно-методическую помощь в осуществлении проекта оказало руководство Санкт-Петербургского Института истории.

Весь цикл подготовительных работ по проекту был проведен Оргкомитетом и созданным из сотрудников, аспирантов и студентов истфака СамГУ техническим комитетом в течение мая – начала ноября 2006 г. На начальной стадии подготовки к конференции главным явилось информационное оповещение учебных и научных учреждений, а также отдельных лиц о сроках и условиях проведения конференции.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Первые заявки в Оргкомитет начали поступать во второй декаде сентября. Всего было собрано 112 заявок и тезисов докладов из 19 городов Российской Федерации, из которых для включения в программу были рекомендованы 36 докладов и 11 сообщений. Из них 43, или почти половины были предоставлены иногородними участниками. К началу третьей декады октября 2006 г. по всем секциям была сформирована программа конференции. После получения подтверждений приглашенных началась непосредственная подготовка самой конференции. Был проведен комплекс мероприятий по материальному обеспечению Чтений, подготовлены помещения для работы секций и пленарного заседания, разработаны экскурсионная и развлекательная программа, приняты меры по обеспечению участников конференции жильем и транспортом и т.д.

Для лауреата и победителей конкурсов на секциях (1 – 3 места) самарский медальер В. Агафонов изготовил памятные медали с изображением портрета С.Ф. Платонова. После проведения консультаций с руководством Санкт-Петербургского института истории РАН была достигнута договоренность о прибытии на конференцию с докладом одного из научных сотрудников института.

Материалы регистрации участников конференции показали, что в работе секций приняли участие студенты, аспиранты и соискатели из крупных 15 региональных центров страны: Москвы, Владимира, Рязани, Белгорода, Волгограда, Оренбурга, Саратова, Харькова, Пензы, Казани, Чебоксар, Йошкар-Олы, Уфы, Самары, Тольятти. Они представляли следующие высшие учебные заведения: 13 государственных университетов – Московский, Казанский, Чувашский, Оренбургский, Рязанский, Саратовский, Белгородский, Волгоградский, Харьковский, Башкирский, Марийский, Белгородский, Самарский, Тольяттинский; 4 педагогических университета – Пензенский, Самарский, Оренбургский, Башкирский, Владимирский; 2 академии – Самарскую государственную экономическую и Самарскую государственную академию культуры и искусств; Самарский филиал Саратовского юридического института, Самарский муниципальный институт управления, а также 2 научных центра – Институт языка и литературы Уфимского научного центра РАН и Казанский институт истории Академии наук Татарстана. К сожалению, по объективным причинам не смогли приехать заявленные в программе представитель Мордовского государственного университета и несколько участников конференции из Тольятти. От Санкт-Петербургского Института истории РАН в работе конференции принял участие ведущий научный сотрудник, д.и.н. Ю.Н. Беспятых, вошедший в состав Президиума секции и Коллегию профессоров, а также выступивший с докладом на пленарном заседании.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Всего на заседаниях секций присутствовало 176 студентов, аспирантов и молодых ученых, в том числе 70 докладчиков.

Работа конференции проходила в 2 этапа:

1. Заседания секций – 10 ноября 2006 года.
2. Пленарное заседание – 11 ноября 2006 года.

На всех 4-х секциях прозвучало 69 докладов студентов и аспирантов, а всего присутствовало 187 чел.

На первой секции – «Социально-политические проблемы и международные связи России» выступавшие с 16 докладами (13 аспирантов и 3 студентов) представляли Рязанский (1), Башкирский (2), Чувашский (1) и Тольяттинский (1) университеты; Пензенский (2) и Оренбургский (1) педагогические университеты, а также ряд самарских вузов – государственный университет (5), педагогический университет (1), экономическую академию (1), филиал Саратовского юридического института (1). Первое место на секции за доклад «Проблема восточной торговли в экономической программе А.Л.Ордина-Нащокина (60-70-е гг. XVII века) присуждено аспиранту кафедры российской истории Самарского государственного университета Асташкину Р.С., второе место студенту Рязанского государственного университета Серину П.А. за доклад «Взаимоотношения Рязанской земли и Волжской Булгарии в IX – первой трети XIII вв.», третье место – аспиранту Пензенского государственного педагогического университета Казакову за доклад «К вопросу о военной мобилизации в России в годы первой Мировой войны».

Вторая секция «Власть и общество в истории России» – 20 докладчиков – объединила студентов (3) и молодых ученых (17) из 9 городов. Из них 9 человек из Самары представляли Самарский государственный университет (6 человек), Самарский государственный педагогический университет (2 чел.), Самарскую государственную экономическую академию (1 чел.). Тольяттинский университет представлял 1 докладчик, Рязанский – 1, Волгоградский – 1, Белгородский – 1, Башкирский – 1, Саратовский – 1. Волгоградский – 1. Из Владимирского педагогического университета выступал с докладом 1 чел., из Башкирского – 1. По 1 докладчику было представлено Казанским институтом истории АНТ и Институтом истории, языка и литературы УНЦ РАН (Уфа).

Первое место за доклад «Реорганизация Поволжского районного охранного отделения» присуждено аспирантке Саратовского государственного университета Гончаровой Е.А.; второе место – за доклад «Империя Романовых и Татарская ратуша: опыт административного управления татарским населением» аспиранту Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Татарстана Измайлову Б.И.; третье место за доклад «Земства и обеспечение населения Самарской губернии в 1914-

ХІІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

1916 гг.» – аспиранту кафедры Российской истории Самарского государственного университета Голубинову Я.А.

В секции «История общественной и исторической мысли, политических партий и общественных движений» прозвучали 18 докладов (7 студентов и 11 молодых ученых). Из них самарские вузы представляли 10 докладчиков, в том числе: государственный университет – 7, педагогический университет – 2, муниципальный институт управления – 1. Высшие учебные заведения других региональных центров делегировали: Московский государственный университет – 1, Саратовский – 2, Казанский – 2, Харьковский – 1, Марийский – 1; Оренбургский государственный педагогический институт – 1.

Первое место присуждено за доклад «К вопросу о политических взглядах епископа Гермогена (Долганова)» аспиранту Московского государственного университета Мраморнову А.И.; второе место за доклад «Вклад Оренбургской Ученой Архивной Комиссии в изучение археологии Южного Урала» аспиранту Оренбургского государственного педагогического университета Евгеньеву А.А.; третье место за доклад «Г.П.Федотов о научном наследии С.Ф.Платонова» аспирантке Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского Галямичевой А.А.

Секция «Русская культура», на которой прозвучал 15 докладов, по своему составу выглядела следующим образом. Вузы Самары – 10 докладов, из них государственный университет – 9, педагогический университет – 1, академия культуры и искусств – 1. Представители других городов – 5 докладов, в том числе: Тольяттинский университет – 1, саратовский – 2; Пензенский педагогический университет – 1 (2 участника с одним докладом), Казанский институт истории АНТ – 1. В составе выступавших половина – 8 студентов. Первое место за доклад «Современное состояние дворянских усадеб XIX в. в Самаре» президиум секции присудил соискателю Самарской академии культуры и искусств Бабиной С.А.; второе место за доклад «Из истории развития бисероплетения в России» студенткам Пензенского государственного педагогического университета Мироновой О.А., Кирилиной И.В.; третье место за доклад «Семейные отношения и репродуктивное поведение советских горожан в 1930-е гг.» аспирантке кафедры Российской истории Самарского государственного университета Климочкиной А.Ю.

11 ноября 2006 г. состоялось пленарное заседание XII Всероссийских чтений. К участникам пленарного заседания обратился председатель Оргкомитета первый проректор Самарского госуниверситета, профессор П.С. Кабытов, отметивший необходимость дальнейшего совершенствования организации Чтений, расширения их географии, повышения уровня докладов. После него с докладом «О грамотности Александра Даниловича

ХІІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Меньшикова» выступил ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН д.и.н. Ю.Н. Беспятых.

Последовавшие затем конкурсные выступления 4-х соискателей, занявших первые места на своих секциях, вызвали многочисленные и острые вопросы аудитории, были выслушаны с большим интересом. По ряду проблем, поднятых в докладах, развернулась научная дискуссия.

На пленарном заседании Коллегии профессоров звание лауреата ХІІ Всероссийских Платоновских чтений было присуждено аспиранту Московского государственного университета Мраморнову Александру Игоревичу за доклад «К вопросу о политических взглядах епископа Гермогена (Долганова)».

Пленарное заседание завершилось награждением Лауреата, всех дипломантов и обладателей поощрительных премий, определившихся по итогам работы секций. В конце пленарного заседания в выступлениях его участников, состоялся обмен мнениями о перспективах развития исторической науки в России, значимости всероссийских форумов научной молодежи. Все участники ХІІ Платоновских Чтений высказались о безусловной необходимости продолжить работу конференции, не прерывать сложившуюся традицию. Было предложено способствовать закреплению уже сложившейся традиции молодежной конференции всероссийского уровня, а при соответствующем финансировании повысить ее статус до международного с приглашением зарубежных участников.

В период работы Чтений Оргкомитетом и техническим комитетом совместно с музейно-экскурсионными организациями города проводилась культурно-досуговая программа, в которую были включены посещение краеведческого и художественного музеев, организация экскурсии по городу.

По итогам конференции была сформирована группа из призеров, направленная в научно-исследовательскую командировку в архивы (РГАДА, РГАНХ) и библиотеки Москвы.

Важнейшей результирующей составляющей ХІІ Платоновских чтений является издание сборника тезисов участников конференции. Оргкомитетом конференции было проведено научное и литературное редактирование тезисов, подготовлена вводная статья. При формировании сборника его составители придерживались принципа публикации практически всех присланных тезисов, даже если их авторы не были приглашены для непосредственного выступления с докладами и сообщениями на секционных заседаниях. Главным условием отбора тезисов для сборника являлось соответствие их содержания и оформлению, требованиям, предъявляемым к такого рода научной продукции.

П.С. Кабытов, Э.Л. Дубман, Ю.Н. Смирнов

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Секция «Социально-экономическая история и международные связи России»

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РЯЗАНСКОЙ ЗЕМЛИ И ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ В VIII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIII вв.

Серин П.А.

Рязанский государственный университет

Взаимоотношения славян и их тюркских соседей всегда привлекали внимание историков своей неоднозначностью, запутанностью и многообразием, а также той важной ролью, которую играли тюрки во внешней и внутренней политике Руси. Рязанское княжество, благодаря своему географическому положению, было тесно связано как с Диким Полем, где последовательно сменяли друг друга угры, аланы, печенеги и половцы, так и с Волжской Булгарией и Хазарским каганатом.

Разумеется, отношения Руси и Волжской Булгарии всегда привлекали внимание исследователей. Начиная с В.Н. Татищева, ни один ученый, изучавший историю Киевской Руси и России, не мог не обратить своего внимания на этот вопрос. Но и Н.И. Карамзин, и С.М. Соловьев, и В.О. Ключевский не делали его специальным предметом своего изучения. Особняком стоит труд Д.И. Иловайского «История Рязанского княжества», во многом уникальный, и ценность которого для рязанцев трудно преувеличить. В XX в. историей сложных взаимоотношений Руси и Булгарии занимались Б.Д. Греков, А.Л. Монгайт, А.П. Новосельцев, В.Т. Пашуто, Б.А. Рыбаков, А.Н. Сахаров, А.П. Смирнов, А.Х. Халиков. Но за исключением А.Л. Монгайта, большинство историков не обращали особого внимания на контакты между Рязанской землей и Булгаром. Интересные гипотезы, касающиеся этих отношений, есть в работах Р.Х. Бариева, А.М. Членова и И.А. Гагина¹.

Взаимоотношения между Рязанской землей и Волжской Булгарией в IX-XIII вв. были достаточно сложными и неоднозначными. Информации о них не много: в основном это археологические данные и свидетельства арабских путешественников (IX-X вв.)², что же касается более позднего времени, в наших летописях более или менее подробно освещены лишь военные походы.

Но контакты между Рязанской землей и Волжской Булгарией в VIII-XI вв. были очень тесными и играли далеко не последнюю роль во внешней политике Киева и Булгара. Торговые отношения находились на довольно высоком уровне развития – это не просто натуральный обмен, а уже товарно-денежные отношения (о чем свидетельствуют многочислен-

ХІІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ные клады восточных монет, найденные на территории Рязанской области и всего Поочья в целом)³. Можно даже предположить, что именно вятичские купцы держали в своих руках значительную часть волжской торговли Севера с Востоком. Но это были не только торговые контакты: в определенной мере Булгария и вятичи были связаны политически. Причинами этого были: общая зависимость от Хазарского каганата в VIII – первой половине X вв., окско-волжская торговля, а также промежуточное положение территории вятичей между Киевской Русью и Булгарией, и попытки второй использовать их в качестве буфера и некой защиты от западного соседа. Вполне возможно, что эти отношения даже были подкреплены династическим браком⁴. Но в то же время следует отметить то, что Булгар никогда не стремился превратить вятичей в своих данников и вассалов в отличие от соседних мордовских племен.

К этому же времени относится формирование определенной культурной общности, которая включала в себя предков народов Поволжья, славянское население Поочья и верховьев Десны, а также определенная связь с которой была и у предков дунайских болгар (схожие типы бисерных украшений, использование раковин-каури)⁵. Все это позволяет нам поставить под сомнение устоявшееся мнение о вятичах как о самом «диком» славянском племени Киевской Руси.

В последствии, с укреплением связей Рязани с Киевом, влияние болгар заметно слабеет, и контакты сводятся, в основном, к торговле, хотя и бывали военные столкновения, причинами которых были постоянные столкновения купцов на Оке и набеги рязанских «ушкуйников» на болгарские земли⁶. С возвышением Владимиро-Суздальских князей Рязанское княжество довольно активно включается в их борьбу против торговой гегемонии Булгарии и ликвидации угрозы болгарских набегов. После сокрушительного похода 1220 г. Булгария так и не смогла оправиться⁷, а вскоре, в 1236 г. монголо-татарское нашествие положило конец этому государству, разорено было и Рязанское княжество. На этом завершается история рязано-болгарских отношений, в дальнейшем изменится и политическая, и этническая ситуация в волжско-окском регионе.

1. Бариев Р.Х. Волжские болгары: история и культура. СПб., 1999; Гагин И.А. Волжская Булгария: Очерки истории средневековой дипломатии (X – первая треть XIII вв.). Рязань, 2004; Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 1953; Иловайский Д.И. История Рязанского княжества. Рязань, 1990; Монгайт А.Л. Рязанская земля. М., 1961; Новосельцев А.П. Киевская Русь и страны Востока, // В.И. 1983. 5; Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1986; Рыбаков Б.А. Путь из Булгара в Киев // Древности Восточной Европы. М., 1969; Сахаров А.Н. 1) Дипломатия Древней Руси. М., 1987; 2) Дипломатия

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Святослава. М., 1991; 3) Восточный поход Святослава // История СССР. 1982. 3; Халиков А.Х. Волжская Булгария и Русь (этапы политических и экономических связей в X – XIII вв.) // Волжская Булгария и Русь. Казань, 1986; Членов А.М. Из истории ранних русско-булгарских политических связей // Из истории ранних булгар. Казань, 1981.

2. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу в 1131-1153 гг. / Публ. А.Л. Монгайт, О.Г. Большакова. М., 1971; Путешествие Ахмеда ибн-Фадлана на Волгу в 921-922 гг. / Пер. А.П. Ковалевского, коммен. А.Ю. Крачковского. М., 1939.

3. Монгайт А.Л. Указ. соч. С.95.

4. Членов А.М. Указ. соч. С. 78.

5. Лебедева Н.И. Научные труды. Т. 2. Рязань, 1996. С.155.

6. Татищев В.Н. История Российская. Т. II. М., 1963. С.95-96.

7. Монгайт А.Л. Указ. соч. С.341.

РАБОЧАЯ СИЛА НА ГОРНЫХ ЗАВОДАХ ШУВАЛОВЫХ В БАШКОРТОСТАНЕ

Рахматов Р. Р.

Башкирский государственный университет

В XVIII веке на территории Башкортостана горнозаводским предпринимательством занимались графы Шуваловы, влиятельные фавориты при дворе Елизаветы Петровны. Данная статья посвящена вопросу рабочей силы, используемой Шуваловыми на заводах на территории Башкортостана.

Один из братьев, генерал-аншеф, сенатор, генерал-адъютант Петр Иванович Шувалов в октябре 1753 г. обратился в Берг-коллегию с просьбой дать разрешение на постройку трех железоделательных заводов на реках Авзян, Верхний Узян и Узян. На р. Авзяне было построено 2 завода. Один – в 9 верстах от места впадения ее в р. Белую, другой – на 5 верст выше первой. Они получили названия Верхний и Нижний Авзяно-Петровские. Верхний завод был доменно-молотовым. Его начали строить 2 мая 1754 г., запустили 11 марта 1735 г. Завод имел 1 домну и 4 молота. Нижний Авзяно-Петровский завод с 4 молотами начал перековку верхне-авзянского чугуна 26 августа 1756 года.

На Верхнем Авзяно-Петровском заводе при одной домне в 2 смены работали 1 мастер, 2 подмастерья, 2 работника, 2 литейщика, 2 соковоза, 1 засыпщик, 2 углевоза, 1 рудовоз, 7 рудобойцев, 2 у разбивки извести, всего – 22 человека. При двух домнах работали 44 мастеровых и работных человека.

На 3 молотовых фабриках было 10 кричных горнов и пять расковочных молотов. Горн обслуживали в одну смену 1 мастер, 1 подмастерье, 1

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

мастер. В начале XIX века в заводском поселке насчитывалось 230 обывательских домов.

В поселке Нижнего Авзяно-Петровского молотового завода располагалось всего 73 обывательских дома.

Ряд авторов, ссылаясь на данные «Материалов по истории Башкирской АССР», утверждают что на Авзяно-Петровских заводах П. И. Шувалова мастерами и работными людьми работали крепостные крестьяне, переведенные им со своих вотчин. Между тем в источниках о переводе шуваловских: крестьян на Авзяно-Петровские заводы сведений нет. 11 марта 1754 г. Сенат издал указ, который определил «для заводских работ приписать Казанской губернии 1920 душ». В Ведомости канцелярии Главного заводов правления от 1761 г. говорится о 1920 душах м.п. приписных крестьян, из них 230 человек были обучены основным профессиям. 2850 человек остались в приписанных к заводам селениях, 640 выполняли вспомогательные заводские работы. Таким образом, общая численность составляла 5410 человек.

В отличие от П.И. Шувалова, его брат Александр Иванович, граф, фельдмаршал, руководитель Тайной канцелярии, генерал-адъютант, лейб-гвардии поручик, действительный камергер двора и кавалер, свою горнозаводскую деятельность на территории Башкортостана начал опытным предпринимателем. В апреле 1754 г. П.И. Шувалов заключил контракт с симбирским купцом Г.И. Глазовым о строительстве 2 медеплавильных заводов.

Завод начали строить в 1754 году на р. Б. Ик, а к весне 1757 г. постройка завода была завершена. 1 апреля Покровский завод дал первую плавку.

Покровский завод имел 6 плавильных печей. Все основные операции в цехах, заводской конторе и вспомогательные работы выполняли вольнонаемные работники. В «Материалах по истории Башкирской АССР» приведена ведомость от августа 1761 года, составленная в канцелярии Главного правления сибирских, казанских и оренбургских заводов о Покровском медеплавильном заводе. В ней говорится «не имея как собственных, так и приписных крестьян, вольными мастерами и работными людьми, нанимаемыми в Казанском, Хлыновском и протчих близости оных уездов с указными пашпорты, расстоянием от завода от 700 и до 900 верст того же года, в мае месяце помянутой Покровский завод строить повелел. Государственных, ясашных приписных, так же и купленных крестьян к тому Покровскому заводу до сего не было и ныне не имеется, а как выше значит, наемными вольными работными людьми работа заводская производится. При оном же заводе в годовой и месячной плате имеется мастеровых и работных людей: платиной мастер 1, меховой 1, при плавке руд мастер 1, подмастерьев, то есть плавильщиков, 14, гармахерского, штыкавого

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

горнов мастер 1, подмастерьев 3, кузнечных мастеров 4, угольных 2. А о числе, что в разных работах находится обстоятельно показать никак невозможно, понеже оные вольно нанятые работные люди не только ежемесячно, но и каждодневно в убыли, то есть в отпуску з заводу оказываются». Так же в этом документе упоминается, по пропорции Сената на Покровском заводе должно быть 846 человек рабочих, а на заводе их нет. По подсчетам Кулбахтина Н.М. в 1762 г. на заводе работали 580 наемных работных людей.

В том 1762 г. накануне волнений приписных крестьян по всему Уралу вольнонаемные работники, «забрав по заводским обыкновениям в задатки более 16 тыс. рублей» разбежались по своим деревням, оставив завод без рабочих рук. С тех пор выплавка меди на заводе только падала.

По Ведомости от 24 ноября 1765 года на Покровском заводе «исправление работ производится вольными и о числе их неизвестно».

Таким образом, на своих заводах графы Шуваловы использовали труд как приписных государственных крестьян, так и вольнонаемный труд. Попытка графа А. И. Шувалова, опытного заводчика, эксплуатировать труд наемных рабочих, возможно возникла у него под влиянием западных идей. Если в первое время она себя оправдала, то затем привела вынужденной продаже завода. С другой стороны, мышление работных и мастеровых людей того времени еще не совсем было готово к новым отношениям.

ПРОБЛЕМА ВОСТОЧНОЙ ТОРГОВЛИ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЕ А.Л. ОРДИНА-НАЩОКИНА (60-Е-70-е гг. XVII ВЕКА)

Асташкин Р.С.

Самарский государственный университет

Во второй половине XVI-XVII вв. европейское купечество проявляло интерес к путям, соединявшим Россию с восточными странами. В XVI в. Россия лишь реагировала на конкретные попытки западных коммерсантов проникнуть в Азию. В эпоху т.н. «русского протекционизма» (середина-вторая половина XVII в.) правительство России сформулировало принципиальную позицию по вопросу о деятельности европейского купечества. Соответственно, изменилось отношение властей к попыткам европейцев завязать торговлю с Востоком транзитом через русские земли. Более того, политика правительства в этой сфере свидетельствовала о переоценке проблемы восточной торговли как таковой. Родоначальником новой экономической стратегии стал А.Л. Ордин-Нащокин, который в 1667-1671 гг. фактически являлся главой правительства¹. Цель моего доклада – установить

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

связь между экономической программой А.Л. Ордина-Нащокина и проблемой восточной торговли. Эта цель достигается путем решения следующих задач: определить предпосылки и содержание т.н. «русского протекционизма» и охарактеризовать отдельные проекты, имеющие отношение к торговле с восточными странами.

Термин «протекционизм» означает политику, направленную на защиту отечественной экономики от иностранной конкуренции². В контексте европейской истории XVII вв. эту политику связывают с меркантилизмом – экономической теорией, выражающей интересы купечества³. Со второй половины XVII в. русские власти осознанно поощряли развитие торговли. Поддерживая отечественных коммерсантов, правительство пыталось защитить их от западных конкурентов. Активность европейцев на русском рынке действительно наносила ущерб торговым кругам России. Начиная с 1627 г., русские купцы подавали царю челобитные с просьбой лишить европейцев их торговых привилегий⁴. В 1646 г. правительство отняло у западных коммерсантов право на беспошлинную торговлю, а в 1649 г. был издан указ об удалении английских купцов из внутренних районов России⁵. Апогей протекционизма связан с фигурой А.Л. Ордина-Нащокина. Составленный им Новоторговый устав запрещал иностранцам торговать друг с другом и вести розничную торговлю⁶ и налагал на европейцев повышенные обязательства по уплате пошлин.

Что касается проблемы восточной торговли, то с 1630 г. Россия отказывала европейцам в праве вести транзитную торговлю с Востоком, ссылаясь на интересы отечественного купечества и казны⁷. Со временем политика властей в этой сфере приобрела и другое направление. Тот же А.Л. Ордин-Нащокин сумел по-новому оценить проблему транзитной торговли с Востоком. 31 мая 1667 г. Россия и Армянская торговая компания заключили договор об экспорте персидского шелка-сырца⁸. Армяне получили право торговать шелком и другими товарами в Астрахани, Москве и Архангельске⁹. Шелк могли покупать и европейцы, посещавшие тот же Архангельск¹⁰. Более того, армяне могли вывозить свои товары в Западную Европу по беломорскому пути при условии, что они будут возвращаться на Восток проездом через Россию¹¹. На первый взгляд, этот договор противоречил политике Ордина-Нащокина. Армянские купцы получали обширные исключительные права и тем самым превращались в конкурентов для русских торговцев, имевших отношения с Персией и Западной Европой. В проигрышном положении оказывалась и казна, наживавшаяся на скупке шелка и реэкспорте европейских товаров в Азию. Во второй половине XVII в. Россия вела борьбу с Турцией и ее вассалом – Крымским ханством¹². Идеальным союзником для русского государства была Персия – непримиримый враг Турции¹³. Может сложиться впечатление, что России при-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

носила свои экономические интересы в жертву политическим надеждам. Однако, на мой взгляд, при заключении договора с армянскими купцами русское правительство опиралось и на экономические построения. Россия не могла «закрывать пути притока пошлин и нужных восточных товаров, передав их в чужие руки»¹⁴. Интерес русского государства состоял в том, чтобы Персия прекратила или уменьшила экспорт шелка через Турцию. Кроме того, договор 1667 г. осложняла прямую торговлю между Персией и Западной Европой¹⁵, и Россия укрепляла свои позиции в качестве посредника, снабжавшего Запад восточными товарами и поставлявшего европейскую продукцию в Азию. Если ранее западные купцы воспринимали Россию как мост между Европой и Азией, то отныне этот подход распространился и в русских правящих кругах. Уже через три недели после заключения договора с армянами русские власти начали строительство торгового флота. С его помощью планировалось обеспечить бесперебойные поставки персидских товаров через Каспийское море¹⁶. К 1669 г. в дворцовом селе Дединове было построено 5 кораблей; вскоре на воду был спущен корабль «Орел» – будущий флагман флотилии¹⁷. Но эти усилия оказались напрасными. В ходе восстания С. Разина на Каспии было уничтожено множество судов, и «Орел» в 1670 г. не избежал этой участи¹⁸.

Итак, «русский протекционизм» означал резкое ограничение привилегий европейских купцов в России. Соответственно, русские власти отказывали европейцам в праве на транзитную торговлю с Востоком. В то же время правительство Ордина-Нащокина, решая эту проблему, двигалось и в ином направлении. Договор с Армянской компанией и попытка создания каспийского флота показали, что русские власти стремились произвести переворот в европейско-азиатской торговле и сделать Россию главным посредником в товарообмене между Востоком и Западом.

1. Галактионов И.В., Чистякова Е.В. А.Л. Ордин-Нащокин – русский дипломат XVII в. М., 1961. С. 105.

2. Бочкарев В.Н. Экономический быт России XVII века // Три века. Т. 2. М., 1991. С. 253.

3. Плотников И.С. Меркантилизм и его разложение // Меркантилизм. Л., 1933. С. 15.

4. Базилевич К.В. Коллективные челобитья торговых людей и борьба за русский рынок // Известия АН СССР. 7 серия. 1932. № 2. С. 109.

5. Соколов А.Б. Навстречу друг другу: Россия и Англия в XVI-XVIII вв. Ярославль, 1992. С. 95.

6. Базилевич К.В. Новоторговый устав 1667 г. (К вопросу о его источниках) // Известия АН СССР. 7 серия. 1932. № 7. С. 611, 612.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

7. Отчет нидерландских послов Альберта Кунратса Бурха и Иоганна фан Фелтдриля о их посольстве в Россию, в 1630 и 1631 гг. // Сборник РИО. Т. 116. СПб., 1902. С. 168.
8. Галактионов И.В., Чистякова Е.В. Указ. соч. С. 106.
9. История предпринимательства в России. Кн. 1. М., 2000. С. 196.
10. Baron S. Ordin-Nashchokin and the *Orel* Affair. // Baron S. Explorations in Muscovite history. Croft Road; Brookfield, 1991. P. 6.
11. История предпринимательства в России. Кн. 1. С. 196.
12. Галактионов И.В., Чистякова Е.В. Указ. соч. С. 111.
13. Зевакин Е.С. Персидский вопрос в русско-европейских отношениях XVII в. // Исторические записки. Т. 8. 1940. С. 153.
14. Восканян В. Ново-торговый устав и договор с армянской торговой компанией 1667 г. // Известия АН Армянской ССР. Общ. науки. 1947. № 6. С. 33.
15. Там же. С. 33.
16. Baron S. Op. cit. P. 7.
17. Иконников В.С. Указ. соч. С. 275.
18. Там же. С. 275.

ПОЛИТИКА ПЕТРА I ПО СОЗДАНИЮ ЕДИНОЙ СИСТЕМЫ ТРАНСПОРТНЫХ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ И СТРОИТЕЛЬСТВО ВОЛГО-ДОНСКОГО КАНАЛА

Кистенёв В.В.

Самарский государственный университет

Экономическое развитие в к. XVII – н. XVIII вв. осложнялось в России тем, что многие важные виды ресурсов располагались вдали от плотно заселённых районов страны. Огромные расстояния и слабые средства сообщения удорожали стоимость сырья и затрудняли развитие промышленности. Поэтому улучшению транспортной инфраструктуры европейской части страны Петр I придавал огромное значение. Нельзя не иметь ввиду того, что сухопутные перевозки в России обходились значительно дороже водных¹.

Итак, Петр I едва ли не впервые в истории нашей страны поставил вопрос о развитии единой системы водных путей. Имелось ввиду, посредством искусственных водных каналов, соединить Каспийское, Азовское, Черное, Балтийское и Белое моря через внутренние районы страны по крупнейшим рекам. Создание такой системы было направлено и на преодоление отсталости страны в области техники водного транспорта.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Наиболее интересной, на наш взгляд, является попытка соединения двух великих рек Волги и Дона в к. XVII – н. XVIII вв. Необходимость строительства канала появилась с того времени, как Дон при Петре I стал местом важных исторических событий и получил особое государственное и экономическое значение². Здесь были два варианта: идти через водораздел Царицын – Калач или Камышинка – Иловля. Петр избрал второй вариант, так как здесь канал мог быть много короче, а также и потому, что район Камышина был менее опасен с точки зрения набегов нагайцев, крымцев и «кубанцев». Проект был одобрен французской Академией наук.

В 1697 году были начаты работы по прорытию канала – вначале (недолго) они велись под руководством двух англичан – Томаса и Байля, а затем – немецкого полковника Ягана Брекеля. Международный авантюрист Брекель был бродячим наемным офицером, видимо он кое-что понимал в строительстве военных укреплений, но в гидротехнике был новичком. Общее надзирание за этими работами было поручено астраханскому воеводе князю Б.А. Голицыну. На работы было согнано 15 тысяч крепостных крестьян, которые прокопали около 4 км канала³. Испытание первого шлюза прошли неудачно, его попросту сорвало водой, а Я. Брекель, боясь ответственности, бежал за границу.

Второй проект был предложен английским инженером Дж. Перри, в котором он наметил перенести трассу канала несколько южнее, рассчитывая этим уменьшить объем работ. Перри в течение трех лет занимался строительством. Остро ощущался, по словам инженера, недостаток в хороших мастерах. Не хватало и многих необходимых материалов. Не мало важным было упорное нежелание астраханского воеводы князя Голицына помогать строительству (он считал, что «дерзко было бы человеку соединить то, что Всемогущий разъединил»⁴). В это время Россия начала многолетнюю войну со Швецией за возврат берегов Балтийского моря. Новая война требовала людей и денег; вести одновременно на одном конце страны войну, требовавшую величайшего напряжения, и крупное строительство на другом было очень трудно, Петр I в 1701 г. принимает решение о прекращении работ. От канала остались явные следы, неоднократно описанные в последующие годы⁵.

Таким образом, идея строительства Волго-Донского канала, который должен был соединить центральную часть страны с Азовским и Черным морями, способствовать развитию внутренних экономических связей, иметь большое военно-стратегическое значение, «... особенно в случае войны с турками, крымскими татарами, Персией или с одной из стран, прибрежных к Каспийскому морю»⁶, кроме того открывал бы перспективы не только торговли России с черноморскими странами Ближнего Востока, но может быть, и выход в Средиземное море; хотя и не увенчалась успе-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

хом, однако сыграла важную роль в деле подготовки кадров отечественных инженеров-гидротехников. Создание сети искусственных водных каналов получило дальнейшее развитие. В 1708 г. закончилось строительство Вышневолоцкой судоходной системы, соединившей Волгу и Неву, Каспийской море с Балтийским. С 1718 г. начато создание обводного Ладожского канала во избежание судоходства по бурному Ладожскому озеру. По приказу Петра в 1722 г. был составлен проект канала, который соединил бы реку Москву с Волгой⁷.

1. Кафенгауз Б.Б. Россия при Петре Первом. М., 1955. С. 41.
2. Горелов В.А. Речные каналы в России. М.-Л., 1953. С. 14.
3. Марков А.С. Петр I и Астрахань. Астрахань, 1994. С. 26.
4. Цит. по: Плечко Л.А. Старинные водные пути. М., 1985. С. 69.
5. Лепехин И.И. Дневные записки путешествия доктора и Академии Наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям российского государства в 1768 и 1769 году // Исторические путешествия. Сталинград, 1936. С. 238., Паллас П.С. Путешествия по разным провинциям Российской империи. Ч. 1. СПб., 1773. С. 197., Чулков М. Историческое описание российской коммерции. Т. IV. СПб., 1786. С. 214 – 215.
6. Перри Дж. Состояние России при нынешнем царе. М., 1871. С. 5.
7. Горелов В.А. Указ. соч. М.-Л., 1953. С. 19.

ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ МЕДЕПЛАВИЛЬНЫЙ ЗАВОД

Кулбахтин С.Н.

Башкирский государственный университет

Начало горнозаводского освоения Урала относится к рубежу XVII-XVIII вв. и связано с династией Демидовых. Южный Урал превратился в район интенсивного строительства горных заводов в середине XVIII в. Роль первопроходцев южноуральской горнозаводской промышленности выполнили симбирские купцы Твердышевы и Мясниковы.

Твердышевы и Мясниковы, связанные между собой родственными связями, появились в Оренбургской губернии в конце 30 – начале 40-х гг. XVIII в. и свою предпринимательскую деятельность начали в качестве откупщика вина и подрядчика по поставке провианта в г. Оренбург и Оренбургскую губернию, добились доверительного отношения со стороны губернатора И.И. Неплюева.

В 1743 г. в компании со своим земляком А.И. Маленковым они приступили к строительству Берсудского медеплавильного завода в Западном Башкортостане. В том же году И.Б. Твердышев обратился к Оренбургско-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

му губернатору Неплюеву с просьбой разрешить ему «при Кирилове заведенной бывшей медной завод на том же месте возобновить своим коштом». На приобретение Воскресенского казенного медеплавильного завода, разрушенного во время башкирского восстания 1736-1740 гг., претендовали уральские горнозаводские магнаты Демидовы и Осокины. Однако при активной поддержке Неплюева тяжбу выиграл Твердышев. Контракт, составленный Твердышевым и губернской канцелярией, 13 марта 1744 г. был подтвержден Берг-коллегией, а 16 апреля 1744 г. был издан указ Сената о продаже остатков Воскресенского завода с рудниками Твердышеву за 565 руб. 79 $\frac{3}{4}$ коп.

Получив указ Сената, Твердышев и Мясников решили перенести завод на 90 верст южнее от старого места и построили на многоводной реке Тор, притоке р. Нугуш, новый медеплавильный завод, сохранивший прежнее название «Воскресенский». Строительство Воскресенского завода положило начало не только горнозаводскому предпринимательству компании симбирских купцов Твердышевых и Мясниковых, но и начало интенсивному горнозаводскому освоению Южного Урала. Менее чем за 20 лет компания Твердышевых–Мясниковых построила 7 медеплавильных, 5 железоделательных заводов, купили еще 1 медеплавильный завод и превратились в крупнейших горнозаводских предпринимателей на Южном Урале. В течение XVIII в. на железоделательных заводах компании было выплавлено 7 246 055 пуд. чугуна, что составляло 23,2 % производства чугуна в Башкортостане и 12,6 % на Урале. Еще более внушительных успехов компания Твердышевых – Мясниковых добилась в производстве меди. Во второй половине XVIII в. на 6 медеплавильных заводах компании было выплавлено 1 745 888 пуд. меди, что составляло 47,9 % по Башкортостану и 30,7 % – по Уралу. Все медеплавильные заводы компании были крупными, технически хорошо оснащенными, функционировали стабильно.

Заводы были построены на вотчинных землях башкир и находились в их враждебном окружении. Поэтому характерным для заводов компании было то, что они представляли собой укрепленную пункт с крепостной стеной, с башнями и пушками, валом и рвом. На заводах располагались гарнизоны, вооруженные пушками и огнестрельным оружием. Исключение составлял Преображенский медеплавильный завод. П.И. Рычков и И.И. Лепехин, И.С. Паллас, другие современники и очевидцы подчеркивали, что завод был построен на вершине высокой горы, среди непроходимых лесов, место завода было недоступно для враждебно настроенных башкир. Поэтому завод был построен без крепостной стены, не имел гарнизона солдат. Такое утверждение авторитетных современников Преображенского завода вызывает определенные сомнения. Непонятно, что завод, куда заводские крестьяне гужевым транспортом доставляли лес, руду, пе-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

сок и др., был недоступен для конных башкир. Экспедиция, совершенная нами в последние годы для изучения остатков Преображенского завода, позволила нам сделать иные выводы.

Преображенский (Салаирский, Зилаирский) медеплавильный завод был построен компаньонами в 1750 г. Весной 1748 г. И.Б.Твердышев обратился в Оренбургскую губернскую канцелярию с просьбой разрешить ему построить медеплавильный завод на р. Урман – Зилаир, где его люди нашли удобное заводское место и месторождение медной руды. 31 июля того же года губернская канцелярия вынесла решение Твердышеву, «яко уже известному и в тех делах опробованному человеку, на р. Урман-Зилаире новой завод строить повелено». Земли под завод были кортомлены у башкир Бушман – Кыпсакской и Усерганской волостей Ногайской дороги на 60 лет. Первоначально завод назывался Зилаирским (Салаирским), после внесения в заводскую церковь иконы Преображения стал называться Преображенским.

Первую плавку Преображенский завод дал 18 сентября 1750 г¹. Завод имел 6 медеплавильных печей, 4 шплейзофенных и 3 расковочных горна. Ежегодная плавка меди доходила до 11 тыс. пудов. Максимальная производительность завода достигла 15 600 пудов меди в год. За XVIII в. на Преображенском заводе было выплавлено 300 635 пуд., за все время функционирования завда – 1,1 млн. пудов чистой меди².

В 1780 г., после смерти Я.Б. Твердышева, Преображенский завод перешел в наследство к его дочери Татьяне Яковлевне, вышедшей замуж за Т.И. Бибикова. После ее смерти наследником стал ее муж, который в 1783 г. продал завод оренбургскому купцу Д.К. Крашенинникову, родному брату жены Я.Б. Твердышева. Тот продал завод в 1789 г. за 200 тыс. руб. московскому именитому гражданину П.М. Гусятникову. Несмотря на частую смену хозяев, завод продолжал сохранять высокую производительность. В конце XVIII в. он имел 80 рудников, из которых 18 были действующими.

Все деревни, принадлежащие в XVIII в. Преображенскому заводу (Петровка, Анновка, Александровка, Кушак, хутора Талин и Михайловский), в настоящее время входят в состав Зилаирского района Республики Башкортостан. Преображенский завод, ныне село Зилаир, является районным центром.

Постановлением Совета Министров Башкирской АССР № 390 от 19 июля 1976 г. здание Преображенского завода объявлено памятником архитектуры и взято под правительственную охрану. Однако современное состояние этого архитектурного памятника более чем плачевное. Районное руководство в течение последних десятилетий искало способ его уничтожения, чтобы он «не портил общий вид районного центра». Однако, чрезвычайно крепкий кирпич и бетонный раствор, замешанный на яичном

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

желтке, не дали осуществить кощунственные задачи районного руководства. В данное время идут поиски предпринимателей, готовых возложить на себя ответственность сохранения этого уникального памятника архитектуры и индустриального наследия XVIII в.

Экспедиция выяснила, что до наших дней дошли корпус медеплавильной фабрики и плотина Преображенского завода. Завод представляет уникальное явление горнозаводской промышленности Южного Урала. Традиционно горные заводы XVIII в. состояли из нескольких производственных и подсобных помещений. Ближе к плотине на железоделательных заводах вдоль ларя располагалась доменная, на медеплавильных – медеплавильная фабрика, рядом находились кричная или расковочная фабрики, далее следовали кузницы, мастерские, подсобные помещения. Сохранившийся производственный корпус Преображенского завода позволяет сделать вывод, что все основные и подсобные операции выполнялись в одном помещении, под одной крышей.

Производственное здание Преображенского завода имеет солидные размеры – 30 х 60 м. Половина завода имеет два этажа с двумя бетонными винтовыми лестницами. Данная половина разделена кирпичными перегородками на несколько самостоятельных отсеков, связанных между собой дверными проемами. Другая половина имеет неразделенную площадь, высота потолка в этой половине составляет более 6 м. Можно предположить, что она являлась медеплавильной фабрикой завода.

Стена заводского корпуса выложена из крепкого кирпича размером 12 х 20 см и толщиной 6 см светло-серого цвета. Толщина стены – 160 см. Передняя стена имеет 12 оконных и 2 дверные проемы размером 2 х 2,5 м. Крыша завода сверху имеет коническую форму, верхняя точка которой находится в центре крыши. Кирпичная стена завода толщиной 160 см продолжается выше крыши и достигает высоты 150 см.

Описанная конструкция производственного корпуса дает основания заключить, что определенный ландшафт завода не давал возможности Твердышеву и Мясникову построить крепостную стену, воздвигать вал и рыть рвы. Не было возможности также развернуть производственные и подсобные помещения завода на традиционно большой площади. Поэтому опытные заводовладельцы нашли оригинальное решение: все производственные подразделения размещались в одном помещении. Заводской корпус являлся неприступным сооружением для конных башкир, вооруженных копьями, саблями, луками и стрелами: кирпичная стена толщиной 160 см. Возможно, для гарнизона выделялось отдельное помещение в заводском корпусе, а на крыше расставлялись пушки и находилась караульная смена.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Заводская плотина реконструирована районными властями, укреплена бетонными блоками, установлена турбина. В настоящее время эти турбины вырабатывают электроэнергию для снабжения ею районный центр.

Таким образом, Преображенский завод, построенный в середине XVIII в. симбирскими купцами Твердышевыми и Мясниковыми, продолжает служить и приносить пользу жителям Зилаирского района Республики Башкортостан. Следовательно, он имеет право на более бережное обращение с ним как властей республики, так и историков и общественности республики.

1. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 256. Л. 65; Ф. 348. Д. 928. Л. 768.
2. ГАСО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 140. Л. 170 – 171 об. (Подсчеты наши – С. Н.).

СОЦИАЛЬНЫЙ ОБЛИК УПРАВЛЯЮЩИХ БАШКИРСКИМИ КАНТОНАМИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Сайфуллина Л. Ф.

**Институт изучения языка и литературы Уфимского научного центра
Российской академии наук**

Ни одно из обществ не развивается как общество равных, всякое общество имеет свою социальную стратификацию, состоящую из немногочисленных верхов и рядового населения. Вследствии изначального неравенства людей деление общества на элиту и массы неизбежно¹. При изучении уровня развития общества в целом, кроме исследований наиболее многочисленных слоев населения (крестьянства, промышленных рабочих, городских жителей и т.д.), наибольшее внимание необходимо уделять исследованию социальной элиты, которая управляла и принимала решения, имеющие последствия для всего населения.

В 1798 г., по указу Павла I, в Башкирии была введена кантонная система управления, которая просуществовала до 1865 г. У самых верхов социальной иерархии башкирского общества в данный период были управляющие кантоном. Они комплектовались из представителей наиболее богатых, влиятельных и верных царскому правительству башкир. В круг их обязанностей входило обеспечение очередного набора на линейно-сторожевую службу, наблюдение за выполнением государственных, земских и других повинностей, за продажей и сдачей в аренду башкирских земель. Начальники кантонов имели право вмешиваться в хозяйственную деятельность населения, а также имели право за легкие маловажные преступления сами принимать решения и назначать наказания².

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Управляющие кантонами обладали множеством прав и привилегий и злоупотребляли своим положением для личной наживы. При изучении жалоб башкир и припущенников на русскую администрацию и башкирских чиновников большинство дел оставалось не рассмотрено, таких дел – 73%. Из рассмотренных судом жалоб виновных оправдывают в 21% случаев. Это объясняется тем, что виновные легко откупались от суда и наказаний в силу широкого распространения взяток и подкупов. Многие кантонные начальники и юртовые старшины находились под судом по 10-15 и более раз, но им всегда удавалось избежать наказания.

С течением времени среди кантонных начальников складываются целые династии, занимающие высокие посты в управлении кантонами. В 30 – 40-е годы 60% управляющих кантонами были детьми обер-офицеров, зауряд – чиновников и старшин, 40% – детьми рядовых башкир.

Из изученных управляющих кантонами в 30-40-е гг. только двое не владели русским языком. Остальные умели писать и читать на русском и башкирском. Нередко управляющие кантонами владели и восточными языками. Из всех кантонных начальников 30-40-х годов XIX века владели домом и несколькими мельницами – 24%, домом, мельницами и поташным заводом – 19%. У 9,5% в собственности значилась земля.

Еще одним моментом, позволяющим прочнее занять место в социальных верхах общества, были браки. Кантонные начальники часто брали себе в жены дочерей обер-офицеров и чиновников. Благодаря существующему праву к полигамии, они могли вступать в брак до четырех раз. По данным архивных документов, по одной жене было у 24% кантонных начальников, по две жены – у 33%, по три жены – 14%, по четыре жены – у 23% управляющих кантона. Из них дочерьми обер – и зауряд-офицеров, чиновников, купцов и духовенства были 72%. Дочерей рядовых башкир, мишарей и тептярей – 28%. Как мы видим, у основной массы кантонных начальников было более одной жены, к тому же, в большинстве случаев, жены были из состоятельных и влиятельных семей. Возраст управляющих кантонами колеблется от 27 до 60 лет.

Если со второй половины XVI до конца XVIII вв. именно верхи башкирского общества были инициаторами и вдохновителями восстаний и бунтов против Российского государства, то теперь верхушка общества полностью служило русскому правительству, став его надежной опорой в крае. Правительство же, в свою очередь, раздавало им ордена, награды, звания и ценные подарки. В этом и заключалась особенность национальной политики в данный период. Широкое сотрудничество центрального правительства с нерусскими элитами, облегчало центральной власти управление новой территорией³.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Управляющие кантонами являлись чиновниками, обладавшими большими правами и привилегиями, благодаря чему, с одной стороны, имевшие возможность эксплуатировать рядовые массы населения путем незаконных поборов, вымогательства и грабежа, а с другой стороны, обладая авторитетом и влиянием, являлись защитниками башкир от своеволия горнозаводчиков и купцов.

Итак, кантонные начальники изначально выбирались из верных Российскому правительству людей. С течением времени у власти оставались лишь самые сильные, образованные из них, т.е. в первые десятилетия существования кантонной системы шел отбор тех, кто смог добиться и удержаться у власти. За управляющими кантонами было право руководить, судить, принимать решение, наставлять. Дети кантонных начальников имели возможность получать образование в университетах. Именно из этих кругов выходят просветители, мыслители, ученые башкирского народа XIX в., такие как Альмухамет Куватов, Мухаметсалим Уметбаев и др.

1. Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М., 2005. С. 27.
2. Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептярах и бобылях / Под ред. Гумерова Ф.Х. Уфа, 1999. С. 190.
3. Миронов Б.Н. Социальная история России. Санкт-Петербург, 1999. Т.1. С. 31.

К ВОПРОСУ О ВОЕННОЙ МОБИЛИЗАЦИИ В РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Казаков А.Е.

Пензенский государственный педагогический университет

Для рассмотрения особенности положения Российской империи в годы Первой Мировой войны необходимо учитывать роль военной мобилизации как одного из главных военных факторов, определявших и внутреннюю обстановку на тыловых территориях и, до некоторой степени, ситуацию на фронтах.

Учитывая оригинальную терминологию, предварительно военную мобилизацию можно определить как процесс обеспечения действующей армии людьми и лошадьми в условиях войны. Последняя фраза не совсем точна, так как мобилизация официально началась 18 июля 1914 года¹ (имело место недоразумение – об объявлении её началом 17 июля²).

Исполнение воинской повинности такими категориями лиц как нижние чины запаса, новобранцы, ратники ополчения различных разрядов представляло собой ту сторону мобилизации, которая обозначалась как

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

«пополнение людьми». Вторую сторону – «пополнение лошадьми» можно понимать либо в значении только военно-конской повинности, либо как синоним «материальных» повинностей вообще³.

Организация мобилизации входила в компетенцию министерства внутренних дел, военного министерства, а также морского, государственных имуществ и земледелия. Схему для МВД представим в виде: управление воинской повинности – губернские (областные) по воинской повинности присутствия – уездные, окружные и городские по воинской повинности присутствия – призывные участки (сборные пункты) и военно-конские участки (сгонные и сдаточные пункты)⁴. В свою очередь, для военного ведомства: мобилизационный отдел главного управления генерального штаба – штабы военных округов – начальники местных бригад⁵ – уездные воинские начальники.

Практика мобилизации основывалась на постоянном взаимодействии по широкому спектру вопросов военных и гражданских учреждений и значимыми были, во-первых, согласованность тех или иных действий на одном уровне (например, управления воинской повинности и мобилизационного отдела) и между разными уровнями (штабом округа и губернскими, уездными присутствиями); во-вторых, взаимодействие с учреждениями, обеспечивающими ход мобилизации (с департаментом полиции, жандармским управлением); в-третьих, степень учёта профессионального опыта ведомств в мобилизационных процедурах (в частности, для военно-конской повинности это соображения управления по ремонту армий и государственного коннозаводства).

При призыве запасных нижних чинов в 1914 году получили распространение неявка по неизвестным причинам и добровольная явка на призывные пункты. По отчёту Казанского военного округа подлежало призыву запасных 616250 человек, явилось на сборный пункт из их числа 585445; не состоявших на учёте явилось 59039 человек; всего не явилось 30779 (по неизвестным причинам- 23632, снятых с учёта- 5703, больных- 904, арестованных по суду и следствию- 540). На конечное число отправленных в войска влияли и такие факторы как побег со сборных пунктов (82 человека), болезнь на сборном пункте (111 человек), предание суду (88 человек), освобождение от призыва на основании статьи 25 Устава о воинской повинности (482 человека), освобождение от призыва (129 человек)⁶.

Трансформацию ряда норм, вызванную обстоятельствами военного времени, можно продемонстрировать на примере призыва новобранцев 1914 года. В связи с поступлением на военную службу большого количества запасных и ратников значительное число молодых людей приобрело право на льготу по семейному положению первого разряда. С учётом необходимости увеличить контингент новобранцев на 130 тысяч человек по

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

сравнению с 1913 годом жеребьеметание отменялось, так как именно льготные первого разряда проходили через эту процедуру. И, далее,- привлекались лица, внесённые в призывные списки, в последовательном порядке номеров в списках, а не жребья; переносился конечный срок приёма на военную службу за призыв 1914 года с 15 февраля на 1 апреля 1915 года. В местностях, находящихся в районах военных действий, допускались некоторые отступления от формальных требований устава⁷.

Очень интересен секретный рапорт (интересен тем, что трудности, описываемые в нём, во многом типичны) начальника штаба Московского военного округа № 3667 3 октября 1914 года в МО ГУГШ. Выполнение поставленной задачи – поставка 14 тысяч верховых лошадей для формирования третьих маршевых эскадронов при недопустимости замены лошадей – представлялось начальнику штаба округа малореализуемой. Для распределения наряда по губерниям имелись лишь данные военно-конской переписи 1912 года и число лошадей, взятых в последнюю мобилизацию. Сведения по отдельным губерниям признавались губернаторами крайне неточными, некоторые из них предлагали, указывая численность лошадей, рассчитывать на четвертую часть. Подсчёт через начальников военно-конских участков не принимался из-за потенциально большой длительности. Решение штаба в такой ситуации состояло в том, что наряд планировалось давать непосредственно губернским присутствиям,- порядок, имевший место при дополнительном призыве ратников 20 сентября 1914 года в Петроградском военном округе⁸. Таким образом, увеличение значимости того или иного уровня (в частности, губернского и уездного) происходило уже в процессе проведения мобилизации. Консультации с губернаторами, однако, не означали и не гарантировали принятие их рекомендаций к действию штабом округа, что показательно на примере военно-конских поставок в Казанском военном округе⁹. Наконец, и группы природных факторов могли определять темп мобилизационных процедур (например, сильные морозы¹⁰ или весенняя распутица могли задерживать поставки лошадей и т.п.)

Итак, на ход военной мобилизации влиял целый комплекс причин в диапазоне от особенностей состояния государственной системы до природно-географических факторов, соотношение между которыми ещё предстоит выяснить.

1. РГВИА.Ф.2000.Оп.3.Д.1156.Л.907.

2. Там же.Л.49.

3. Устав о земских повинностях// Свод законов Российской империи.Т.4. Гл.4. Кн.2. Спб., 1899 г.; Инструкция по поставке в войска лошадей, других рабочих животных и повозок с упряжью. Спб.,1913 г.; Приказ

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

по военному ведомству 1913 года № 257 // Приказы по военному ведомству 1913 года. Спб., 1913 г.; Приказ по военному ведомству 1914 года № 435 // Приказы по военному ведомству 1914 года. Пт., 1914 г.

4. Устав о воинской повинности 1915 года. Пт., 1915. Важно также учитывать издания устава 1899 и 1912 годов.

5. РГВИА.Ф.2000.Оп.3.Д.1270.Л.21. Телеграмма МО ГУГШ № 6588 от 4 сентября 1914 года начальнику штаба Казанского военного округа.

6. РГВИА.Ф.1720.Оп.3.Д.233.Л.253-256об.

7. НАРТ. Ф.304. Оп.1. Д.1877. Л. 127-130. Циркуляр УПВ МВД по 2 делопроизводству 3 сентября 1914 года № 86 губернаторам.

8. РГВИА.Ф.2000.Оп.3.Д.1270.Л.114-114об.

9. ГАПО.Ф.63.Оп.1.Д.465.Л.151-152об.

10. РГВИА.Ф.2000.Оп.3.Д.1270.Л.299. Телеграмма из Омска № 19861 4 ноября 1914 года в Петербург.

ТЕЛЕФОННАЯ СВЯЗЬ В ГОРОДАХ ТОБОЛЬСКОЙ И АКМОЛИНСКОЙ ГУБЕРНИЙ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

Шваб Е. В.

Тобольский государственный университет

Развитие капиталистического хозяйственного уклада в XIX веке требовало внедрения на производстве и в жизни новых информационных технологий. В конце века появляется новое мобильное средство связи – телефон.

Как нам представляется верным судить, телефон в то время не считался надежным средством связи. Например, в 1894 году перед приездом Государя Императора в Беловежскую пушу начальника телеграфной станции известили о необходимости устроить телеграфное сообщение Беловежа с Петербургом. В то время как телефонное сообщение уже было, и работникам телеграфной линии (техникам), протягивая проволоку телеграфа, пришлось воспользоваться телефонными столбами. Во дворце Государя был также установлен телеграфный аппарат. На невнимание к теме телефонного обеспечения указывает и тот факт, что применение телефона и телеграфа было мало развито даже в российской армии во время русско-японской войны 1904-1905 гг¹.

Пользование телефоном не всегда приводило к улучшению отношений между общающимися пунктами. Так, нам стал известен случай на телефонной станции в центральной России, во время приезда в Переславль владыки Алексия. Несмотря на наличие телефона, об опоздании владыки местный благочинный получил известие лишь через пару дней².

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

В 1885 г. был создан Омский почтово-телеграфный округ³. Телефон находился в ведомственном подчинении округа. Абоненты были сгруппированы по территориальному признаку и подключались к районным станциям с помощью коротких линий. На телефонных станциях использовались аппараты Ч. Г. Пейджа, Ш. Бурселя, Ф. Рейса, А. Белла. На Тюменской и Тобольской станциях будут работать телефоны Эванса (усовершенствованные Эриксона). Первой в Омском почтово-телеграфном округе телефонной станцией в 1894 году стала Тюменская. В журнале «Почтово-телеграфной статистики» указана только она одна из всего округа в российском списке. В финансовом смысле она была убыточной, расходы составляли, к примеру, 22 645 рублей, а доходы – 7 812 рублей. Нерентабельность и общий экономический кризис начала века стали причинами снижения числа телефонных аппаратов при двух коммутаторах: в 1899 г. – 128, в 1900 г. – 129, в 1901 г. – 117. Сокращение в скором времени было восполнено, и начался рост станции. В 1903 г. телефонов стало 124⁴. Тем не менее, тюменская телефония отставала по темпам от развития тобольской.

В 1895 г. телефонная станция появляется в Тобольске. Здесь инициативу и труд устройства телефона принял на себя председатель губернского правления барон К.П. Фредерикс. Публичный телефон решили не устраивать, так как заявлений от частных лиц на установку не было. Было решено устроить телефон лишь для правительственных и общественных учреждений и лиц. Капитал, необходимый для устройства телефона составили из 100 рублей взноса за каждый аппарат. Аппаратов было сначала 34⁵. Расход на содержание телефонной сети окупался ежегодной платой в 20 рублей с абонента. Цена эта была умеренной по сравнению с тарифом больших городов. Так, в Петербурге и Москве в год платили 250 рублей с частного и 200 рублей с казенного аппарата. В Варшаве плата составляла 150 и 125 рублей соответственно. К примеру, в Омске плата в год за пользование телефоном составляла в 1904 г. 500 рублей, что больше в 2 раза чем в Петербурге.

В погожий осенний день 3 сентября 1895 года в Тобольске в здании губернского управления состоялось торжественное открытие телефонной станции. Перед этим город был подготовлен технически: вкопали 25 столбов с 600 с лишком изоляторами. Подвешено было около 35 верст проволоки и установлено 35 аппаратов (один на коммутаторе)⁶.

Интенсивно развивалась телефонная связь в Омске. Телефонная станция была открыта здесь в 1904 г. Она была частной (принадлежала некой г-же Кривцовой) и состояла из 60 номеров, позже появился телефонный коммутатор на 200 номеров. Она просуществовала до 1918 г., когда была национализирована. К тому времени станция вмещала уже 1 270 номеров. В течение первого десятилетия XX века Омская телефония обогнала Тюменскую и Тобольскую в десятки раз.

ХІІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Телефон в Сибири по сути завершил колонизацию края, поставив точку в его присоединении к Российской Империи. Именно связь, как возможность постоянного контроля, обеспечивала центру право полномочного обладания Сибирью. К тому же связь в Сибири была коммуникативным плацдармом, как показывают некоторые исследователи, именно из Сибири и Омского округа прокладывались линии связи на КВЖД и далее в Корею.

Введение телефона имело и цивилизационную роль. Известно, что в истории имела место почта Тобольска, например, с другими государствами. Так, с заграничным получателем могли общаться музейные чиновники, известные в городе люди, купцы и т.д. Но с появлением телефона появляется возможность на убыстрение потоков информации и в скором времени – на междугородние и международные звонки. Так, в конце XIX века Тобольск вливается в информационное пространство цивилизации.

1. Левицкий Н.А. Русско-японская война 1904-1905 гг. СПб. 2003. С. 39.
2. Елховский В.Е. Воспоминания священника церкви Воскресения Словущего в Брюсовом переулке г. Москвы // Страницы истории России в летописи одного рода. М., 2004. С. 306 – 307.
3. ГУОО ГА в г. Омске. Ф. 120. Оп. 1. Д. 36. Л. 1.
4. ПТС за 1899 г. СПб., 1900 г., Приложение №3; Там же за 1900 г., СПб., 1901 г. С.54,55; Там же за 1901 г., СПб., 1902 г. С.54,55; Там же за 1903 г., СПб., 1904 г. С.54,55.
5. ТГВ. 1895. № 78.
6. ТМ КП № 601 22 972. Список абонентов Тобольской телефонной станции.

СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКИ В НАЧАЛЕ XX в.

Шаповалов М.С.

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

В начале XX в. российская политика на Ближнем Востоке определялась прежде всего необходимостью сохранения свободного судоходства по проливам Босфор и Дарданеллы, через которые проходило 90% экспортного российского зерна и 50% всего экспорта¹. С другой стороны, как отмечал министр иностранных дел России в 1910-1916 гг. С. Д. Сазонов: «Была еще другая турецкая область, имевшая в глазах русского народа чрезвычайно важное значение. Это Палестина, куда столетиями направлялась непрерывная струя русских паломников на поклонение Святым местам»².

ХІІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Контроль над Святыми местами давал возможность российским дипломатам использовать палестинскую конфессиональную карту при переговорах с турецким правительством.

К концу 1870-х гг. число православных среди христиан Палестины достигло 67% по сравнению с 40% в 1840 г., что позволило активизировать действия по проникновению русского влияния в регионе, главной действующей силой которого стали Духовная миссия Русской Православной церкви в Палестине и Палестинское общество. В палестинских публикациях подчеркивалось, что «земли покупались в местах, имеющих важное значение для истории христианства»³.

Расширения присутствия на Святой земле добивалась не только Россия, свои притязания на места библейской истории выдвинули еврейские лидеры. 29-31 августа 1897 г. в Базеле Т. Герцель сделал сионизм не просто религиозным, а политическим движением. В программе Всемирной сионистской организации (ВСО) подчеркивалось, что «сионизм стремится к созданию очага в Палестине для еврейского народа...»⁴.

Еврейская колонизация Палестины требовала содействия со стороны турецкого правительства, однако отказ турецкого султана на сотрудничество с ВСО, привел к необходимости поиска контактов с другими игроками на ближневосточной арене, прежде всего, Германией и Россией. Летом 1903 г. Герцель совершил поездку в Петербург. Отношение царского правительства к переселению евреев в Палестину во многом зависело от внутриполитической обстановки. В 1897 г. в России подживало около 5 млн. евреев⁵, расселенных преимущественно на территории Польши и Украины. Активное участие еврейского населения в польском национальном движении, не могло не беспокоить российское правительство. Поэтому в официальном письме Герцелю, текст которого, по его словам, был одобрен царем, министр внутренних дел России В. Плеве отмечал: «поскольку сионизм имеет целью создать независимое государство в Палестине, и в этом случае сионизм приведет к эмиграции «известного числа еврейских подданных из России», постольку русское правительство могло бы отнестись к нему благожелательно... В этом случае русское правительство готово поддержать перед Турцией стремления сионистов, облегчить их деятельность и даже выдать субсидии эмиграционным обществам, если не из государственной казны, то из специальных еврейских сборов»⁶.

Однако, контакты Т. Герцеля с российским правительством не были поддержаны ни среди российского еврейства, ни среди членов ВСО. В свою очередь, российское руководство было обеспокоено упрочением сионистско-германских контактов. Российский посол в Константинополе Н. Чарыков в секретном письме от 13 мая 1911 г. сообщал в МИД России, что евреи, «участвующие в различных ролях, в здешних германских торго-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

промышленных предприятиях, отчасти зависящих от германского правительства и германских банков» помогают немецким начинаниям в Турции⁷.

Необходимо отметить, что российское правительство связывало опасность усиления Германии в регионе во многом лишь с угрозой изменения статуса проливов. В то же время, видя в сионистском движении только лишь проводника германской политики и, соответственно, не предвидя какой-либо угрозы с его стороны в отношении планов России в Палестине. Хотя в период 1904-1914 гг., после неудачной революции 1905 г. из России в Палестину выехало более 30 тыс. евреев, когда общее число переселенцев составило 35 тыс. человек⁸.

С началом Первой мировой войны вопросу о Палестине было отведено особое место. В записке МИДа России от 4 марта 1916 г. говорилось, что «российское правительство согласится на всякий проект, обеспечивающий всем православным учреждениям, находящимся в Святой земле, свободное отправление своего культа, ровно как и сохранение их прежних прав и привилегий и не вставит никаких принципиальных возражений против поселения еврейских колонистов в этой стране»⁹. Согласно соглашению Сайкса-Пико от 16 мая 1916 г., разделившим турецкие владения на сферы влияния, территория Палестины входила в так называемую «коричневую» зону, где устанавливалось международное управление по согласованию с Россией и другими странами¹⁰. Октябрьская революция 1917 г. и заключение Брест-Литовского договора вычеркнули Россию из числа претендентов на «турецкое наследство».

2 ноября 1917 г. в письме лорду Ротшильду, больше известном как Декларация Бальфура, английское правительство выступило с одобрением «установления в Палестине национального дома для еврейского народа»,¹¹ что фактически означало перемещение еврейского вопроса в качественно новую плоскость международных отношений на Ближнем Востоке, однако, теперь уже без активного участия России.

1. Мурхед А. Борьба за Дарданеллы. /Пер. с англ. А.С. Цыпленкова. М.: Центрполиграф, 2004. С.21.

2. Сазонов С.Д. Воспоминания. Минск: Харвест, 2002. С.290-291.

3. Пырлин Е.Д. 100 лет противоборства. М.: РОССПЭН, 2001. С.410.

4. Базельская программа ВСО. Август 1897 г. //Документальная история арабо-израильского конфликта. Нижний Новгород: ННГУ, 1991. С.12.

5. История еврейского национального движения: 1870-1914: В 2кн. / Пер. с иврита Фридман В. Иерусалим: Библиотека-Алия, 1994. Кн.1.С. 23.

6. Цит. по: Свет Гершон Русские евреи в сионизме и в строительстве Палестины и Израиля //Книга о русском еврействе: от 1860-х г. до революции 1917 г. Минск: МЕТ, 2002. С.261.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

7. Российский посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову. 23 мая 1911 г. Весьма секретно // Документальная история арабо-израильского конфликта. Нижний Новгород: ННГУ, 1991. С.14.

8. Arian Asher Politics in Israel. New Jersey: Chatham House, 1989. p.14.

9. Памятная записка министерства иностранных дел французскому и великобританскому послам в Петрограде Палеологу и Бьюкенену. Петроград, 4/17 марта 1916 г. // Мировые войны XX века. Книга 2. С.263.

10. Дипломатический словарь. Т.3. /Под ред. А.А. Громыко. Т3. М.: Наука, 1986. С.7.

11. The Balfour Declaration. [Электронный ресурс] // Режим доступа <http://www.mideastweb.org/history.htm>

К ВОПРОСУ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ КООПЕРАЦИИ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1921-1925 гг.

Зотов С.Г.

Тольяттинский государственный университет

При разработке нэповских механизмов в сельском хозяйстве перед советским правительством стала проблема отсутствия эффективного способа осуществления товарообмена между городом и деревней. Кроме того, большевикам необходимо было что-то противопоставить бурно развивающейся на почве НЭПа частной торговле. В качестве системы была выбрана кооперация.

16 августа 1921 года был принят Декрет о сельскохозяйственной кооперации. Согласно его положениям, сельскохозяйственной кооперации позволялось совершать скупку у крестьян сельскохозяйственной продукции и реализовывать её на рынке. Кроме того, разрешалось скупать у производителей сельхозинвентарь и продавать его крестьянам¹.

На 1 января 1922 года в Самарский губернский сельскохозяйственный кооперативный центр – Губкоопсоюз входило 9 союзов, 858 кооперативов (в основном сельскохозяйственные товарищества – 336 и сельскохозяйственные артели – 435), 81256 членов. Крупнейшими союзами были Самарский (256 кооперативов, 13459 членов), Бугульминский (193 кооператива, 10727 членов), Бузулукский (95 кооперативов, 23669 членов)².

Самарский Губселькредсоюз (ранее Губкоопсоюз) на 1 октября 1923 объединял 7 союзов, 1090 производственных артелей, 149 ремесленных сельскохозяйственных объединений (вошли в него в 1923), 64 сельскохозяйственные общественные артели, 31 коммуну, 2 кустарно промышленные артели, 1 садоводческую артель, всего 1338 первичных кооперативов³.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

В 1924 году Губселькредсоюз ликвидируется. На 1 июня 1924 года на территории Самарской области действовали Бугульминский, Бузулукский, Мелекесский, Пугачевский, Самарский уездные союзы, объединявшие 2243, кооператива с 136958 членами⁴. К 1925 году в системе сельскохозяйственной кооперации функционировало 2883 кооператива общей численностью 214473 члена⁵.

Развитие союзной структуры в сети Самарской сельскохозяйственной кооперации соответствует общероссийским тенденциям к укрупнению кооперативов. Кроме того, этому процессу способствовали объективные условия голода. Так, если на один кооператив в начале 1922 года приходилось в среднем по 91 человеку, то к началу 1924 г. количество членов одного кооператива в среднем было 60 человек.

Голодом во многом объясняется и динамика развития низовой сети сельскохозяйственной кооперации. В целом по стране самый бурный период роста сети сельскохозяйственной кооперации приходится на 1921 – 1923 годы. Пик роста Самарской сельскохозяйственной кооперации приходится на 1924 – 1925 года.

Стагнация в развитии сельскохозяйственной кооперации объясняется, прежде всего, фактором голода. Из всех кооперативных сил в помощи голодающим, а так же в распределении государственной помощи, участвовали, прежде всего, потребительская кооперация и крестьянские комитеты взаимопомощи. Сельскохозяйственная кооперация осталась от этого процесса в стороне, и в силу, как высокой смертности, так и прочих негативных явлений связанных с голодом (миграция населения, упадок производства), развивалась относительно слабо.

Дальнейшее бурное развитие сельскохозяйственной кооперации и выход её в итоге на общероссийский уровень связаны с процессом преодоления последствий голода. Прежде всего, необходимо отметить общий прирост населения губернии который являлся по меркам страны колоссальным: 3,4%⁶. Кроме того, в условиях разоренного сельского хозяйства, сельскохозяйственная кооперация была наиболее эффективным инструментом, как самостоятельного восстановления производства крестьянами, так и распределения государственной помощи. Так, например, из рабочего скота, полученного областью в период восстановления хозяйства, 24% прошло через органы сельскохозяйственной кооперации⁷. Из тракторов на 1925 год 60% прошло через сельскохозяйственную кооперацию и комитеты крестьянской взаимопомощи⁸.

1. Файн Л. Е. Российская кооперация: историко-теоретический очерк 1861 – 1930. Иваново, 2002. С. 406.

2. ГАСО. Ф. Р-76. Оп. 1. Д. 1992. Л.- 71 – 72.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

3. ГАСО. Ф. Р-76. Оп. 1. Д. 2174. Л.- 63.
4. ГАСО. Ф. Р-76. Оп. 1. Д. 2618. Л.- 78.
5. ГАСО. Ф. Р-76. Оп. 1. Д. 2737. Л.- 12.
6. РГАЭ. Ф. Р-4106. Оп. 1. Ед. Хр. 317. Л. 281.
7. ГАСО Ф. Р-81. Оп. 1. Д. 737. Л.- 364.
8. Лившиц А. Э. Деятельность партийных организаций по осуществлению новой экономической политики в годы восстановительного периода (1921 – 1925). М., 1970. С. 176.

ОРГАНИЗАЦИЯ И ПРОВЕДЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ КАМПАНИЙ В 1920-е гг. (НА ПРИМЕРЕ САМАРСКОЙ И СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИЙ)

Деканова М.К.

Самарский государственный университет

Складывание и развитие механизмов разрешения социальных проблем в России происходило под влиянием государства. Большевики, пришедшие к власти в результате революции и гражданской войны, установили патерналистскую модель социальной политики. Уже в первые дни существования Советской власти было продолжено формирование централизованной системы государственного призрения, начатое Временным правительством. Был создан Народный Комиссариат Призрения, позднее переименованный в Народный Комиссариат Социального обеспечения (НКССО). Большевики ставили перед собой цель не просто обеспечить нуждающихся необходимыми продуктами питания или промышленными товарами, но качественно изменить жизнь каждого советского гражданина. Таким образом, государство значительно расширяло поле своей деятельности: оно брало на себя как традиционную заботу об обездоленных – инвалиды, старики, сироты, вдовы, бедные, но также и начало работу по созданию принципиально новой системы социального обеспечения и страхования, жилищного строительства, здравоохранения, образования.

Планируемые мероприятия были довольно разнообразными; они охватывали самые разные слои населения и предполагали различные меры по решению социальных проблем. Однако многим из начинаний Комиссариата так и не суждено было реализоваться. Гражданская война, политика «военного коммунизма», интервенция, экономический и политический кризисы порождали все новые и новые проблемы, с которыми вновь образованные органы власти справиться были не в состоянии, поскольку не хватало ни сил, ни средств, ни опыта. В этих тяжелейших условиях советское правительство было вынуждено искать новые действенные средства

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

социальной политики. Одними из них становится проведение разнообразных кампаний («Дней», «Недель», «Месяцев»), организуемых для решения конкретных социальных проблем. Данные мероприятия были оригинальной формой сотрудничества государственных структур и общества: организацией и координацией предполагаемых мероприятий занимались советские органы государственного обеспечения, а их выполнение ложилось на плечи общества.

Меры социальной помощи и поддержки, принятые в 1920-е гг. в Самарской и Симбирской губерний, посредством организации и проведения подобных кампаний, касались самого широкого круга вопросов: здравоохранения («туберкулезный трехдневник», «Неделя санитарной очистки города Самара», «День инвалида», «Неделя помощи инвалидам», «Неделя помощи слепым», «Неделя ребенка», «Неделя охраны материнства и младенчества»), образования («трехдневник просвещения», «Неделя помощи школе», «Неделя студента», «Неделя помощи университету», «Неделя помощи пролетарскому студенчеству»), социальной защиты («2-недельник «Красной Казармы», «День работницы», «Неделя пахаря», «Неделя сбора в пользу голодающих») и т.д. Причем следует отметить, что зачастую в одном мероприятии различные направления социальной политики объединялись.

Выступая организатором данных мероприятий, государство требовало от общества активного участия в них. Формы этого участия могли быть различными. Именно во время проведения тематических мероприятий на частных лиц и организации ложилась обязанность отчислять часть заработанных денег в государственные фонды, специально созданные для решения тех или иных социальных проблем (Например, детский фонд, фонд помощи голодающим и т.п.). Кроме того, городские власти к разнообразным «Дням» и «Неделям» приурочивали организацию благотворительных лотерей или вечеров, продажу филантропических марок, проведение особых сборов, средства от которых также поступал в данные фонды. Впоследствии на них приобретались одежда, продукты питания и книги для детских домов; строились и ремонтировались больницы, закупалось новое оборудование; оказывалась помощь нуждающимся инвалидам, осуществлялись иные формы социальной поддержки.

Однако исключительно финансовой помощью участие общества в осуществлении «Дней» не ограничивалось: помогали не только деньгами, но и делами. Обычные горожане, предприятия, профсоюзы брали на себя определенные обязательства по добровольной помощи нуждающимся. А подобная помощь требовалась самая разнообразная: нужно было подвозить дрова к больницам и детским домам, обеспечить их самым необходимыми вещами, наладить оснащение школ и вузов мебелью и книгами, снабдить беднейшее крестьянство инструментами.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Отношения общества к проводимым с подачи государственных структур тематических «Дней» было неоднозначным. С одной стороны, все прекрасно понимали необходимость самой широкой помощи нуждающимся, но поскольку в условиях тяжелейшего экономического кризиса практически все жители страны в той или иной степени стали нуждающимися, оказывать эту помощь в том объеме, в каком этого требовало государство они просто на просто не могли. И в этих условиях многие шаги государства, связанные с социальной помощью, рассматривались как не нужные, непоследовательные, излишние. С другой стороны, сталкиваясь с неспособностью властей решить их социальные проблемы, люди зачастую сами выступали за организацию и проведение дополнительных мероприятий.

Таким образом, можно сделать вывод, что организация тематических «Дней» стала одним из средств решения социальных вопросов. Советское государство, избравшее для себя патерналистскую модель, в условиях кризиса оказалось не в состоянии урегулировать существующие социальные проблемы. И в этих условиях определенную часть своих обязанностей оно возложило на общество. Последнее в добровольно-принудительном порядке должно было выполнять те требования, которые ставились перед ним государственными органами социального обеспечения. Впоследствии, с нормализацией внутренней ситуации и стабилизацией положения, в подобном механизме решения социальных проблем Советское государство уже не будет нуждаться, и количество проводимых тематических «Дней» будет неуклонно сокращаться. Хотя к этой форме советские органы социального обеспечения будут прибегать еще не раз.

РОЛЬ КОНЦЕССИЙ В ЭКОНОМИКЕ СССР В ПЕРИОД НЭПА

Полянская Л.Ю.

**Пензенский государственный педагогический университет
им. В.Г. Белинского**

С переходом к новой экономической политике советское государство сделало попытку сочетать коммунистические идеалы с решением вопроса привлечения и использования иностранного капитала с целью восстановления и развития производительных сил страны. Одним из путей решения этой задачи было заключение концессионных договоров. С помощью привлечения концессионеров советское правительство планировало решить и еще одну задачу: прорвать политическую блокаду, так как взаимодействие с иностранными фирмами способствовало признанию РСФСР на международной арене.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Первые предложения от иностранных фирм на получение концессий советское правительство получило в мае 1920 года¹. Необходимо было выработать экономико-правовую доктрину использования иностранного капитала. Это было сделано в декрете СНК «Об общих экономических и юридических условиях концессий» от 23 ноября 1920 года².

Значимость концессий для экономики страны подтверждалась созданием Главного Концессионного Комитета (ГКК) при Совете Народных Комиссаров декретом ВЦИК и СНК от 8 марта 1923 года³. ГКК, наряду с судебными органами, призван был осуществлять контролирующие функции.

Советское правительство в отношении иностранных государств было очень избирательно: по отношению к поступившим предложениям количество заключенных договоров составило менее 7%. Первое место по числу заключенных концессионных договоров занимала Германия – 28,5%. Наибольшее количество заключенных концессионных договоров оказалось в торговле – 22,5%, затем в обрабатывающей промышленности – 21,5% и, наконец, в добывающей промышленности – 16,8%⁴.

Советское государство старалось предоставлять концессии в том случае, если они не наносили ущерба, не конкурировали с отраслями национализированной промышленности, которые обеспечивали потребности страны; если они развивали те производства, которые советский народ не мог быстро поднять своими силами; наименее истощали запасы природных богатств; если они в кратчайший срок и в наибольшей степени увеличивали общую производственную мощь страны.

Всего с 1921 по 1929 г. было заключено 172 концессионных договора, включая и договоры с иностранными фирмами на оказание технической помощи. Удельный вес концессионных предприятий в валовой продукции всей промышленности был невелик: в 1924-25 г – 0,2%, в 1925-26 г, – 0,4, в 1926-27 г. – 0,5, в 1927-28 г. – 0,6%. Но в отдельных отраслях промышленности доля концессионных предприятий была довольно заметной. Так, американский капиталист Хаммер сосредоточил в своих руках 50% всего производства карандашей в стране⁵.

Вложения иностранного капитала в концессионные предприятия за все время их существования не превысили 200 млн. золотых рублей. Эти средства не могли существенно помочь восстановлению советской промышленности, которое требовало миллиардов рублей, вложения же иностранного капитала в народное хозяйство СССР к 1928 г. составили менее 2% всех капиталовложений⁶. Однако занижать роль концессий нельзя. Привлечение иностранного капитала на принадлежащие советскому государству предприятия способствовало использованию и перенятию передового технического опыта, увеличению ввоза современного оборудования,

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

обеспечивало дополнительные капиталовложения в интересах ускорения восстановления и развития народного хозяйства.

Концессии содействовали расширению производства товаров, накоплению средств в государственном бюджете за счет налогов и прибылей концессионных предприятий, уменьшению безработицы. По неполным данным, до 1928 г. доходы Советского государства от концессионных предприятий составили свыше 100 млн. руб.⁷ Концессионные предприятия, работавшие на экспорт: лесные, торговые концессии, улучшали расчетный баланс СССР, привлекая в нашу страну иностранную валюту.

Рассматривая вопрос о роли концессий в экономике СССР периода нэпа, экономическая литература обычно ограничивается данными до 1924 г., а между тем лишь с этого года началось их развитие и фактическая деятельность. Крупнейшие концессии, занимавшие значительные позиции в марганцевой, лесной, в золотодобывающей промышленности, возникли после 1924 г. Для правильной оценки роли концессий необходимо пользоваться данными за весь период их деятельности.

Концессии занимали двойственное положение в системе экономических отношений СССР. С одной стороны, они составляли органическую часть этой системы, являясь методом привлечения иностранного капитала, ускорения производительных сил страны. С другой стороны, концессии представляли собой определенное изъятие из существующих экономических правил СССР, так как концессионеры могли осуществлять производство в крупных масштабах, внешнюю торговлю, хотя эти сферы были монополизированы государством.

1. Муравьева Л.А. Торговля и иностранный капитал в экономике СССР в 1920-е годы // Финансы и кредит. № 16 (106). Москва, 2002. С. 63.

2. Кунин В. Концессионная политика в Советской России (1923-1929 г.г.) // Вестник Московского ун-та. Сер. 6. Экономика. № 5. Москва, 1993. С. 24.

3. Осьмова М., Стулов О. Иностранный капитал у нас – новое, хорошо забытое старое? // Коммунист. № 18. Москва, 1990. С. 51.

4. Левин А.Я. Социально-экономические уклады в СССР в период перехода от капитализма к социализму. – М.: Экономика, 1957. С. 28.

5. Морозов Л.Ф. Иностранные капиталовложения в СССР в переходный период // Вопросы истории. № 9. Москва, 1986. С. 27.

6. Там же. С. 28.

7. Левин А.Я. Социально-экономические уклады в СССР в период перехода от капитализма к социализму. – М.: Экономика, 1957. С. 32.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ КОММУНАЛЬНО–БЫТОВОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ В 30–Е ГОДЫ ХХ ВЕКА

Леонтьева Л.А.

Оренбургский государственный педагогический университет

Одним из важнейших показателей материального благосостояния трудящихся в 30–х годах являлось обеспечение их жильем и коммунальными услугами.

Переход к стратегии форсированной индустриализации на рубеже 20 – 30–х годов одним из своих последствий имел затяжной жилищный кризис. Возник большой разрыв между промышленным и жилищным строительством. В городах строительство жилья не успевало за ростом населения. В 1938 г. обеспеченность жилплощадью в среднем по городам Оренбургской области составляла 3,84 кв. метров на одного человека.

Общая сумма вложений в жилищное хозяйство городов Оренбургской области за период с 1933 – 1938 годы составила 13,267 тыс. рублей, в том числе на новое строительство – 5,686 тыс. рублей, капитальный ремонт – 7,581 тыс. рублей¹.

Проблема строительства жилья осложнялась нехваткой рабочей силы, слабостью стройиндустрии, низким уровнем механизации работ. Все это вело к тому, что капиталовложения, выделяемые на жилищное строительство, не осваивались полностью, не выполнялись планы ввода жилья.

К числу наиболее важных коммунально–бытовых вопросов относилось отопление жилищ. В условиях Урала отопительный сезон длится более полугода. Основным видом отопления было печное, а топливом служили дрова, уголь, торф. Центральное отопление было развито слабо. Централизованно отапливалось всего 12,4 % общей жилой площади городов Оренбургской области². Промышленные предприятия и культурно – бытовые учреждения являлись самозаготовителями топлива. По цехам и участкам составлялись графики высвобождения работников с основного производства. Городское население покупало топливо на рынке, сельские жители заготавливали дрова самостоятельно.

В городском жилфонде электроосвещение считалось одной из главных статей благоустройства. Городские электросети обслуживали далеко не весь объем жилых построек. В 1937 г. обеспеченность осветительной электроэнергией по городам Оренбургской области определялась в среднем 29,4 кВт в час на одного человека. Постепенно возрастало количество электроэнергии, потребляемой населением: в 1934 г. – 8191,1 тыс. кВт./час; 1935 г. – 13165 тыс. кВт./час, в 1936 г. – 18489,3 тыс. кВт./час.³ Было много не электрифицированного жилья, оно освещалось керосиновыми лампами.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Обеспеченность керосином имела особую сложность в деревне. Основная масса сельских жителей с наступлением темноты ложилась спать. Если же приходилось покупать или выменивать керосин, обходилось это дорого.

В городах и рабочих поселках Оренбургской области немалую остроту имела проблема водоснабжения. Водопроводы имелись только в крупных городах области. Всего же водопроводом пользовались 31,2% городского населения области⁴. Питьевая вода поступала через разборные колонки, водопроводы и путем подвозки. Водоснабжение населения шло с перебоями, водопроводная система часто выходила из строя, а на их ремонт не хватало средств. Качество питьевой воды было невысоким.

Система канализации имела только в Оренбурге и то не отвечала техническим требованиям.

Низкий уровень благоустройства жилья делал особенно значимыми услуги, оказываемые населению коммунально-бытовыми предприятиями. Важную роль играло банно-прачечное хозяйство, включавшее в себя бани, прачечные, санпропускники, душевые, дезокамеры, прожарки и т. д. К началу войны эта система не отличалась развитостью ни в количественном отношении, ни в пропускной способности. К 1940 г. на всю Чкаловскую область с населением более 1600 тыс. человек имелось всего 58 бань. К 1938 г. по городам области на 1 человека получалось только 9,7 помывок в год, что было явно недостаточным, хотя единовременная вместимость бань с каждым годом возрастала: в 1934 г. – 456 человек, в 1935 г. – 596 человек, в 1936 г. – 1154 человека. В период с 1934 по 1940 гг. в Оренбургской области имела только одна прачечная – в г. Оренбурге⁵. Наличное хозяйство было не в состоянии справиться с нагрузкой. Началось ускоренное его расширение за счет упрощенных и приспособленных строений, перевода их на многосменную работу. Для предупреждения эпидемий организовывались дезокамеры, дезостанции, простейшие прожарки и вошебойки. Все банно-прачечное хозяйство не обеспечивало потребности населения. Не хватало воды, топлива, мыла, тазов.

С трудностями было связано и оказание населению парикмахерских услуг. Ощущался недостаток мыла, одеколona, помещения.

В области, как и в целом по стране, в довоенный период не получили большого развития радиофикация и телефонизация бытовой сферы – она везде имела ведомственно-производственный характер и особенно слабо была представлена в сельских районах.

Серьезную проблему в условиях перенаселенных и неблагоустроенных промышленных районов области представляло поддержание санитарной чистоты. Справиться с этой задачей коммунальные службы очистки и ассенизации не могли, объем выполняемой ими работы сокращался. Пришлось применять метод привлечения населения через воскресники, месяч-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ники санитарной очистки. Между дворами, улицами, районами организовывались соревнования, объявлялись многочисленные почины. Санитарные месячники приняли характер массовых сезонных кампаний. Население привлекалось к этим мероприятиям как на началах самодеятельности и добровольности, так и в порядке трудовой повинности.

Улучшилось освещение на улицах и площадках, устанавливались новые электрические светильники.

Руководством Оренбургской области сфере коммунально-бытового обслуживания населения уделялось второстепенное значение, поэтому ее развитие происходило гораздо медленнее других социальных сфер.

Несмотря на увеличение с каждым годом бюджетных ассигнований, темпы роста строительства жилья были низкими. Заготовкой топлива большинство населения занималось самостоятельно. Система водоснабжения и канализации действовала только в городах. Хотя в конце 30 – х годов увеличилось количество бань, банно-прачечное хозяйство было слабо развитым, поэтому оно не справлялось с тем объемом работ, который выпадал на ее долю.

Таким образом, сфера коммунально-бытового обслуживания населения Оренбургского края была одной из отстающих областей во всей социальной работе.

1. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 2. Д. 412. Л. 18.

2. Айрепатов В. Г. Подъем материального и культурного уровня жизни трудящихся Урала в годы третьей пятилетки (1937 – июнь 1941) / Материально – бытовое положение трудящихся Урала в условиях социализма (1937 – 1975). Свердловск, 1981. С. 15.

3. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 2. Д. 412. Л. 19.; ГАОО. Ф. Р- 846. Оп. 1. Д. 413. Л. 6.

4. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 2. Д. 412. Л. 19., Айрепатов В. Г. Указ. работа. С. 15.

5. ГАОО. Ф.Р- 846. Оп. 1. Д. 60. Л. 65 – 66.; ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 2. Д. 412. Л. 19 – 20.; ГАОО. Ф. Р- 846. Оп. 1. Д. 413. Л. 8 – 9.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
ПАРФЮМЕРНО-КОСМЕТИЧЕСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ
Г. КУЙБЫШЕВА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.
1941-1945

Юсупова С.Н.

Самарский государственный университет

Продукция парфюмерно-косметической индустрии относится к группе товаров, уровень потребления которых отражает материальное благосостояние народа и культуру его быта.

В период Великой Отечественной войны производственно-технической и сырьевой базе производства моющих и парфюмерно-косметических средств был нанесен огромный материальный ущерб. Большое количество предприятий было разрушено или выведено из строя. На территории, временно оккупированной фашистскими захватчиками, и в районах военных действий находилось больше 65 % всех мощностей промышленности моющих средств. В стране ощущался острый недостаток в жирах. Выработка мыла в 1943 г. упала до 156 тыс. т., т.е. в 4,5 раза по сравнению с 1940 г., и примерно была равна объему выработки 1913 г.¹

Чтобы восполнить понесенные потери, предстояло в кратчайший срок построить новые и ввести в строй эвакуированное оборудование предприятий этой отрасли на востоке страны, в т.ч. и в Куйбышевскую область.

В начале 1942 г. в Куйбышев прибыло оборудование из Новобелицкого мелосоветилового завода из Гомеля, парфюмерной фабрики из Николаева, мыловаренное оборудование из Ленинграда и часть оборудования московской парфюмерной фабрики «Свобода»². Развернулось строительство парфюмерного комбината.

Особенностью всей стройки было то, что большое строительство велось одновременно с реконструкцией. Оно было рассчитано на 13 лет (1942-1955 гг.) и на эти цели выделялось почти 19 млн. руб.³

Строительством руководили директор комбината С.К.Акатов и главный инженер М.Я.Этман. Самоотверженно трудились строители: каменщик И.В. Новиков, плотники И.К.Кадилин, Мартынов, слесарь Раберов, электромонтеры Н.А. Юдашкин, Бочкарев, шофер Гулевич и др. Они выполняли за смену полторы-две нормы выработки⁴.

Рабочий коллектив формировался преимущественно из местного населения, в том числе из членов семей уже работавших на комбинате и, частично, из эвакуированных. К началу 1943 г. он достиг численности 258 человек⁵.

В апреле 1942 г. коллектив комбината выпустил первую продукцию: химический мел, зубной порошок, негашеную известь, парфюмерию. Все-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

го с апреля по июнь 1942 г. небольшим коллективом, насчитывавшим около ста рабочих, выработали продукции на 433 тыс. руб.⁶

Во второй половине 1942 г. вошли в эксплуатацию новые цеха, отделения, освоены новые виды продукции. В июле было начато производство хозяйственного мыла. В меловом цехе в целях доведения его мощности до проектной возвели еще одну обжигательно-известковую печь⁷.

Годовой план 1942 г. реализовали на 103,1%. Вот как росла выработка продукции: химического мела: с 11 т мае до 65 т в декабре (в 6 раз), зубного порошка – с 23 до 123 тыс. десятков пакетов (в 5,7 раза), парфюмерии – с 9 до 136 тыс. флаконов (в 15 раз), мыла – с 3 до 11 т (в 3,7 раз). Кроме того, сверх плана освоено производство пудры, достигшее 10 тыс. пакетов в день, и заменителя мыла – моющей пасты «ПЭН-1»⁸.

В 1943 г. комбинат имел в своем составе 9 цехов, в том числе 3 основных – меловой, парфюмерный, мыловаренный и 6 вспомогательных: ремонтно-механический, электромастерскую, парокотельное отделение, трансформаторную подстанцию, кузницу, столярную мастерскую⁹. Задание по выпуску продукции увеличено с 6,5 до 13 млн. руб., т.е. вдвое¹⁰.

Продукция мелового цеха – мел, негашеная известь, зубной порошок – широко использовались в промышленности, особенно в кораблестроении, строительстве, на фронте, а также среди мирных жителей. В 1943 г. в меловом цехе вошла в строй вторая известково-обжигательная пересыпная печь емкостью 18 м², закончили сооружение одного пода кольцевой сушилки с дровяной топкой и газокамерой, напорного чана, бака, вакуум-фильтра над подовой сушилкой, здания под кольцевую сушилку, бака для возвратной воды и второго бака в подвальном помещении, 4-х насытителей, водоема на 200 м² воды для целей МПВО. Эти мероприятия резко повысили мощность цеха¹¹.

Большую роль в процессе освоения оборудования и сокращения затрат ручного труда сыграли рационализаторы. В 1943 г. от внедрения предложений главного механика Миронова было сэкономлено 50 тыс. квт. часов электроэнергии в год¹².

В день 25-летия Красной Армии куйбышевцы дали слово увеличить выпуск промышленной продукции в полтора раза против 1942 г. и за счет перевыполнения плана создать мощный особый фонд Главного Командования Красной Армии.

Эта инициатива была поддержана комбинатовцами. 18 марта комбинат закончил месячную программу и сдал в особый фонд Главного Командования сверх графика продукции на 317 тыс. руб., а к началу 2-го квартала эта цифра выросла до 498 тыс. руб.¹³

По итогам первого полугодия комбинат оказался единственным предприятием пищевой промышленности Куйбышева и области, сдержавшим

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

свое слово об увеличении выпуска продукции в 1,5 раза. В сентябре работники комбината, воодушевленные победами Красной Армии, объявили весь свой коллектив фронтовым. За 1943 г. они выработали сверх плана и сдали в особый фонд Главного Командования Красной Армии продукции почти на 3,5 млн. рублей¹⁴.

Программа 1943 г. была закончена досрочно – 27 октября. В 1943 г. по сравнению с 1942 г. выработка мела увеличилась с 33 до 94 т в месяц, зубного порошка – с 45 до 71 тыс. десятков, пудры – с 2,6 до 12 тыс. десятков, мыла – с 36 до 153 т в месяц.

В 1944 г. заметно улучшилось состояние трудовой дисциплины среди комбинатовцев. Вдвое сократилась текучесть кадров, в 3,5 раза – число прогулов, опозданий, особенно среди молодых рабочих. Этому способствовало улучшение их бытовых условий. В частности, было организовано дополнительное питание для подростков, все работники комбината были обеспечены картофелем и овощами с пригородного хозяйства, улучшилась работа столовой, повысилось качество обедов¹⁵.

Государственный план 1944 г. был выполнен 29 декабря на 100,3%. Производительность труда увеличилась на 5%¹⁶.

За упорный труд коллективу комбината неоднократно присуждалось переходящее Красное Знамя обкома и облисполкома, премии ВЦСПС и Наркомпищепрома. Комбинатовцы добились чести стоять в числе передовых предприятий страны. Директор комбината С.К. Акатов был награжден медалью «За трудовую доблесть»¹⁷.

Куйбышевский парфюмерный комбинат за 1942-1945 гг. превратился в мощное предприятие, полностью удовлетворявшее широкий спрос оборонной промышленности на химически мел, строительной – на известь, населения – на мыло и парфюмерию.

1. Пищевая промышленность СССР. М., 1967. С. 262.
2. СОГАСПИ. Ф. 656.ОП.36.Д.485.Л.106.
3. СОГАСПИ.Ф.1720.Оп.26.Д.488.Л.122.
4. Там же. Д.173.Л.140об.
5. ГАСО.Ф.4190.ОП.1.Д.1.Л.10.
6. Там же. Д.1.Лл.3а,б.
7. Там же. Д.15.Л.74.
8. СОГАСПИ.Ф.656.ОП.33.Д.173.Л.40об;
ГАСО.Ф.4190.ОП.1.Д.1.Л.4.,б.
9. ГАСО. Ф. 4190. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.
10. Там же.
11. ГАСО. Ф. 4190. Оп. 1. Д. 6. Л. 3, 183 об.
12. Там же.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

13. Волжская Коммуна. 1943. 19 марта, 23 марта.
14. ГАСО. Ф. 4190. Оп. 1. Д.6. Л. 9 об.
15. Там же. Л. 19.
16. ГАСО. Ф. 4190. Оп. 1. Д.8. Л. 10-11; СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 36. Д. 485. Л. 10.
17. ГАСО. Ф. 4190. Оп. 1. Д.1.Л.2.

ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННОЕ РУКОВОДСТВО ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫМ КОМПЛЕКСОМ СССР В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Деманов А.А.

Чувашский государственный университет

В основу системы власти в СССР был положен дуализм партийного и государственного руководства. Этот принцип главенствовал и в военной сфере, которая всегда считалась особым приоритетом партийно-государственного руководства. В соответствии с этим во главе важнейших оборонных программ находились не профессиональные военные руководители, а представители высшей политической элиты страны, во главе с ее вождем (в период холодной войны таковыми являлись И.В.Сталин, Н.С.Хрущев, Л.И.Брежнев, М.С.Горбачев).

В этой системе сформировался тип военно-политического лидера: высшего политического руководителя страны, который одновременно осуществлял руководство вопросами военной теории и оборонного строительства. К примеру, И.В.Сталин непосредственно руководил принятием решений по важнейшим направлениям развития новейших вооружений (атомная программа, развитие авиационной, ракетной и радиолокационной техники).

В последние годы жизни Сталина особенностью процесса формирования ВПК стала персонификация военной ветви власти в фигурах политических лидеров. К примеру, Н.А.Булганин возглавлял одновременно и Бюро по военным и военно-промышленным вопросам при Совмине, и Постоянную комиссию по вопросам обороны при Президиуме ЦК КПСС. В состав Комиссии были включены и представители политической элиты – Л.П.Берия, М.Г.Первухин, и военные – А.М.Василевский, С.Е.Захаров, Г.П.Громов. В свою очередь, партийно-государственные лидеры вошли в состав созданного в 1950 г. Главного военного совета Военного министерства, который был призван решать вопросы мобилизационной готовности войск, оснащения их вооружением, техникой, а также вопросами военно-политической работы.

Политический контроль над армией являлся одной из важнейших задач партии большевиков с самого начала ее существования. Принципиаль-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ным отличием организации командной системы в СССР, по сравнению с ее дореволюционной организацией, была интеграция в эту систему института политработников.

Разделение функций между командиром-профессионалом и политическим представителем партии стало фундаментальным принципом организации системы управления Вооруженными Силами страны.

Практические управленческие функции в сфере национальной безопасности выполнялись созданным в 1948 г. Административным отделом ЦК партии, в ведение которого входили управления и отделы военных ведомств, партийные и комсомольские организации и политотделы военных округов и флотов, а также ведомства госбезопасности и внутренних дел, органов прокуратуры и Верховного суда.

За оборонной промышленностью наблюдал созданный постановлением Политбюро от 10 июля 1949 г. Отдел машиностроения (с 1953 г. – Отдел оборонной промышленности) и соответствующий Секретарь ЦК.

По военным ведомствам в номенклатуру ЦК входили сотни должностей: министры, начальники военных учебных заведений и полигонов, командующие военными округами, армиями и дивизиями, а также командиры и начальники политотделов (по званию вплоть до полковника). Назначения на ключевые должности производились решением Политбюро или Совета министров.

Вместе с тем, органам атомного ведомства запрещалось давать какие-либо сведения об их деятельности в партийные и советские органы: «Никакие организации, учреждения и лица без особого разрешения ГКО не имеют права вмешиваться в деятельность Первого Главного управления, его предприятий и учреждений или требовать справок о его работе или работах, выполняемых по заказам ПГУ».

Партийно-политическая работа внутри атомного ведомства (с марта 1953 г.

Бразды правления перешли от ПГУ к Министерству среднего машиностроения) находилась в руках Политического управления (в Минсредмаше его возглавил Л.Г.Мезенцев). Несмотря на то, что первоначально в закрытых городах атомного комплекса проводились выборы в Верховный совет СССР и местные партийные и советские органы, уже с 1947 г. эти местные органы фактически прекратили свою деятельность. Все это способствовало еще большему отрыву обитателей режимных объектов от жизни страны.

В связи с «демократизацией», начавшейся в стране после XX съезда партии, партийные работники и хозяйственные руководители предлагали упразднить политотделы в закрытых городах и создать горкомы партии,

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

которые должны были, как и в других местах, избираться на городских партийных конференциях.

Вопрос был решен положительно постановлением ЦК КПСС от 17 июля 1956 г.: политотделы Минсредмаша упразднялись и создавались выборные партийные органы в закрытых городах.

Для характеристики социального и профессионального состава партийной номенклатуры, работавшей в сфере ВПК, можно использовать общие данные, подготовленные Отделом машиностроения ЦК к XIX съезду партии, о развитии машиностроительной промышленности в СССР. Эти данные могут быть экстраполированы на оборонную промышленность.

Итак, в 1950 г. в системе машиностроения работало 2280 руководящих работников, входивших в номенклатуру ЦК ВКП (б), в том числе: заместителей министров – 92 человека, начальников Главных управлений – 110 чел., директоров заводов – 658, директоров НИИ -100, партторгов ЦК – 221 человек.

Всего на предприятиях, в НИИ и КБ, в организациях и учреждениях и центральных аппаратах машиностроительных министерств в те годы работало 108 249 инженеров и 125 000 техников, т.е. примерно на 100 работников приходился один представитель номенклатуры ЦК.

Процесс принятия решений по военно-промышленным вопросам демонстрировал единство и совместную работу всех главных подразделений советского ВПК.

Проекты решений вырабатывались на начальной стадии теми научно-производственными подразделениями, которые занимались разработкой той или иной системы вооружения. Затем все заинтересованные министерства представляли свои предложения по проекту в Военно-промышленную комиссию Совмина, которая являлась главным координирующим органом всего комплекса.

1. Артемов Е.Т. Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации. – М.: РОССПЭН, 2006. 304 с.

2. Безбородов А.Б. Власть и научно-техническая политика в СССР середины 50-х – середины 70-х годов. – М.: Мосгосархив, 1997. 215 с.

3. Быстрова И.В. Военно-промышленный комплекс СССР в годы холодной войны (вторая половина 40-х – начало 60-х годов).-М.: ИРИ РАН, 2000. 361 с.

4. Голеусова Л.П. Научно-техническая политика КПСС: Некоторые итоги и проблемы исследования. – М.: Мысль, 1987. 156 с.

5. Данилов А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. – М.: РОССПЭН, 2001. 304 с.

6. Лельчук В.С. Научно-техническое и промышленное развитие СССР. – М.: Наука, 1987. 287 с.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ УРБАНИЗАЦИИ В СССР

Нюрнберг В.В.

Тольяттинский государственный университет

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 06-01-26101 а/В

Магистральным процессом российской истории в XX веке была модернизация, центральным звеном которой выступала урбанизация, «комплексный модернизационный процесс», ведущий к «радикальному преобразованию всех сторон общественной жизни на «городских» началах»¹. За несколько десятилетий города из островов в море деревенской жизни превратились в место проживания большинства населения страны. Помимо роста количества и размеров городов, а также увеличения численности проживающего в них населения урбанизация характеризуется всё более широким распространением городского образа жизни, городских норм и ценностей. Именно эта качественная сторона урбанизационного процесса зачастую подвергается сомнению авторами, признающими ограниченность влияния городов на процессы социального и культурного развития советского общества: в СССР «была создана... внешняя оболочка нового городского общества, его материальная форма»².

Для подобных выводов есть основания, связанные с концептуальной оценкой результатов урбанизации в СССР. Последняя находилась в тесной взаимосвязи процессами индустриализации, носившими ускоренный, форсированный характер, что непосредственно отразилось на социальном развитии советских городов. Началом нового этапа урбанизации стали 1950-е годы. В это время советская экономика вступила в период непрерывных трансформаций и реформ, главной целью которых было создание эффективного и устойчиво работающего народного хозяйства, приспособленного к новому этапу интенсификации производства в условиях НТР³. Необходимость сохранения и укрепления статуса сверхдержавы, достигнутого СССР в итоге второй мировой войны, поставила перед руководством страны новые стратегические задачи: перевод экономики на новый технологический уровень и резкое повышение её эффективности, а также социальная переориентация экономики на новые стандарты благосостояния⁴. Преобразования в социально-экономической сфере, не смотря на свою непоследовательность и половинчатость, оказали существенное влияние на развитие городов с точки зрения формирования условий для утверждения городского образа жизни и адаптации к нему населения.

В связи с этим особую актуальность приобретает всестороннее изучение вопроса о взаимосвязи экономической и социальной составляющей

XXI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

развития городов на завершающей стадии советской урбанизации. Данная проблема может быть отнесена к категории узловых, поскольку её рассмотрение позволяет оценить роль городов в урбанизационных процессах. «Преобразующий» потенциал последних, связанный с распространением урбанистической культуры и социально значимых новаций, потребителем которых на определенном этапе становится общество в целом, определяется качеством городской среды, задающей условия и стандарты жизнедеятельности населения⁵. Особую роль в её развитии играет формирование урбанизированных ареалов, когда на основе агломерирования крупных территорий и включения городов, относительно мало взаимосвязанных друг с другом, в интеграционные процессы происходит складывание локальных (региональных) систем расселения и размещения производства.

Период 1960-1980-х гг. стал временем нарастания интенсивных тенденций в урбанизации советского общества. За 1959-1989 гг. в 2 раза выросли основные показатели развития агломераций⁶, втянувших в свою орбиту более 4/5 всего населения СССР⁷. Включённость городов в эти процессы зависела от различных факторов, определяющих их способность выполнять функции организации экономических, социальных и культурных процессов в границах определённой территории, становится «центрами тяготения для ближайших населённых пунктов»⁸ и населения. Сочетание этих факторов и значимость отдельных из них была индивидуальной для каждого поселения, и зависела от конкретно-исторических условий его развития. Их выявление предполагает выделение комплекса обобщённых операциональных характеристик, поддающихся строгому описанию, в том числе и переводу в конкретные показатели. Прежде всего, это изменение количественных параметров городского расселения, позволяющих оценить демографический потенциал урбанизации и городов различных размерных категорий. Необходимо также провести анализ сдвигов в градообразующей и градообслуживающей базе, определяющих функциональный профиль городов и условия, в которых происходит становление и развитие основных элементов «городской среды». На этой основе можно дать характеристику условий и качества жизни населения, их дифференциации на уровне региона и отдельных поселений⁹. Всё это, в конечном счёте, позволит оценить место городов не только в демографическом или экономическом, но и в социальном развитии, их вклад в формирование не только материально-вещной среды обитания населения, но и социальных качеств самих горожан, являющихся носителями городских ценностей и стандартов жизни.

1. Сенявский А.С. Социальная динамика России в XX веке в контексте модернизации // Этот противоречивый XX век. К 80-летию со дня рождения академика РАН Ю.А.Полякова. М., 2001. С. 289.

ХІІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

2. Вишнеvский А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 110
3. Рязанов В.Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX – XX вв. СПб., 1998. С. 124.
4. Белоусов А. Становление советской индустриальной системы // Россия. XXI век. 2000. № 2. С. 45.
5. Ахиезер А.С. Качество городской среды как фактор интенсификации воспроизводства // Проблемы качества городской среды. М., 1989. С. 28-47.
6. Лаппо Г.М., Полян П.М. Новые тенденции в изменении георбанистической ситуации в России // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 1996. №6. С. 17.
7. Сеняvский А.С. Российский город в 1960-е – 1980-е годы. М., 1995. С. 202.
8. Орлова Э.А. Влияние распределения культурного потенциала на процессы модернизации в обществе // Теоретические основания культурной политики. М., 1993. С. 133.
9. Город: проблемы социального развития. М., 1982. С. 38-42.

СКЛАДЫВАНИЕ СТРУКТУРЫ РАКЕТНО-КОСМИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТИ (1958 – 1961 ГГ.)

Белкин А.В.

Самарский государственный университет

В конце 50-х гг. XX в. сложились предпосылки к созданию ракетно-космического комплекса в г. Куйбышев. Основной проблемой в этот период становится организация серийного производства достижений конструкторской мысли. Главный конструктор С.П. Королёв понимал, что производственные площади опытного завода в Подлипках не смогут обеспечить потребностей министерства обороны, ведь первоначально космические программы были призваны решать только оборонные задачи, и поэтому он начал искать новые резервы.

Куйбышев же в это время был крупнейшим в стране поставщиком авиационной техники: здесь успешно работали два завода № 1 и № 18, эвакуированные во время Великой Отечественной войны¹. Немаловажную роль сыграло и то, что эти предприятия воплощали в жизнь конструкторские разработки А. Туполева, который в годы учёбы был научным руководителем С. Королёва. Кроме того, завод № 1 уже тогда славился способностью быстро модифицировать производство. Именно на нем под руко-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

дством В. Литвинова впервые в стране был освоен поточный метод сборки самолетов².

Совершенно естественно, что такие возможности завода обеспечивались квалифицированным кадровым составом. Это подтверждается неоднократными фактами направления рабочих на помощь другим организациям³. Постоянно велась борьба за качество продукции, причём не только финансовыми поощрениями и наказаниями, но и путем пропаганды на основе коммунистической идеологии⁴. Также г. Куйбышев считался глубоким тылом, и размещение такого рода производства именно здесь было оправдано с военно-стратегической точки зрения. Наличие разветвленной транспортной сети в области являлось немаловажным фактором создания здесь нового комплекса. Инициаторами этого решения стали также заместитель председателя Совмина, председатель ВПК Д.Ф. Устинов, председатель Российского совнархоза С.А. Афанасьев⁵.

Производство крылатой ракеты «Буря» на авиазаводе № 1 в Куйбышеве нужно определить как начало перехода к созданию ракетной техники, а значит и целого комплекса в области. Всего изготовили 19 ракет, и все они были использованы⁶.

Так или иначе, завод сделал первый шаг на пути освоения ракетной техники, и оперативная организация производства новой техники не была незамечена руководством страны.

Для обеспечения научной поддержки и сопровождения производства в г. Куйбышев были призваны лучшие инженерные кадры. И в 1958 г. создан филиал НИАТ. Составлен план совместных работ завода п/я 208 и филиала НИАТ по механизации производственных процессов, созданию поточных линий и другим вопросам направленным на снижения себестоимости изделий⁷. 2 января 1958 г. Правительство приняло Постановление об организации серийного выпуска межконтинентальных баллистических ракет 8К71 на базе завода № 1 в Куйбышеве. Для оперативного выполнения правительственного заказа филиалу НИАТ было поручено разработать различные технологические процессы, в том числе методы и средства рационального изготовления прессформ для литья по выплавляемым моделям. Всего по плану было дано 10 заданий⁸.

Для организации столь сложного страны производства уже в феврале 1958г. в Куйбышев был направлен представитель С.П. Королева Д.И. Козлов. Он был должен организовать конструкторское сопровождение производства ракеты Р-7. Таким образом, был образован куйбышевский серийно-конструкторский отдел № 25 при ОКБ-1, ставший началом ЦСКБ. 23 июля 1959 г. он был преобразован в филиал № 3 и начал разработку «спутников-шпионов». В 1960 г. филиалу № 3 была поручена разработка ракет семейства «Р-7». В 1961 году начальником и главным конструктором фи-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

лиала № 3 ОКБ-1 был назначен Д.И. Козлов. Это назначение было связано с началом разработки КБ фоторазведывательных спутников. В 1964 решением С.П. Королева все работы ОКБ-1 по ракетам семейства «Р-7» и фоторазведывательных спутниках семейства «Зенит» сконцентрировались в филиале № 3, который, таким образом, стал главной организацией в разработке космических комплексов для оптической рекогносцировки⁹.

Переход завода № 1 на производство ракетно-космической техники требовал не только перестройки технологии, но и ломки в сознании рабочих. Авиационная техника – это техника многоразового использования. Ракета такой возможности не предоставляет. Поэтому, на каждом этапе изготовления любого узла, многократно возрастали требования к качеству любой технологической операции¹⁰.

В Куйбышеве был построен мощный металлургический завод (завод п\я 511), который по распоряжению Совмина СССР от 3 мая 1960г. должен был за год организовать выпуск крупногабаритных панелей для ракетной техники на что от Госплана СССР получил 71 млн рублей¹¹. Завод № 1 же по существу в то время превратился в сложную лабораторию крупнейшего многоотраслевого института, которому предстояло, опираясь на опыт родственных предприятий (свыше 1000), помочь большого количества отраслевых институтов в массовом масштабе обучить, переквалифицировать работников с учетом проверки качества технических знаний, освоить новую технику и приступить к ее серийному выпуску¹².

1. Куйбышевская область. Историко-экономический очерк. Куйбышев, 1977. С. 179.

2. Самарский завод «Прогресс» // Прил. к журн. Самарская Лука. 2000. С.17.

3. ГАСО. Ф. Р – 3562. Оп. 2. Д.121. Л.3.

4. СОГАСПИ. Ф. 8755. Оп.4. Д. 196. Л. 20.

5. Самарский берег космоса // Заводская жизнь. 12 апреля 2001. С.8-9.

6. Первушин А. Битва за звезды: космическое противостояние. М., 2003. С. 85.

7. РГАНТД Ф. Р-65. Оп. 3-6. Д. 10. Л.1.

8. Подсчитано по РГАНТД Ф. Р-65. Оп. 3-6. Д. 10. Л.1-10.

9. Этапы большого пути.//Поиск 28 сентября 1994. С.3.

10.СОГАСПИ. Ф. 8755. Оп.4. Д. 196. Л. 8.

11.РГАСПИ Ф.556. Оп. 21. Ед. хр. 316. Л.131.

12.СОГАСПИ. Ф. 8755. Оп.4. Д. 196. Л. 7.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
РОЛЬ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В ЗАРОЖДЕНИИ
ИНСТИТУТА КОММЕРЧЕСКИХ БАНКОВ 1988-1991 гг. (НА
МАТЕРИАЛАХ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)

Воронова Е.Э.

Тольяттинский государственный университет

В современных условиях изучение истории промышленных предприятий приобретает особое значение. Научное исследование роли промышленных предприятий в истории развития отечественного банковского сектора вносит весомый вклад в выявление предпосылок и характера становления основ российской рыночной экономики.

В результате экономических реформ восьмидесятых годов XX в. на территории СССР появилась возможность организации негосударственных финансовых учреждений в форме кооперативных и коммерческих банков. Основное различие между указанными двумя типами банков закачалось в минимальной величине уставного капитала: для кооперативных – 0,5 млн. руб., для коммерческих – 5 млн.руб. Вопрос величины уставного фонда банка важен, прежде всего, с точки зрения рассмотрения о роли предприятий-пайщиков в создании негосударственных банковских структур. По существовавшему цензу создать коммерческий банк без реальной финансовой поддержки крупных промышленных предприятий было практически невозможно. Поэтому именно коммерческие банки, опиравшиеся на взаимодействие с реальным сектором экономики, явились наиболее долговременной формой организации альтернативных банков и в последствии стали основой для формирования второго уровня современной банковской системы.

Коммерческие банки первоначально зародились в столицах союзных республик и крупных индустриальных центрах. Тарту, Рига, Москва, Тольятти – география возникновения первых коммерческих банков в СССР¹. Тольятти – столица советского автомобилестроения в 1988-1991 гг. обладал всеми характеристиками необходимыми для возникновения коммерческой банковской структуры: промышленным потенциалом, финансовой стабильностью, экономической устойчивостью.

16 ноября 1988 г. в Куйбышевской области был образован АвтоВАЗ-банк² – крупнейший промышленный негосударственный банк в Поволжье. Он стал пятым по счету из семнадцати зарегистрированных в СССР в 1988 году коммерческих банков. Его учредителями стали ведущие предприятия региона и страны – ПО АвтоВАЗ, Промстройбанк СССР, Россбербанк СССР и Внешэкономбанк СССР³. К 1990 году. Количество акционеров банка возросло до пятидесяти трех. Из них 62% принадлежало к промышленным предприятиям Среднего Поволжья⁴. Но все же самым крупным

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

клиентом банка являлся именно АвтоВАЗ. Поэтому развитие банка неразрывно связано с развитием предприятия. Эта взаимосвязь нашла свое отражение в уставе банка: «АвтоВАЗбанк (...) всемерно способствует развитию и повышению эффективности деятельности Волжского объединения по производству легковых автомобилей «АвтоВАЗ», содействует укреплению его хозяйственного расчета и финансового положения, увеличению объема и улучшению качества выпускаемой им продукции...»⁵. Таким образом, на первом этапе функционирования АвтоВАЗбанк стал ярким представителем карманного типа банков. Полностью подчиняя свою стратегию не принципу наивысшей доходности вложений, а интересам предприятия-пайщика.

На протяжении 1988-1991 гг. прослеживается положительная динамика доходов и уставного фонда банка⁶. Развиваясь АвтоВАЗбанк активно учреждал филиалы в Среднем Поволжье и за его пределами. В рассматриваемый период при участии АвтоВАЗбанка было создано 6 коммерческих организаций, 6 филиалов, и два независимых банка⁷.

В результате проведенного исследования правомерно заключить, что слияние промышленного и банковского капитала на территории нашей страны в условиях социализма было впервые воплощено на территории Куйбышевской области в 1988 г. Объективные показатели эффективности работы созданного промышленного коммерческого банка свидетельствуют об успешности финансовой политики крупнейшего автомобильного завода России и наличии стратегической инициативы его руководства в развитии независимых финансовых институтов. Первый коммерческий банк – АвтоВАЗбанк был создан в результате непосредственного сотрудничества промышленных предприятий не только Среднего Поволжья но и Центральной России. Деятельность АвтоВАЗбанка по созданию филиалов и дочерних предприятий дала импульс к развитию региональной сети коммерческих банков. В свою очередь вновь созданные в 1988-1991 гг. коммерческие банки помогли региональной промышленности интегрироваться в мировое экономическое пространство. Активным участием в создании коммерческих банковских структур промышленные предприятия Самарской области доказали, что призваны использовать собственные ресурсы не только в профильной деятельности по выпуску продукции, но и, внедряя новые технологии и создавая новые формы организаций, всемерно содействовать развитию экономики государства.

1. Список первых коммерческих банков РСФСР (регистрация 1988 г.). Кооперативные и коммерческие банки других республик СССР (регистрация 1988 г.). Кротов Н. Архив Русской финансово-банковской революции 1985-1995 гг. Свидетельства очевидцев. Документы. Т. 2. М., 2001. С. 248-250.

ХІІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

2. Справка по состоянию на 1 февраля 1989 г. зарегистрированных коммерческих банков № 275. 2 марта 1990 г. Государственный банк СССР. Текущий архив музея ПК АВТОВАЗБАНКА.

3. Устав промышленного коммерческого банка «АвтоВАЗбанк» 1989. Тольятти, 1989. С. 3.

4. Годовой отчет АВТОВАЗБАНКА. Тольятти, 1990. С. 15.

5. Устав промышленного коммерческого банка «АвтоВАЗбанк» Тольятти, 1989. С. 3.

6. Годовой отчет АВТОВАЗБАНКА. Тольятти, 1990. С. 16, 23.

7. Степанов А. Е., Лобода В. А., Шмыгова А. Ф. АвтоВАЗбанк. Хроника поиска и созидания. Выпуск 1. Тольятти. 1993, С. 34-47; Годовой отчет АВТОВАЗБАНКА. Тольятти, 1990. С. 8.

ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОЕ ХОЗЯЙСТВО РОССИИ В 1997 – 2001 гг.

Власенко И. А.

Тольяттинский государственный университет

После распада СССР, в 1992 – 1996 гг. идёт процесс перераспределения ответственности за деятельность предприятий жилищно-коммунального от центральных государственных органов РФ (ведомств и промышленных предприятий – в процессе приватизации) к органам местного самоуправления. Однако, ввиду длительных политических преобразований, к началу 1997 г. идущие в России реформы (в том числе и в сфере ЖКХ) имели вялотекущий характер. Кроме того, «Российские реформы идут волнами. Если к началу 1997 г. о них практически перестали говорить (обсуждались лишь такие конкретные вопросы, как налоги, неплатежи, банкротство, безработица, положение разных групп населения), то с приходом нового правительства (апрель 1997 г.) официально объявлен новый этап реформ»¹.

Указом Президента РФ № 425 от 28 апреля 1997 г. «О реформе жилищно-коммунального хозяйства в Российской Федерации» была одобрена Концепция реформы жилищно-коммунального хозяйства РФ². В ней прописывалось, что при распределении средств федерального бюджета Правительство РФ будет исходить из доли платежей населения в покрытии затрат на все виды жилищно-коммунальных услуг с 35% в 1997 г. до 100% в 2003 г. Необходимо отметить, что уже на стадии обсуждения реформа ЖКХ стала стопориться из-за сопротивления ряда руководителей регионов и части депутатов. Так, «на расширенном заседании правительства, проходившем под председательством президента 12 мая 1997 г., оппонентами

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Б. Немцову и О. Сысуеву, представлявшим проект реформы, выступали московский мэр и тамбовский губернатор. Каждый из них отстаивал свою программу»³.

В ходе реформы стали быстро расти цены на жилищно-коммунальные услуги. Хотя они далеко не достигли не только мирового уровня, но даже и реальной рыночной цены для России, тем не менее, содержание квартиры стало для большинства граждан важной статьёй семейного бюджета. В целях дальнейшего совершенствования системы оплаты жилья и коммунальных услуг и реализации мер по социальной защите населения в условиях проведения жилищно-коммунальной реформы 2 августа 1999 г. Правительство Российской Федерации приняло Постановление № 887 «О совершенствовании системы оплаты жилья и коммунальных услуг и мерах по социальной защите населения». Органам местного самоуправления предоставлено право утверждать нормативы потребления жилищно-коммунальных услуг и устанавливать ставки и тарифы на жилищно-коммунальные услуги (кроме тарифов на электроэнергию и газ)⁴. Ввиду этих преобразований «Только за 2000 г. плата за жилищные услуги выросла в РФ на 38,6%, а плата за коммунальные услуги – на 44,7%. В декабре 2001 г. по сравнению с декабрем 2000 г. жилищно-коммунальные услуги подорожали на 56,8%»⁵.

На 1 января 1999 г. в России стоимость основных фондов отрасли ЖКХ составила 880 млрд. руб. и возросла по сравнению с 1992 годом в 51,7 раза, износ основных фондов достиг в среднем по России 48%⁶. В 2000 г. недофинансирование ЖКХ составило более 20% объёма необходимых средств. Проблема усугубилась огромным объёмом накопленной задолженности в жилищно-коммунальной сфере, образовавшейся, в первую очередь, в результате невыполнения своих обязательств бюджетами всех уровней. Особый урон с потенциально тяжёлыми последствиями нанесла реформа строительству и реконструкции тех объектов инфраструктуры, которые сравнительно быстро изнашиваются и требуют регулярного обновления и замены – водопроводных и канализационных сетей. Так, в целом по РФ строительство водопроводных сетей сократилось с 1990 по 2001 гг. в 7 раз⁷.

Для решения возникших проблем и в обеспечение перехода к новой модели устойчивого функционирования жилищно-коммунального комплекса 17 ноября 2001 г. Постановлением Правительства Российской Федерации № 797 утверждена «Подпрограмма «Реформирование и модернизация жилищно-коммунального комплекса Российской Федерации» федеральной целевой программы «Жилище» на 2002 – 2010 годы». В течение всего периода реформирования осуществлялась интенсивная разработка многочисленных нормативно-правовых документов (за период с 1991 по 2000 гг. вышло более 130 различного рода документов)⁸. В отличие от

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

принятия многочисленных законов, «Ввод в действие тепловых сетей в Российской Федерации сократился в ходе реформы в 9 раз – с 1456 км в 1990 г. до 388 км в 1997 г. и до 163,6 км в 2001 г. В некоторых регионах это строительство почти парализовано, несмотря на аварийное состояние сетей. Так, в Приморском крае в 1997 г. было введено всего 3,8 км, в Хабаровском крае – 2,7 км, в Новосибирской области – 4,4 км, в Кемеровской – 3,3 км и т. д. В 80-е годы в РСФСР поддерживался довольно высокий темп ввода канализационных сетей – более 1 тыс. км ежегодно (в 1985 г. – 1338,7 км). С началом реформы эти работы стали сокращаться, и в 1994 г. было введено 516 км, а в 1997 г. 274,4 км. В 2001 г. ввод канализационных сетей в РФ составил 170,9 км.»⁹.

Итак, в начале экономических реформ предполагалось, что в течение достаточно короткого периода будет завершён переход к бездотационному функционированию жилищно-коммунальной сферы, однако социально-экономическая ситуация не позволила завершить этот переход, и к началу 2001 г. население оплачивало около 60% стоимости жилищно-коммунальных услуг, а фактически с учётом льгот и субсидий – около 40%. В свою очередь, сохранение бюджетного финансирования жилищно-коммунального комплекса на местном уровне из-за недостатка средств привело к резкому увеличению износа основных фондов ЖКХ. Особенно сильно ухудшилась ситуация в регионах.

1. Рывкина Р.В. Экономическая социология переходной России. М., 1998. С. 11.

2. См.: Жилищно-коммунальная реформа: Документы и комментарии / Составители: А. Шамузафаров, Л. Чернышов. – М., 1997. С. 10 – 33.

3. Шаронов П.М. Посткоммунистическая Россия (1990 – 1998 гг.). – Тольятти: ТолПИ, 2000. С. 106.

4. См.: Симионов Ю.Ф., Дрозд Н.И. Жилищно-коммунальное хозяйство: Справочник. – Москва, 2004. С. 30.

5. Глазьев С.Ю., Кара-Мурза С.Г., Батчиков С.А. Белая книга. Экономические реформы в России 1991 – 2001 гг. – М., 2003. С. 110.

6. См.: ЖКХ в цифрах и фактах // www.comhoz.ru

7. Глазьев С.Ю., Кара-Мурза С.Г., Батчиков С.А. Белая книга. – М., 2003. С. 238.

8. См.: Экономика жилищно-коммунального хозяйства. Под ред. доктора экон. наук, проф. Ю.Ф. Симионова. – Москва, 2004. С. 23.

9. Глазьев С.Ю., Кара-Мурза С.Г., Батчиков С.А. Белая книга. – М., 2003. С. 238.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ САМАРА – СЕНТ-ЛУИС (ОПЫТ ПОБРАТИМСТВА)

Кузнецова Ю.А.

Самарский государственный университет

В июне 1992 года Самара заключила соглашение о партнерстве с немецким городом Штутгарт и настойчиво искала расширения связей с городами дальнего зарубежья, в первую очередь США. Штутгарт предложил в качестве города-побратима для Самары своего партнера – американский город Сент-Луис. Как отмечала журналистка газеты «Сент-Луис Пост Диспетч» К. Нельсон, Самару и Сент-Луис объединяло то, что оба города находились в месте слияния двух рек, каждый имел предприятия оборонного профиля, пивной завод и химическое производство, население каждого города приближалось к 2 миллионам человек¹. Подобное сходство открывало широкие возможности для взаимодействия. Поэтому 24 февраля 1994 года города заключили Соглашение о сотрудничестве².

Одним из наиболее плодотворных направлений совместной деятельности стало здравоохранение. В 1997 году Комитет городов-побратимов Сент-Луис-Самара и больница Св. Джона отправили в Самару аппарат искусственного дыхания для операций на открытом сердце, анестезиологическое оборудование и лабораторию для анализа крови³. В октябре 1997 завершилась 2-х летняя программа совместных работ между кафедрой кардиохирургии Самарского медицинского университета и Барнет госпиталем⁴. В том же году прошли стажировку в одной из клиник Сент-Луиса врачи самарского кардиологического центра⁵. В 2000 году в США побывала группа специалистов в области оказания первой медицинской помощи⁶. Еще одна партия медицинского оборудования для кардиологического центра была отправлена из Сент-Луиса в Самару в июне 2002 года⁷.

Продуктивными являлись партнерские связи между городами в области образования. В 1997 Самарским государственным университетом и университетом Вебстера был завершен 2-ой этап программы подготовки помощников юристов⁸, Комитетом городов-побратимов Сент-Луис-Самара был создан фонд стипендий для студентов, приезжающих в Сент-Луис из Самары, также были организованы стажировки студентов Сент-Луиса в Самаре⁹. Изданием монографии завершился опыт сотрудничества Самарского государственного университета и Южно-Иллинойского университета в области социологических исследований и общественного мониторинга¹⁰.

К сожалению, не удалось наладить экономические связи между городами. Заинтересованность в развитии торговли и инвестиционных проектах в Самаре в 1993 году высказывали руководители химической компании «Монсанто»¹¹, но в дальнейшем сотрудничество с ней ограничилось

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

торговлей¹². Совместный проект по производству соевой продукции, предложенный представителями Сент-Луиса¹³ пока остается в стадии теоретической разработки.

Были реализованы несколько проектов в области культуры. В мае 1997 года в здании самарской Администрации прошла экспозиция городов-побратимов¹⁴. В 1999 году успешно прошли гастроли труппы театра «Самарская площадь» в Сент-Луисе¹⁵. В 2000 года музеями Самары и Сент-Луиса была организована программа художественного обмена¹⁶, а во время пребывания в Самаре делегации из Сент-Луиса в самарской филармонии выступил пианист Ф. Шиндлер¹⁷.

Внимание привлекает неравномерность развития связей Самары и Сент-Луиса. Более или менее стабильными они были лишь в отдельные годы описываемого периода: 1997-1999, 2001-2002. Первый «пик» в развитии связей городов-побратимов, очевидно, связан с началом реализации программы РИ в Самарской области. Деньги, выделяемые правительством США на оказание информационной и технологической поддержки руководителям и предпринимателям Самарской области, частично шли и на укрепление связей городов-побратимов Самары и Сент-Луиса¹⁸. Но финансовый кризис 1998 года сильно сказался как на объеме выделяемых Госдепартаментом США средств, так и на величине городского бюджета. Развитие отношений Сент-Луисом стало весьма дорогим удовольствием для городской казны. Второй «пик» в отношениях городов-побратимов вызван общим потеплением американо-российских отношений, связанным с вступлением России в антитеррористическую коалицию, возглавляемую США.

Можно сделать вывод, что в 1994 – 2005 годах в рамках побратимских связей Самара – Сент-Луис был осуществлен ряд совместных проектов, но система взаимодействия не сложилась. Не удалось создать экономических связей, которые послужили бы основой более стабильных отношений. Причинами подобного развития связей Самары и Сент-Луиса послужили географическая удаленность города-побратима, трудности в оформлении виз и получении разрешения на въезд в США, зависимость связей Самары и Сент-Луиса от американо-российских отношений на государственном уровне. Сохраняющиеся противоречия в американо-российских отношениях не позволяют слишком оптимистично рассматривать перспективы отношений городов-побратимов Самары и Сент-Луиса. Тем не менее, накопленный опыт развития связей с заокеанским партнером, сохраняющиеся предпосылки экономического сотрудничества могут послужить основой нового этапа в отношениях городов-побратимов.

1. Nelson Kathleen Sister City: St. Louis' Newest Sibling Opens Doors for Tourists // St. Louis Post-Dispatch. – 1993. – August 15.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

2. Соглашение о сотрудничестве между городом Самарой (Российская Федерация) и графством Сент-Луис (США). // Департамент международного и межрегионального сотрудничества, Администрация городского округа Самара (ДММС). Текущее делопроизводство. Папка № 6.1.2.
3. ГАСО. Ф. 4758. Оп. 2. Д. 98. Л.94.
4. Там же.
5. Там же.
6. Материалы к встрече Главы города Самары Лиманского Г.С. с делегацией Госдепартамента и Посольства США 26 марта 2002 года // ДММС. Папка № 6.1.2.
7. Программа пребывания делегации Сент-Луиса (США) в Самаре 15-19 июня 2002 года // ДММС. Папка №6.1.2.
8. ГАСО. Ф. 4758. Оп. 2. Д. 98. Л.94.
9. Материалы к встрече Лиманского Г.С. с делегацией Госдепартамента и Посольства США 26 марта 2002 года // ДММС. Папка № 6.1.2.
10. Там же.
11. Volland, V. Russian Kin' Seek Investors // St. Louis Post-Dispatch. – 1994. – February 15.
12. Самара – субъект международного сотрудничества // <http://city.samara.ru/economics/1/96>
13. Письмо исполнительного директора Центра Международного Сотрудничества, Сент-Луис, Р. Херманна к ведущему специалисту ДММС, Самара, Е. Калугиной от 11 августа 2001 года // ДММС. Папка № 6.1.2.
14. Бондаренко, А. Международный потенциал Олега Сысуева // Вечерняя Самара. – 1996. – 23 августа.
15. Материалы к встрече Лиманского Г.С. с делегацией Госдепартамента и Посольства США 26 марта 2002 года // ДММС. Папка № 6.1.2.
16. Письмо Р. Херманна к Е. Калугиной от 7 июня 2000 года // ДММС. Папка № 6.1.2.
17. Чеботарев, Н. Разговор с Америкой // Волжская заря. – 2000. – 14 июня.
18. ГАСО. Ф. 4758. Оп. 2. Д. 98. Л. 95.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРЕДПРИЯТИЙ
АВТОМОБИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СРЕДНЕГО
ПОВОЛЖЬЯ В 70-е гг. XX в.

Кравцова Е.В.

Тольяттинский государственный университет

Грантовая поддержка Министерства образования и науки Самарской области.
Раздел 156Г.1.1 К

В развитии автомобильной промышленности Среднего Поволжья второй половины 60-х – первой половины 70-х гг. произошли серьезные изменения, связанные с возведением в регионе новых крупных промышленных объектов отрасли и реконструкцией действующих производств. В течение данного периода были введены в промышленную эксплуатацию Волжский автомобильный завод и Камский комплекс заводов по производству большегрузных автомобилей, а также проведен ряд мероприятий по реконструкции Ульяновского автозавода. Отметим, что количественный рост мощностей автомобильной промышленности сопровождался качественными изменениями. В это время на первый план выходят вопросы повышения эффективности производства, внедрения достижений научно-технической революции, обусловленные растущим значением интенсификации производства¹. Ведущими направлениями научно-технического прогресса советской промышленности в целом, и ее автомобильной отрасли, в частности, стали дальнейшее совершенствование качества выпускаемой продукции, развитие технологии производства, укрепление его научной базы.

На предприятиях отрасли полным ходом шло дальнейшее обновление парка оборудования, внедрение комплексной механизации и автоматизации производства. Так, на ВАЗе было установлено 16880 ед. технологического оборудования, из которого более 80% работало по автоматическому и полуавтоматическому циклу, в т.ч. 280 автоматических линий; на заводах Камского комплекса – 37585 ед., причем более 81% составляло оборудование, работающее по автоматическому и полуавтоматическому циклу, в т.ч. 678 автоматических линий². На УАЗе к середине 70-х гг. удалось комплексно механизировать 21 цех и участок, внедрить 48 автоматических, комплексно-механизированных и поточно-механизированных линий, свыше 700 ед. высокопроизводительного оборудования³. В связи с тем, что отечественное станкостроение не могло в полном объеме обеспечить потребности промышленных предприятий необходимым количеством и видами оборудования, совместное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 523 от 27 июля 1973 г. возлагало на ряд министерств ма-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

шиностроения, в т.ч. на Министерство автомобильной промышленности функции головных ведомств по созданию и производству основных видов машин и оборудования для механизации и автоматизации подъемно-транспортных, погрузочно-разгрузочных и складских работ⁴.

Если на ВАЗе и КамАЗе мощные базы станкостроения изначально закладывались в технические проекты, то на УАЗе ее стали создавать лишь во второй половине 70-х гг., благодаря чему удалось внедрить более 1 тыс. ед. технологического оборудования, в т.ч. 420 – специального⁵. В целом, к концу 70-х гг., несмотря на проведение отдельных мероприятий, уровень механизации на заводе оставался достаточно низким.

Еще одним важным направлением в формировании научно-технического потенциала предприятий отрасли являлось дальнейшее развитие их научной базы, включавшей в себя хорошо оснащенные специализированные лаборатории и конструкторские службы. Это позволяло оперативно и на более высоком уровне решать многие производственные проблемы, повышать эффективность проводимых научных исследований, привлекать к решению сложных технических задач ведущие научно-исследовательские, проектно-конструкторские организации и высшие учебные заведения⁶. Так, например, на Волжском автогиганте было создано Управление лабораторно-исследовательских работ (УЛИР). В его состав входили десятки лабораторий, представлявших собой единую сеть «мини-НИИ», которые осуществляли входной контроль качества материалов, испытывали и разрабатывали технологию новых отечественных материалов и т.п. В 1974 г. Отдел новых материалов при активном участии лабораторий УЛИР согласовали 40 новых технических условий на используемые материалы, а также довели до требований ВАЗа и внедрили в производство отечественных материалов по более чем 100 позициям, что дало возможность сократить уровень валютных затрат на 4 млн. рублей⁷. УЛИР Волжского автозавода вело активную исследовательскую и экспериментальную работу с различными научными и учебными организациями страны. Только в 1977 г. для ВАЗа проводили исследования более 100 научных учреждений страны, в т.ч. Институт сварки имени Е.О. Патона Академии наук Украинской ССР, Институт физической химии, Институт термоядерного синтеза АН СССР и др.⁸ КамАЗ также устанавливал тесные связи с многочисленными научно-исследовательскими организациями. Так, в 1975 г. 45 НИИ выполняли работы по тематике КамАЗа, в т.ч. по конструкторской тематике – 31 вид работ, по технологической – 26, по металлургической – 13⁹. Ульяновский автомобильный завод активно развивал контакты с Ульяновским политехническим институтом, сотрудники которого входили в объединенный технический совет предприятия. На совете специалисты разрабатывали и утверждали тематику совместных исследований, отбирали наиболее важные

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

серьезные проблемы¹⁰. Но, в общем, технологические службы на УАЗе так и не смогли стать проводниками науки и техники, технологические лаборатории были слабо развитыми, не имели экспериментальных и производственных баз, да и инициатив создания таких на предприятии не было.

Таким образом, в исследуемый период научно-технический потенциал предприятий автомобильной промышленности Среднего Поволжья находился на достаточно высоком уровне развития, что, прежде всего, относилось к ВАЗу и КамАЗу, ведущим заводам отрасли. Именно здесь устанавливалось современное технологическое оборудование, закладывались мощные станкостроительные базы, способные решать текущие и перспективные задачи в области модернизации производственных мощностей; были налажены широкие связи с научно-исследовательскими организациями, высшими учебными заведениями страны.

1. Пивовар Е.И. Советские рабочие и НТР: По материалам автомобильной промышленности СССР 1966-1975 гг. М., 1983. С. 51-52.

2. Управление по делам архивов мэрии г. Тольятти. Ф. Р-352. Оп. 1. Д. 826. Л. 8; Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. Р-768. Оп. 1. Д. 815. Л. 75; Д. 2661а. Л. 67.

3. Сидякин А. За высокую эффективность технологического производства // За коммунистический труд. 1976. 10 февраля. С. 3.

4. Управление по делам архивов мэрии г. Тольятти. Ф. Р-352. Оп. 1. Д. 764. Л. 98-106.

5. Тихий Е. Заводскому станкостроению – 20 лет // Панорама УАЗ. 1996. 25 июня. С. 1-2; Сальников Г. А резервов еще много // За коммунистический труд. 1981. 10 февраля. С. 3.

6. Зубков А.А. Развитие научно-технической базы отечественного автомобилестроения (1966-1980 гг.). Нижний Новгород, 2001. С. 52.

7. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 1632. Оп. 3. Д. 98. Л. 7.

8. СОГАСПИ. Ф. 1632. Оп. 6. Д. 18. Л. 41.

9. НА РТ. Ф. Р-768. Оп. 1. Д. 442. Л. 10; Д. 643. Л. 15.

10. Зубков А.А. Указ. соч. С. 132.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
ФОРМЫ МАТЕРИАЛЬНОГО ПООЩРЕНИЯ НА
ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ Г. САМАРА (1928–1930 гг.)

Мельников Д.А.

Самарский государственный педагогический университет

Для эффективной организации производства и повышения производительности труда важную роль играет заинтересованность работников предприятия в результате своего труда. В этой ситуации активно используется материальное стимулирование работников.

Цель данной работы – дать характеристику основным формам материального стимулирования труда на промышленных предприятиях г. Самара на начальной стадии индустриализации (1928 – 1930 г.г.).

В работе используются исследование сотрудника Госплана СССР – Струмилина С.Г. по социалистической экономике и материалы фондов Государственного Архива Самарской Области (ГАСО) – Краевой Совет Народного Хозяйства, предприятий – Завод № 42 им. Масленникова, Жигулевский Пивоваренный Завод, а также фонды потребительской кооперации.

Самой основной и распространенной формой материального стимулирования труда являлась заработная плата: основная и дополнительная (система премий). В задачи заработной платы входило: 1) личное содержание; 2) школьное и профессиональное обучение рабочего; 3) содержание семьи; 4) лечение; 5) накопление на будущее¹.

Существовал специальный фонд заработной платы в каждом учреждении, из которого и производились выплаты. С учетом изменений, произошедших в конце 1920-х гг., выделились следующие формы заработной платы:

рабочие – 1) по сдельным расценкам; 2) повременная оплата по тарифным ставкам; 3) премии сдельщикам и повременщикам; 4) оплата простоев, отпусков и сверхурочных работ; 5) оплата коммунальных услуг и натуральных выдач;

инженерно-технические работники – 1) премии; 2) оплата отпусков; 3) вознаграждение за выслугу лет²;

Сдельная форма оплаты труда, зависящая напрямую от количества и качества, вырабатываемой продукции каждым отдельным рабочим, явилась для советского правительства самым простым способом материального стимулирования. Ее начали активно внедрять с самого начала первой пятилетки, сначала на основных, а затем и на всех видах производства. С каждым годом увеличивалось количество рабочих, занятых на сдельной форме оплаты труда, если в 1928г. Из 100% рабочих на сдельной форме работало 58%, то к 1932 г. уже работало 64%³.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Подобная ситуация сложилась и на промышленных предприятиях г. Самара: к 1931г. Краевой Совет Труда постановляет перевести на сдельную оплату все предприятия края, включая городские⁴.

На крупнейших заводах и фабриках города уже к концу 1930г. Более половины рабочего состава работало на сдельной оплате⁵. Так же активно внедрялась система индивидуального и коллективного премирования за выполнение и перевыполнение плановых показателей и другие служебные заслуги⁶.

Кроме этой формы стимулирования труда руководство в центре и на местах использовали и другие формы поощрения в производстве. Из общего фонда заработной платы предприятия и финансовой помощи городского и краевого бюджетов, учреждались фонды строительства жилья для работников; строились школы, столовые и детские сады; вводились оплачиваемые отпуска; путевки в санатории, дома отдыха, и на курорты Юга страны⁷. Для повышения производительности труда и мотивации у работников использовалась система продвижения по службе: из простого рабочего в руководителей бригад, цехов или в местные органы власти от своего предприятия⁸.

Кроме вышеперечисленных форм материального стимулирования труда в начале первой пятилетки начали широко использовать системы денежных взысканий, штрафов, лишения или уменьшения суммы премий, вычетов из заработной платы за прогулы, опоздания на работу, невыполнение плановых показателей, выпуск некачественной продукции и т.д. Несмотря на негативное отношение значительной части рабочих к данным формам стимулирования, эта система сохранялась и активно использовалась в течение всей первой пятилетки (1928 – 1932 г.г.)⁹.

Таким образом, вся система материального поощрения, действовавшая на общесоюзном и местном уровнях, была необходима в условиях постоянного увеличения плановых производственных показателей и являлась единственным методом повышения мотивации у работников промышленности, а, следовательно, и повышения производительности труда во всех видах производства.

1. Струмилин С. Г. Очерки социалистической экономики СССР. М., 1959. С. 554.

2. Труд в СССР: Стат. сб. М., 1968. С. 146.

3. Там же. С. 147.

4. Государственный Архив Самарской Области (ГАСО). Ф. Р-674. Оп. 1. Д. 1559. Л. 187.

5. ГАСО. Ф. Р-674. Оп. 1. Д. 558. Л. 39-39об; ГАСО. Ф. Р-2101. Оп. 11. Д. 1а. Л. 16-17; ГАСО. Ф. Р-2934. Оп. 5. Д. 54. Л. 12.

6. ГАСО. Ф. Р-674. Оп. 1. Д. 558. Л. 39-39об.

7. ГАСО. Ф. Р-2101. Оп. 12. Д. 40. Л. 38.

8. ГАСО. Ф. Р-674. Оп. 1. Д. 1646. Л. 132 об.

9. ГАСО. Ф. Р-674. Оп. 1. Д. 1559. Л. 355-357.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Секция «Власть и общество в истории России»

ФЕНОМЕН ЛЖЕДМИТРИЯ I: ПРИЧИНЫ ПОЯВЛЕНИЯ, ТРИУМФ, ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ПАДЕНИЯ

Толкачев М.В.

Самарский государственный педагогический университет

Смута начала XVII века – одна из величайших смут истории России, а одной из важнейших сторон этого кризиса, является самозванчество – явление крайне интереснейшее никогда ранее до Смуты XVII века в истории России не появлявшееся. Без рассмотрения этого аспекта мы не получим целостную картину Смуты XVII века. Самым ярким представителем самозванчества, является Лжедмитрий I, в его лице мы постараемся показать феномен самозванчества.

Смута и самозванчество понятия неразрывны, и, на наш взгляд, причины у этих явлений перекликаются. Мы считаем, следующие факторы породили самозванчество и возвели на трон Лжедмитрия I:

1. Смерть Дмитрия в 1591 году и смерть бездетного Федора Иоанновича в 1598 году, то есть пресечение законной династии московских князей ветви Колиты из рода Рюриковичей (кризис династический). Пресечение династии феноменальное явление в истории нашего отечества, ибо никогда ранее этого не происходило.

2. Недовольство существующей царской властью, выражается в бунтах – выступления народных масс, требующих серьезных перемен (кризис социальный, экономический). Это играет, несомненно, наруку самозванцу.

3. Влияние запада (кризис внешнеполитический). Мысль интриги Лжедмитрия I зародилась еще на территории Московского государства под влиянием происходящих событий, но Польша оформила самозванчество в его окончательном виде.

4. Нравственный «разврат» (кризис моральный). Народ остро чувствует вакуум власти, слабость центральной власти, неразбериху и безнаказанность. Многие отлично знали об авантюре, но шли за авантюристом в поисках богатств и власти.

5. Изменения взгляда на царскую власть. Это кризис власти, когда народ увидел, что царей можно выбирать, а значит и свергать, ведь выбран царь народом, а не Богом. В этом случае народу легче поверить в чудесное спасение помазанного Богом царя, нежели принять нового.

6. Столкновение сословий, неспособность существующей царской власти разрешить это столкновение (так же кризис власти). Столкнувшиеся со-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

словные группы ищут в своем конфликте выход, которым вполне может послужить смена неспособного разрешить противоречия правительства.

7. Причиной самозванчества можно рассматривать объединение русских земель вокруг Москвы, так как это способствовало утверждению на троне именно Рюриковичей династии Колиты. Рюриковичей осталось много, но именно московские Рюриковичи стали помазанниками божьими и именно их именем воспользовались самозванцы.

Необходимо показать, почему же Лжедмитрий из всех самозванцев добился наибольшего успеха. Мы считаем, этому способствовали следующие факторы:

1. Очередность появления. Интрига Отрепьева была свежа и актуальна. Задачи последующих самозванцев усложнились, поскольку ложь нарастала как снежный ком.

2. Происхождение. Отрепьев вышел из дворянской среды, это сыграло немаловажную роль. Превосходное владение манерами, не могли не расположить к себе представителей знати как российской, так и польской. Юшка располагал к себе не только аристократию, которая видела в его поддержке явную наживу, но и простой народ¹.

3. Личные данные. Мы можем сказать о незаурядных актерских данных Отрепьева – в политике тоже пригождается. Да и владение грамотой позволяло Отрепьеву всегда находиться в курсе политических событий и подписываемых им документов.

Однако, несмотря на все эти преимущества, Лжедмитрий I потерпел крах. Дело в том, что самозванец воспользовался помощью западных покровителей, но явно своих обязательств ни пред Польшей, ни перед Ватиканом выполнять самозванец не собирался – исполнение привело бы к непредсказуемым последствиям для Московского государства и для самого самозванца. Отрепьев стал действовать полностью самостоятельно. Это и сгубило авантюриста, так как он лишился поддержки обманутых им покровителей, впоследствии лишится поддержки и простого народа, ведя разгульный и непочтительный к обычаям Московского государства образ жизни. Самозванец так и не смог привлечь на свою сторону аристократической и церковной верхушки. Лжедмитрий оказался без какой-либо поддержки, никому не нужным. Власть без социальной опоры в обществе рухнет. Результат – гибель самозванца от рук боярской верхушки 17 мая 1606 года³. Кстати, политическая программа Лжедмитрия подразумевала серьезные, хотя и несколько несвоевременные преобразования, очень напоминающие петровские, но Лжедмитрию так и не удалось преступить к их осуществлению⁴. Это был феноменальный человек. Первый названный император, с другой стороны первый самозванец. При некой схожести

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

взглядов, это был далеко не Петр I. Да и Россия к преобразованиям была еще не готова.

Лжедмитрий оставил яркий след в Отечественной истории, положив начало новому для нашего государства явлению – самозванчеству. Самозванчество вовлекло в борьбу все слои населения. Эта кровавая, грязная борьба, которая как никакая другая разжигала Смуту. Но при всей трагичности явления самозванчества, оно не лишено и позитивных черт – тот колоссальный исторический урок, опыт, который преподали московскому государству самозванцы, не прошел бесследно.

1. Скрынников Р.Г. Самозванцы в России в начале XVII в. Григорий Отрепьев. Новосибирск, 1983. С. 193-200.

2. Скрынников Р. Г. Три Лжедмитрия. М., 2003. С. 43-90.

3. Он же. Смута в России в начале XVII в. И.И. Болотников. Л., 1988. С. 153-159.

4. Низовский А. Ю. Самозванцы и двойники. М., 2005. С. 32.

ПЕРЕВОРОТ 1801 ГОДА И ЦАРСКАЯ ФАМИЛИЯ

Павлова Е.В.

Самарский государственный университет

События переворота 1801 года исследованы основательно, однако вопрос о трактовке этих событий русским обществом в первой половине XIX века в связи с вопросами сакральности, легитимности и преемственности монархической власти практически не исследован. Переворот 1801 года был необычным явлением для Российской Империи несмотря на целую эпоху дворцовых переворотов. Участником заговора являлся Александр Павлович, наследник престола, сын Павла I. Таким образом, это преступление носило еще и характер отцеубийства. Некое подобие законности, которое придавало участие наследника в этой акции¹, стало беспрецедентным случаем нарушения законодательства, а так же преступления против постулатов православной веры фигурой, которая в последствие была коронована и миропомазана на царствование. Поэтому вопрос о том, как воспринимались эти события самим Александром и другими членами царской фамилии, имеет большую научную значимость.

Следует с большой долей критики принимать свидетельства участников событий о негативных качествах Павла I. Павел для Россиян являлся прежде всего императором, фигурой сакральной. Его убийство должно быть рассмотрено как с позиций закона Российской империи, так и с точки зрения православного вероисповедания. С точки зрения юридической ца-

ХІІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

реубийцы и все, кто состоял в заговоре, должны были быть приговорены к смерти. Закон предусматривал наказание за убийство и покушение на священную особу императора, и за отцеубийство.

По Уложению 1649 г. смертная казнь – основной вид наказания за убийство, «приготовление и обнаружение умысла». Свод законов Российской Империи (1832 г.) предусматривал «особенные виды смертоубийства»: убийство отца или матери, детоубийство, братоубийство и т.п. В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных (1845 г.), смертная казнь предусматривалась за убийство Императора или члена его семьи.

И с точки зрения обычного права, цареубийство и отцеубийство были тяжелым грехом. Для традиционного российского общества первой половины века характерно понимание царя как Отца народа и помазанника Божьего. Светский глава православного государства наделялся prerogativaми власти священной². По учению авторитетного святителя Филарета, Митрополита Московского «царская власть является Богодарованной, Царская власть есть Божие дарование и благословение»³. Власть Православного царя построена по образу Небесного Единначалия, по образу Вседержительства возникла власть Самодержавная, наследственная, – утверждал Филарет в соответствии с правовыми и церковными кодексами России.

В обычном праве, церковных и правовых положениях фиксировалось: «Бога бойтесь, царя чтите. Это и царь и отец. Есть обязанности не только к Богу, но и к Царю. Царь – живая икона Бога... лицо и сан христианского Царя являются на земле образом и подобием Христа Царя, живущего на небесах». Царь, «мирно восходящий на престол» – есть залог благоденствия народа.

Ментальность человека XIX века Филарет определял следующим образом: «Верность Царю и закону должна быть полная, соблюдаемая всегда и во всем, простирающаяся даже до самопожертвования». Если кто-либо начинает думать, что он лучше Царя знает, что должен делать Помазанник Божий для богоугодного служения Богу, то таковой в духовной брани против духов злобы поднебесной получил тяжелейшее...духовное повреждение. Всякий противящийся власти Царя-Богопомазанника, противится Божию установлению.

Катехизис относил к законопреступному злодеянию, равному убийству укрытие убийц, их освобождение и не предотвращение убийства. Любой, «дерзающий бунт и измену против Церкви и царской власти» трижды подвергался анафеме.

Таким образом, Александр Павлович, по закону и вере являлся преступником, совершив дважды грех – против Императора и отца. Как император, он должен был приговорить цареубийц к смертной казни.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Мария Федоровна, вдовствующая императрица догадывалась об участии Александра в заговоре, сразу после переворота отказывала сыну в свидании, отказалась признавать Александра императором, пока не увидит тела мужа. Императрица заставила Александра и Константина поклясться в том, что они не знали о намерении лишить жизни императора. Первые месяцы отношения Марии Федоровны и Александра были исключительно напряженными. Это нашло яркое отражение во многих источниках. Мария Федоровна «неустанно преследовала заговорщиков и выражала неудовольствие теми, кто не разделял ее негодование на преступление»⁴. Она отдавалась заботам, посвященным памяти погибшего мужа: поставила ему памятник и хранила его постель и подушку, запятнанные кровью. В дальнейшем, не смотря на отмечаемые всеми теплые отношения матери и сына, Мария Федоровна не упускала момента, чтобы напомнить Александру о событиях 11 марта.

В письмах она постоянно упоминала о Павле, останавливалась на вопросе событиях 1801 года, которые «поколебали, так сказать, самый трон и изменили общественное настроение, которое в один день перешло от страха к распущенности ... привыкли смотреть на государя как на обыкновенного смертного...»⁵.

В письме к С.И. Плещееву императрица, хотя и отзывалась об Александре как об Ангеле, сообщала: «Сердце мое увяло, душа моя отягощена, но я не ропщу на определение промысла; я лобызаю руку, меня поражающую. Оплакиваю мужа моего...»⁶.

Из рассказов Голицыной, фрейлины Елизаветы Алексеевны, можем почерпнуть информацию о том, как восприняла переворот супруга Александра: «...императрица Елизавета, охваченная ужасом, рухнула на колени перед стулом. ... как она говорила, эта минута принадлежала к числу самых ужасных в ее жизни... самый воздух этого дворца насыщен преступлением»⁷. Она предостерегала супруга от последствий, которые могут произойти от «подобного решения (оставить престол)... Она умоляла его быть энергичным, посвятить себя счастью своего народа и смотреть на свою власть как на искупление».

События 1801 года наложили отпечаток и на отношения Константина Павловича с Александром. Константин сообщил Саблукову, что после того, что случилось, брат его может царствовать «если ему это нравится», но, если бы престол когда-нибудь должен был перейти к нему, он от него бы отказался⁸. Их отношения носили своеобразный характер. Современники свидетельствовали, что цесаревич любил своего державного брата, но в тоже время постоянно составлял глухую оппозицию⁹. Он не сочувствовал проявлению либеральных воззрений императора Александра. Либеральный дух считал величайшим злом.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Показателен сюжет, когда к нему в руки попал № 109 журнала «Journal De S.Petersbourg» за 1826 год и он заметил «нелепость», о которой писал Бенкендорфу. Речь шла о смягчении наказания по случаю коронации. Перед словом «каторжники» был поставлен титул «господа». «Но всякому известно, – писал Константин, – что человек, осужденный на каторжные работы, лишается... дворянских титулов и ... становится вне закона. И кому же дают этот титул? Преступникам, приговоренным к смертной казни!»¹⁰. Что ж говорить о том преступлении, которое камнем лежало на душе Александра. Константин, конечно, не мог отнестись к этому спокойно, это не просто преступление, это был великий грех. Но в силу того, что брат был коронован, являлся законным наследником престола, долг обязывал быть верноподданным.

Николай Павлович жег документы и письма, уничтожал все, что только могло бросить малейшую тень на деятельность Благословенного монарха (Александра)¹¹. События 11 марта тяготели и над ним. Когда произошел переворот, он был совсем маленький. В своих воспоминаниях о младенчестве записал только, что «отец нас нежно любил», вспоминал про рыдания Александра на коленях у матушки «и я до сих пор их слышу»¹². К позднему времени относятся воспоминания: «Мы редко видели государя Александра Павловича, но всегда любили его как ангела, своего покровителя...». Что касается отношения к заговорщикам, то отметим, что Николай I на прошение тестя Панина – В.Г. Орлова о милости ответил, что он, понимает Орлова как отца, но как «сын, не может облегчить участи Панина...».

События 25 декабря, омрачившие начало царствования Николая I, почти на всем его протяжении были не только семейно-династической, но и государственной тайной. Это касалось как восстания и казни над декабристами, так и обстоятельств, сопровождавших переход к нему престола¹³. Он испытывал боль, которую, по его собственному ощущению, невозможно забыть до конца своих дней. «Я император, – писал он брату, – но какую ценою. Боже мой. Ценою крови многих подданных». Думаю, эти слова можно экстраполировать на его отношение к событиям 1801 года, о которых он практически не писал. Декабристы замахнулись на престол, и была пролита кровь подданных. Александр дал согласие на свержение Императора и отца.

Письма Николая и Константина Павловича в первые дни вступления Николая на престол проникнуты взаимным уважением и почтением права каждого на наследование – Константина по праву старшинства, оно «вверено ему Провидением», Николая – по случаю отречения Константина. По смерти Александра в переписке царской фамилии выражена искренняя скорбь: «Наш Ангел умер, нашего Ангела больше нет. Служить ему, по

ХІІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

памяти, его воле – вот чему я посвящаю остаток дней моих...», написал Николай Павлович.

Члены царской фамилии, являясь представителями Августейшего семейства, восприняли цареубийство 1801 года как грех, что, повлияло на отношение к личности Александра. Осенью 1801 года в Петербург приехал Лагарп. Он советовал воспитаннику взять ответственность за 11 марта на себя и сурово наказать цареубийц за превышение данных им полномочий. Но Александр I не решился на это.

Православие трактует долг (обязанность) вообще и социальный долг в том числе, как высшее послушание, как принятие незыблемой иерархии ценностей¹⁴.

Видимо, осознание тяжкого греха пришло к Александру сразу, и по воспоминаниям многих современников, тяготило его всю оставшуюся жизнь. Ливен говорит о борьбе в душе императора. Отвращение, которым Мария Федоровна воспылала к действующим в катастрофе лицам, «явило тягостный контраст с безнаказанностью заговорщиков, на которые государя обрекала необходимость». Александр проявлял к матери почтительность, ...уступал придворное представительство, мирился с большой ее влиятельностью во всем. В этом «чуялось какое-то искупление и признание долга перед вдовой Павла».

В письме к Воронцову Кочубей заметил, что «у государя явные угрызения совести и он считает преступлением то, что он, государь, думал о регентстве»¹⁵. О тяжелом «грузе» императора пишет и Чарторижский¹⁶.

В.О. Ключевский отметил, что Александр «еще в царствование Екатерины признавался Чарторыйскому, что принимает сердечное участие во французской революции, ненавидит деспотизм...»¹⁷. Историки заостряли внимание на письме Александра к Лагарпу (1797 г), в котором критиковался Павловский курс; на «осторожном» поведении цесаревича, отмечая в нем гения интриги¹⁸, который добился короны. Александра оправдывали, ссылаясь на то, что он требовал от заговорщиков сохранить жизнь отца.

М.А. Фон-Визин отмечал, «властолюбие не могло заглушить в его (Александра) сердце жгучих упреков совести, даже в самое счастливое и славное время его царствования»¹⁹. В 1818 году император Софье Ивановне Соллогуб он говорил о «тягостях, сопряженных с его званием, и только религия дает ему силы перенести это бремя». Событиями 1801 года многие историки объясняли и мистицизм, в который «впадал» Александр, его духовные искания.

Современники отмечали кротость Александра. Чувство не искупаемой вины не позволяло Александру, видимо, быть полновластным монархом. Это отразилось на событиях 14 декабря. На доклад генерала Васильчикова о политическом заговоре император ответил: «Не мне подобает карать»²⁰.

ХІІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

1. Сорокин Ю.А. Заговор и цареубийство 11 марта 1801 года // Вопросы истории. 2006. № 4. С. 22.
2. Худушина И.Ф. Царь, Бог, Россия. Самосознание русского дворянства (к. XVIII- первая треть XIX вв.) М., 1995. С. 11.
3. Нравственное богословие для мирян. СПб. 1901. Репринт Свято-Успенским Псково-Печерским монастырем в 1994. С. 372-373.
4. Шильдер Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. СПб., 1904-05. Т. 1-4. Т. 1. С. 566.
5. Письма императрицы Марии Федоровны к императору Александру I // Русский архив. 1911. кн.1. вып.1. С. 144-145.
6. Письмо императрицы Марии Федоровны к С.И. Плещееву //РА. 1869. Стб. 1952-1953.
7. Головина В.Н. Мемуары // История жизни благородной женщины. М.: Новое литературное обозрение, 1996. С. 236-237.
8. Записки Н.А. Саблукова // Цареубийство 11 марта 1801 года... – С. 76.
9. Цесаревич Константин Павлович // Русская старина. Т. 102. № 5. С. 347.
10. Переписка цесаревича Константина Павловича с графом А.Х. Бенкендорфом // РА. 1884.
11. Великий Князь Николай Михайлович // РА. 1911. Кн.1. Вып.1. С.130.
12. Воспоминания о младенческих годах Императора Николая Павловича, записанные им собственноручно // Николай Первый и его время. В 2 т. М. 2002. Т. 1. С. 66. К позднему времени относятся воспоминания об Александре.
13. Рудницкая Е., Тартаковский А. Вольная русская печать и книга барона Корфа // 14 декабря 1825 года и его истолкователи. М.: Наука, 1994. С. 30-33.
14. Боханов А. Н. Самодержавие. Идея царской власти. М.: «ТИД «Русское слово – РС», 2002. С. 44.
15. Кочубей А.В. Семейная хроника. Записки. 1790-1873. СПб., 1890.
16. Чарторижский А. Мемуары. М., 1998.
17. Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Кн. 3. М.: Мысль. 1993. С. 364.
18. Кизеветтер А.А. Исторические силуэты. Ростов-на – Дону.:Феникс, 1997. С. 316.
19. Записки М.А. Фон-Визина // Русская старина. 1884. № 4.
20. Шильдер Н.К. Указ. соч. Т. 4. С. 203.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ ДЕЛО СКОПИНСКОГО БАНКА

Морюшкин С.И.

Рязанский государственный университет

Осенью 1884 г. на всю Россию прогремело дело Скопинского банка, организованного еще в конце 50-х гг. XIX в. местным авантюристом и дельцом И.Г. Рыковым. Официальное открытие банка в Скопинском уезде Рязанской губернии состоялось в 1863 г. Две недели в Московском окружном суде разбиралось это дело. Один из современников, народник С.М. Степняк-Кравчинский так описывал это событие: «Целых две недели газеты, несмотря на неоднократные предупреждения, уделяли процессу целые страницы. В обществе почти ни о чем другом не говорили. Это была самая жгучая злоба дня, и она не скоро будет забыта»¹. А корреспондентом на процессе по делу банка был молодой А.П. Чехов, который ежедневно присылал в редакцию «Петербургской газеты» свои репортажи, впоследствии вошедшие в его труд «Дело Рыкова и комп.»².

Итак, сразу после открытия банк с помощью широкой рекламы на страницах общероссийских и местных газет и журналов привлек вкладчиков со всей империи и деньги «потекли рекой». К 1867 г. оборот банка уже превысил 5 млн. руб.³. В первые годы банк обеспечивал вкладчикам высокие проценты: доходы на рубль составляли более 100%. Бесконтрольно распоряжаясь вкладами, Рыков подмял местные власти и расходовал миллионы рублей по своей прихоти. Рыков раздавал и даже навязывал «нужным людям» под векселя деньги и с их помощью добился полной свободы действий. Заемщиками в банке были рязанский губернатор Н.А.Болдырев, вице-губернатор Н.М.Волков, министр народного просвещения граф Д.А.Толстой и многие другие влиятельные лица. Обширные связи в столицах, телеграммы от великих князей с благодарностью за различные услуги и пожертвования, делали Рыкова неуязвимым. Своих местных противников Рыков беспощадно уничтожал: разорял или сажал в тюрьму. В городскую Думу и в управу попадали только те, кто значился в списках Рыкова. Так, в частности, на суде вскрылся следующий факт: один из свидетелей рассказывал, что перед каждыми выборами агенты Рыкова ходили по дворам обывателей Скопина и советовали не выбирать в местную думу господ, которых Рыков недолюбливал, а выбирать людей, обязанных банку. Местную думу он признавал как одно из своих орудий⁴. Т.о., через Думу он оберегал банк от всех проверок, а протоколы ее заседаний составлялись заранее. С 1868 г. вкладчики ставили в известность о злоупотреблениях Рыкова рязанского губернатора, министра внутренних дел Тимашева, министра финансов Рейтерна, но меры не принимались.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Очередная афера Рыкова наладить работу угольных копей принесла банку убыток до 700 тыс. руб., но банк не разорился. Вскоре началась русско-турецкая война 1877-78 гг. и вклады вновь «потекли рекой». Всевозможные поставщики и спекулянты крали и наживались на войне, высылая деньги в Скопинский банк, в отдельные дни поступало по 50 тыс. руб. На средства банка Рыков построил Никольскую церковь в Скопине. Агенты Рыкова через газеты обеспечивали банку высокую репутацию, с этой целью подкупали корреспондентов, давали взятки редакторам. Но это не помогало. В прессе все чаще стали появляться сообщения о злоупотреблениях Рыкова, о расхищении кассы банковскими администраторами и о несостоятельности самого финансового заведения. Просочившаяся в газеты информация создала панику среди вкладчиков банка. Толпы клиентов хлынули в Скопин, осаждали банк, который задерживал выплату процентов и прочих платежей. В итоге огромная растрата на общую сумму в 12 млн. руб. привела банк к краху. В 1882 г. банк лопнул, вызвав панику среди обманутых вкладчиков.

1 октября 1882 г. по «делу» Скопинского банка началось следствие. Рыков и еще 25 человек попали под суд, который начался 22 ноября 1884 г. в здании Судебных установлений в Московском Кремле. Окружной суд вызвал более 100 свидетелей, на процессе присутствовало около 300 человек публики и журналистов, одним из которых был уже упоминавшийся молодой А.П. Чехов. Он красочно отобразил процесс. По его характеристике, Скопин «изображал из себя стадо кроликов, прикованных глазами удава к одному месту»⁵. Интересен и портрет самого Рыкова, нарисованный будущим писателем: «Одевался он в шитый золотом мундир и белые генеральские панталоны. Грудь его была увешана орденами, как русскими, так и иностранными. Между последними был также и персидский орден «Льва и Солнца». На суде вид главного обвиняемого был уже другой: «Из-за решетки поднимается толстый, приземистый мужчина с короткой шеей и огромной лысиной. Ему 55 лет, но тюрьма дала его лицу и волосам лишних 5-10: на вид он старше. Большое, упитанное тело его облечено в просторную арестантскую куртку и широкие, безобразные панталоны. Он бледен и смущен, до того смущен, что, прежде чем ответить на вопрос председателя, делает несколько порывистых выдыханий. Его маленькие, почти китайские глаза, утонувшие в морщинах, пугливо бегают по зеленому сукну судейского стола»⁶. Как видно, от бывшего величия ничего не осталось.

«Рыковская Панама», как окрестили в газетах «дело» Скопинского банка по аналогии со знаменитым Панамским скандалом, завершилась 10 декабря 1884 г. судебным приговором, который читался четыре часа. Рыков приговаривался к ссылке в Сибирь, остальные в арестантские роты, в

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

рабочие дома. Современники считали, что пострадали «мелкие сошки», крупные хищники остались в стороне. Но благодаря освещению этого дела Чеховым, общество видело не только жульнические порядки отдельно взятого уезда, но и порядки тогдашней России, породившие историю Скопинского банка. На лицо была неприкрытая система подкупа, взяточничества, произвола и беззакония всей страны, которые так тесно были связаны с этим нашумевшим делом. Известный адвокат Ф.Н. Плевако, выступавший на этом суде в качестве гражданского истца, говорил: «Ненадежна та страна, где у каждой вещи нужно сажать пса на цепи, у каждого хранилища нужна стража на часах»⁷.

1. Степняк-Кравчинский С.М. Россия под властью царей. М., 1964. С. 338.
2. Чехов А.П. Дело Рыкова и комп. // Полн. собр. соч. и писем в 30-ти т. М., 1979. Т.16.
3. ГАРО. Ф. 640. Оп. 71. Д. 552-553.
4. Попов И.П. Очерки истории культуры Рязанского края. Рязань, 1994. С. 118.
5. Чехов А.П. Указ. соч. С. 182.
6. Там же. С. 203.
7. Цит. по: Попов И.П. Указ. соч. С. 119.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ БЛАГОУСТРОЙСТВА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в. (НА ПРИМЕРЕ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Сергиенко М.А.

Белгородский государственный университет

Одним из важнейших направлений в деятельности органов городского самоуправления являлось благоустройство. Деятельность по благоустройству включала в себя следующие мероприятия: устройство систем канализации и водопровода, развитие транспорта и освещения, поддержание в чистоте городских площадей и улиц и т.д.

Между тем, результативность данных мероприятий во многом была связана с инициативностью и личной заинтересованностью со стороны представителей выборных органов власти и полиции.

Со вступлением в должность первого городского головы по положению 1870 г. П.А. Устимовича в Курске предпринимались активные попытки к улучшению внешнего облика города. Насущной являлась проблема замощения городских улиц. Недостаток финансовых средств не позволял

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

замостить все улицы города, притом, что цены на камень были сравнительно невысоки. И хотя общепризнанным являлся тот факт, что вымощенная улица перед домами возвышала ценность квартир, но собственники жилья не торопились принимать участие в расходах по устройству мостовых и замощению улиц. Между тем, стараниями городского головы в Курске было проложено несколько асфальтовых тротуаров, но недостаток средств не позволял заасфальтировать их в полном объеме¹.

Одной из острейших в губернии являлась проблема поддержания чистоты на городских улицах. В 1874 г. Курской городской думой были изданы обязательные постановления для жителей города относительно благоустройства². Данные правила регламентировали порядок очистки улиц от мусора, ограничивали временные рамки уборки улиц и площадей³.

Между тем, в связи с постоянной нехваткой бюджетных средств органы городского самоуправления и губернской власти нередко пытались решать проблемы благоустройства за счет самих горожан. В уездных городах также практиковалось привлечение городских обывателей к исполнению обязанностей по улучшению облика городов. Например, на основании обязательных постановлений, изданных Суджанской городской думой 28/II 1879 г. очистка улиц города, которых на тот момент насчитывалось восемь, производилась самими жителями под наблюдением управы. А очистка городской площади и главной улицы, по которой пролегалка каменная мостовая, очищалась наемными рабочими за счет общественных городских сумм. Таким же образом производилось и устройство тротуаров⁴.

Исходя из обязательных постановлений городских дум следует, что причиной неблагоприятной обстановки в городах губернии являлось не только отсутствие финансовых средств, но и низкий культурный уровень большинства горожан. Так вышеназванные постановления Суджанской городской думы запрещали торговцам убивать скот во дворах, мясных рядах и, вообще, в границах города. Кроме того, обывателям предписывалось содержать в чистоте улицы, дворы, помойные ямы⁵. А вышеназванные обязательные постановления Курской городской думы «не позволяли спускать на улицу помой, всякую грязную или зараженную воду, остающуюся от какого-либо торгового производства или хозяйства, промывки рыбы и пр.»⁶. Аналогичные обязательные постановления действовали и в других городах губернии.

Развитие капиталистических отношений на территории Курской губернии в конце XIX века выдвинуло на первый план и такую проблему, как создание принципиально новой системы коммуникаций. Но отсутствие необходимых инвестиций тормозило инициативу органов городского самоуправления. В Курске водопровод был сооружен в 1873 г. Он был устроен на средства концессионера и поэтому город не нес расходов по его

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

эксплуатации и ремонту. В уездных городах жители использовали для хозяйственных и бытовых нужд речную воду и воду из артезианских колодцев. Тем не менее, органы городского управления уездных городов также предпринимали попытки к сооружению водопроводной сети. Так, Корочанская городская дума в заседании от 12/III 1901 г. приняла постановление о ходатайстве перед подлежащей властью о разрешении построить в г. Короче водопровод путем концессии, с объявлением конкурса на постройку⁷. В г. Белгороде водоснабжение являлось важнейшей отраслевой структурой городского хозяйства. Белгородский водопровод, построенный в 1871 году бельгийской фирмой, содержался на городские средства.

Одной из насущных проблем в деятельности органов городского самоуправления являлась электрификация губернского, а в перспективе и уездных городов губернии. Следует отметить, что даже к концу XIX века освещенность городов оставалась на очень низком уровне. В городах Курской губернии в основном применялось освещение улиц керосиновыми фонарями. Даже Курск долго оставался на керосиновом освещении в помещениях, а улицы оставались практически без освещения.

Тем не менее, нельзя не признать, что положение городского хозяйства, по крайней мере, губернского города Курска с начала XX века сделало крупные шаги вперед.

Сдерживающим фактором в деле развития благоустройства являлся недостаток финансирования, и в связи с этим сложное финансовое положение городских бюджетов. Кроме того, в данный период времени актуальной становится необходимость установления прочных связей с городским населением для решения задач в сфере благоустройства.

1. Курское Александровское образцовое городское училище и деятельность его основателя. М., 1885. С. 109.

2. Обязательные постановления Курской городской думы. Курск, 1913. С.1.

3. Там же. С.2.

4. Государственный архив Курской области (ГАКО) Ф.54. Д.522. Л.18.

5. Там же.

6. Обязательные постановления Курской городской думы. Курск, 1913. С.3.

7. ГАКО. Ф.54. Д.1022. Л.1.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
ИМПЕРИЯ РОМАНОВЫХ И ТАТАРСКАЯ РАТУША: ОПЫТ
АДМИНИСТРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ТАТАРСКИМ
НАСЕЛЕНИЕМ

Измайлов Б.И.

Институт истории Академии наук Татарстана

Захват Казанского ханства в 1552 году поставил перед Русским государством вопрос о включении татар в свое правовое поле. В течение XVI-XVIII веков политика царского правительства в отношении татар неоднократно менялась, но общим ее направлением оставался комплекс репрессивных мер. Ставка на усиление колониальной политики насильственного крещения и русификации татар в XVIII веке не дала желаемых результатов и привела к затяжному кризису. Более того, татарское общество оказалось вне правового пространства Российской империи.

Начало правления Екатерины II ознаменовалось поворотом в политике имперской власти в отношении мусульманского населения. Российская империя, чтобы избежать дальнейшей военной конфронтации с татарским населением, пошла на ряд существенных уступок. В первую очередь они касались сфер торговли и законодательства. Большую роль на переориентацию политического курса в отношении татар оказали деятельность Екатерининской комиссии, работавшей в 1767-1769 годах и восстание Е. Пугачева. На Екатерининской комиссии служилые татары и мурзы из разных губерний выступили единым фронтом в отстаивании своих прав. Наказы от татарского населения ставили одним из важнейших требований уничтожение стеснений в торговле. Предложения татарских депутатов были направлены на урегулирование отношений татарского общества с властью. В конце XVIII века появилось несколько указов, удовлетворявших требования татар: о веротерпимости в 1773 г., о дозволении производить торговые промыслы всем татарам в 1776 г., об уравнивании в правах с российским дворянством татарских мурз в 1784 г., а в 1788 г. о создании «Оренбургского Магометанского Духовного собрания»¹. Сам факт того, что различные территориальные группы татар выступили с едиными требованиями, позволяет утверждать, что к концу XVIII века появляются основы для будущей татарской нации. В этот период возникли предпосылки институционализации каналов влияния некоторых социальных групп на все татарское общество². Кроме, Духовного Собрания в г. Оренбурге, такими институтами стали Татарские ратуши в Казани, Оренбурге и некоторых других городах.

Открытие Татарских ратуш вначале в 1781 г. в Казани, а затем в 1784 г. в Сеитовской слободе Оренбургской губернии было связано с реформой ме-

ХІІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

стного самоуправления и суда 1775 г. Несмотря на то, что ратуши были широко распространены по всей России, в то же время они имели ряд особенностей, характерных только для данной периферии.

Если российским правительством Татарская ратуша рассматривалась как средство адаптации татарского населения в имперское политическое и правовое пространство, в то же самое время татарское население использовала ее в качестве внутриобщинной консолидации и способом взаимодействия с властями. Провал политики радикального решения «татарского вопроса» привел к тому, что в поиске оптимального режима интеграции региона в общеимперский «организм» самодержавие пошло по пути организации взаимодействия с местными элитами. Чтобы обеспечить эффективный переход к новым формам организации политического пространства во вверенном регионе, представители местной власти должны были в свою очередь подчинить традиционные формы власти общеимперским интересам и нормативно-ценностным ограничениям. Недаром одним из главных формальных требований к кандидатам являлось требование лояльности императорской власти, что проявлялось в принесении присяги³.

Структура и принципы организации ратуши были такими же, как и у городского магистрата. В состав ратуши входили голова, два бургомистра и четыре ратмана, староста и 2 судьи словесного суда из числа состоятельных членов татарского общества, избиравшиеся купечеством и мещанством через каждые три года. Из членов ратуши трем дозволялось быть по очереди в отлучке (одному бургомистру и двум ратманам). Ратушский голова избирался, как правило, из первогильдейских купцов, но к моменту создания ратуши среди татарских купцов не оказалось купцов, относящихся к первой гильдии. Однако уже к 1816 г. в татарских слободах было 8 крупных первогильдейских купцов. Большая же часть должностей падала на купечество 3-ей гильдии и мещан, на них ложился основной груз решения повседневных проблем.

Предметы ведения Казанской Татарской ратуши в конце XVIII – начале XIX вв. были велики. В круг компетенции ратуши входили: выдача аттестатов о службе, составление послужных списков; взыскание податей и повинностей; обсуждение и приведение в действие общественных приговоров об исключении «порочных» членов общества, принуждение их к наказаниям; содействие полиции; наблюдение за своевременным составлением и содержанием в исправности ревизских сказок; ведение дел о сословных переходах купцов и мещан, увольнение их; выдача купцам паспортов; производила выдачу купечеству удостоверений о взносе гильдейских пошлин для получения торговых свидетельств; проведение выборов. После учреждения в 1788 г. Мусульманского Духовного собрания на Казанскую Татарскую ратушу была возложена также функция избрания ее членов⁴.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Таким образом, создание Казанской Ратуши явилось значительным шагом в политической и экономической интеграции татар в пространство империи Романовых. Впервые со времени Казанского ханства татары получили возможность на законных основаниях регулировать свои правовые и частично политические отношения с российскими властями. Благодаря деятельности Казанской Татарской ратуши к середине XIX века у более чем половины представителей татарских купеческих семей имелся опыт работы в разных должностях и исполнении обязанностей. Этот опыт управленческой деятельности оказался очень важен во время участия татарских представителей в работе Государственной думы в 1906-1917 гг.

1. Ногманов А.И. Татары Среднего Поволжья и Приуралья в российском законодательстве второй половины XVI – XVIII вв. Казань, 2002. С. 212-213.
2. Исхаков Д.М. Проблемы становления и трансформации татарской нации. Казань, 1997. С. 70.
3. НА РТ Ф.22. Оп.2. Д.975. Л. 9-9 об.
4. НА РТ Ф.22. Оп.2. Д.731. Л. 1-3.

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В ПОРЕФОРМЕННОЕ ВРЕМЯ: ЯВЛЯЛОСЬ ЛИ ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ ДВОРЯНСТВО ОПОРОЙ САМОДЕРЖАВИЯ? (СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Копылова Е.П.

Пермский государственный педагогический университет

Служба определяла всю жизнь чиновника-дворянина и его семьи в России. Большую часть дворян в Пермской губернии составляли именно чиновники, для которых губерния была перевалочной базой. Они не составили сильного и авторитетного дворянского общества на Урале, в силу своей малочисленности и кочующего образа жизни.

Чтобы ответить на вопрос, заявленный в названии, необходимо создать портрет этой социальной группы: проследить как жил, что думал, какое получал образование¹ местный чиновник-дворянин. Эти данные раскрывают реестровые книги Дворянской опеки², существовавшей в Перми с 1871 года, формулярные³ послужные, списки чиновников и различные дела: прошения о назначении пенсии⁴, отпуска⁵, опеке⁶, разрешения на замужество и др.

В обязанности Пермской Дворянской опеки вменялось заниматься имущественными делами умерших дворян; следить за образованием и со-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

держанием оставшихся малолетних детей, над которыми до 17 лет устанавливалась опека. После 17 до 21 года устанавливалось попечительство и только по достижении 21 года Дворянская опека прекращала дело.

По настольному реестру опеки видно, что с 1863 по 1919 велось 150 дел, большая часть которых (66 %, или 99 дел) была связана с опекой над имуществом и несовершеннолетними детьми умерших дворян. Большинство из которых оставили наследникам совсем небольшой капитал, в размере 1-2 годовых зарплат, которая составляла 900-1600 рублей чиновника 8-6 класса в конце XIX – начале XX вв. (59,6 %, из них – 41 % умерших оставили после себя *до 1000 рублей*, 9,3 % – *до 2000 руб.*, 9,3 % – *до 5000 руб.*) А 25,2% дворян вообще *не оставили* после себя никакого имущества и оставшиеся дети содержались за счёт опекунов. Лишь 16 человек из 107 обеспечили своим наследникам действительно безбедное существование, а 6 человек и вовсе шикарное. В целом, чиновники получали неплохое жалование, на которое могли хорошо питаться и вести достойный их положения образ жизни. Но, далеко не всегда этого было достаточно на статусные вещи, необходимые для поддержания имиджа дворянина, особенно при наличии большой семьи и необходимости получения детьми образования. Такими как: проживание в лучшей части города (квартплата, съём жилья были очень дороги – составляли до $\frac{1}{2}$ – $\frac{1}{3}$ заработной платы), наличие горничной, воспитательницы у детей, получение столичных журналов, обед в Благородном собрании, карманные золотые часы, несколько хороших костюмов из дорогого сукна и т.д. Эти вещи стоили гораздо дороже продуктов. Чем выше был статус чиновника, тем более расходов требовало от него его положение. Основная масса пермских чиновников средней руки, как и их коллег по России, была стеснена в средствах, т.к. жалование у подавляющего большинства, было единственным источником существования.

Государство для русского общества было всё – кормилец, защитник, источник доходов и информации. Во всех бумагах, сохранялся не просто уважительный тон по отношению к верховной власти, а именно просительный. Совсем не просто было получить пенсию, отпуск, дела длились годами. Так, отставной коллежский секретарь В.С.Муханов из дворян ждал назначения пенсии или единовременного пособия ок. 3 лет: с 28.11.1895 по 24.08.1898 гг.⁷ Дело посылалось: в Канцелярию Губернатора, Полицейское управление, Департамент общих дел МВД, в Пермское губернское правление, пока не были собраны бумаги и не получен удовлетворительный результат. Возникает вопрос: на что жил чиновник во время этого разбирательства?

В основном чиновные дворянские семьи были небольшими. Обзор 99 дел представляет интересные данные: 41% семей имели по 1 ребёнку, 19 % по 2, 13 % по 3 ребёнка, 16 % по 4, и 10 % – 5-8 детей.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Крайне редко ходили в отпуска. По формулярным спискам о службе членов Земских управ и мировых судей Пермской губернии за 1892-93 гг: из 30 полных послужных списков чиновников – 22 человека (73%) не были в отпуске за всё время службы (а продолжалась служба в среднем 15-30 лет), 3 человека – 1 раз, 2 человека – 2 раза, 1 человек – 3, 3 человека – 4 раза в отпуске, продолжавшемся в среднем 28 дней. Правда, были и такие, кто ходил в отпуск чаще: так, предводитель Пермской Дворянской опеки, Ф.А.Мейер, за всё время службы, продолжавшейся с 1882 по 1917 гг., был в отпусках 8 раз⁸. На фоне большинства чиновников, это много, а в сравнении с сегодняшним днём – раз в 4,5 года – совсем не часто. Служба подчиняла себе всю жизнь чиновника-дворянина и его семьи, человек сливался с ней и был самым верноподданным гражданином своему государю.

Анализируя источники по пермскому дворянству можно сделать вывод о преувеличенности числа дворян в «недворянских» губерниях⁹ (в Пермской губернии по данным переписи 1897 г. насчитали 4814 потомственных и 12668 личных дворян, что составило 0,58 % от общего числа жителей губернии, тогда как в предшествующие и последующие годы эта цифра составляла 0,21 – 0,23%). Перед Дворянской Опекой часто вставал вопрос: из какого сословия происходит человек. Для этого посылались запросы в губернии, где родился и служил человек, в местные ведомства. Однако в большинстве случаев опека так и не могла доказать в полной мере дворянское происхождение своих подопечных, т.к. бумаги дворянских собраний разных губерний пребывали в беспорядке, картотек не было и достаточно несложно было представить себя дворянином, особенно если человек имел безупречный послужной список и награды. И приходилось довольствоваться ответом: «Бумаги утеряны».

До конца существования Российской империи среди чиновного дворянства крупных городов губернии сохранялся образ жизни, который они вели на протяжении 60-80 гг. XIX в. Казалось, что в окружении губернатора, в его канцелярии и правлении жизнь «застыла». На заседаниях Благородного собрания внимание было сосредоточено не на решении каких-то серьёзных, насущных проблем, а на мелочных, досуговых моментах: прения по игре в карты, по уплате взносов за обеды и т.д.: «...Председатель совета старшин констатировал, что бывают случаи, когда члены собрания не платят даже при нескольких напоминаниях. Или, приходит человек в буфет, буфетчик ему говорит, что кредит закрыт, он достаёт кошелек с деньгами, говорит, что сейчас же уплатит. Выпьёт, спрячет кошелек обратно, не уплатив. Иной приведёт с собой дам, потребует ужин, наест на 25 руб., а потом говорит «Запишите!», что тут поделаешь! Собрание приняло решение производить судебное взыскание не через 2, а через 4 месяца, а

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

также, чтобы расчёты производились не к 1, а к последнему числу следующего месяца...

При рассмотрении параграфа 64 в зале оставалось всего 10-12 человек, которые рассмотрели вопрос о замене окон, от которых дует, проведении парового или водяного отопления, об исправлении здания...»¹⁰

Являлось ли провинциальное дворянство опорой самодержавия? Да, но опора эта была чрезвычайно слаба! Чиновник не научился отстаивать свои интересы, действовать самостоятельно. Государство воспитало слой преданных, пассивных, удобных исполнителей, а могли ли они помочь в период революционного и экономического кризиса?

1. Государственный архив Пермской области (ГАПО). Ф. 48. Оп. 1. Д. 65; Ф. 208. Оп. 1. Д. 12.
2. ГАПО. Ф. 48. Оп.1. Дд. 12, 14, 17.
3. ГАПО. Ф. 48. Оп. 1; Ф. 36. Оп. 1-2; Ф. 65. Оп 2.
4. ГАПО. Ф. 36. Оп. 2. Д.11 и др.
5. ГАПО. Ф. 65. Оп. 2. Д. 1179. ЛЛ. 6-286 и др.
6. ГАПО. Ф. 175. Оп.1. ДД. 33, 111, 124, 125, 131, 148 и др.
7. ГАПО. Ф.36. Оп. 2. Д. 11. ЛЛ. 2,7-11.
8. ГАПО. Ф. 48. Оп. 1. Д.65. ЛЛ. 6-7.
9. Кабытова Е. Кризис русского дворянства. Самара, 1997; Данные переписи 1897 года по Пермской губернии.
- 10.Благородное собрание // Пермские губернские ведомости. 27 мая (№112) 1901 г.

ЗЕМСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ В КОНЦЕ XIX ВЕКА

Кокшарова А.А.

Тольяттинский государственный университет

Земский либерализм в России конца XIX века можно рассматривать как одно из проявлений процесса формирования гражданского общества, что открывает возможность осмысления и актуализации некоторых аспектов этого опыта применительно к современной России.

Гражданское общество – это совокупность межличностных отношений, интересов; различных социальных институтов, функционирующих в данном обществе вне государственного вмешательства, достаточно сильных, что бы служить противовесом государству, и формирующих в активном взаимодействии с ним развитые правовые отношения¹. Одним из са-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

мых важных проявлений гражданского общества являются сформированное общественное мнение и гражданская позиция членов общества.

Земство, как институт местного самоуправления, являлось зародышем гражданского общества и было призвано уравновешивать государственное влияние на общественную жизнь хотя бы на местном уровне. Одним из самых важных вопросов являлся вопрос о балансе сил между государством и обществом в целом и местным самоуправлением в частности².

Земский либерализм как общественное течение, возникшее на базе местных органов самоуправления, явился одной из самых важных предпосылок создания гражданского общества в России.

В развитии тактики земских либералов в обращении к обществу можно выделить два этапа.

На первом этапе, который охватывает 1880-е годы, определяющей тенденцией в земском либерализме было обращение к общественному мнению по социально-экономическим вопросам: формирование аграрной и финансовой, дальнейшее развитие просветительской и социальной программ.

В 1880-е годы земцы, стараясь приобщить всё общество к решению социально-экономических проблем России, начинают активно публиковать свои проекты в печати. В начале 1880-х место общеземского органа печати занимала газета «Земство», впоследствии, когда её закрыли, это место занял журнал «Вестник Европы».

В 1890-е годы начинается второй этап. Теперь земские либералы начинают обращаться к обществу по политическим вопросам. Формой таких обращений были, как правило, предварительное размещение в печати адресов и публичные земские собрания, посвященные их обсуждению.

В адресной компании 1894-1895 гг. либералы, по мере возможности, прибегали к услугам периодической печати. Еще до официальной подачи были опубликованы саратовский, полтавский и некоторые другие адреса. В письме тамбовского уездного предводителя В.М. Петрово-Соловова, адресованном к В.И. Вернадскому, говорилось: «Сию минуту прочел я в № 13 «Русских ведомостей» адрес полтавского земства. Если он мог быть напечатан до его поднесения, то почему нельзя напечатать тамбовский? Я уверен, что в интересах общего дела вы не откажетесь взять на себя труд расследовать этот вопрос. Частным образом я распространяю наш адрес, сколько могу, но что же это значит сравнительно с оглашением его в печати? Мы переживаем такие минуты. Нам на общественное настроение можно и должно влиять, а ведь, в конце концов, все сводится к тому, насколько интенсивно... наставлены общественные мозги»³.

Обращение к общественному мнению отразило стремление земских либералов расширить социальную базу политической идеологии земского либерализма, и также свидетельствовало о генезисе гражданского общест-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ва в России. Французский политический мыслитель и духовный отец европейского либерализма Б. Констан писал, что если правительство какого-либо народа заклеит гражданина своим произвольным решением, то задача общественного мнения – встать на защиту этого гражданина и опротестовать этот приговор⁴.

Также в 1890-х стали публиковаться для более широкого распространения материалы съездов земских деятелей.

Так, если совещания и съезды конца 1870-х усиленно скрывались от полиции и носили тайный характер для общества, то теперь министр внутренних дел был оповещен о таких съездах, их решения публиковались в печати и были отлитографированы в отдельные брошюры, которые было решено «разослать... в нескольких экземплярах всем губернским управам и, кроме того, выдавать... лицам интересующимся»⁵. В желании земцев не делать тайны для общественности из своих совещаний проявилось их стремление апеллировать не только к правительству, но и к общественному мнению, тогда как на рубеже 1870-1880-х гг. субъектом политического диалога выступали лишь органы власти.

В 1890-е годы идея консолидации земских сил и более систематического влияния на общественное мнение вылились в конкретный проект создания общеземского печатного органа. Программа этого издания должна была включать девять разделов⁶. Главная задача этого печатного органа состояла в том, чтобы не только приобщить общество к земским вопросам, но и быть выразителем всего общественного мнения.

Таким образом, земский либерализм являлся идеологической составляющей процесса генезиса гражданского общества в России; не замыкаясь в себе, он стремился донести свои идеи до всех членов общества. При этом важным преимуществом земского либерализма явилось то, что он опирался на практическую базу местного самоуправления.

1. См. подробнее: Российская юридическая энциклопедия. М., 1999. С. 214; и Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. М., 2004. С. 14.

2. Куликов В.В. К оценке земского положения 1890 г. // Государство и право. 2000. №1. С.104-107.

3. Архив РАН. Ф. 518 (Вернадского В.И.). Оп. 3. Д. 1255 (Письмо В.М. Петрово-Соловово В.И.Вернадскому, 14 января 1895 г.). Л. 1.

4. Констан Б. О свободе у древних в её сравнении со свободой у современных людей // Хрестоматия по теории государства и права, политологии, истории политических и правовых учений. М., 2000. С. 225.

5. Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918. С. 74.

6. НИОР РГБ. Ф. 440 (Шипова Д.Н.). К. 1. Ед. хр. 19. Л. 3-4 об.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ УПРАВЛЕНИЕ МУНИЦИПАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ В ГОРОДАХ УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ (1900-1914 гг.)

Полянина О.А.

Башкирский государственный университет

Одним из базисных элементов любой системы городского самоуправления является муниципальная собственность.

В исследуемый нами период объекты муниципальной собственности делились на две крупные категории: «городские имущества» и «городские предприятия». К первым относились земельные участки, луга, озера, пристани, торговые склады, различные здания и постройки. Городскими предприятиями именовались принадлежащие муниципалитету водопроводы, скотобойни, электрические и телефонные станции, трамваи и т.д.

Первостепенное значение имела земельная собственность. Вне зависимости от своего имущественного или образовательного ценза, все гласные отчетливо осознавали, что земля – это не только основа финансовой стабильности, но и важный инструмент влияния. Лишенные каких-либо серьезных административных рычагов, городские управления зачастую восполняли их отсутствие тем, что решали вопросы о выделении или сдаче в аренду земельных участков. Факты продажи и заклада земли остались единичными случаями по той же причине – к началу XX века все возможные «прирезки» к городской территории уже были сделаны, и земля перешла в разряд невосполнимых ресурсов.

В то же время, городские управы не жалели времени и сил, чтобы извлечь из имеющейся собственности максимальную прибыль. На практике это выражалось не столько в простом повышении арендной платы, сколько в формировании гибкой системы ставок, позволявшей выгодно сдавать как лавки в Гостином дворе, так и пустоши на окраинах¹. Учитывалась и специфика того или иного города: в Уфе, Бирске и Стерлитамаке хорошую прибыль давали пристани на реке Белой². Полуаграрный образ жизни горожан в Белебее диктовал особый режим сдачи в аренду заливных лугов³. В уникальной ситуации оказался Златоуст, который, являясь центром горнозаводского округа, долгие годы вообще был лишен возможности распоряжаться своей земельной собственностью⁴.

Естественным регулятором шкалы арендных ставок служила закрепленная Городовым Положением 1892 года слабость фискального аппарата городских дум. Стоило управе «перегнуть палку», как единственным способом сократить количество неплательщиков – будь то пароходовладельцы или рядовые горожане – становилось списание «безнадежных к поступлению» недоимок⁵.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

На фоне возрастающих требований общества к уровню городского комфорта особого внимания гласных требовал другой сектор муниципальной собственности – городские предприятия. Наиболее последовательно курс на муниципализацию предприятий коммунального хозяйства проводила Уфимская городская дума. В 1912-1916 годах в ведение управы перешли городская электростанция, пожарная команда и ассенизационный обоз⁶. Успехи, наметившиеся в этих областях, стали серьезным противовесом настроениям той части городских деятелей, которые отнеслись к ползучей муниципальной революции с определенной долей опасения⁷.

Таким образом, степень эффективности управления муниципальной собственностью оказывала непосредственное влияние практически на все сферы деятельности органов городского самоуправления.

1. ЦГИА РБ. Ф. И-340. Оп. 1. Д. 20. Л. 4, 6, 29; ЦГИА РБ. Ф. И-340. Оп. 1. Д. 39. Л. 71-72, 156.

2. ЦГИА РБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 1574. Л. 17-18об.; Сборник постановлений Стерлитамакского уездного земского собрания XXXIX очередной сессии 1913 года. Стерлитамак, 1914. С. 1235-1236.

3. ЦГИА РБ. Ф. И-388. Оп. 1. Д. 1. Л. 5-6.

4. Отдел народного образования по Златоустовскому уезду. Златоуст, 1910. С. 329-330.

5. Великое и малое. 1911-1915. Краткая записка бывшего Стерлитамакского городского головы К.Д. Ростовцева. Стерлитамак, 1915. С. 5-12; ЦГИА РБ. Ф. И-340. Оп. 1. Д. 35. Л. 116-117, 162-163.

6. Гаврилов А.А. Выкуп Городской Центральной станции Н.В. Коншина. Уфа, 1916. С. 91-98; ЦГИА РБ. Ф. И-387. Оп. 1. Д. 1. Л. 172; Справочник по Уфимскому городскому общественному управлению на 1914 год. Уфа, 1914. С. 111-113.

7. Городское дело. 1910. №20. С. 1028-1041; Уфимские губернские ведомости. 1905. 10 марта. №55. С. 2.

ВЛАСТЬ, ОБЩЕСТВО И РЕВОЛЮЦИОННОЕ ПОДПОЛЬЕ В УФЕ В 1905-1907 гг.

Валеев М.А.

Институт истории языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук

Нараставший в начале XX в. в Российской империи политический кризис был временно прерван начавшейся русско-японской войной. Патриотические настроения захлестнули все слои общества – рабочих, крестьян-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ян, мещан, студенчество, служащих и т.д. Земские организации, дворянские собрания организовывали сбор средств на усиление армии и флота, на оказание помощи раненым. Однако вскоре ситуация в стране стала меняться по мере поступления сообщений о военных неудачах России. Постепенно патриотические настроения сменились глубоким разочарованием в несостоятельности властей. Кровавые события 9 января 1905 г. на Дворцовой площади в Санкт-Петербурге стали началом первой российской революции.

К этому времени Уфа представляла собой один из типичных провинциальных губернских центров имперской России. Однако, в отличие от ряда соседних регионов (Вятки, Симбирска и др.) для Уфы было характерно очень быстрое экономическое развитие, увеличение численности населения, массовая застройка окраин и т.д. Открытие в 1888 г. железнодорожного сообщения связало город с центром страны и сделало его крупным транспортным пунктом. К 1905 г. Уфа уже представляла собой крупный губернский центр со сложным этническим составом жителей¹. Также за последние десять лет население города увеличилось в двое. Если по данным всеобщей переписи 1897 г. в Уфе проживало 49 тыс. жителей, из которых уроженцев других мест насчитывалось более 30 тыс. человек, то в 1904 г. население города достигает 68,3 тыс. чел., а в 1907 г. – 84 тыс. человек². Это приводит к изменению патриархальных настроений жителей города. Огромное влияние имели и многочисленные политические ссылки. Например, Н.К. Крупская отбывала здесь окончание ссылки, и одновременно вела социалистический кружок.

В 1905 г. начинает происходить заметная активизация леворадикальных настроений в общественном движении. Существовавшие еще с конца XIX в. марксистские кружки оформляются в нелегальные объединения, заручаются поддержкой центральных органов и получают новый, более высокий статус. Социал-демократы и эсеры ведут активную пропаганду среди населения. Они печатают различные прокламации, организовывают сбор средств в пользу политических заключённых и т.д.³ Под их влиянием в Уфе происходит ряд забастовок и демонстраций. Появляются и боевые организации. В мае 1905 г. эсерами было совершено покушение на уфимского губернатора генерал-майора Соколовского⁴. А двумя годами ранее в 1903 г. также боевой летучей организацией эсеров был убит уфимский губернатор Н.М. Богданович.

Начало 1905 г. в Уфе ознаменовался бурным подъемом общественного либерального движения. Уфимские либералы, во множестве представленные в губернском земском собрании, продолжали посылать императору петиции. Причём, чувствуя слабость властей и всеобщий подъем, они только усиливали притязания. Земцы требовали основных буржуазных

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

свобод и пересмотра положения о земствах в пользу расширения полномочий⁵. 4 февраля 1905 г. председатель управы П.Ф. Коропачинский выступил с инициативой: возбудить ходатайство о пересмотре земского положения на принципах всеобщности, расширения полномочий, предоставления самостоятельности, причем реформой должны были заниматься сами представители земств. Желая иметь более тесную связь с населением, и правильно информировать его о деятельности, земство в противовес «Уфимским губернским ведомостям», которые дискредитируют органы общественного самоуправления и называют земцев «либералами и сеятелями смуты», губернское земское собрание решило ходатайствовать об издании еженедельной земской газеты.

Губернская администрация, никогда ранее не сталкивавшаяся с таким размахом общественного движения, не имея опыта борьбы с революционным движением, находится в глубоком кризисе. Прибытие нового губернатора, отличавшегося довольно либеральными взглядами, обстановку не спасает. Всеобщая октябрьская политическая забастовка и манифест 17 октября вызывает крайнее раздражение у консервативной части общества Уфы, которое вступает на путь борьбы не только с революционерами, но и с новым губернатором. Чиновники канцелярии губернатора посылали в департамент полиции многочисленные жалобы. В которых представляли ситуацию в городе в катастрофическом для центральных властей свете. К концу 1905 г. консервативно настроенной части населения удаётся отстранить губернатора Б.П. Цехановецкого от власти. После опубликования манифеста 17 октября наряду с революционными демонстрациями проходят и патриотические манифестации. Крупные (до 10 тыс. чел.) монархические шествия заканчиваются погромами и убийствами.

В декабре 1905 г. происходит первое и единственное вооруженное столкновение между войсками и рабочими уфимских железнодорожных мастерских, организовавших совет рабочих депутатов во главе с известным уфимским социал-демократом И.С. Якутовым.

20 декабря 1905 г. происходит покушение на вице-губернатора А.И. Келеповского, причём полученные ранения были очень серьёзными. Задержанный рабочий заявил, что принадлежит к боевой организации Уральской социал-революционной партии⁶. Учитывая все происшедшие события, министр внутренних дел И.Н. Дурново вводит 22 декабря 1905 г. чрезвычайное положение на Самаро-Златоустовской железной дороге⁷. Однако, революционные организации приступают к созданию боевых подразделений, которые должны заняться охраной митингов и демонстраций. Ими также создаётся мастерская по производству бомб, для нужд боевых организаций⁸.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

В 1906 г. впервые в истории России проходят выборы в Государственную думу. При этом из десяти выбранных депутатов от уфимской губернии, шесть оказываются представителями национальной элиты. Сплочённость и сила мусульманского электората заставляет вступить в союз с партией «Иттифак» местных кадетов, которые не были довольны сложившимся положением, но ничего не могли с этим сделать⁹.

В 1906 г. начинается укрепление властных структур, которые получили некоторый опыт борьбы с революцией. Волна революционных забастовок постепенно идёт на спад, однако в Уфе происходит ряд крупных митингов посвященных годовщине «Кровавого воскресенья», а также первомайские митинги и бойкоты рекрутчины. Усиливался административный режим, и в 1907 г. происходит ряд арестов членов революционных организаций. Активные действия и успех губернской администрации в борьбе с различными революционными организациями, приводят к тому, что последние прекращают или реорганизуют свою деятельность. Уфимские организации эсеров и социал-демократов, во избежание провала, замораживают свои типографии. Поэтому пропагандистская работа уходит на второй план, а начало 1907 года открывает череду громких экспроприаций. Многочисленные вооруженные отряды обрушиваются на представителей власти, и проводят многочисленные экспроприации как государственных, так и частных средств¹⁰. Удачные боевые вылазки и обилие добытых денежных средств, приводят к тому, что боевые подразделения разлагаются и постепенно трансформируются в полу уголовные банды¹¹. В городе ухудшается криминогенная обстановка. Таким образом, лидеры партий убедились на собственном опыте, что даже всеобщая политическая стачка в масштабах страны не в состоянии привести к свержению царского режима и необходимо искать новые методы борьбы с ним. С другой стороны, все эти события выявили также необходимость реконструкции системы политического сыска, применявшегося до этого времени в Российской империи.

В 1906-1907 гг. центральные и местные власти начинают справляться с народным движением. Завоевания 1905 г. в виде манифеста 17 октября постепенно отвоёвываются правительством. По многим причинам Россия не превратилась окончательно в конституционное государство западного типа. Хотя революция 1905-1907 гг. во многом предвосхитила еще более грандиозные события 1917 г. и последующего времени, у правящих верхов еще оставался шанс, путем радикальных реформ избежать крушения существующего строя.

1. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897. XLV. Уфимская губерния. 1901 г. Тетрадь 2. С. 3.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

2. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897. XLV. Уфимская губерния. 1901 г. Тетрадь 2. С. 2; Хозяйственно-статистический обзор Уфимской губернии за 1905 г. Уфа, 1906. С. 716; Хозяйственно-статистический обзор Уфимской губернии за 1907 г. Уфа, 1909. С. 601;
3. Сборник документов и материалов о революционном движении 1905-1907 гг. в Башкирии. Уфа, 1956. С. 5-7.
4. ЦГИА РБ. И-187. Оп. 1. Д.135. Л. 747-757.
5. Куреева О.А. Земский либерализм в провинции на рубеже XIX – XX веков (по материалам среднего Поволжья и Приуралья). Уфа-Стерлитамак, 2003. С. 68, 82.
6. Капцугович И.С. История политической гибели эсеров на Урале. Пермь, 1975, С. 53-55; Уфимские губернские ведомости. 1905. 22 декабря.
7. Кантимирова Р.И. Государственное управление в Уфимской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. Стерлитамак, 2000. С. 100.
8. ГА СО. Ф. 470. Оп.1. Д.750
9. Нарский И.В. Кадеты на Урале в революции 1905-1907 гг. Свердловск, 1991. С. 92.
10. ГА РФ. Ф.102. Оп.116. Д.81. Ч.3. ЛЛ. 12-14.
11. ЦГАОО РБ. Ф.10233. Оп.1. Д.18. ЛЛ. 1-18.

О БЕСПОРЯДКАХ, ПРОИЗВОДИМЫХ НИЖНИМИ ЧИНАМИ НА САМАРО-ЗЛАТОУСТОВСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ В 1904–1905 гг.

Буранок А.О.

Самарский государственный педагогический университет

Русско-японская война затронула Самарскую губернию призывом запасных и новобранцев, в основном, из крестьянского населения (на 1 января 1903 г. численность населения Самарской губернии составляла 3091263 человека, из них доля крестьян была 93,8%¹). Война не была популярна в народе. Только в первые дни (да, в основном, в правых кругах) раздавались радостные возгласы. Левые тоже оживились, но для них война была хорошим поводом и примером для критики действующего режима. «К началу 1905 г. только 10% селькоров² (и тех, о ком они писали) придерживались патриотических настроений, 19% – равнодушны к войне, у 44% – настроение унылое и тягостное и, наконец, у 27% – отношение резко отрицательное»³. Поэтому нет ничего удивительного в том, что призванные на войну вчерашние сельские труженики по пути на театр военных действий буянили, дебоширили, вели себя аморально.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

В Государственном архиве Самарской области в фонде Канцелярии самарского губернатора (Ф. 3) содержится интересное небольшое дело, проливающее свет на конкретные выражения этого недовольства. Рассмотрим зафиксированные в нем факты. Нам известны документы, рассказывающие о восьми случаях беспорядков среди нижних чинов, следующих на Дальний Восток по Самаро-Златоустовской железной дороге. Половине из них поводом стала добыча еды или (и) выпивки⁴. Остальные случаи: драка с нижними чинами из соседнего поезда; буйство на станции (выражение социального недовольства, т.к. нижние чины громили вагоны более высокого класса, нежели в которых ехали сами); не пропускали вперёд поезд (были недовольны несправедливостью, творящейся на железной дороге); кража табака. То, что в половине случаев нижние чины искали пищу/выпивку, не случайно.

В «Самарской газете» от 27 августа 1904 года напечатан приказ по Казанскому военному округу за № 115:

«Для предупреждения беспорядков при следовании воинских поездов, по соглашению с министром финансов, торговля в винных лавках, находящихся вблизи железнодорожных станций, прекращается на всё время стоянки на станциях воинских поездов, а в станционных буфетах вовсе не допускается раздробительная продажа нижним чинам спиртных напитков»⁵.

Но продажа, как и пьянство, не прекратилась, перейдя в подпольную стадию. В «Самарской газете» от 19 октября 1904 г. в заметке «К предстоящему призыву новобранцев» приводится циркуляр МВД от 29 сентября, адресованный губернаторам:

«Лишать домашнего отпуска и немедленно предавать в распоряжение воинских начальников, в общем порядке, тех из новобранцев, кои в местах призыва будут предаваться пьянству»⁶.

В конце года Главный штаб пытался навести порядок в этой сфере, дав командующим военными округами право предавать суду за участие в беспорядках и применять даже такие меры наказания, как смертная казнь и отправка на каторжные работы. Думается, что строгие меры, предпринятые начальствующими инстанциями для борьбы с пьянством среди новобранцев и запасных, возымели не столько положительное, сколько отрицательное действие. Если учесть психологию тогдашнего (да и сегодняшнего!) чиновника, нетрудно представить, что произошло: буфеты на всех станциях позакрывали, а водку всё равно солдатам продавали – но уже крестьяне и из-под полы. Пунктов приёма пищи не стало (следствие закрытия станционных буфетов), а которые были – поначалу работали из рук вон плохо. В главе «В пути до Мукдена» И. Табурно отмечает, насколько сложным было следование по железной дороге от Самары до Харбина. Вся дорога была забита воинскими эшелонами, график движения не соблюдал-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ся, поезда вечно опаздывали, солдат не успевали вовремя кормить, а они, голодные и злые, естественно, устраивали беспорядки на различных станциях⁷. Вот и *озлобился голодный человек*, доходя до преступлений и погромов, выражая свой протест или ища пропитание. Такова, на наш взгляд, одна из причин беспорядков, производимых нижними чинами на железной дороге по пути следования на Дальний Восток. Но были и другие. Рассмотрим их.

Порочная система комплектования войск в условиях начавшейся войны на задворках империи. Основным источником комплектования действующей армии были мобилизации запасных (т.н. частные), а не выдвижение кадровых частей из западной и центральной частей империи.

«При частной мобилизации призыв запасных осуществлялся выборочно по местностям, т.е. из какого-либо уезда или волости вычерпывались полностью запасные всех призывных возрастов, а в соседней местности призыва не было вовсе. Всего за время войны произошло 9 таких мобилизаций (последняя – буквально накануне заключения мирного договора, 6 августа 1905 г.). Система частных мобилизаций была разработана теоретиками Главного штаба в конце XIX в. на случай «локальных войн, не требующих напряжения всех сил страны». Но на практике она не только оказалась неэффективной, но и повлекла за собой множество негативных последствий»⁸.

Командующий Маньчжурской армией генерал А.Н. Куропаткин, анализируя причины наших неудач в войне с Японией, так отзывался о поступавших в армию запасных старших сроков службы:

«Наш крестьянин в возрасте свыше 35 лет часто тяжелеет, становится, как говорят, сырым, обрастает бородой, теряет солдатский вид, труднее молодежи переносит тяжести походной жизни. <...> Необходимо также принять во внимание, что сельские жители в возрасте свыше 35 лет уже являлись домохозяевами, часто многосемейными. Все их интересы и помыслы, даже по прибытии в Маньчжурию, были дома. Эти заботы отнимали у них весёлость, бодрость, необходимые для солдата. А тут ещё сама война казалась непонятной, а с родины вместо призыва к подвигу присылались прокламации, подговаривавшие не сражаться с японцами, а бить своих офицеров»⁹.

За время войны из запаса на действительную службу было призвано 1045909 нижних чинов, добровольцев поступило 9376, а новобранцев в 1904 г. – 424898 и в 1905 г. – 446831 человек¹⁰.

Порочность следования запасных. И. Табурно заметил интересную закономерность в нарушении ими дисциплины:

«Войска, направляемые целыми сформированными частями (ротами, батареями, эскадронами), следовали в порядке. Не то было с эшелонами,

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

идущими на укомплектование частей, находящихся уже на театре войны. Они-то и производили беспорядки, пьянствовали, отказывались повиноваться начальникам и т.п.»¹¹

Бедой была в том, что вторые эшелоны составляли большинство.

«На Дальний Восток нижние чины, тесно набитые в вагоне, ехали 40 дней. Контроль офицеров, ехавших в отдельных вагонах, почти отсутствовал. Для части старой и с твердым внутренним порядком такой переезд особого вреда не причинял; но для части, вновь сформированной, где призывные, особенно старших сроков, только что призванные из дома, оставались в вагонах крестьянами и мещанами и не становились солдатами, был очень вреден»¹².

Современники также отмечают, что возбужденному настроению солдат в пути способствовала *массовая агитация различных антиправительственных сил*, которые обильно снабжали воинские эшелоны листовками и всякого рода «разъяснительной литературой».

«Равнодушие России к той кровавой борьбе, которую сыны её вели в чужой стране за малопонятные интересы, не могло не поколебать сердца даже сильных воинов. Военное одушевление, порыв к подвигу не могли явиться при таком отношении к ним на родине. Но в России не ограничились одним равнодушием к армии. Представители революционных партий чрезвычайно энергично принялись за работу, чтобы увеличить наши шансы на неудачи и воспользоваться ими для достижения своих темных целей. Возникла целая подпольная литература, имевшая целью расшатать доверие офицера к своим начальникам, доверие солдата к офицерам, доверие всей армии к правительству»¹³.

В декабре 1904 года появилась листовка «К солдатам»¹⁴, в которой очень умело учтено психологическое состояние солдат-новобранцев, отправляющихся на Дальний Восток на войну – смятение, подавленность, боязнь скорой смерти, непонимание целей войны и необходимости принесения себя в жертву, крайне тяжелые условия быта на пути следования. Революционеры, эсеры в частности, различали два типа беспорядков: *буйства* (характеризующиеся грабежами, погромами, изнасилованиями и т.д.) и *неповиновение солдат своим командирам* (в этом виделась революционная сознательность солдатских масс). Первый тип беспорядков революционеры осуждали и призывали солдат отказаться от подобных действий; второй – всячески пропагандировали и поощряли, считая его одним из главных средств прекращения войны. А для этого надо неповиноваться своим начальникам, восстать, но обязательно всем вместе (ротой, эшелоном), и война тогда кончится!

Самарский комитет РСДРП много работает с солдатами и новобранцами. 8 листовок из 19, так или иначе затрагивающих тему войны, обра-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

щены именно к ним¹⁵. Для социал-демократов крайне важно посеять сомнение среди солдат, внушить им невозможность участия в подавлении рабочих и крестьянских выступлений, поднять солдат на революцию.

На примере данного небольшого эпизода из истории русско-японской войны, кануна первой русской революции, провинциальной истории начала XX века мы видим их тесную взаимосвязь. Установить главную причину солдатских беспорядков на железной дороге вряд ли представляется возможным: то был комплекс причин, нередко тесно между собою связанных, взаимообусловленных и переходящих одна в другую.

1. Адрес-календарь Самарской губернии на 1904 год. Под ред. И.А. Протопопова. Самара, 1904. С. 127 – 128.

2. Крестьяне.

3. *Дервянко И.В.* «Белые пятна» Русско-японской войны. М., 2005. С. 36.

4. ГАСО. Ф. 3. Оп. 51. Д. 11. Л. 1–28.

5. Самарская газета. 1904. 27 августа. С. 2.

6. Самарская газета. 1904. 19 октября. С. 2.

7. *Табурно И.* Правда о войне. СПб., 1905. С. 1–2.

8. *Дервянко И.В.* «Белые пятна» Русско-японской войны. С. 63.

9. *Куропаткин А.Н.* Русско-японская война, 1904 – 1905: Итоги войны. СПб., 2002. С. 242 – 243.

10. *Дервянко И.В.* «Белые пятна» Русско-японской войны. М., 2005. С. 67 – 70.

11. *Табурно И.* Правда о войне. СПб., 1905. С. 1–2.

12. *Куропаткин А.Н.* Русско-японская война, 1904 – 1905: Итоги войны. СПб., 2002. С. 238.

13. *Куропаткин А.Н.* Русско-японская война, 1904 – 1905: Итоги войны. СПб., 2002. С. 392.

14. К солдатам // Ф. 468. Оп. 1. Д. 450а. Л. 302.

15. «Опять мобилизация!», две листовки «Ко всем солдатам», «К новобранцам», «Правда о войне», «Правда для солдат», «Солдатская памятка», «Царская служба».

МЕДРЕСЕ «ГАЛИЯ» В ПЕРИОД МЕЖДУ ДВУХ РЕВОЛЮЦИЙ

Кулбахтина А.З.

Башкирский государственный педагогический университет

Социально-экономическое и политическое реформирование российского общества, начавшееся в 60-е гг. XIX в., положительно отразилось на

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

экономической ситуации в Российском государстве. Однако одни и те же экономические рычаги привели в действие различные механизмы в центре и на национальных окраинах. Интегративная политика административного аппарата, стремившегося к этнополитической однородности империи, шла вразрез с растущим национальным самосознанием в восточных губерниях. Развитие капиталистических отношений в стране, расширение торгово-экономических связей на евразийском пространстве, строительство Самаро-Златоустовской железной дороги, соединивший Запад и Восток, выявили слабости национальной буржуазии.

Гармоничное и равноправное партнерство центра и провинции могло осуществляться лишь между конкурентноспособными участниками экономических отношений. К сожалению, мусульманские народы не могли составить достойной конкуренции русским предпринимателям. Одной из причин такого отставания явился низкий уровень грамотности этих народов, их слабая вовлеченность в европейскую культуру.

Активное стремление российского магометанства влиться в общевразийский рынок послужило поводом для реформирования системы духовного образования, целью которого ставился подъем образовательного уровня мусульман. Это реформаторское течение получило название «джадидизм». Зарождение джадидизма происходит в Казани. Но высокий удельный вес российских мусульман на территории Уфимской и Оренбургской губерний predetermined смещение общественно-политических акцентов в изучаемый период на восток. Начавшись, как реформа школьного образования, оно вылилось в мощное общественно-политическое и философское течение конца XIX – начала XX вв. Джадидизм не ограничивался критикой старых порядков, реформаторы пытались приспособить обновленную религию к реалиям современности. В XIX в. интеллигенция в татаро-башкирском обществе была представлена в основном мусульманским духовенством. Но оно не могло уже в одиночестве справляться с грузом ответственности общественно-политического флагмана мусульманского мира России. Развитие же национального предпринимательства и формирование национальной интеллигенции тормозилось отсутствием соответствующего образования.

Реформация мусульманского образования в крае, борьба в мусульманском обществе определили раскол медресе и мектебе на «старометодные» и «новометодные». Из века в век религиозные мусульманские центры являлись образовательными учреждениями для мужской части башкир и татар. Женские религиозные школы функционировали в качестве мектебе домашнего типа. Коранические школы характеризовались нерационализированным учебно-воспитательным процессом, отсутствием в учебной программе светских предметов, очень слабой материально-технической базой.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

В то же время они в некоторой степени удовлетворяли нужды башкирского населения в получении необходимых знаний. Таким образом, в конце XIX в. модернизация в религиозном образовании стала необходимым условием развития не только башкирской педагогики, но и всего мусульманского мира России.

«Новометодные» школы выгодно отличались от своих предшественников короткими сроками обучения, что способствовало быстрому росту удельного веса грамотных магометан; внедрению светских наук, расширяющих кругозор выпускников; вовлечению должных учебных помещений. Таким образом, новый метод означал полное реформирование школы, начиная с приемов обучения письму и чтению, кончая введением новых программ, употреблением в школе должного помещения, парт, наглядных пособий, отменой прежних телесных наказаний. Новый метод – это преобразование архаической мусульманской школы в школу европейскую.

К сожалению, даже реформированная система образования не сняла остроты многих проблем. Иностранное просвещение не заняло достойного места в государственной политике по народному образованию. Строительство и открытие мусульманских мектебе и медресе оставалось частной инициативой меценатов, благотворительных обществ и других заинтересованных лиц, или их содержание ложилось на плечи самих шакирдов.

Реформированная мусульманская школа частично разрешила проблему женского образования. Строгое правило исламской религии, касающееся раздельного обучения девочек и мальчиков, создавало значительные затруднения в процессе обучения первых. Для работы в женских классах нужны были учительницы. А развитие системы женского образования увеличило процент грамотности мусульманских женщин.

Одним из первых медресе, устроенных по европейскому образцу, было «Медресе-и-Алие», история создания и существования которого, связана с именем его основателя и бессменного руководителя Зия Камали (родился 22 декабря 1873 года в деревне Кляшево современного Чишминского района Республики Башкортостан). Начальное образование получил в родном селе, затем он продолжил учебу в медресе «Усмания», после окончания которого, отправился в Египет и поступил в престижный того времени университет «Аль-азхар». Здесь он учился у выдающегося философа-исламиста своей эпохи Мухаммеда Габдеху, в свое время высланного из Египта за участие в национально-освободительном движении. Западное религиозное образование, стремительно реагирующее на импульсы меняющегося общества, вдохновило Мухаммеда Габдеху на создание нового исламского университета в Египте. В 1905 г. Зия Камали вернулся в Уфу также с целью открытия нового учебного заведения, но не смог реализо-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

вать свои идеи в медресе «Усмания», которое по определению прессы начала XX в., являлось «очагом татарского обскурантизма».

Зия Камали смог убедить влиятельных мусульман г. Уфы в необходимости создания духовного учебного заведения нового типа. Он указывал на то, что в Египте медресе функционируют с большою пользою для населения. Уфимские меценаты развили активную общественную деятельность вокруг строительства здания нового медресе и приняли участие в финансировании этого проекта. Но борьба реакционного магометанства против реформаторов значительно осложняла процесс открытия долгожданной школы, далее идеологическое противостояние создавало трудности в ходе функционирования медресе. Критические выступления реакционеров и нападки кадимистов стали причиной прекращения финансирования медресе уфимскими баями в 1916 г.

Нестабильное материальное обеспечение нового медресе отрицательно отразилось на учебном процессе: основатели медресе долго не могли привлечь преподавателей светских предметов. Анализ учебной программы первых лет его существования позволяет сделать вывод о преимущественно религиозном характере обучения в медресе. Частая смена преподавательского состава свидетельствует об отсутствии стимулов, способных надолго удержать преподавателей в стенах школы. Преподавание русского языка начинается лишь спустя несколько лет после начала работы «Галии». Одной из причин такого положения является отсутствие четких программ развития схожих учебных заведений. Подобная ситуация была характерна для ряда джадистских учебных центров. Она вызвала волну возмущений среди шакирдов медресе Уфимской и Оренбургской губерний в 1913 г. Анализ прошений шакирдов приводит нас к следующим выводам. Во-первых, недовольство было связано с учебной программой медресе, несоответствующей, по их мнению, духу эпохи. Шакирды осознавали необходимость глубокого изучения русского языка для дальнейшей профессиональной деятельности в качестве «народных работников», а также широкого внедрения светских предметов. Во-вторых, шакирды жаловались на скучные уроки отдельных преподавателей. Безусловно, педагог должен обладать высокой степенью профессионализма, чтобы на протяжении многих лет своего нищенского существования поддерживать интерес к собственному предмету. Основной вывод, который вытекает из вышеизложенного, заключается в следующем: требования шакирдов носили прогрессивный характер. Сама возможность подобных «беспорядков» позитивно характеризует мусульманское студенчество начала XX в. Национальная молодежь осознавала, что бурное политическое и экономическое развитие страны требует просвещения среди этнических меньшинств. Постановка такой задачи – заслуга медресе «Галия» и его руководства.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ ЗЕМСТВА И ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1914-1916 гг.

Голубинов Я.А.

Самарский государственный университет

Самой массовой общественной организацией в начале XX в. на территории Самарской губернии, подавляющее большинство населения которой проживало в сельской местности, было земство. Круг его обязанностей был довольно широк: поддержка крестьянского хозяйства (агрономическая служба, сеть земских зернохранилищ), сельская медицина и ветеринария, дорожное строительство и поддержание нормального состояния мостов и переправ, школьное образование и культурно-просветительская деятельность, контроль и регламентация сельской торговли (базары, ярмарки, хлебные рынки).

Однако огромная организация поначалу не принимала никакого участия в продовольственном деле. Еще в июле 1914 г. в докладе губернской земской управы подобное было объяснено следующими причинами: во-первых закон запрещал земствам устанавливать таксы в сельской местности, как это было в городах по отношению к городским управам, во-вторых, по мнению земцев, в деревне «не могло быть столь сильного возвышения цен на продукты» и потому управа «нашла вопрос о таксации преждевременным»¹. А уже в августе 1914 г. земство втянулось в работу по заготовке для армии продовольствия и фуража, откликнувшись на просьбу самарского губернатора Н.В. Протасьева².

Лишь созданием Особого совещания по продовольственному делу в августе 1915 г. земство включилось в работу по «продовольствию» населения. К.Н. Иньков, председатель Самарской губернской земской управы, был назначен уполномоченным председателя Особого совещания по продовольственному делу в Самарской губернии³.

Обязанности уполномоченного были необычайно широки и включали в себя: выяснение количества продуктов, необходимых для снабжения ими местного населения; возможно точное выяснение действительного состояния запасов продуктов первой необходимости в местах торговли или в складских помещениях; принятие необходимых мер к образованию местных запасов продуктов для урегулирования цен при «непомерном их возвышении» или при недостатке продуктов. Закупки этих продуктов в местностях производства должны были выполняться через соответствующих уполномоченных министерства земледелия по закупке хлеба для армии. Подобным уполномоченным в Самарской губернии являлся с начала войны губернатор Протасьев, а с июля 1915 г. председатель Самарского Бир-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

жевого комитета В.Н. Башкиров⁴. Оба уполномоченных деятельно сотрудничали, стараясь координировать закупочные операции своих агентов, чтобы не допустить спекуляции и сильного возвышения цен на зерно.

Кроме того уполномоченный Особого совещания осуществлял распределение, в случае необходимости, продуктов среди местного населения⁵. Для выполнения этой и вышеперечисленных задач уполномоченному предоставлялось право обращаться ко всем лицам, частным и должностным, учреждениям и обществам, включая органы, заведующие перевозками по железным дорогам, с требованием содействия в выполняемой им работе.

Уполномоченный не мог своей властью, без согласования с председателем Особого совещания, согласно правилам разрешать некоторые вопросы, наиболее важный из которых был вопрос об общих и частных реквизициях, а также отмене постановлений губернских властей и местных общественных учреждений касательно заготовки и распределения продуктов. Однако, председатель Особого совещания обычно давал подобные разрешения без проволочек. Но тем не менее, уполномоченный Иньков проводил свою работу в продовольственном деле в тесном взаимодействии с городскими управлениями. Последние приобрели за полтора года войны некоторый опыт в решении продовольственного вопроса.

Вообще земство получило при помощи Особого совещания ту власть в продовольственном деле, которой ему так не хватало. В уездах представителями уполномоченного стали председатели местных уездных управ, а совещания при них совещания были образованы из представителей земств и городских управлений⁶. Это приводило к некоторой путанице, так на вопрос о закупках Николаевское уездная земская управа отвечала в сентябре 1916 г., что она не делает закупок, а всеми вопросами ведает Николаевское уездное продовольственное совещание⁷. А подобная организация в Бугульме извещала, что уездный продовольственный и закупочный орган находится при местной земской управе, не упоминая городских представителей или их участие в уездном совещании⁸.

Губернское и уездные продовольственные совещания выполняли роль координаторов начинаний городских управлений и полновластных хозяев продовольственного дела в уездах. В Губернское совещание входили председатель, его заместитель, губернский предводитель дворянства, представитель военного ведомства, председатели уездных земских управ, городские головы, уполномоченные по заготовке продуктов, хлеба и фуража для армии, то есть это было исключительно ведомственное совещание с преобладанием, однако, представителей местного самоуправления, и эпизодическим приглашением деятелей самарской кооперации. В октябре 1916 г. Иньков и Башкиров решили объединить свои усилия по продовольствию губернии, образовав так называемое Центральное бюро⁹. Это бюро должно

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

было координировать все без исключения закупки продуктов питания в губернии сообразно нуждам населения. К сожалению, подобный план так и остался на бумаге.

В губернское совещание и уполномоченному стекались все заявки на снабжение городов или сел, в последнем случае обычно это были просьбы потребительских обществ. Эти просьбы поступали к ним через губернатора, как, например, в марте 1916 г. несколько отношений кооперативов Самары и Ставропольского уезда с просьбой выделить им некоторое количество сахара¹⁰. Кроме того, через губернатора же поступали рапорты полицмейстера и уездных исправников, извещавшие о недобросовестных торговцах или содержащие сведения о недостатке того или иного продукта в различных местностях. А сам Иньков распространил циркуляр с извещением о проведении переписи наличных запасов, которая и была произведена 15 января 1916 г. по всей губернии с целью учета всех продовольственных продуктов на складах железнодорожных станциях и частных лиц¹¹. Также губернское совещание вело переговоры с мукомолами губернии для установления предельных цен на муку различных сортов. Последнее такое совещание состоялось в январе 1917 г., на котором была определена цена муки в районах всех четырех железных дорог губернии¹².

Уездные совещания распределяли между торговцами и потребительскими обществами продукты первой необходимости. В Бузулуке подобное совещание занялось закупкой и распределением между населением соли, сахара и чая¹³. Кроме того, они устанавливали таксы и утверждали твердые цены для закупок для армии и населения. Зачастую последние вызывали недоумение у населения и властям приходилось дополнительно разъяснять, что предельные цены существуют для массовых заготовок государственных или общественных организаций по снабжению армии и населения, для частных же сделок никаких предельных цен нет¹⁴.

Таким образом, в деятельности земства по обеспечению населения продуктами питания в 1914-1916 гг. можно выделить два этапа. Первый, от начала войны до августа 1915 г. Для него характерна незначительная работа земства в деле обеспечения населения. Земские организации сосредоточили свои силы на снабжении армии необходимыми продуктами. Но на втором этапе, с августа 1915 г. по конец 1916 г., аппарат земства был официально привлечен к работе по закупке и распределению продовольствия. Именно на втором этапе земство стало тем регулирующим органом, который сумел предотвратить недостаток продуктов в губернии путем умелого манипулирования теми запасами, что находились в ней и не были предназначены для армии.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

1. Государственный Архив Самарской Области (ГАСО). Ф.5 (Самарская губернская земская управа). Оп.12. Д.347. Л.15об.
2. ГАСО. Ф.5. Оп.12. Д.348. Л.14.
3. ГАСО. Ф.5. Оп.12. Д.369. Л.61об.
4. Мацузато К. «Общественная ссыпка» и военно-продовольственная система России в годы Первой мировой войны//Acta slavica japonica. Sapporo, 1997. Т. 15. (<http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/publicctn/acta/15/matsuzato/matsuzato-7.html>)
5. Ф.153 (Самарская городская управа). Оп.36. Д.1526. Л.7об.
6. Журналы с приложением Бугульминского уездного земского собрания сессий: чрезвычайной на 22 мая и очередной с 15-го по 20 декабря 1916 г. Бугульма, 1917. С. 303.
7. ГАСО. Ф.5 Оп.8. Д.294. Л.18.
8. Там же. Л.20.
9. ГАСО. Ф.3 (Канцелярия самарского губернатора). Оп.132. Д.9. Л.4.
10. ГАСО. Ф.3. Оп.63. Д.4. Л.19.
11. ГАСО. Ф.3. Оп.61. Д.25. Л.86.
12. Там же. Л.300-302.
13. Журнал Бузулукского уездного земского собрания чрезвычайной сессии 26 июня 1916 г. Бузулук, 1916. С. 8.
14. ГАСО. Ф.3. Оп.63. Д.5. Л. 150-151.

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ ПОМОЩИ ФРОНТУ В САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1914-1917 гг.

Старков Д.А.

Самарский государственный экономический университет

Первая мировая война внесла свои коррективы в ход развития органов государственной власти в России. Россия вступила в войну не готовой к ней. То, что до войны с трудом еще держалось, стало трещать и разваливаться. Неудачи на фронте и политические конфликты в тылу ускорили этот развал¹. В сложившихся условиях военного времени особый интерес представляет функционирование административных органов местной власти, а также их взаимодействие с появившимися общественными организациями.

В правительственных и военных кругах преобладала точка зрения, что война будет кратковременной. Соответственно не проводилась планомерная заготовка достаточного количества боеприпасов, амуниции и продовольствия. Когда страна столкнулась с проблемами нехватки вооружения и

ХІІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

провианта, на помощь ей пришли общественные организации, которые создавались по мере ухудшения положения ситуации на фронте и в тылу.

Хронологически первая общественная организация в Самарской губернии начала свою деятельность в октябре 1914 года, когда был организован Самарский объединенный комитет из представителей Всероссийских Земского и Городского союзов. Данный комитет ставил себе целью сбор пожертвований вещами и одеждой для действующей армии. Поводом создания комитета послужила телеграмма от прапорщика Бузулукского полка с просьбой снабдить полк в размере 3800 человек теплыми вещами². Комитет возглавил А.Н. Наумов, член Государственного совета и самарский губернский предводитель дворянства. В организацию вошли председатель земской управы, кадет К.Н. Иньков, представитель от Всероссийского земского союза Н.А. Самойлов, городской глава С.Е. Пермяков, член Государственной думы Н.А. Гладыш, от Самарской биржи председатель Государственного банка А.К. Ершов, председатель Дворянско-Крестьянского поземельного банка В.Н. Верховский, а также представители частных кружков, например, А.В. Протасьева. Всего организация насчитывала 27 человек. В комитет не вошли представители органов административного управления, однако члены обладали достаточным весом для того, чтобы деятельность комитета осуществлялась эффективно. В отчете самарского губернатора за 1914 год мы не найдем упоминания о деятельности данной организации. Тем не менее здание губернаторского дома наряду с другими помещениями использовалось для хранения собранных у населения в качестве пожертвований вещей. Всего за период октябрь 1914 – январь 1915 года было собрано 70 тысяч предметов или около 20 вагонов вещей. Комитет также занимался сбором денежных пожертвований. Самарская городская дума и Всероссийский земский союз внесли в начале по 5 тысяч рублей, дворяне Наумовы – 1000 рублей. Путем кружечных сборов удалось собрать 4792 рубля³. Таким образом деятельность комитета в 1914 году осуществлялась при содействии органов общественного самоуправления при косвенной поддержке органов административной власти.

Следует отметить, что Всероссийский земский союз во главе с князем Г.Е. Львовым и Всероссийский городской союз во главе с членом ЦК кадетов М.В. Челноковым были созданы летом 1914 года. Создание региональных организаций было делом времени. На совещании министров с губернаторами подчеркивалось, что необходимо присматривать за Земским союзом, где больше занимаются политикой, чем непосредственно помощью фронту. Правда губернаторы отмечали, что можно найти общий язык с Городским союзом, который нося определенную политическую окраску, по инертности и страху за собственные капиталы государственной опасности не представляет⁴. В.А. Маклаков настаивал, чтобы деятельность Все-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

российского земского союзом и Всероссийского союза городов была ограничена временем войны и подчинялась губернаторам⁵.

Летом 1915 года объединенный комитет формально разделился на 2 организации – Самарский городской и губернский земский комитеты по снабжению и снаряжению армии. Самарская городская дума постановила 19 июня 1915 года образовать самостоятельный Самарский городской комитет во главе с городским главой С.Е. Пермяковым⁶. Вице-губернатор князь Горчаков сообщил, что с его стороны возражений не находится. Комитеты разделили уровни ответственности по территориальному признаку. Губернский комитет действовал на уровне губернии, а городской комитет – на уровне города. Оба комитета работали на интендантское ведомство, организовывая производство обозного и конского снаряжения, ящиков для боеприпасов. Оборот средств на счетах городского комитета доходил до 6,5 миллионов рублей⁷. Это говорит о значительных вливаниях финансового капитала для организации промышленности на военные нужды.

В 1915 году были созданы Военно-промышленные комитеты, в задачу которых входила мобилизация промышленности на военные нужды. Во главе Центрального военно-промышленного комитета был лидер октябристов А.И. Гучков. Сановники опасались, что Центральный Военно-промышленный комитет превратится во второе правительство. Поэтому комитету отводилась роль исключительно посреднической организации, работающей по поручению властей⁸.

Самарский военно-промышленный комитет был создан в июле 1915 года. Председателем стал кадет В. Башкиров, в состав комитета вошли Н.В. Осоргин, А.К. Ершов, В.Г. Петров, М.А. Щадрин и другие представители предпринимательских кругов. Средства на осуществление деятельности в размере 72995 рублей выделил Самарский биржевой комитет. Также для нужд комитета жертвовали крупные предприниматели – Л.С. Аржанов, И.Я. Соколов, С.И. Чемодуров, Е.Г. Курлин. Главным направлением деятельности Самарского военно-промышленного комитета стало создание завода по производству ручных гранат «Муравей». Значительные средства выделялись на пособия рабочим завода «Саламандра». Суммы на счету в банке комитета доходили до 200 тысяч рублей, что составляло несколько меньшие суммы по сравнению с оборотами городского комитета.

Таким образом, в Самарской губернии в 1915 году действовали 3 крупных общественных организации, работающих на оборону государства – Военно-промышленный комитет, Городской и Земский комитеты. Некоторые члены этих комитетов принимали одновременное участие в работе двух организаций. Например, кадет Н.В. Осоргин был членом военно-промышленного и городского комитетов. Однако эти комитеты работали отдельно друг от друга. Идея создания объединенного комитета по приме-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ру объединенного комитета по сбору пожертвований вещами и одеждой осталась нереализованной. Отчасти это было обусловлено невозможностью закупать производственные материалы по единой цене для всех трех организаций. Комитеты регулярно публиковали финансовые отчеты и очерки своей деятельности для создания положительного образа организаций в глазах населения и органов административной власти. Отчеты также давали представление о том, как расходовались средства, выделяемые предпринимателями. Все это говорит о намерении лидеров общественных организаций использовать полученное влияние на регулирование политической ситуации в стране в будущем. Можно сказать, что комитеты сыграли роль стартовой площадки для политических сил в предстоящей борьбе за власть в феврале – октябре 1917 года.

1. Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С.615.
2. Краткий отчет о деятельности объединенного комитета в 1914 г. Самара, 1915. С. 1.
3. Там же. С. 6.
4. Политическая история: Россия – СССР – Российская Федерация. В 2 Т. М., 1996. Т.1. С. 459.
5. Власть и реформы. С.616.
6. Очерк деятельности Самарского городского комитета по снабжению и снаряжению армии с июля 1915 г. по 1 июля 1916 г. Самара, 1916. С. 1.
7. Там же. С. 8.
8. Власть и реформы. С. 460.

БРИТАНСКИЕ ЛИБЕРАЛЫ И ПАДЕНИЕ РУССКОГО САМОДЕРЖАВИЯ (ФЕВРАЛЬ – МАРТ 1917 г.)

Чиркова С.А.

Самарский государственный университет

В начале XX века на международной арене Великобритания являлась сильнейшей мировой державой. Благодаря великолепному корпусу дипломатов, империя всегда держала руку на пульсе важнейших событий, войн и конфликтов, происходивших в мире. Революция 1917 г. в России, смена государственного строя являлись выдающимися событиями не только для отдельного государства, но и для всей геополитической обстановки в мире в начале XX в. Кроме того, Россия являлась военной союзницей Англии в тяжелейшей Мировой войне, сферой её экономических и стратегических

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

интересов. Могла ли в такой ситуации Англия быть безучастной наблюдательницей событий 1917 г. в России? Аспекты отношений между Англией и Россией в феврале – марте 1917 года вызывали и продолжают вызывать живейший интерес как среди российских (и, в особенности, советских), так и зарубежных исследователей¹. Основные тезисы коллективной концепции, объясняющей международный контекст Февральской революции, сводятся к следующему. Первая мировая война оказала решающее влияние на международное положение России. Внешняя политика царского правительства была очень неудачной и послужила предпосылкой революционных событий 1917 года.

Автор данного исследования ставит своей целью рассмотреть один из аспектов взаимоотношения между Великобританией и Россией: отношение британских либералов к падению самодержавия в России в феврале – марте 1917 года. Именно лидеры либеральной партии стали ключевыми фигурами в политической жизни страны и, самое главное – с 1916 г. они возглавляли коалиционное правительство и, начиная с 1917 г., уже напрямую определяли и осуществляли внешнюю политику Великобритании с 1916 по 1922 год. Источниками для данной работы послужили мемуары Ллойд-Джорджа, Асквита, британские СМИ.

Ллойд-Джордж и его коллеги не сразу разобрались в последствиях свержения русского самодержавия. Но уже 1 марта русский поверенный в делах К.Д. Набоков сообщал, Ллойд-Джордж очень встревожен известиями «об опасности возобладания крайних элементов, высказывающихся за окончание войны». В Лондоне знали, что Временное правительство испытывает серьезное давление масс, выступающих за лозунги большевиков в мире «без аннексий и контрибуций». В течение трех последних недель, доносил Набоков «Настроение, господствовавшее здесь... граничило с паникой»².

В публичных выступлениях Ллойд-Джордж выражал надежду на то, что в России воцарится «единение и дисциплина»³, в палате он говорил, что от возрождения русской боевой мощи, возможно, зависит судьба человечества. Ещё 5 марта инициативе Ллойд-Джорджа состоялась встреча с Набоковым. С этого времени глава английского кабинета находится в постоянном и тесном контакте с «представителем свободной России» (так он именовал Набокова), совместно они выработали инструкции редакторам газет об освещении обстановки в России и англо-русских отношений⁴. Отсутствие информации о России и чудовищные вымыслы о событиях в ней были хорошо продуманной политической, а затем военной кампании против России. Такой политикой в прессе органы либеральной пропаганды в Англии создавали почву для дальнейших пропагандистских и дезинформационных акций против России. В такой благоприятной обстановке пропаганда Англии начала серьезную подготовку общественного мнения, по-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

литических деятелей и армии к прямой интервенции в Россию. В сознании британских либералов постепенно произошла трансформация образа союзника. Неуклонно развивающаяся русская революция ставила под сомнение возможность активного участия царской России в Военных действиях, британских либералов могла устроить только такая революция в России, которая заставила бы Россию воевать. Поэтому все события в политической жизни российского общества рассматривалось английской стороной под этим углом. Русское правительство, которое теряло контроль над ситуацией в стране, создавали образ ненадежности России и её правительства, который становился доминирующим в британском обществе, особенно его правящих кругах.

Но, не смотря на это, с первых дней февральской революции, лидер либеральной партии Ллойд-Джордж предложил Временному правительству свою помощь в предоставлении убежища царской семье⁵. Все это происходило на второй-третий день после отречения Николая II. Нет недостатка в подтверждениях того, что этот план возник сразу после переворота. Осложнения, как показали увидевшие свет лишь в начале 70-х годов документы из британских архивов, возникли, когда неожиданно для кабинета Ллойд-Джорджа, уже давшего знать Петрограду о готовности принять Николая II и его семью, король Георг V, ссылаясь на настроения британской общественности, сообщил, что не считает целесообразным нахождение в Англии семейства Романовых.

Итак, мы видим, что падение самодержавия в России вызвало неоднозначную оценку в кругах либеральной партии Великобритании, с одной стороны они отрицательно отнеслись к факту свержения абсолютного монарха, с другой стороны, это событие обострило противоречие между двумя государствами.

1. См, например: Wilton R. *Russia Agony*. N.Y., 1919; Warth R.D. *The Allies and the Russian Revolution: from the Fall of the Monarchy to the Peace of Brest-Litovsk*. Durham, 1954; Лебедев В.В. *Международное положение России накануне Октябрьской революции*. М., 1967; Игнатъев А.В. *Внешняя политика Временного правительства*. М., 1974; Васюков В.С. *Внешняя политика Временного правительства*. М., 1966.

2. *British General Manifestos*. London, 1970. P. 26, 33, 51.

3. Ллойд-Джордж Д. *Военные мемуары*. М., 1937. С. 116

4. «Manchester Guardian», 4 March 1917. С. 3

5. Public Record Office. London, Vol. 34. P. 341, 345; Hiley N. *The news media and British propaganda 1914-1918*. London, 1990. P. 175-181.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
ЗЕМСКАЯ РЕФОРМА ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА КАК
ПЕРВЫЙ ОПЫТ ПО РЕАЛИЗАЦИИ ВСЕОБЩЕГО
ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА

Акимова Т.М.

Владимирский государственный университет

Земские выборы лета-осени 1917 г. получили неоднозначную оценку как с точки зрения проведения кампании, так и с точки зрения ее итогов. В работах Герасименко Г.А., Петровичевой Е.М., Кабытовой Н.Н., Судацова Н.Д.¹ проводился анализ итогов реформы и отдельных аспектов ее проведения на общероссийском и региональном уровнях. Тем не менее, проблемы, связанные с подготовкой к выборам на местах, анализом состава вновь избранных гласных требуют дальнейшей разработки.

Исследование организации и проведения избирательной кампании показало, что в ней имелось много недостатков, среди которых можно выделить следующие: плохую организацию работы уездных управ и избирательных комиссий, недостаточность разъяснительной работы на местах, нехватку денежных средств. В результате в день выборов население проявило равнодушие, а в ряде волостей и враждебность по отношению к учреждаемому земству. Многие окружные и участковые избирательные комиссии оказались не в состоянии даже правильно и в срок предоставить в уездные управы выборное делопроизводство.

Активность политических партий в период избирательной кампании была различна: в одних уездах она практически отсутствовала, о программе партий крестьяне зачастую узнавали от инструкторов; в других развернулась острая борьба между эсерами, социал-демократами, партией народной свободы.

Итак, в августе – октябре 1917 г. прошли первые в истории России выборы на основе всеобщего избирательного права. Интерес к ним оказался ниже ожидаемого: редко где приходило голосовать более 40 %. В целом средняя активность на волостных выборах со стороны населения составила по Костромской губернии 44.5 %, Тверской – 43.8 %, Ярославской – 37.6 %².

Нами были изучены карточки, заполненные по итогам первых волостных собраний на местах. В них содержатся сведения о половом, профессиональном составе гласных, уровне их образования. По нашим подсчетам, состав земств оказался преимущественно крестьянским: земледельцами было более 90 % гласных. Представительство интеллигенции и служащих оказалось невелико – 2.5 % и 1.6 %; духовенство получило 1.5 % мест, рабочие – около 2 %. Большинство гласных имели лишь начальное образование, а некоторые вообще не умели даже читать. Только около 4 % имели

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

среднее или высшее образование³, поэтому говорить о наличии необходимого уровня знаний у новых гласных не приходится. Помочь в решении насущных проблем мог только практический опыт хозяйствования, имевшийся у каждого землепашца, но как показала практика первых месяцев деятельности волостных земств, решить наболевшие вопросы не удалось.

На выборах 1917 г. впервые получили избирательное право женщины, однако возможностью быть избранными воспользовались только представительницы интеллигенции – учителя и врачи, составив в земствах 1-3 % гласных⁴. Большая часть женского населения оказалась не готова к реализации полученного права, так как в деревне продолжал сохраняться патриархальный уклад и общинное мировоззрение.

Вскоре после выборов в волостные земства прошли выборы в органы самоуправления уездного уровня. Представительство крестьян в уездных земствах сократилось, зато увеличилось количество интеллигенции и служащих. Выборы уездных гласных Весьегонского уезда Тверской губернии состоялись 26 сентября, к урнам пришли 29.6 % избирателей. Списки кандидатов в гласные были выставлены как от партий, так и от общественных организаций и отдельных групп избирателей. Из партий в состав уездного земства вошли эсеры, получив 33 % мест, 12 % получил комбинированный список эсеров и крестьянских депутатов⁵.

Выборы уездных гласных Рыбинского уезда Ярославской губернии состоялись 8 октября. Партийных списков было всего пять из двадцати одного, остальные оказались представленными группами граждан или общественными организациями. Из 44 избранных гласных по партийным спискам прошло 10. Из них наибольшее число мест получили социал-демократы – 6; кроме них два места получили эсеры и по одному партия народной свободы и трудовики⁶.

Рассмотрим, каков оказался социальный состав избранных гласных. В Тверском уездном собрании крестьяне составили 82 %, рабочие – 4 %, служащие и интеллигенция 14 %⁷. Из 49 гласных Весьегонского уезда Тверской губернии 57 % были крестьянами, 39 % служащими и интеллигенцией. Изменился и уровень образования гласных: 22, 4% гласных этого уезда имели высшее или среднее образование, против 7 % волостных гласных⁸.

В некоторые уездные земства вошли гласные прежних созывов, но их количество было невелико. Представительство женщин в местном самоуправлении уездного уровня почти отсутствовало. В целом уездные земства заняли более правую позицию по сравнению с волостными, что вызывало недоверие со стороны населения и низшего звена местного самоуправления.

Таким образом, осенью 1917 г. было завершено формирование земства как органа местного управления на основе всеобщего избирательного права, но занять предполагаемое место ему не удалось. Причинами этого

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

были не только отсутствие авторитета земств у населения, обострение продовольственного кризиса, в чем зачастую обвинялись земства, радикализация политических настроений масс. Важнейшим обстоятельством, повлиявшим на весь ход избирательной кампании была неготовность общества к введению всеобщего избирательного права. «Чтобы гражданское общество могло утвердиться необходимо, чтобы общины преобразовались в организации общественного типа, чтобы человек преодолел патриархальные соседско-родственные связи и осознал необходимость участия в общественных и политических организациях для отстаивания своих интересов в представительном органе и перед правительством»⁹. В 1917 г. эти процессы находились лишь в стадии формирования, а попытка ускорить естественную эволюцию успехом не увенчалась.

1. Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России М.: Наука, 1990. Петровичева Е.М. Земское самоуправление Центральной России в 1906-1918 гг.: эволюция на последних этапах деятельности – дисс. д.и.н., – М, МПГУ, 2002. Петровичева Е.М. Земства на историческом повороте (Февраль 1917г. и судьбы земского самоуправления в Центральной России). Методические рекомендации к спецкурсу по истории России. – Владимир: ВГПУ 2000, 48 с. Судаев Н.Д. Земское и городское самоуправление России в годы Первой мировой войны. – Москва – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001, 719 с. Кабытова Н.Н. Власть и общество в Российской провинции: 1917 год в Поволжье. – Самара, Самарский университет, 1999.

2. ГАРФ, Ф. Р -393 оп.5. д.730-а, л.393,395. 401,404, 406; д.662, л. 3,6,8,11,69,85; ГАЯО Ф. 485 оп.1. д.1136, л.23-27, д.1135, л.2, 4-4.об, 7-11, 12-16.

3. ГАРФ, Ф.1789, оп. 2, д.21, л.2-295; Ф. Р-393, оп.5, д.715, л.1-348, д.728 л.1-254, ГАЯО, Ф.485, оп.1, д.1134, л.4-4об.

4. Там же, подсчеты автора.

5. ГАРФ, Ф. Р-393, оп. 5, д. 730-б, л. 323 об-324.

6. ГАЯО, Ф. 137 оп. 1, д. 5310, л. 3 – 100.

7. Вестник Тверского губернского временного исполнительного комитета, №70, 10 октября 1917. С.3.

8. ГАРФ, Ф. Р-393, оп. 5, д. 730-б, л.325-325 об.

9. Миронов Б.Н. Социальная история России в 2 т.т., – СПб, 2000, т.2, с.290.

ХІІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ КОММУНАЛЬНОЕ ХОЗЯЙСТВО В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ Г.САМАРЫ НАЧАЛА ХХ ВЕКА

Калдымова О.А.

Самарский государственный университет

Самара в начале ХХ века, представляла собой провинциальный российский город того периода. Наличие водопровода и канализации сейчас считается обычным делом в любом населенном пункте, а в начале ХХ века эти блага городской бытовой инфраструктуры были далеко не в каждом крупном городе. В начале ХХ века большая часть горожан Самары являлись пользователями и водопровода и канализации. Город Самара считался не самым чистым и благоустроенным городом.

Водопровод появился в Самаре еще в 1885-1886 гг., его строительство было начато торговым домом «Бромлей и К^о» по проекту инженера Зимина. Несомненно, что водопровод очень удобное изобретение, который облегчал жизнь горожан, но кроме всего прочего, он был необходим для тушения пожаров, которые происходили в городе часто, ведь большая часть построек была деревянная. Инициатором и идейным руководителем строительства был видный общественный деятель П.В.Алабин, который был тогда городским голова. 15 августа 1885 года было начато строительство, 1 октября 1886 года была начата первая подача воды на главные улицы, 1 января 1887 года водопровод был сдан в полную эксплуатацию¹.

Самаре в конце ХІХ века был спроектирован и построен лучший в России противопожарный водопровод с автоматическим отключением обычной водоподаче при пожаре. В.М.Пуришкевич писал в своей книге «Национальное бедствие России», что: «Оборудование таких водопроводов требует лишь незначительных дополнительных средств, в Самаре например, после устроенного в 1886 году противопожарного водопровода страховые премии понижены почти на 50%». Далее Пуришкевич указывает, что, несмотря на актуальность такого решения, оно осуществлено в многих городах России, и первым называет Самару².

В 1901 году в Самаре было построено 939 саж. линии водопровода, в 1904 году было проведено уже 1751 саж., затем темпы постройки стали меньше и в 1916 году было построено 190 саж. Сокращение темпов постройки водопровода скорей всего было связано с тем, что большие денежные средства были направлены на нужды войны³.

Всего по сметам 1913, 1914, 1916 гг. было проложено линий водопровода 2100 саж. На 1917 год планировалось построить 580 саж. Всего с начала ХХ века и до революционного 1917 года в Самаре было проведено линий водопровода длиной 11672 саж.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

В 1916 году городской управой за счет казны Трубочного завода или Главного Артиллерийского управления была построена линия от Молоканского сада до Гусарских казарм длиной 600 саж. Длина уличной водосети на 1 января 1917 года составляла 64 верста 63 саж, что равно примерно 68 км.

Максимальная подача в сутки у Самарского городского водопровода в 1897 году была 600 тыс.ведер, что можно приравнять к 4,8 тыс.м³; в 1917 году мощность была уже 840 тыс.ведер, что равнялось 10,1 тыс.м³. Не производя сложных подсчетов видно, что мощность водопровода за 20 лет увеличилась в 2,5 раза. В среднем по России среднесуточная подача воды в 1897 году была равна 2,17 тыс.м³, в 1914 году – 5,52 тыс.м³. Из чего видно, что расход воды в Самаре, используя местный водопровод был выше, чем в среднем по стране. В 1904 году к водопроводу присоединились 56 торговых и промышленных заведений, то в 1909 году этот показатель был равен 87⁴.

На одного жителя Самары в сутки в среднем в 1897 году приходилось 90 литров, в 1908 году – 141 литр, в 1914 году – 171 литр, в 1917 году – 244 литров⁵. Несомненно, что в этих цифрах отражены расходы учреждений и предприятий, но в любом случае видно, что расход воды увеличивался в городе и водопровод становился неотъемлемой и, безусловно, удобной составляющей инфраструктуры города. Город славился большим количеством водяных мельниц, появление водопровода для которых лишь увеличило их мощность.

К 1917 году, при длине улиц около 115-120 верст, длина уличной водосети достигла 64 версты, то есть она покрывала 53-56% от общей площади города. К ней были подключены все крупные дома, общественные здания, крупные предприятия, больницы, казармы. Линии водопровода начали проводить с центральных улиц города, где проживали самые обеспеченные слои населения. В первую очередь это были представители предпринимательства: купцы, зажиточные мещане, но постепенно развитие городского хозяйства распространялось и на окраины, где проживала большая часть рабочих промышленных заведений.

Канализация появилась еще в 1909 году и темпам ее развития мог позавидовать любой провинциальный город. К началу 1911 года из 1063 городов России нормальная сплавная канализация имелась лишь в 11 городах⁶. В 1917 году кроме Самары, в Поволжье, канализация имелась в Казани и Симбирске.

Еще задолго до сооружения Самарской городской канализации имелся ряд частных канализаций, чаще всего сточные воды спускали в реку Самарку. В 1907 году по заказу Самарской городской управы был составлен проект самарской городской канализации инженером Линдлеем во Франкфурте на Майне (Германия). Проект предусматривал сооружение

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

фекальной и ливневой канализацией с общей длиной каналов 37303 саж. (примерно 79,7 км). В 1909 году – начало строительства Самарской городской канализации. В 1909-1911 гг. на частные средства были проложены сети по Саратовской улице длиной 150 саж, по Дворянской улице 225 саж, по Панской улице 250 саж, по Преображенской улице 290 саж, всего 915 саж. Осенью 1911 года магистраль длиной 1420 саж, от Трубочного завода к Санинскому пруду передана на баланс Городской управы.

К концу 1911 года было построено сетей длиной 2335 саж (около 5 км), на балансе Городской управы находилось 1986 саж (4,5 км). В 1912 году к канализации были присоединены Трубочный завод, Артиллерийские казармы, Губернская тюрьма, Губернская земская больница, в 1912 магистраль Трубочного и сеть в центре города были соединены⁷. В 1912 году проложено линий канализации равных 2485 саж, за 1916-1917 гг. – 1635 саж⁸.

Число жителей Самары, использовавших канализацию в 1914 году около 20 тыс. человек, что составляло 12% от общего числа жителей города⁹, в 1917 году пользователей было уже около 50-60 тыс. человек, что составляло 20,5-24,5% от общего числа жителей¹⁰. В 1917 году длина улиц губернской столицы составляла 115-120 верст или 122-128 км, длина же канализации была 68,3 км, больше половины города была опутана канализацией.

Рассматривая примеры устройства канализации в других городах, можно увидеть, что например в Саратове, крупном провинциальном городе того времени, канализацию местные власти начали строить лишь в 1910-х годах, и к 1917 году только незначительная часть жилых и казенных зданий в центре города была оборудована необходимыми сантехническими устройствами, позволявшими направлять фекальные отходы и загрязненную воду в центральную городскую канализационную систему под землей, по которой зловонные потоки транспортировались в Волгу. Ни о какой очистке сих потоков тогда речи не шло, ибо общий объем сточных вод был сравнительно невелик¹¹.

Из всего вышеуказанного можно сделать вывод, что по устройству канализации Самара была на одном из первых мест среди городов России в начале XX века.

По статистическим данным, собранным Министерством внутренних дел, в России к началу 1911 года из 1063 населенных пунктов водопроводные сооружения были в 219, примерно у 20%, при этом для общественного пользования водопроводы сооружены были только в 204 пунктах. Самара относилась к их числу.

Наличие в Самаре современного водопровода и канализации в начале XX века несомненно ставили ее в ряд с крупнейшими городами того вре-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

мени. Провинциальный город уже тогда претендовал на роль не захолустья, а бурно развивающегося промышленного города, каковым он стал впоследствии.

1. Отчеты по эксплуатации Самарского городского водопровода за 1900-1909 гг; Смета доходов и расходов города Самары на 1913 год. Самара, 1913; Смета доходов и расходов города Самары на 1914 год. Самара, 1914; Смета доходов и расходов города Самары на 1916 год. Самара, 1916.
2. Пуришкевич В.М. Национальное бедствие России. М., 1909.
3. Отчеты по эксплуатации Самарского городского водопровода за 1900-1909 гг; Смета доходов и расходов города Самары на 1913 год. Самара, 1913; Смета доходов и расходов города Самары на 1914 год. Самара, 1914; Смета доходов и расходов города Самары на 1916 год. Самара, 1916.
4. Струков О.С. Самарский водопровод. Куйбышев, 1972.
5. Отчеты по эксплуатации Самарского городского водопровода за 1887-1909 гг; 1910-1913 гг; К вопросу о расширении и переустройстве Самарского городского водопровода. Самара, 1914. С.32; Наше городское хозяйство в 1914 году. Самара, 1914.
6. Новый энциклопедический словарь. Брокгауз и Эфрон. Т.20. С.698.
7. Струков О.С. Самарская канализация. Куйбышев, 1972.
8. ГАСО Ф.153. Оп.30. Д.25 Л.283.
9. Наше городское хозяйство в 1914 году. Самара, 1914. С.27.
10. Некоторые сведения о развитии канализации города Самары. Самара, 1918.
11. Семенов В.Н., Семенов Н.Н. Саратов мешанский. Саратов: ОАО «Приволжское книжное издательство», 2004. С.92

РЕОРГАНИЗАЦИЯ ПОВОЛЖСКОГО РАЙОННОГО ОХРАННОГО ОТДЕЛЕНИЯ

Гончарова Е.А.

Саратовский государственный университет

В интересах политического розыска в 1906 году в системе органов политической полиции было учреждено районное охранное отделение. Идея создания новых областных или районных охранных отделений исходила из намерения децентрализовать до некоторой степени розыскную работу Департамента полиции и противопоставить действия политического розыска в данном районе или области возникшим в то время областным подпольным революционным организациям¹. Появление районных охранных отделений ознаменовалось утвержденным П. А. Столыпиным 14 декабря 1906

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

года Положением о районных охранных отделениях². Положение учредило восемь районных охранных отделений (далее РОО).

Со временем менялась география распространения революционного влияния, вслед за ней приходилось перекраивать и сферу влияния РОО. В марте 1908 г. в ДП поступило письмо от одной из самых значимых фигур политического розыска начала XX в. в то время ротмистра, начальника Саратовского ОО Александра Павловича Мартынова. В котором он высказывается по ряду положений, относительно устройства политического розыска на местах. В том числе, достаточно подробно анализируя активность революционного движения в поволжских губерниях, в частности партии РСДРП, вносит предложение по реорганизации административно-географического устройства Поволжского РОО.

Для выделения наиболее важных в деле политического розыска губерний Мартынов пользуется мнением самих революционеров, которые первостепенное значение в революционном движении Поволжья отводили, например, Тамбовскому региону, а не Самарскому, как следовало из устройства Поволжского РОО. В целях повышения эффективности политического розыска в Поволжье Мартынов предлагает ряд конкретных мер по реорганизации географической структуры Поволжского РОО, обращая особое внимание на Тамбовскую губернию, как на регион, в котором располагается комитет РСДРП, возглавляющий революционное движение в Поволжье. «В настоящее время Самара по своим революционным организациям не играет доминирующей роли, а между тем требование Департамента полиции к Районному Охранному отделению на первый план выдвигает, что и понятно, заведение центральной агентуры, так вот в Самаре в настоящее время, агентура, даже в Самарском комитете, ничего не даст Району»³.

В мае 1909 г. практически в полном согласии с предложениями Мартынова центр Поволжского РОО был перемещен из Самары в Саратов, на переезд учреждения ДП выделял ровно месяц, требуя от местных руководителей наладить нормальное его функционирование уже к 1 июля 1909 г.⁴

В государственном архиве Саратовской области сохранилось Положение о РОО за 1906 г., переданное в Саратов очевидно в 1909 г., когда сюда был перенесен центр Поволжского РОО. В § 2 Положения, где речь идет о географической структуре Поволжского РОО, есть ряд карандашных пометок, отражающих изменения произведенные в ней. Самара заменена на Саратов, Пермская, Вятская, Уфимская губернии вычеркнуты и вписана Тамбовская губерния. Таким образом, Поволжское РОО предстает так: «В Саратове (Поволжское) – для губерний: Самарской, Казанской, Симбирском, Саратовской, Оренбургской, Астраханской, Пензенской, Тамбовской и Уральской области»⁵. А в виду необходимости учреждения в

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Тургайской области политического розыска, ДП еще в апреле 1909 г., ставит ее в подчинение Оренбургскому ГЖУ и включает «в состав губерний, входящих в район Поволжского Районного Охранного отделения»⁶.

Перенос центра Поволжского РОО из Самары вызвал определенные сложности, связанные с финансовыми расходами по переезду кадрового состава учреждения, так как со стороны ДП никаких распоряжений на этот счет не было. Первым еще в мае 1909 г., эту проблему затронул в переписке с полковником Семигановским, Ротмистр Филевский. Он указывал на то, что маршруты на переезд заранее запланировать и рассчитать можно только на него самого и двух чиновников для особых поручений. Причем только один из чиновников для поручений может получить прогонные деньги от ДП, а он сам и еще один ротмистр, по общим правилам от интендантства, что касается остальных служащих, то «исчислить им сумму на переезд, ввиду отсутствия каких-либо правил на этот предмет весьма затруднительно, и этот вопрос, как я предполагаю, должен быть разрешен Департаментом полиции по Вашему представлению»⁷.

Думается, что приведенная выше ситуация с переездом, является показателем некоторой непродуманности и поспешности в действиях самого ДП и в то же время халатности и попустительству на местах. Так, например, остается не совсем понятной ситуация, когда ДП делает распоряжение о переносе РОО, в то же время от него не поступает никого предписания по поводу денежного обеспечения сотрудников на переезд, до тех пор, пока начальники РОО ни начинают проявлять свою личную, не во всем верную инициативу. В то же время со стороны руководителей на местах, ни от Критского, который сдает руководство отделением, ни от Семигановского, который принимает его, не поступает запроса в ДП, дать определенные указания и средства на переезд, до того времени пока сам переезд не состоялся и сотрудниками были потрачены личные средства, что являлось для них обременительными расходами.

1. Мартынов А. П. Моя служба в отдельном корпусе жандармов // «Охранка»: воспоминания руководителей политического сыска. Т. I. М., 2004. – С. 219.

2. ГАСО. Ф. 51. Оп. 2. Д. 19. Л. 21.

3. ГАСО. Ф. 57. Оп. 3. Д. 10. Лл. 234, 236.

4. ГАСО. Ф. 51. Оп. 2. Д. 20. Л. 76.

5. ГАСО. Ф. 51. Оп. 2. Д. 19. Л. 21.

6. ГАСО. Ф. 57. Оп. 3. Д. 16. Л. 33.

7. ГАСО. Ф. 51. Оп. 2. Д. 20. Л. 26.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В СФЕРЕ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА: НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ
ДОКУМЕНТЫ

Панга Е.В.

Саратовский государственный университет

Проблема предпринимательской деятельности в области промышленности и торговле, а также политика советского государства в этой сфере не получила достаточного освещения в историографии. Этот сюжет в основном рассматривается в рамках новой экономической политики 1920-х годов.

К числу первых работ, где затрагивается вопрос государственной политики по отношению к частному капиталу, можно отнести работу Ю. Ларина, И. Мингулина, И. Кондурушкина¹. До 1950-х гг. исследования, посвященные частным предпринимателям, практически полностью прекратились. В 1960-е и в 1980-е гг. выходят интересные работы В. Архипова и Л. Морозова². Они приходят к выводу о том, что частный капитал был вытеснен в ходе конкурентной борьбы с государственным и кооперативным сектором, что государственная политика по отношению к нэпманам была абсолютно правомерной. С конца 80-х гг. начался новый этап в изучении частного предпринимательства в годы нэпа. В 1994 г. в Саратове выходит работа Л. Лютова «Частная промышленность в годы НЭПА». В последнее время появилось значительное количество исследований, рассматривающих частное предпринимательство на региональном уровне. Так, в 1998 г. вышла обобщающая монография Е. Демчик «Частный капитал в городах Сибири в 1920-е годы: от возрождения к ликвидации»³. В 2003 г. Астраханским исследователем Д.К. Батрашевым была защищена диссертация, которая рассматривает проблему частного предпринимательства в Поволжье⁴.

Не отрицая достоинств всех перечисленных работ, необходимо отметить, что исследователи оставили в стороне множество проблем, связанных с изучением частного предпринимательства. В том числе и проблему эволюции государственной политики в отношении частных предпринимателей и их деятельности. Которая, безусловно, имела большое влияние на развитие частного предпринимательства в 1920-е годы.

Провозгласив новую экономическую политику, Советская власть быстро приступило к ее реализации. Для того чтобы законодательно оформить идеи нэпа, потребовалась нормативно-правовая база. В первую очередь было принято ряд декретов, которые внесли существенные коррективы в политику по отношению к частной промышленности и торговле. В данный период, издаются нормативно-правовые акты, такие как Гражданский, Трудовой, Земельный, Уголовный кодексы и т. д.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Первые постановления большевиков такие, как Декрет СНК от 17 мая 1921 г. «Об отмене, приостановке и пересмотре некоторых постановлений сельскохозяйственной кооперации» и постановление ВЦИК от 7 июля 1921 г. «О кустарной и мелкой промышленности» узаконили право частной собственности и, руководствуясь этим правом, каждый гражданин мог организовать мелкое предприятие с числом рабочих от 10 до 20 человек, зарегистрировав его в местном совнархозе⁵. Чуть позже это решение нашло отражение в Гражданском кодексе, который давал право любому гражданину, достигшему 16, открыть предприятие бытового обслуживания, магазина, кафе, ресторана и т. п.⁶

Важность принятых постановлений не подлежит сомнению, так как они открывали некоторый простор для предпринимательской деятельности.

Между государством и предпринимателем устанавливались деловые взаимоотношения, в которых каждая из сторон была по-своему заинтересована. Частник получал право организовывать свое дело и получать от этого определенную прибыль. В свою очередь государство, допустив частный сектор в экономику страны, использовало его потенциал для дестабилизации экономической ситуации. Таким образом, обе стороны были заинтересованы друг в друге, между ними установился диалог и отношения, отличные от предшествующего периода политики «военного коммунизма».

Но, несмотря на произошедшую либерализацию, государство вмешивалась в работу частного сектора, ограничивая возможности предпринимательской деятельности. Так каждый отдельный гражданин имел право владеть одним предприятием и не более. Судьба второго частного предприятия, оказавшегося в распоряжении частного лица, решалась в каждом отдельном случае Президиумом ВСНХ.

Не сразу был решен и очень долго оставался спорным вопрос о размере частного предприятия.

Не отменяя постановление от 7 июля 1921 г., ВЦИК 10 декабря 1921 г. принимает декрет, по которому частной собственностью могли фактически стать предприятия с количеством рабочих свыше 20 человек. К середине 1920-х гг. в вопрос о размерах частных предприятий вносится все большая ясность. В то время, когда уже существовали сотни предприятий, где активно использовался наемный труд, Советская власть, не нарушая законов, приостановила деятельность предприятий предпринимательского типа, на которых трудилось более 20 рабочих. Частник был вынужден сворачивать свое дело до размеров кустарного производства.

Одновременно с задачей воссоздания мелкой частной промышленности, нужно было восстанавливать и государственную индустрию. Во многом для решения этого вопроса требовался опыт, и, безусловно, денежные ресурсы. Не обладая ни одним, ни другим, Советское правительство вы-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

нуждено было разрешить на основе декрета от 5 июля 1921 г. аренду государственных предприятий и сдачу хозяйственных объектов в концессию⁷, т. е. государственное имущество передавалось в пользование частных лиц.

В первую очередь в аренду сдавались бездействующие или слабо работающие предприятия на короткий срок от 2 до 5 лет.

Учитывая значение аренды для восстановления производства в середине июля 1922 г. в тезисах ВСНХ об арендной политике говорилось, о необходимости создания условий, при которых частный капитал с большей интенсивностью направился бы на восстановление промышленности, а также могли бы сдаваться в аренду более крупные предприятия и предприятия, требующие ремонта, предусматривалась аренда до 12 лет. Но эти положения зачастую оставались только на бумаге.

С разрешением товарно-денежных отношений, по воспоминанию современников, потоки частной торговли стали заполнять все русла товарообращения. И это пугало большевиков, не случайно Ленинский «Наказ по вопросам хозяйственной работы», принятый IX съездом Советом, специально поручал Наркомату юстиции добиваться, чтобы «нарсуды республики строго следили за деятельностью частных торговцев, не допуская ни малейшего стеснения их деятельности, но вместе с тем строжайше карая малейшие попытки отступления от неуклонного соблюдения законов республики...»⁸.

Однако существующие законы нередко нарушались, противоречили друг другу. Так, несмотря на постановление ВЦИК от 26 августа 1921 г. о недопустимости одностороннего расторжения договоров с частными лицами, реквизиций и конфискаций, произвол по отношению к арендаторам оставался. УК РСФСР в отдельных случаях предусматривал расторжение договора, с последующей конфискацией имущества⁹. По мнению И.А. Исаева: «Отчуждению могло подвергнуться предприятие любого размера»¹⁰. Невыполнение арендатором договорных обязательств преследовалось Уголовным Кодексом РСФСР и в отдельных случаях могло повлечь за собой лишение свободы на срок не менее 6 месяцев (Ст.130)¹¹.

Большевистское руководство поддерживало правовой произвол, выдвигая требование, чтобы правосудие руководствовалось «революционным правосознанием»¹².

По мере укрепления государственного сектора в экономике страны, все больше ужесточается государственная политика в отношении лиц, занимающихся частной деятельностью. С 1926 года начался период непрерывного усиления нажима на частный сектор.

В этом же 1926 году для частников увеличили тарифы железнодорожных грузовых перевозок на 60-100% против ставок для перевозки государ-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ственных грузов. Затем 18 июня 1926 года был объявлен «временный сверхналог» на нэпманов, который впоследствии был повышен.

Обозначенная линия по отношению к частной промышленности в центре непосредственно отразилась на политике местных государственных органов. Так, на Пленуме Губернского комитета ВКП (б), который проходил со 2 по 5 марта 1927 г., было принято решение об ограничении роста и снижении удельного веса тех отраслей частной промышленности, которые конкурировали с государственной и кооперативной¹³.

Не менее значимым было принято следующее решение: «в виду значительности места, занимаемого в составе частной промышленности предприятий, считать необходимым ускорения работ по пересмотру арендных договоров и изъятию предприятий, которые могут эксплуатироваться государством»¹⁴.

Ужесточение политики было очевидным, и уже в мае 1928 г. отменяется закон об аренде государственных предприятий частными лицами. Не слишком широкий на протяжении 1920-х годов приток иностранного капитала к концу десятилетия практически остановился. Иностранные инвестиции предавались анафеме. К 1929 г. политика большевиков в отношении частного предпринимательства пришла к своему логическому концу.

Дело в том, что экономическая либерализация не сопровождалась либерализацией политического режима. Едва успел завершиться исторический X съезд РКП (б), как Оргбюро ЦК на заседании 17 марта вынесло постановление об укреплении органов ЧК. Круг обязанностей органов ВЧК-ОГПУ существенно расширился. Эти органы приобрели даже некоторые экономические функции¹⁵. В 1922 г. общий штат ГПУ составлял 119 тыс. человек, включая 30 тыс. осведомителей¹⁶. Это свидетельствовало о том, что, несмотря на введение нэпа, как и во времена «военного коммунизма» в стране огромную роль продолжали играть органы контроля и надзора, выполнявшие иногда не свойственные им функции.

Вместе с декларированными правами частного торговца и промышленника, сохранялось положение о лишении политических прав, права участия в выборах частных собственников, торговцев – так называемых нэпманов. Политическая жизнь была для них фактически закрыта. Политическое бесправие «нэпманов» сопровождалось лишением социальных гарантий, в частности право на пенсию. Безусловно, что лишение социальных и политических гарантий такой хозяйственно активной части населения, как нэпманы противоречило основам нэпа.

Все выше сказанное еще раз доказывает противоречивость политики проводимой большевиками. С одной стороны, Декретами и постановлениями Советская власть закрепляло право собственности на фабрично-заводские и торговые предприятия, право заниматься предпринимательст-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

вом. Меры по обеспечению общесоюзной законности и прав граждан, казалось, приобретали должный темп и необратимость – создавались кодексы, в том числе Гражданский и Трудовой. Допускалась отчасти свобода печати – частные издательства, непартийные журналы, проводилась судебная реформа, вводились прокуратура и адвокатура. Конституция 1924 г. придавала Верховному суду право конституционного надзора. Предусматривалась активизация деятельности Советов, заглушенной в годы гражданской войны. Нет сомнения, что укрепление законности в немалой степени способствовало успеху экономической политики, которая, несмотря на ограничения рыночных отношений, показала свою эффективность

С другой стороны государство помогало капиталу, но оно же и сдерживало его так же, как сдерживало политическое развитие страны. По словам Р. Золотарева «Капитал держава хотела держать при себе»¹⁷.

1. См.: Ларин Ю. Итоги, пути выводы НЭП. М., 1923; Он же. Частный капитал в СССР. М., 1928; Мингулин И. Пути развития частного капитала. М., 1927; Кондурушкин И. Частный капитал перед советским судом. М., 1927.

2. Морозов Л. Решающий этап борьбы с нэпманской буржуазией: из истории ликвидации капиталистических элементов города. 1926-1929. М., 1960; Архипов В, Морозов Л. Борьба против капиталистических элементов в промышленности и торговле. 20-е – начало 30-х годов. М., 1978; Архипов В. Этапы и методы регулирования торгово-промышленного предпринимательства // Экономическая политика советского государства в переходный период от капитализма к социализму. М., 1986.

3. Демчие Е Частный капитал в городах Сибири в 1920-е годы: от возрождения к ликвидации. Барнаул, 1998.

4. Батрашев Д.К. Развитие частного предпринимательства в период новой экономической политики 1921-1928 гг. На материалах Нижнего Поволжья. Дис. канд. ист. наук. Астрахань, 2003.

5. См.: Карр Э. История советской России. Большевицкая революция 1917-1923. М., 1990. Кн. 1. Т. 2. С. 634.

6. История России XX век / Под ред. А.Н. Боханова, М.М. Горинова, В.П. Дмитренко. М., 1997. С. 228.

7. В контексте советской истории 1920-30 – х. гг. концессия означала нераспространение на отдельных предпринимателей законов о государственной монополии на разработку полезных ископаемых, ведение внешней торговли, о запрете или ограничении найма рабочей силы и т. д. Предприниматели, получившие такие привилегии, назывались концессионерами, а их предприятия – концессиями.

8. В.И. Ленин. Полн. Собр. соч. Т. 44. С. 337.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

9. Законы о частном капитале: Сб-ник законов, инструкций, приказов и разъяснений. М., 1928. С. 333.

10. Исаев И.А. Правовые вопросы использования частного капитала в восстановлении советского народного хозяйства (1921-1925 гг.). М., 1977. С. 28.

11. ГАРФ. Ф. 382. Оп. 3. Д. 309. Л.Л. 42, 88

12. Гимпельсон Е.Г. Политическая система и нэп: Неадекватность реформ // Отечественная история. 1993. № 2. С. 30.

13. Саратовские известия. 1927. 16 марта.

14. Саратовские известия. 1927. 16 марта.

15. Россия нэповская. М., 2002. С. 38. ?

16. Леонов С.В. Рождение советской империи: государство и идеология. 1917 – 1922 гг. М., 1997. С. 298.

17. Золотарев Р. Из политической мысли XX века // Новое время. 1993. № 25. С. 56.

ОТНОШЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ К КРЫМСКОЙ ВОЙНЕ 1853 – 1856 гг.

Надеждина А.С.

Саратовский государственный университет

Крымская война 1853 – 1856 гг. оказала существенное влияние на последующее развитие как России в целом, так и её отдельных регионов. Автора данного сообщения интересовало формирование отношения жителей губерний к событиям на театре военных действий на примере Саратовской губернии.

Причиной выбора данной темы послужило то, что ранее ей никто не занимался, но и говорить о том, что весь материал представленный в работе излагается впервые, было бы не верным. В настоящее время существует несколько работ в той или иной степени, затрагивающие данную проблему¹. Но, несмотря на этот факт, сообщение построено в основном на материалах фондов Государственного архива Саратовской области (ГАСО), где отложились, манифесты императора, указы Правительствующего Сената, циркуляры министерства внутренних дел и финансов, всевозможные рапорты, отчёты и т. д., а так же на публикациях в местной прессе.

Саратовская губерния находилась на большом расстоянии от театра военных действий, поэтому война с самого начала мало затронула жителей губернии. Первые известия о начале конфликта России с Турцией пришли в Саратовский край летом 1853 г. 28 июня в Воскресенской церкви, был зачитан Манифест императора Николая I «О движении русских войск в

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

придунайские княжества»². Но особой реакции населения на него в документах зафиксировано не было.

Не последовало её и на зачитанный 8 ноября 1853 г. в саратовской Вознесенской церкви манифест о начале войны с Турцией³. Жизнь в губернии продолжалась в обычном русле.

Однако по мере поступления новостей с фронтов в народе нарастала волна патриотизма. Начиная с декабря 1853 г. на территории губернии проводились благодарственные молебны по случаю «одержания войсками нашими побед над турками». Отмечу, что просто «жестом доброй воли» такие благодарственные молебны назвать нельзя, проводились они по указу императора от 29 ноября 1853 г. за № 12291⁴ не только в Саратовской губернии, но и по всей России.

В конце зимы – начале весны 1854 г. на театре военных действий произошли кардинальные изменения, причём не в пользу России. Англия и Франция, без предварительного объявления войны, ввели свои флоты в Чёрное море, заявив, что они намерены защищать турок.

В связи с необходимостью пополнения рядов армии в марте 1854 г. царь подписал Манифест, в котором приглашал на службу отставных нижних чинов и предоставлял им различные льготы⁵. Многие саратовские отставники откликнулись на данный призыв⁶. Из переписки А.А. Столыпина, явствует, что ещё в начале года отставники уже были готовы, вновь вступить в ряды российской армии вот, что он пишет: «... война [стала] расти не на шутку. Того и гляди, чтобы [было] не хуже 12 года; и как бы нас стариков не потревожили; что же мы готовы, за веру, Отечество и царя, нам не впервой кровь проливать; постоим и в грязь лицом не ударим...»⁷.

В этом же 1854 г. в губернии начинается сбор пожертвований на военные издержки и в пользу раненых, инициатором данного мероприятия выступило правительство. Николай I повелел объявить высочайшую благодарность особо отличившимся саратовцам: купцу Ивану Афонину за пожертвование кожаного товара с прибором на 200 пар сапог; купцу Дмитрию Вакурову за 100 кулей ржаной муки; купечеству за 6000 руб.; крестьянину Иванову за 5 руб. и т. д.

В городе Вольске был дан благотворительный концерт, сбор с которого в сумме 242 руб. также был передан в пользу раненых⁸. Но не всегда пожертвования носили добровольный характер, часто они собирались по инициативе сверху.

В 1854 г. в Петербурге было решено начать издание сборника известий, относящихся к «настоящей войне», с целью сделать его настольной книгой каждого, следящего за ходом военных действий. Условия подписки были разосланы по всей стране. Данная информация была опубликована в «Саратовских губернских ведомостях»⁹ и с интересом встречена жителями губернии.

ХІІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Не остались в стороне от происходящих событий на границе Империи и представители нехристианских конфессий. В сентябре 1855 г. в Саратовскую губернию пришло 270 экземпляров циркуляра на арабском языке. Это было воззвание к мусульманам по случаю Крымской войны. Занимались его рассылкой городская и земская полиция¹⁰. В Лютеранских церквях так же проводились благодарственные молебны. Немцы – колонисты, которые в то время были не военнообязанными, принимали активное участие в сборе пожертвований.

Н.И. Костомаров, который находился в Саратове с 1847 по 1857 гг. в ссылке, вспоминал, что в середине лета 1855 г. город охватила волна пожаров, в начале которых жители обвиняли врагов своих «англо-французов»¹¹.

Своеобразной реакцией на события, связанные с войной, были крестьянские волнения, которые начались в Саратовской губернии весной 1855 г., из-за неправильного толкования священниками возвания Святейшего Синода¹², и закончились лишь в 1860 г.

Таким образом, отношению жителей губернии к войне нельзя дать однозначную оценку. С одной стороны они проявляли патриотизм, но с другой – это во многом было откликом на правительственные распоряжения.

1. Мраморнов А. И., Тотфалушин В. П. Формирование Саратовского ополчения в годы Крымской войны // Военно–исторические исследования в Поволжье. Саратов, 2005. Вып. 6; Надеждина А. С. Обзор документов по Крымской войне 1853-1856 гг. из фондов Государственного архива Саратовской области // Проблемы истории Саратовского края и документальное наследие. Саратов, 2006.

2. ГАСО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 2355. Л. 6.

3. Там же. Л. 4.

4. Подробнее см.: ГАСО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 2355. Л. 10, 12, 13, 39, 46, 50, 58, 62

5. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1217. Л. 1-3; Саратовские губернские ведомости. 1854. № 19.

6. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1217. Л. 1-3.

7. РГИА. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 731. Л. 257 б.

8. Саратовские губернские ведомости. 1854. № 19.

9. Саратовские губернские ведомости. 1854. №14; ГАСО. Ф. 179. Оп. 1. Д. 925.

10. ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3449. Л. 1.

11. Костомаров Н. И. С. 497 – 498.

12. Надеждина А. С. Указ. соч.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ 1861-1904 гг.

Валитов А.А.

Тобольский государственный университет

В современном мире идея гражданского общества приобрела большую актуальность не только благодаря теоретическим разработкам, но и с практической значимостью.

Теоретический аспект данной проблемы представлен в трудах как зарубежных, так и отечественных ученых. Спорным является вопрос о начальном моменте зарождения гражданского общества в дореволюционной России. Существует несколько точек зрения по этому вопросу. Первая точка зрения представлена взглядами британского ученого Дж. Хоскинга, считающего, что преобразования Екатерины II «стали первым шагом на пути к созданию в России гражданского общества»¹. Вторая точка зрения представлена в работах А.И.Черных, который считает, что реформы 1860-х гг. способствовали складыванию в России гражданского общества².

В современной науке отсутствует четкое определение гражданского общества. По нашему мнению гражданское общество – это особая автономная социальная сфера, которую образует сообщество граждан для защиты и выражения своих интересов. К основным институтам гражданского общества обычно относят негосударственные общественные объединения и органы местного самоуправления.

Цель данной статьи показать целостную картину, характеризующую возникновение основных институтов гражданского общества Западной Сибири в указанный период.

В Западной Сибири в пореформенный период оформились отдельные элементы гражданского общества, о чем свидетельствовали современники. Идеолог областничества Н.М. Ядринцев пишет, что «к концу XIX века Западная Сибирь, уже слишком заселена и в некоторых местах её присутствует гражданственность», в частности отмечая в этом плане Тобольскую и Томскую губернии³.

Большое влияние на развитие общественно-политической жизни Западной Сибири оказала периодическая печать. Наряду с официальной прессой в 70–80-е гг. появилась независимая периодическая печать: «Сибирская газета» (1881–1888 гг.), «Сибирский вестник» (1885–1905 гг.), «Сибирский листок» (1890-1919 гг.)⁴.

Одним из наиболее важных институтов зарождающегося гражданского общества рассматриваемого времени были органы местного самоуправления – в городах (городские думы и управы), в сельской местности (воло-

ХІІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

стные и сельские сходы). Городские думы принимали активное участие в создании различных попечительских комитетов, советов, в состав которых наряду с рядовыми горожанами и представителями от общественных объединений входили гласные думы. Сельские и волостные общества своими силами поддерживали общественный порядок и самостоятельно осуществляли правосудие по большинству мелких гражданских и уголовных дел.

Несмотря на многие недостатки в работе сельских и городских органов самоуправления, они активно и оперативно решали многие вопросы местного благоустройства и хозяйственной жизни. Органами местного самоуправления накапливался практический опыт по управлению отдельными территориально-административными единицами. Кроме этого анализируя деятельность выше названных органов самоуправления можно сказать, что они приобрели на рубеже XX – XIX века черты и функции общественных институтов.

Большое значение в общественной жизни Западной Сибири приобрели возникшие во второй половине XIX в. общественные неполитические организации (благотворительные, культурно-просветительные, досуговые, научные, религиозные, профессиональные и т.д.). Общества давали возможность своим представителям приобщиться к публичной деятельности, играли важную просветительскую роль, а также способствовали «расширению кругозора» и «воспитанию гражданского чувства». За четыре десятилетия количество общественных организаций в Западной Сибири увеличилось с нескольких до 160⁵. Однако необходимо учитывать, что большинство формирований в тех были полифункциональными и их деятельность трудно отнести лишь к какой-то одной сфере.

Важным фактором в формировании институтов гражданского общества Западной Сибири являлась политическая ссылка. В первой половине 60-х гг. XIX в. политическая ссылка приобрела массовый характер.

Бывший народник, будущий выдающийся ученый и академик В.А. Обручев воздействие политических ссыльных оценивал следующим образом: «Политические же преступники обычно пользуются всеобщей симпатией... Преимущественно преступники этого рода переносят в Сибирь отечественную культуру, пробуждают народную мысль, основывают школы, способствуют процветанию кустарных промыслов и ремесел, занимаются изучением страны»⁶. На особом положении находилось собственно сибирское общественно-политическое движение-областники, которые оказали большое влияние на становление традиций либерального мировоззрения в регионе.

Все выше сказанное позволяет утверждать о начале складывания институтов гражданского общества Западной Сибири на рубеже XIX-XX вв. Становлению институтов гражданского общества Западной Сибири спо-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

способствовали такие факторы как развитие капитализма, развитие народного образования, появление сети библиотек, книгоиздательской деятельности и книготорговли, возникновение и деятельность независимой прессы. В качестве основных институтов гражданского общества следует считать органы городского и сельского самоуправления и общественные неполитические объединения.

1. Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552-1917). – Смоленск, 2001. С. 170.

2. Черных А.И. Долгий путь к гражданскому обществу (Реформы 1860-х годов в России) // Социальные исследования. – 1994. – №8-9. С. 173-181.

3. Ядринцев Н.М. Русская община в тюрьме и ссылке. – СПб., 1872. С.465.

4. Периодическая печать Сибири (вторая половина XIX века – февраль 1917 г.): Указатель газет и журналов / Сост. И.Г. Мосина, Е.Н. Косых. – Томск, 1991.

5. Подсчитано по работе Дегальцева Е.А. Общественные неполитические организации Западной Сибири (1861 – 1917 гг. – Бийск, 2002.; Обзор Тобольской губернии за 1904. – Тобольск, 1904. С.33.; Обзор Томской губернии за 1904. -Томск, 1905; Адрес – календарь Тобольской губернии на 1904 год. -Тобольск, 1904 С.121-123.

6. Обручев В.А. В старой Сибири. – Иркутск, 1958. С. 190.

РОССИЙСКИЙ КРАСНЫЙ КРЕСТ В БОРЬБЕ С ГОЛОДОМ 1921-1922 гг.

Костин Н.В.

Тольяттинский государственный университет

С началом активной борьбы с голодом в Поволжье, Президиум ВЦИК постановлением от 22 августа 1921 г. поручил Красному Кресту осуществление помощи голодающим. Р.О.К.К. получило право: ввозить в страну без пошлин и акцизов гуманитарные грузы, пользоваться внеочередностью перевозок грузов, иметь и использовать свои перевозочные средства. Были установлены добавочные сборы в пользу Красного Креста¹.

С лета 1921 года Российское Общество Красного Креста начало создавать собственную сеть специальных уполномоченных по России и за границей. За границей Р.О.К.К. имел одиннадцать собственных представительств. Все представительства Красного Креста работали под непосредственным руководством Иностранного Отдела, созданного в 1918 г. Их ос-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

новой функцией являлось налаживание связи с местными организациями помощи голодающим. Были завязаны отношения с целым рядом организаций, а именно: с Комитетом Нансена, Международным Бюро Труда, Международным союзом Женщин «За мир и свободу» и т.д. В результате обращений к целому ряду подобных организаций, у Р.О.К.К. появился приток пожертвований из-за границы.

Добившись своего призвания Международным Красным Крестом, Р.О.К.К. с самого начала «голодной кампании» вел усиленную агитацию среди населения стран, в которых имел свои представительства. Работа эта началась изданием бюллетеней, освещавших положение голодающих и ставивших основные вопросы помощи голодающим.

Наиболее продуктивной была деятельность представительства Русского Общества Красного Креста в Соединенных Штатах Америки. В целях объединения независимых, не примкнувших к АРА комитетов для закупки и отправки продовольствия, собранного этими независимыми комитетами, Представительством был организован свой Центральный орган – Американский федеративный Комитет помощи голодающим (Амфедком).

Российский Красный Крест, из-за противодействия Американского Красного Креста, пришлось, вместо того, чтобы действовать от своего имени, взять на себя инициативу по организации особых комитетов для сбора пожертвований.

Всего было создано тринадцать комитетов. Они собрали пожертвований на 342 985 долл. Кроме того, Американский союз помощи русским детям отправил продуктов на сумму 270 000 долларов².

Всего из Америки в адрес Центрального комитета Русского общества Красного Креста прибыло 296 472 п. 14 ф. продуктов³. Из них Самарскому Уполномоченному Р.О.К.К., было распределено – 154 955 п. 09 ф., Казанскому Уполномоченному Р.О.К.К. – 35 332 п. 23 ф⁴. Самарский регион рассматривался представителями Русского Красного Креста как наиболее пострадавший от голода район. В связи с этим ему распределялось большее количество продовольствия.

Красный Крест осуществлял свою деятельность не только за счет пожертвований. Отдел снабжения произвел несколько коммерческих операций⁵.

Основным видом медико-санитарной помощи голодающим Центральным Комитетом Р.О.К.К. был признан врачебно-санитарный отряд. Были сформированы штаты этих отрядов, составлены таблицы медицинского и хозяйственного снабжения, инструкции о деятельности и проч. Формирование и комплектация этих отрядов, за исключением медицинского и частично хозяйственного персонала, были переданы на места, где и набира-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

лась большая часть сотрудников, причем из самих голодающих; только небольшая часть сотрудников (врачи, медбратья) командировались из центра.

В деятельности Русского Красного Креста часто практиковалось полное снабжение учреждений и организаций, поддержку которых местные уполномоченные считали необходимой. Так давались пайки медицинскому факультету в Самаре, работникам колхоза, работникам местного транспорта. Комиссиям по научному изучению голода. Довольно значительная помощь оказывалась железнодорожным больницам⁶.

Сотрудниками Красного Креста организовывалось общественное питание. Продукты отпускались, главным образом, детям, старикам, больным, беременным, кормящим грудью и проч., т.е. лицам, наиболее пострадавшим от последствий голода. Калорийность пайка колебалась от 1800 до 1200 ккал⁷. Этого вполне хватало взрослому человеку для поддержания жизненно необходимых функций организма.

Всего за время с 1-го января по 1-е сентября учреждениями Красного Креста на местах было выдано 16 197 750 обедов. Через амбулатории за то же время прошло 110 379 человек, через больницу – 5 976 человек⁸.

В Самарской губернии работало четыре врачебно-питательных отряда. Свою работу в губернии Русский Красный Крест начал 14 декабря 1921 г.⁹. Кроме работы этих отрядов, Русский Красный Крест содержал в г. Самаре эпидемиологический отряд на 75 человек взрослых, дезотряд Губздора – 32 человека взрослых, а также детскую больницу на 815 коек и диагностическую клинику на 25 взрослых человек.

Русское Общество Красного Креста постоянно увеличивало норму выдачи пайков. Если в январе-феврале 1922 г. оно питало 15 000 человек, то в марте 1922 г. выдавалось уже 16 535 порций. В июне 1922 г. на содержании Красного Креста находилось свыше 22 000 человек взрослых и детей¹⁰.

Помимо медицинской и продуктовой помощи населению, отделениями Р.О.К.К. часто практиковались общественные работы, направленные на улучшение благосостояния района, в котором находилось представительство Красного Креста: починка мостов, плотин, дорог; весной с помощью своего живого инвентаря, вспахивались поля для безлошадных хозяйств и т.д.¹¹.

В целом, анализируя деятельность Международного Красного Креста, необходимо отметить, что руководство Общества реально взвешивало свои мобилизационные ресурсы и подходило к выполнению своей миссии взвешенно и расчетливо. Оставаясь по своей сути абсолютно аполитичной и гуманистической организацией, Красный Крест сыграл огромную роль в деле спасения голодающих. Направив свою деятельность в наиболее пострадавшие от голода районы, Международная организация Красного Креста (и особенно Русский Красный Крест) кормила на своей территории 100 % населения¹² без возрастного или какого-либо иного различия.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

1. История Российского Красного Креста (<http://www.redcross.ru/>).
2. Голод. 1921 – 1922. Сборник. – Нью-Йорк, 1922, С. 375-403.
3. Итоги борьбы с голодом в 1921-22 гг. – М., 1922. С. 135.
4. ГАСО. Ф. р-2524. оп. 2. д. 1. л. 34.
5. Итоги борьбы с голодом в 1921-22 гг. – М., 1922. С. 135.
6. ГАСО. Ф. р-2524. оп.1. д. 1. лл. 3-7.
7. Там же, л. 2.
8. Итоги борьбы с голодом в 1921-22 гг. – М., 1922. С. 134.
9. ГАСО. Ф. р-130. оп. 1. д. 4. л. 1.
10. На фронте голода. 1921-1922. Кн. II. – Самара, 1922, С. 16-42.
11. ГАСО. Ф. р-2524. оп. 2. д. 1.
12. На фронте голода. 1921-1922. Кн. II. – Самара, 1922, С. 16.

РОЛЬ АКАДЕМЦЕНТРА НАРКОМПРОСА РЕСПУБЛИКИ В РАЗРАБОТКЕ УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИХ ПОСОБИЙ ДЛЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ШКОЛ

Преснякова А.К.

Башкирский государственный педагогический университет

Заметный след в истории становления народного образования Башкирской АССР, да и всей культурной жизни республики 20-х годов оставил Академический центр Народного Комиссариата просвещения республики¹. Созданный в сентябре 1922 года, он руководил всей научной и научно-методической работой в республике. В круг обязанностей Академцентра входила разработка программ и методики преподавания в школах применительно к местным условиям, составление учебников и пособий для школ, организация научных экспедиций, созыв научных конференций, руководство научными обществами и создание новых².

В соответствии с поставленными задачами в составе Академцентра были созданы научно-методические комиссии: башкирская, русская, национальных меньшинств, литературно-художественная, ведавшая вопросами литературы, театра и искусства. В составе Академцентра работали архивная и музейная комиссии, а также Общество по изучению Башкирии и Башкирское государственное издательство³. Кроме того, он занимался самостоятельной научно-методической работой и культурно-просветительной деятельностью.

Значительная заслуга Академцентра по консолидации, имевшихся в республике, научных и культурных сил вокруг решения первостепенных задач народного образования. Демократический дух общения, установившийся в органах народного образования, осознание неотложности развер-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

тывания широким фронтом ликвидации культурной отсталости, способствовали объединению представителей интеллигенции, порою с различным мировоззрением, профессиональным и жизненным опытом, образованием, к решению общих задач.

Пост заведующего Академцентром Народного Комиссариата просвещения БАССР в 1922-1923 годах занимал поэт и общественный деятель С.Х. Сюнчелей, затем здесь энергичную и многогранную работу развернул видный партийный и государственный деятель Башкирии Ш.А. Манатов. В последующие годы Академцентром Наркомпроса Башкирии руководил замечательный педагог и ученый, один из активных организаторов народного образования республики Ш.Х. Сюнчелей. Ученым секретарем Академцентра работал талантливый ученый-тюрколог Г.Х. Алпаров (впоследствии – профессор Казанского университета). Научным сотрудником являлся этнограф и тюрколог Х.А. Габитов. С Академцентром тесно сотрудничали ученые, деятели учреждений культуры и просвещения, писатели, журналисты, художники.

Основное внимание Академцентр сосредоточил на подготовку учебников, программ для национальных школ, пунктов ликвидации неграмотности, различных курсов, научно-методических пособий для учителей. Научно-методическая башкирская комиссия в составе Н. Тагирова, С. Мрясова, Х. Габитова, А. Ибрагимова (Шонаси), Г. Вильданова, А. Фахретдинова, З. Шакирова и других представителей национальной интеллигенции приступила к созданию учебников и учебно-методической литературы. Комиссия контролировала всю издававшуюся в республике литературу на башкирском и татарском языках, редактировала, давала рецензия и рекомендовала их к печати⁴.

Редакционно-издательская деятельность Академического центра отличалась своей масштабностью и широким размахом. Если в 1922 г. было выпущено 30 названий книг общим объемом 14 печатных листов, то в 1925 г. – уже 115 названий объемом 380 печатных листов. Преобладающее место среди них заняло издание учебной и учебно-методической литературы. Широкое издание педагогической и методической литературы объясняется той огромной работой, которая проводилась в связи с ликвидацией неграмотности, строительством новой школы, подготовкой кадров учителей. Обращают на себе внимание серьезные педагогические работы, авторами которых были активные члены Общества по изучению Башкирии Г. Сагадиев, Г. Ибрагимов (Шонаси), Г. Худаяров, В. Хангильдин, Ш. Сюнчелей. Вышли из печати учебники и пособия для общеобразовательных школ: «Начальная геометрия» Г. Сулейманова, «Методика математики» М. Срумова, «Уроки башкирского языка» З. Шакирова, азбука, буквари, грамматика башкирского языка, книги для чтения коллективов авторов, работы по географии и исто-

ХІІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

рии А. Фахретдинова, книги по физике, химии, биологии для школ Г. Ибрагимова (Шонаси), по краеведению Ш. Сюнчелей и другие. По искусству представлены работы о художественном чтении, об организации драмкружков М. Магадеева, Х. Бакирова. Издано значительное количество справочных пособий об организации краеведения, атеистического воспитания, библиотечного дела.

Усилиями всей культурной общественности республики было налажено издание книг на башкирском языке. В июле 1921 года обком РКП (б) принял решение о внедрении башкирского языка в книгоиздательское дело, периодическую печать и деятельность всех учреждений республики⁵. Выполняя это постановление, партийный и советские органы развернули большую работу по созданию башкирской письменности. По указанию обком партии Академцентр занялся подготовкой алфавита, основ грамматики и орфографии, которые вскоре были представлены на обсуждение общественности. Создание башкирской письменности имело огромное значение для культурного строительства и общественно-политической жизни республики.

1. Культурное строительство в Башкирской АССР // Документы и материалы. 1917-1941. – Уфа, 1986. – С. 99.
2. ЦГА БАССР. Ф. 798. Оп.1. Д.902. Л.25.
3. Там же. Д.689. Л.л. 1-6.
4. Культурное строительство в Башкирской АССР. Уфа, 1986. – С. 151, Каримуллин А.Г. Книги и люди. – Казань, 1985. – 133.
5. Очерки истории Башкирской организации КПСС. – Уфа, 1973. – С. 319.

ВЛАСТЬ И НАУЧНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В 1930-е гг. (НА МАТЕРИАЛАХ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ)

Сюков А.В.

Самарский государственный университет

В конце 20-х – 30-е годы XX века произошли существенные изменения в политике государства по отношению к научной интеллигенции. Если в 20-е годы главной задачей новой власти было привлечение на свою сторону большинства нейтрально настроенных ученых, то в данный период властные структуры стремилась полностью подчинить и идеологически «перевоспитать» научную интеллигенцию.

Важнейшая роль в работе с научной интеллигенцией отводилась партийным органам, которые стали более глубоко и конкретно руководить дея-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

тельностью ученых, усиливая идейно-политическую работу в её среде. Партийные органы стремились изменить мировоззрение старой научной интеллигенции. Огромную роль в завершении перехода старых специалистов на позиции советской власти сыграла пропаганда марксизма-ленинизма в среде научной интеллигенции. Партийные организации устраивали лекции и доклады по политическим и философским вопросам. Так, в сельскохозяйственном институте ежемесячно заслушивалось не менее двух докладов для научных работников и студентов по вопросам истории партии. К чтению докладов и лекций были привлечены преподаватели института, а также специальные докладчики от руководящих областных организаций¹.

Наряду с партийными организациями идеологическую пропаганду вели и разнообразные организации самих ученых: секции научных работников и Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству (ВАРНТИСО). Они вели активную политико-воспитательную работу среди работников научных учреждений, организовывали специальные кружки для ученых по изучению диамата².

Кроме того, данными организациями, партийными органами, а также местными газетами критиковалась деятельность многих видных ученых. Критика велась не только в отношении ученых, приверженных буржуазной идеологии, но и нейтрально настроенных научных работников. Их обвиняли в аполитичности, в отсутствии политического анализа прорабатываемого материала³.

Наряду с перевоспитанием старой научной интеллигенции власть стремилась создать новую советскую научную интеллигенцию. В постановлении ЦК партии «О научных кадрах ВКП (б)», принятом 26 июня 1929 года, говорилось о «соблюдении классового принципа в подпоре аспирантов и стажеров»⁴. По этому поводу руководитель Наркомпроса А.В. Луначарский в 1928 году говорил, что «в отношении нового поколения, подготовлявшегося к научной жизни, – аспирантов – нужна твердая политика социального подбора не только по происхождению. Не надо останавливаться перед упреками, что приняли коммуниста или человека, сочувствующего партии, который в данной специальности на самом деле меньше преуспевал, чем человек чуждый нам. Конечно, в отношении специальностей, где политическое мировоззрение играет меньшую роль, мы можем быть более либеральными, но в специальностях, которые ближе к политической и культурной работе, мы должны быть жестче. Сейчас чрезвычайно важно определить состав ученых людей в будущем по линии увеличения числа настоящих выдержанных марксистов»⁵.

В результате численность партийной прослойки в течение 30-х годов повысилась, однако не столь сильно как этого желали партийные органы. Наиболее значительная численность членов ВКП (б) было среди аспиран-

ХІІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

тов, зачастую превышая 50%, а наименьшая – среди профессоров, причем большинство из них были преподавателями общественных дисциплин.

В течение 30-х годов по стране прокатилась целая серия раскрытия групп контрреволюционных вредительских организаций, которые состояли из представителей старой дореволюционной научной и технической интеллигенции. Наиболее остро репрессии затронули научные учреждения, организованные до 1917 г., деятельность которых не отвечала новым реалиям. В Самарской области таким учреждением была Безенчукская опытная станция – старейшая исследовательская организация Поволжья в области сельского хозяйства. Волна репрессий затронула станцию в начале 30-х годов, когда в местных газетах был опубликован ряд обличительных статей в адрес директора станции С.М. Тулайкова и ведущих научных работников. В одной из статей предлагалось «очистить станцию от классового врага, преодолеть нейтралитет основной массы специалистов, убрать со станции явно враждебных социалистическому переустройству сельского хозяйства»⁶. В результате были арестованы или уволены большинство руководящего состава и виднейшие ученые-аграрники, работавшие на станции: С.М. Тулайков, М.И. Ожарко, И.И. Ишаков, Д.М. Щукин⁷.

Кроме того, подверглись репрессиями десятки преподавателей сельскохозяйственного института. Были арестованы либо необоснованно освобождены от работы С.В. Сохацкий, Д.М. Чижов, А.В. Тейтель, Г.А. Студенский, А.Н. Слепков, А. Минаев, А.И. Бессонов, А.А. Коростелев и многие другие. Репрессии затронули и другие самарские научные учреждения. Они были не столь масштабны, но при этом оказали серьезные негативные последствия и значительно ослабили исследовательский потенциал научных учреждений.

1. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 29. Д. 114. Л. 13.
2. ГАСО. Ф. Р-3303. Оп. 1. Д. 2. Л. 11.
3. Волжский комсомолец. 1935. 15 июня.
4. КПСС о культуре, просвещении и науке. М., 1963. С. 448.
5. Луначарский А.В. О народном образовании. М., 1958. С. 423.
6. Волжская коммуна. 1930. 28 марта.
7. ГАСО. Ф. Р-846. Оп. 4. Д. 17. Л. 35-42.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
ДЕТСКИЕ МЕДИЦИНСКИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ Г. КУЙБЫШЕВА В
1945-1947 гг.

Кузина М.А.

Самарский государственный педагогический университет

После Великой Отечественной войны советским людям предстояла тяжелая задача – восстановить разрушенное войной, наладить свой быт. Проблем было немало, среди которых можно отметить и эпидемические заболевания: малярия, дизентерия... Естественно, для государства одной из приоритетных должна была стать задача сохранить здоровье своих граждан и, особенно, детского населения как будущей основы дальнейшего развития государства. Рассмотреть, как же происходило медицинское обслуживание детей в г. Куйбышеве в 1945-1947 гг. является целью данной работы.

В этот период город имел 16 детских консультаций, из них 8 самостоятельные и 8 объединенные, т.е. женско-детские. Работа детских консультаций проводилась по участковому принципу. Весь город был разбит на 48 отдельно обслуживаемых участков. Кроме врача к участку была прикреплена постоянная медицинская сестра и патронажная сестра. Почти всеми консультациями патронаж проводился не позднее 8-го дня после выписки из роддома. В среднем на ребенка в месяц жизни делалось 2-2,5 патронажа, на 1 году – 6. Все ослабленные дети обязательно брались на учет, их по городу было: в 1945 г. – 4022 человека, за 9 месяцев 1946 г. – 4632, что составляло 12% от общего количества детей¹. В качестве лечебных процедур широко использовалось лечение лампой Баха, применение витаминов «Д», «С», аскорбиновой кислоты, а также дополнительное питание; по заключению юриста оказывалась материальная помощь. Затрудняли работу консультаций незначительность сети коммунального транспорта в периферических районах города и полное отсутствие своего транспорта, особенно в условиях отдаленности от своих участков (консультация № 10 Кировского района имела радиус обслуживания 5-6 километров)².

На 1 октября 1946 г. город имел 39 яслей на 3 640 коек. Размещались ясли по территориальному и производственному принципу. Из 39 яслей 15 промышленных с общим количеством коек до 2000 и 24 яслей городских³. С целью снижения заболеваемости и улучшения физического развития детей медработниками яслей проводилась лечебная гимнастика, облучение лампой Баха, применение витаминов «С», «Д», «В», введение дополнительного питания за счет подсобных хозяйств; профилактические прививки. Однако в яслях отмечались высокие показатели заболеваемости детей. Например, из общего числа пропущенных койко-дней (44857) по болезни

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

пропущено 21909⁴. Причинами этого можно назвать неудовлетворительную работу патронажных сестер, которые наблюдали детей дома; недостаточное пребывание на свежем воздухе; нерегулярные санитарные процедуры (душ, ванны)⁵.

В городе имелись 3 дома ребенка на 300 коек, где находились дети старше 3 лет. Дети старших и средних групп в Домах ребенка имели хорошее физическое развитие, процент нормотрофии составлял 85%. Дети младшей группы поступали в Дома ребенка с резко пониженным весом, они составляли 60% нормотрофии, из них 10% поступали в тяжелом состоянии. Для лечения применяли усиленное пятикратное питание, лампы Баха. Ослабленным детям широко применялся витамин «С» и «D» и аскорбиновая кислота, шиповник и сырые овощи: морковь, свекла, капуста.

Всего в г. Куйбышеве находилось 98 детсадов, с общим количеством детей 8972. Санитарное состояние отдельных бюджетных детсадов неудовлетворительно из-за непригодности занимаемых помещений.

Кроме того, для обслуживания детей школьного и дошкольного возраста в городе размещались 4 детские поликлиники в различных районах. Например, во Фрунзенском районе имелась базовая детская поликлиника. При поликлинике имелся кабинет хирурга, невропатолога и др. Поликлиника имела рентгенаппаратуру, физаппаратуру и лабораторию.

Необходимо рассказать и о стационарной помощи детям. Детское население численностью в 105000 человек (в возрасте 0-15 лет) обслуживалось 5 постоянными больницами городского подчинения, 1 детской туберкулезной больницей на 120 коек, проводившей свою работу по санаторному принципу; 1 инфекционной больницей на 180 коек, а за счет эпидфонда было развернуто 4 временных стационара на 400 коек для скарлатиновых больниц. Помещения больниц были плохо приспособлены для работы этих учреждений, к тому же неудобство дислокации приводило к невыполнению плана койко-дней: в 1946 г. выполнено всего 77, 7% плана⁶.

В летнее время горздравотдел организовывал проведение оздоровительных мероприятий среди детей. Например, с 3.06. по 15.09.1946 г. было организовано 184 оздоровительных учреждения, с общим охватом 39 316 детей. В 37 пионерских лагерях отдыхало 25 000 детей, в 63 детских садах – 5 447, в детских яслях – 1 430, в тубсанаториях – 889, в соматических санаториях – 300, в 47 школьных детских площадках – 4 000, а также получили оздоровительные пайки – 2 300 человек⁷. Перед началом оздоровительной кампании был произведен медицинский осмотр 46 045 детей. При углубленном осмотре детей семилеток было выявлено 74% здоровых детей и 26% детей с различными видами заболевания, из них 56% направлено в оздоровительные учреждения, остальные получили дополнительное питание. Из осмотренных, нуждающихся в направлении в различные оздоровительные

ХИ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

учреждения, оказалось 41 148 человек детей, из которых прошли оздоровительные мероприятия 91%. В 1946 г. отмечались хорошие показатели в улучшении здоровья детей. Средняя прибавка веса 1 ребенка за период пребывания в оздоровительном учреждении составляла от 1 до 2 кг.⁸ Недочетами в работе оздоровительных учреждений были: отсутствовала подача воды в детские оздоровительные учреждения, расположенные на 2-ой и 3-ей просеке и Поляне им. Фрунзе; во многих учреждениях имела место скученность. В отдельных учреждениях (пионерский лагерь завода № 18) дети были приняты без достаточно оформленных медицинских справок, в результате чего произошла вспышка заболеваний детей скарлатиной.

1. ГАСО. Ф. Р.56. Оп. 51. Д. 37. Л.23
2. ГАСО. Ф. Р. 2148. Оп. 3. Д. 76. Л. 12.
3. ГАСО. Ф. Р. 2148. Оп. 3. Д. 49. Л. 33.
4. ГАСО. Ф. Р. 2148. Оп. 3. Д. 76. Л. 17.
5. ГАСО. Ф. Р. 2148. Оп. 3. Д. 76. Л. 20.
6. ГАСО. Ф. Р. 2148. Оп. 3. Д. 76. Л. 21.
7. ГАСО. Ф. Р. 2148. Оп. 3. Д. 49. Л. 17.
8. ГАСО. Ф. Р.56. Оп. 51. Д. 37. Л.19.

КОНСТИТУЦИЯ 1977 г. – ОБМАНУТЫЕ НАДЕЖДЫ

Хвостова Г.И.

Волгоградский государственный университет

В мае 1977 г. Пленум ЦК КПСС одобрил и рекомендовал вынести на всенародное обсуждение проект Конституции СССР. 4 июня 1977 г. в центральных, республиканских и областных газетах проект был опубликован. В 1987 г. в юбилейном издании, посвященном 10-летию принятия Конституции, отмечено, что в обсуждении проекта Основного Закона приняло участие свыше 80% взрослого населения страны и «проект получил всенародную поддержку»¹. Это утверждение ничем не обосновывается. В издании правозащитников «Хроника текущих событий» (далее – ХТС) говорится: «Помимо широко публикуемых советской прессой одобрительных откликов (иногда – с поправками и дополнениями, носящими, по большей части, непринципиальный характер), проект вызвал ряд писем с серьезными замечаниями и аргументированными предложениями. Хотя эти письма были направлены в Конституционную комиссию, в советские газеты или органы власти, ни одно из них не было даже упомянуто»². Чтобы понять, как в действительности обстояло дело, важно проанализировать письма, о которых идет речь в ХТС.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

При подготовке доклада были проанализированы письма верующих, хранящиеся в фонде Совета по делам религий при Совете Министров СССР (далее – Совета), в фонде уполномоченного Совета по Волгоградской области. Верующие отправляли письма в различные инстанции: Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета, Председателю Совета министров, генеральному прокурору, в министерство просвещения, в редакции газет и журналов. Из этих инстанций они направлялись в Совет по делам религий при СМ СССР «на рассмотрение»³. Внимание верующих привлек второй раздел проекта Конституции – «Государство и личность», особенно статьи 36 (о равноправии граждан), 50 (свободы слова, печати и т.п.), 52 (о свободе совести), 66 (о воспитании детей).

В связи с тем, что религиозные убеждения Евангельских христиан-баптистов вступали в противоречие с условиями, созданными в СССР законодательством о религиозных культах, они были активной оппозицией властям. Поэтому именно их письма представлены более широко⁴. Евангельские христиане-баптисты (далее – ЕХБ) направляли коллективные письма Л.И. Брежневу, в которых высказывали мнения о том, насколько действительно новая Конституция сможет обеспечивать права верующих граждан СССР. Текст писем посвящен сравнению законодательства о культах и положений проекта Основного Закона. Верующие просили пересмотреть прежние законодательные документы, противоречащие Конституции.

Президиумом Верховного Совета СССР 17 июня 1977 г. было принято постановление по итогам работы Советов депутатов трудящихся Украинской ССР и Литовской ССР⁵. По дате принятия постановления видно, что «итоги» были подведены через 12 дней после того, как проект Конституции был опубликован, в связи с этим можно предположить, что постановление было не столько выводом, сделанным на основе анализа откликов трудящихся, сколько «директивой», указанием, какие именно отклики нужны Конституционной комиссии и Верховному Совету.

Подобная «безраздельная поддержка» отражена в информации Уполномоченного Совета по делам религий по Волгоградской области. Документ основывался на письменных откликах по проекту Конституции, собранных среди православного духовенства. В информации Уполномоченного нет упоминания о том, что верующие не согласны с какими-либо статьями проекта Конституции⁶.

В то же время анализ писем верующих, направленных в Совет по делам религий при СМ СССР, позволяет увидеть отличную от официальной картину. Верующие писали письма не только Л.И. Брежневу и Т.Р. Руденко, они обращались также в Министерство просвещения, в редакцию журнала «Наука и религия» и т.д.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

3 октября 1977 г. Пленум ЦК КПСС одобрил проект Конституции, которая вводилась в действие с 7 октября 1977 г. В преамбуле к новому Закону одной из главных задач «социалистического общенародного государства», несмотря на интересы значительной части граждан, названо «воспитание человека коммунистического общества»⁷. Конституционная комиссия не приняла во внимание письма верующих и не внесла изменения в статьи, от которых зависела реальная свобода религиозной деятельности граждан СССР. Это привело к тому, что верующие всех религиозных конфессий по-прежнему подвергались дискриминации, многие из них остались в оппозиции Советской власти.

1. Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И. Очерк истории Советской Конституции. М., 1987. С.195.

2. ХТС. 1977. №46. (раздел «Обсуждение проекта Конституции») // <http://www.memo.ru/history/diss/chr/>

3. Сопроводительное письмо в Совет по делам религий при СМ СССР из Приемной Президиума ВС СССР от 01.06.1977 г. // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф.6991. Оп.6. Д.1121. Л.40.

4. Дело составляет 171л. и состоит из писем и предложений верующих различных конфессий по обсуждению 52 статьи проекта Конституции СССР, поступивших в Совет с 18 мая по 19 сентября 1977 г. (ГАРФ. Ф.6991. Оп.6. Д.1127.)

5. Постановление Президиума Верховного Совета СССР «О работе Советов депутатов трудящихся Украинской ССР и Литовской ССР по организации всенародного обсуждения проекта Конституции СССР» от 17.06.1977 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1977. №25. Ст.386.

6. Прудникович М.К. (уполномоченный Совета по делам религий при СМ СССР по Волгоградской области). Информация об откликах духовенства на проект Конституции СССР. 25 июля 1977 г. // Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). Ф.Р-6285. Оп.1. Д.67. Л.15.

7. Конституция (Основной Закон) СССР. Принята ...7 октября 1977 г. // Кукушкин Ю.С. Указ.соч. С.317.

РАДИОИГРЫ СОВЕТСКОЙ КОНТРАЗВЕДКИ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1942-1944 гг.)

Илясова А.С.

Самарский государственный университет

В период Второй мировой войны как на территории Германии так и на территории СССР проводились так называемые «радиоигры». Целью же

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

моего сообщения является рассмотрение радиоигр проводимых разведывательными органами на территории Московской и Куйбышевской областей. Источниками, которыми я располагаю по данной теме являются: «Дезинформация, переданная в немецкий разведцентр по радиостанции «Находка». 19 мая 1943 г.», «Воспоминания ветерана-контрразведчика С.М. Федосеева», а также воспоминания генерала П.А. Судоплатова¹.

Мое сообщение также опирается и на труды С.Г. Хумарьяна², С. Чертопруд³, В. Лота⁴.

Родоначальником радиоигр Германии был начальник Абвера Адмирал Фридрих Канарис. Весной 1942 года внутри Абвера был создан специальный разведывательный центр «Унтернемен Цеппелин». В его задачи входила подготовка для заброски в тыл СССР агентов, разведывательно-диверсионных групп, завербованных из числа военнопленных, бывших уголовников и недовольных советской властью. Основными объектами для их диверсий были определены железные дороги, мосты, переправы, промышленные и оборонные предприятия, средства связи⁵.

Для противодействий противнику советская разведка использовала радиоигры. С помощью перевербованных из числа разведчиков-диверсантов под контролем советских спецслужб проводилась радиоигра с передачей в «Абвер» выгодной информации⁶. В хорошо продуманных комбинациях противнику предоставлялась дезинформация политического и военного характера. Радиостанции, с помощью которых проводились подобные операции, находились в Архангельске, Вологде, Воронеже, Горьком, Иванове, Ленинграде, Калининe, Казани, Куйбышеве, Рязани, Саратове, Сталинграде, Тамбове, Туле, Ульяновске, и Ярославле⁷.

Радиоигры открывали советской контрразведке широкие возможности для осуществления оперативных комбинаций по перехвату каналов и линий связи разведорганов противника выявлению и ликвидации агентуры, действовавшей на нашей территории. Одновременно в ходе них выяснились планы и практические действия вражеской разведки, замыслы немецкого командования относительно боевых операций против Красной Армии, а также осуществлялась дезинформация противника по военным, политическим и экономическим вопросам. В отдельные периоды войны территориальными органами безопасности и военной контрразведкой «Смерш» одновременно велось до 70 радиоигр из глубокого тыла страны и прифронтовой полосы. Вся работа по координации радиоигр концентрировалась в центральном аппарате НКВД СССР, а с 1943 года – в ГУКР «Смерш» НКО СССР⁸. Генерал П.А. Судоплатов позже вспоминал: «Период 1942-1943 годов характеризуется началом крупных радиоигр между советскими и немецкими спецслужбами. Абвер и СД использовали для этих игр главным образом разоблаченных ими агентов советской военной и по-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

литической разведок в Западной Европе и на оккупированной территории. Насколько мне известно, главным упущением в этих играх была попытка использования старых источников. Линия поведения нашей стороны заключалась в том, чтобы внедрить проверенных агентов непосредственно в спецслужбы противника, которые могли бы создать фиктивные дополнительные источники информации для немецкого командования»⁹.

Среди операций КРО столичного УНКВД особое место занимает радиоигра под кодовым названием «Находка». Данная операция, длившаяся в общей сложности почти два года, представляла собой лишь одно звено в общей системе радиоигр, которые велись в то время. Основной целью радиоигры «Находка» было создание условий для дополнительного канала продвижения военной дезинформации¹⁰.

Другой советский контрразведчик С.М. Федосеев вспоминал: «10 февраля 1943 года в Московское областное управление НКВД было передано по телефону сообщение, что ночной сторож одной из деревень Волокамского района заметил, как на рассвете от самолета, летевшего на небольшой высоте, отделилось несколько парашютов»¹¹. В результате поисков был задержан бывший военнослужащий Григорьев, который охотно согласился сотрудничать с НКВД. Так, Григорьев должен был выходить в эфир со специально подготовленными сообщениями в которых находилась дезинформация. «С 6 до 8 и с 17 до 20 часов 19-го мая на Ржев по железной дороге пришло три небольших состава с разными грузами. В одном составе на пяти платформах 10 полевых пушек.» (Передать 20 мая 1943 г.)»¹². Вот примерно такого характера была информация. Но следует заметить, что информация проверялась противником и вместе с дезинформацией нужно было давать часть достоверной информации.

Одна из разведшкол, находившаяся под Варшавой, готовила группы, направляемые в Заволжье. Штаб «Бруно» – подразделение Абвера, группа 105 – готовил резидентуру, засылаемую конкретно в Куйбышевскую область, в том числе на железную дорогу. «Цеппелин» требовал от агентов полную информацию о характере всех железнодорожных перемещений, количестве поездов и направлении их следования – германский генштаб хотел знать место сосредоточения войск Красной Армии.

На территорию Куйбышевской области было заброшено 14 разведывательно-диверсионных групп противника, и все они были обезврежены. В то же время чекисты предприняли ряд мероприятий для проведения радиоигры разработки контрразведывательной операции в Сызрани. Встречу «гостей» там поручили старшему оперуполномоченному НКГБ СССР Фортунату Козику, специально направленному в Сызранский горотдел. План, разработанный в строгой конспирации, был такой: после ареста диверсантов следовало перевербовать радиста и организовать канал дезин-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

формации. В успешной его реализации положительную роль сыграла сама судьба: агент Васильченко еще в «учебке» решил, что сразу же после приземления на родную землю сдастся в ближайшее отделение милиции. А там хоть в штрафбат, хоть к стенке... Его же напарник, агент Давыдов, оказался предателем, бывшим уголовником, ненавидящим Советскую власть. После ареста и допроса Давыдова переправили в Москву, а вместо него к Васильченко приставили Козика. Их группа получила кодовое название «Кустарник». Разведчики выходили в эфир два раза в сутки, составляли шифровки, учитывая обстановку на фронтах. Их «деза» казалась настолько правдивой, что противники стали проверять благонадежность источника. Наконец, пришел ответ: «Благодарим за работу, продолжайте собирать информацию». Дом в Сызрани на улице Интернациональной, где жил Козик с Васильченко, находился под постоянным наблюдением чекистов: нужно было взять агента-связника. Но немцы о нем пока ничего не сообщали. И только тогда, когда сигнал рации пал совсем слабым (сиделись батареи), пришла шифровка, что связник уже прибыл и скоро появиться на конспиративной квартире. Как выяснилось, вновь рибывший агент Береговой учился в одной школе с Васильченко и считался одним из лучших по диверсионной подготовке, имел награды от своих руководителей. Сведения, полученные от него чекистами, прояснили секреты операции «Цепелин». Получая дезинформацию из Сызрани, немцы до последнего верили своей «восточной агентуре»¹³.

Одним из результатов работы Куйбышевских чекистов явилось то, что в 1942 году немецко-фашистская разведка допустила крупный просчет, не обнаружив сосредоточение мощной группировки советских войск под Сталинградом¹⁴. Использование радиоигр внесли в Победу значительный вклад. Адмирал Канарис так оценил деятельность русской разведки: «Надо заметить, что мы не выполнили поставленные перед нами задачи, это зависело не от плохой агентурной работы немцев, а от высоко поставленной работы русских, от хорошей бдительности не только военнослужащих, но и гражданского населения»¹⁵.

1. Лубянка 2. Из истории Отечественной контрразведки. М., 2002. С. 237-238.

2. Хумарьян С.Г. Разведка и контрразведка: лица одной медали. Самара, 2005.

3. Чертопруд С. НКВД-НКГБ в годы Великой Отечественной Войны. М., 2006.

4. Лота В. Без права на ошибку. М., 2005.

5. Хумарьян С.Г. Крепость на Волге. Самара, 2003.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

6. Хумарьян С.Г. Разведка и контрразведка: лица одной медали. Самара, 2005. С. 57.
7. Там же. С. 28.
8. Лубянка 2: Из истории Отечественной контрразведки. М., 2002. С. 237.
9. Цит. Судоплатов П. А. Там же. С. 237-238.
10. Там же. С. 241.
11. Цит. Федосеев С.М. Там же. С.238.
12. Дезинформация, переданная в немецкий разведцентр по радиостанции «Находка». 19 мая 1943 г. Там же. С. 241.
13. Хумарьян С.Г. Крепость на Волге. Самара 2003. С.31.
14. Там же. С. 32. С. 31.
15. Лота В. Без права на ошибку. М., 2005. С. 231.

ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ГОРОЖАН В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ САМАРСКОЙ И САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИЙ)

Рогач Ю.А.

Самарский государственный университет

Одной из характеристик городской жизни в России пореформенного периода стало повышение уровня девиантных проявлений в поведении населения. Под девиантным поведением мы будем понимать те поступки людей, которые выходят за рамки норм, принятых в обществе и оказывают при этом существенное влияние на его развитие. К их числу относятся преступность, пьянство, проституция. Рост преступности был отмечен после проведения в 1860-е гг. демократических преобразований. В 1911 – 1913 гг. она примерно в 3,4 раза превысила уровень 1850-х гг.¹ Уровень преступности в городах был выше, чем в сельской местности: «... в 1897 – 1914 гг. на 100 тыс. населения приходилось осужденных в городах – 97, в столицах – 72, в сельской местности (в уездах) – 37»². Наибольшее число преступлений было совершено в рабочей среде. Далее в порядке убывания их доли в совершении преступлений следовали следующие профессиональные группы: лица свободных профессий и чиновники, торговцы, предприниматели и ремесленники, крестьяне-землепашцы³. Необходимо отметить, что если рабочие совершали преступления в основном из-за тяжелого экономического положения, то представители других категорий населения часто руководствовались иными соображениями. Так, в числе покушавшихся на кражу, по данным самарского архива, находились: купец Ф.Г. Первовский, потомственный дворянин Кикин, потомственный почет-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ный гражданин Д.А. Иларионов, купец А.П. Морозов и его жена, личный почетный гражданин А.А. Алфиев⁴.

Среди преступлений и проступков в Самарской и Саратовской губерниях в 1902 г. преобладали совершенные против собственности частных лиц – соответственно 77% и 45%⁵. Также распространены были преступления против жизни, свободы и чести частных лиц; против порядка управления; против общественного благоустройства и благочиния; по службе государственной и общественной; против веры; поджоги; нарушения устава питейного и другие.

Одним из проявлений девиантного поведения была проституция. Под проституцией понимают «коммерческое внебрачное сексуальное поведение, реализуемое в системе определенных социальных отношений, среди которых системообразующими выступали отношения спроса-предложения сексуальных услуг»⁶. В конце XIX – начале XX вв. число лиц, занимавшихся проституцией, значительно возросло, прежде всего, в крупных городах. Наибольшее количество проституток относилось к мещанству и крестьянству, что было обусловлено их значительным численным превосходством по отношению к другим сословиям⁷. Подавляющее большинство составляли незамужние, неграмотные девушки из бедных семей.

Представить масштабы проституции в Российской империи, как и в любой другой стране сложно, поскольку наряду с явной ее формой существовала и тайная. По подсчетам исследователей, в период с 1889 по 1893 гг. численность проституток равнялась 41 – 48 тыс. как минимум⁸. По данным за 1897 г., в Самарской губернии было зарегистрировано 307 женщин, занимавшихся проституцией, из них в городах проживало – 258 (0,16% населения); в Саратовской губернии – 327, в городах – 327 (0,11% населения). Таким образом, численность проституток в городах Самарской губернии была выше. Во многих уездных центрах не было зарегистрировано проституток. Среди уездных городов Саратовской губернии больше всего их было в Царицыне (47) и Вольске (40). Из городов Самарской губернии можно назвать Новоузенск – 34, Бузулук – 23, Бугуруслан – 16⁹. Государство в рассматриваемое время реализовывало политику регулирования проституции. Она заключалась в установлении полицейского и медицинского контроля над одиночной проституцией и публичными домами. Местные власти стремились повлиять на перевод данных заведений на городские окраины¹⁰.

Тесно связанным с преступностью и проституцией был алкоголизм: 2/3 всех преступлений на рубеже XIX – XX вв. были совершены в состоянии алкогольного опьянения. Доля продажи алкогольных напитков в доходной части государственного бюджета за весь пореформенный период достигла наименьшего показателя в 1900 г. и составила 18,2% (в 1860 г. –

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

41,2%)¹¹. Таким образом, в правительственной политике пореформенного периода наблюдалась тенденция к снижению доступности алкогольных напитков для населения, в то же время уровень их употребления увеличивался. Помимо экономических и социальных причин данного явления, исследователи называли традиционную структуру и формы потребления спиртного: преобладали крепкие напитки, часто низкого качества. Они потреблялись в непомерных объемах, часто с недостаточным количеством пищи. Это давало высокий процент заболеваний и смертности от алкогольных отравлений¹².

Таким образом, в пореформенный период в городах региона наблюдался рост преступности, проституции, потребления населением алкогольных напитков, что соответствовало общероссийской тенденции. Наиболее распространенными в городах Самаро-Саратовского Поволжья стали преступления против частной собственности; против жизни, свободы и чести частных лиц; против порядка управления. Процент женщин, занимавшихся проституцией, был выше в городах Самарской губернии. В уездных центрах отмечался более низкий уровень девиантного поведения, чем в губернских.

Общественные инициативы, направленные на борьбу с преступностью, проституцией и алкоголизмом, в определенной степени способствовали снижению социальной напряженности. Однако система широкого социального контроля только складывалась, и решить проблему кардинально не могла. Для реального снижения уровня девиантного поведения требовалось создание программы, включающей как методы социального контроля, так и широкие возможности государственной власти. Однако такая система требовала продуманности, финансирования, времени для реализации и, что очень важно, принятия и осознания ее полезности населением на уровне обыденного сознания.

1. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.: в 2 т. Т. 2. – СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1999. – С. 96.

2. Девиантность и социальный контроль в России (XIX – XX вв.): тенденции и социологическое осмысление. СПб.: Алетейя, 2000. – С. 140.

3. Миронов Б. Н. Указ. соч. – С. 95.

4. Государственный архив Самарской области (ГАСамО). Ф. 8. Оп. 2. Д. 274, Д. 278, Д. 851; Ф.171. Оп. 1. Д. 630, Д. 714.

5. Адрес – календарь Самарской губернии на 1904 год. – Самара, 1903. – С. 147; Статистический обзор Саратовской губернии за 1902 год. Издание Губернского Статистического Комитета. – Саратов: Паровая скоропеч. Губерн. Правл. 1903. – С. 20.

ХІІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

6. Девиантность... – С. 335.
7. Девиантность... – С. 337.
8. Девиантность... – С. 332.
9. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. – СПб.: Изд. центр. стат. ком. МВД. 1904. Т. XXXVI. Самарская губерния. – С. 118 – 121; Т. XXXVIII. Саратовская губерния. – С. 148 – 151.
10. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 1910; ГАСамО. Ф. 153. Оп. 36. Д. 896.
11. Девиантность... – С. 203.
12. Бехтерев В. М. Вопросы алкоголизма и меры борьбы с его развитием. Речь, сказанная при открытии экспериментально-клинического Института по изучению алкоголизма при Психо-Неврологическом Институте б/в. – СПб.: Тип. Я. Трит, 1912 г. – 28 с. – С. 11 – 13.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Секция «История общественной и исторической мысли, политических партий и общественных движений»

ЕКАТЕРИНА II И Г.ПОТЕМКИН. ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Тристенко Н.А.

Самарский государственный университет

Личная переписка Екатерины II с Потемкиным является выдающимся историко-культурным памятником второй половины XVIII в. Ввод в научный оборот новых и малоизвестных материалов позволяет по-новому взглянуть на жизнь и деятельность императрицы и ее соправителя – уникального политического дуэта в мировой Истории. Их письма – настоящий роман, не выдуманный писателем, пусть даже гениальным, а подлинный и потому вдвойне интересный, прекрасный и трагичный, как сама жизнь. Прежде, чем пройти по страницам этого романа в письмах, следует сказать несколько слов о том, на сколько сохранились его отдельные страницы письма, кем были его герои, как жили они до мгновения, когда судьба властно соединила их судьба. Историки давно обратили внимание на эти уникальные документы.

Коллекции писем издавались в XIX-XX вв., их количество постоянно пополнялось. К настоящему времени, благодаря выходу в 1995г. книги Лопатина, «Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка 1769-1791» появилось самое полное издание переписки двух выдающихся государственных деятелей России. В него вошло много новых, ранее не известных материалов, составляющих около трети книги. Прежде всего, это письма Потемкина императрице, большая часть которых никогда не публиковалась. Никогда не публиковались и письма Екатерины II Потемкину, относящиеся к первым неделям начавшейся в 1787г. Войны с Турцией. Каким-то образом историки, занимавшиеся изданием писем императрице, проглядели целую пачку ее посланий Потемкину за август-сентябрь 1787г. Поиски в архивах позволили выявить новые «письма-записочки» Екатерины, относящиеся к периоду ее сближения с Потемкиным¹.

Заслугой Лопатина является то, что, переписка проработана с целью установления времени написания недатированных писем и записочек. В значительной мере это относилось к материалам 1774-1776гг. В этих нежных, порой грустных, порой счастливых посланиях к возлюбленному, затем к мужу и соправителю Екатерина не ставила дат. Когда между супругами установилась регулярная переписка (1783-1791), Потемкин зачастую

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

отмечал только день и месяц отправления письма. По сопоставлению этих писем с письмами аккуратной императрицы (всегда начинавшей свой ответ с упоминания дат отправления его писем и их получения) удалось практически полностью восстановить хронологию переписки. Нужно отметить, что не все письма Потемкина, известные по ответным посланиям государыни, удалось отыскать. Недостаёт более 40 писем. Может быть, они сохранились и когда-нибудь будут найдены. Нельзя не упомянуть и о невозможных утратах. Если Потемкин бережно хранил письма своей возлюбленной, то императрица, напротив, сжигала его любовные послания. Она знала, чем могут грозить ее избраннику эти письма. Слишком памятливы были угрозы гвардейских офицеров убить братьев Григория и Алексея Орловых в случае, если не будет расстроен предполагавшийся брак Екатерины с Григорием Григорьевичем. Помнила она и о широкой оппозиции этому браку со стороны таких сановников как Н.И. Панин. Поэтому переписка 1774-1775 гг. носит односторонний характер. Мы видим письма Екатерины, но почти не видим писем Потемкина. Позднее, между супругами установилась регулярная переписка².

По меньшей мере в 28 письмах-записочках Екатерина называет Потемкина «мужем» и «супругом», а себя именуется «женой». Иногда эти сокровенные слова она прописывает полностью, иногда обозначает их начальными буквами. Чаще всего она обращается к нему со словами «муж дорогой», но встречаются и такие сочетания, как «муж любезный», «муж милый», «нежный муж», «бесценный муж», «муж родной», «собственный мой муж», «Гришеночек бесценный, беспримерный и милейший в свете, я тебя чрезвычайно и без памяти люблю, друг милой, целую и обнимаю тебя душою и телом, муж дорогой» (письмо № 72)³.

Екатерина прямо пишет о «святейших узах», которыми она – «жена» привязана к Потемкину – «владыке и дорогому супругу», говорит в письме, вызванном упреками и жалобами Потемкина. Это время объявления нового фаворита Завадовского, время, когда между супругами часты ссоры, доводящие Екатерину до отчаяния, до слез. Но пока нужно обратить внимание на упоминание Екатериной двух лет, прошедших со дня, связавшего ее с Потемкиным «святейшими узами». Это прямо указывает на 1774 г.⁴

Вплотную к дате тайного венчания подводит нас письмо № 79, в котором говорится: «В викариальные дни производилась всегда пальба во время войны со шведами. А во время мира не стреляют, а сегодня стрелять нельзя, не шокируя шведов, милый друг, муж дорогой». Эту записочку легко датировать. Потемкин, уже распорядившийся в военном ведомстве, запросил императрицу о салюте. Она ответила отказом. Тому была причина. В ближайшее время ожидался визит в Петербург шведского короля Густава III, с которым осложнились отношения. В Камер-фурьерском журнале

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

за 27.06.1774г. говорится, что в день поминовения Полтавской победы в церкви (в Петергофе) отправлялась Божественная литургия, «по окончании был молебен, а пальбы не было». Следовательно, накануне 27.06.1774г. Екатерина называет Потемкина «мужем дорогим». Сближение началось в феврале. Решительное объяснение произошло 27.02., а 3.03. наступил пост. По церковным правилам во время поста таинство бракосочетания не совершается. Пасха 1774 г. приходилась на 20.04. Следовательно, до 28.04. Екатерина не могла венчаться. 7.05.-суббота, но суббота – запретный день для венчания. Через неделю (15.06.) наступал Петровский пост, длившийся почти месяц. Во время этого поста таинство брака также не совершается. Остаются всего 4 дня: воскресенье 8 июня, праздник Животворящей Троицы; понедельник 9.06. – праздник Сошествия Святого Духа; среда 11.06. и пятница 13-го. Близость Потемкина к церковным кругам, его приверженность к церковным обрядам позволяют утверждать, что венчание состоялось на Троицу – 8.06. По приметам, брак, заключенный в такой большой праздник, считался особенно счастливым⁵.

Особую значимость приобретает изучение переписки, когда сведения сообщаются и сопоставляются с данными других источников, например Камер-фурьерского церемониального журнала. Ежедневные записи в этом журнале отмечали все официальные события при дворе. Под 4.02.1774 г. читаем: «По полудни в 6-ом часу из Первой Армии прибыл ко двору Ее Императорского Величества в Село Царское генерал-поручик и кавалер Григорий Александрович Потемкин, который и проходил к Ее Императорскому Величеству во внутренние апартаменты». Второй раз имя Потемкина появляется в Камер-фурьерском журнале 9.02. Он показан среди 42 приглашенных на большой воскресный прием и обед. Но могли быть тайные свидания, о которых официальный журнал хранит молчание.

О первых шагах к сближению рассказывают письма. Сначала Екатерина пишет Потемкину по-французски, называет его «милым другом», обращается к нему на «Вы». 14.02. двор переезжает в Петербург, и Потемкин чуть ли не через день приглашается на официальные приемы в Зимний дворец. Инициатива в руках Екатерины. Она добивается свидания наедине и горячо благодарит «милого друга» (письмо № 9). И вдруг все меняется. Игривый тон писем, которым она пыталась прикрыть свое чувство, уступает место серьезному и грустному признанию. Как отмечает Камер-фурьерский журнал, 21.02. государыня не выходит из своих покоев. Попытка решительного объяснения закончилась неудачей. Потемкин потребовал от нее признания в ее прошлых увлечениях. И потребовал так твердо, что она затворяется в своих покоях и пишет «Чистосердечную исповедь» (письмо № 10). Она посылает письмо-признание своему возлюблен-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ному и нетерпеливо ждет ответа. О силе ее чувств говорят письма (№ 11 и № 12)⁶.

Таким образом, предварительный анализ переписки Екатерины II и Г. Потемкина в кипе с другими источниками позволяют выявить ряд интересных аспектов во взаимоотношениях этих двух крупнейших личностей России второй половины XVIII в.

1. Елисеева О.И. Потемкин. М., 2005. С.12.
2. Павленко Н.И. Потемкин. М., 2003. С.195.
3. Барсков Я.Л. Письма Екатерины II Г.П.Потемкину // ВИ.1989. №7. С.131.
4. Барсков Я.Л. Письма Екатерины II Г.П.Потемкину // ВИ. 1989. №9. С.103.
5. Екатерина II и Потемкин. Личная переписка. М., 1997. С. 513-514.
6. Барсков Я.Л. Письма Екатерины II Г.П. Потемкину // ВИ. 1989. №6. С.86.

ПЕРЕПИСКА 1808-1810 ГОДОВ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I С СЕСТРОЙ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНЕЙ ЕКАТЕРИНОЙ ПАВЛОВНОЙ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Русяев П.С.

Самарский государственный университет

Личные источники всегда привлекали внимание ученых при реконструкции взаимоотношений между членами императорской фамилии. Исследуя царствование императора Александра I, следует сказать, что до нашего времени не дошло большое количество писем и дневников его ближайших родственников, хотя косвенные данные указывают нам на их существование. Одна из самых долгих и насыщенных переписок длилась между Александром I и его младшей сестрой великой княгиней Екатериной Павловной с 1805 по 1818 годы¹. Историки неоднократно писали об особых и доверительных отношениях между братом и сестрой. Они цитировали отдельные части переписки, но в целом, содержание источника представляется необычайно ценным для понимания характера монарха и великой княгини². Необходимо показать актуальность переписки как исторического источника для реконструкции взаимоотношений членов императорской фамилии, и посмотреть как они развивались в дальнейшем.

Первые письма Александра I и Екатерины Павловны за 1805-1807 гг. иллюстрируют нам зарождение дружеских отношений. В 1808-1810 гг. Александр I написал 25 писем³. Писем великой княгини в данных хроноло-

ХІІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

гический период до нашего времени дошло только 2 за 1810 год. Скорее всего, ее письма императору существовали гораздо в большем количестве.

Любопытным будет обратить внимание на внешние черты источника. За 1808 год все письма государя имеют место, число и год отправления, все они были написаны в Германии, 2 письма Александр Павлович отправил из Эрфурта. За 1809 год большинство писем императора к сестре имеют только дату. В 1810 году Александр I ставил место отправления не во всех письмах. Екатерина Павловна написала одно письмо из Твери.

Одним из самых главных элементов является стиль писем. Особое внимание следует обратить на язык, который передает нам особенность времени создания источника и является своеобразным кодом. Вставной текст на русском языке нередко встречается только в письмах императора. Подшучивая над сестрой, он называет ее «шельма», «мадемуазель», «дорогая Рожа». Иногда употребляет такие фразы как «побои» или «аплеуха подле уха». На русском встречаются отдельные слова и словосочетания: «тезоименительство» и «дрожащая посетительница», а также имена и прозвища некоторых членов императорской фамилии: Анна Павловна (в семье Аннета), Мария Павловна (в семье «Клеопова»).

Александр I сохранил 3 части в письмах: приветствие, основную и заключение (или прощание). 2 письма великой княгини представляют собой сплошной текст без вступления и заключения, где она сразу пишет об интересующем ее деле. В письмах за 1805-1807 гг. видно как император по особому обращается к сестре. Он по-прежнему называл ее Biskis или Бишка (Bishka). Это семейное прозвище Екатерины Павловны, которое великий князь Николай Михайлович трактует как производное от «щеки» (les deux joues). Наличие круглых, пухлых щек у великой княгини подтверждают иконографические источники (портреты великой княгини кисти Э. Виже-Лебрен, Ж.А. Беннера)⁴.

Приветственные и заключительные части со стороны государя заслуживают внимания. «Я не могу передать вам все удовольствия, которое мне доставило ваше очаровательное личико, которое вы мне прислали»; «вы знаете всю притязательность, которую я к вам испытываю»; «вы не можете сомневаться в пожеланиях, которые я сделал для вашего счастья»; «у меня есть нужда выразить вам всю мою чувствительность и дружбу – пишет император. Екатерина Павловна для него «лучший, настоящий, хороший и дорогой друг», «прекрасная княгиня», «мадемуазель принцесса», «настоящий ангел» и «дорогая Biskis». В заключительных частях император пишет следующее: «Это может быть не очень скромно, и взамен я говорю вам, что я люблю вас до глубины души»; я люблю вас всем сердцем»; «прощайте, милый друг, весь ваш душой и сердцем»; «весь ваш на всю жизнь»; «да придет с вами благо».

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

В двух письмах Екатерины Павловны все написано по-французски. Великая княгиня мало писала на родном языке, хотя некоторое время училась у Н.М.Карамзина. Стилль написания остался неизменным с 1805 года. По нему можно безошибочно сказать, что автором письма является именно великая княгиня. Предложения в письмах Екатерины сложные и большие. Екатерина Павловна даже со стороны писала о брате восторженно: «Говорил мне князь Потемкин с беспримерными похвалами о великих князьях, паче же об Александре Павловиче, и со слезами на глазах, называя его Ангелом, воплощенным для блаженства Империи сказал, что принц, владыка его сердца, и что видит в нем величайшую надежду, что скромность и modestия в нем чрезвычайная. Одним словом, он так к нему страстен стал, как я и вы. Сие вам нарочно пишу, чтобы вы сему радовались, что он всех людей сердца приобретает. В пятницу они оба, придя ко мне, к нему пойдут на кадрильную пробу. Вот вам плоды ваших трудов»⁵.

Интересным является содержание писем императора и великой княгини. Письма младшей сестры государя в 1808-1810гг. прагматичные и постепенно этот тон увеличивается. В письме от 8 февраля 1810 г. Екатерина Павловна обсуждала какого-то французского литератора. Второе ее письмо без числа и месяца за 1810 г. ярко иллюстрирует нам характер принцессы. Она писала о проблеме принятия слуг в ее дворец, которых на тот момент ей не хватало. Император настоятельно рекомендовал ей не брать людей со стороны. Екатерина Павловна просила брата подтвердить письменно все ее внутренние хозяйственные распоряжения. Александр I написал в одном из писем следующее: «Хотя вы и не любите бесполезную переписку, мой друг, я не могу помешать себе написать эти строки для того, чтобы сказать, как я сожалею, что был невольной причиной вашей разлуки с Георгом». Екатерина Павловна в «небесполезных письмах» просит императора о чем-либо, и государь выполняет их: «Ваши приказы и распоряжения исполнены до нынешнего момента. Я не деле противоположных вещей».

Все письма императора за 1808 год написаны из немецкий городов, но ни в одном из них нет слов о политике. В 1808 г. Александру I предстояла встреча с Наполеоном в Эрфурте. В одном из писем сестре Александр I затронул вопрос о желании Наполеона жениться на их сестре Анне: «Я отправил вам бумаги, чтобы поговорить об одной из деликатных ситуаций, в которой я оказался. Наполеон развелся и приглядывается к великой княжне Анне. На этот раз все к лучшему и я говорю вам обо всех деталях, которые вам передаст матушка. Партию трудно выбрать. Я сказал матушке, что она единственная, кто может распоряжаться сердцем сестры, и что я поступлю как матушка захочет. Мое мнение таково, что видя все смущение, дразги, дурную волю и ненависть, которые испытывают к Наполеону, отказ вызовет меньше неудобства, чем согласие. Я должен тем не менее отдать долж-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ное матушке, которая проявила в данной ситуации большее спокойствие, чем я рассчитывал. Наконец, она хочет посоветоваться с вами, и я нахожу, что она абсолютно права и я прошу вашего совета с тем доверием, которое испытываю к вашему уму и сердцу».

С сестрой государь обсуждал встречи с родственниками, в частности с принцессой Луизой Саксен-Веймарской, являвшей родной сестрой его тещи, маркграфини Амалии Баденской. Император называет ее Тетя. Так вот герцогиня оказалась очень пунктуальным человеком, что вызвало ободрение в глазах российского императора. Через государя Тетя подарила Екатерине Павловне кольцо. Письма между венценосными родственниками говорят о том, что они обменивались подарками: великая княгиня подарила брату свой портрет и декоративное яйцо. Император посылал сестре книги, о которых она его просила. Последнее письмо за 1808 г. крайне любопытно: «Дорогая Biskis, я мужчина, а вы становитесь женщиной и это утомительно видеть много странностей незамужней женщины, которой вы являетесь. Ваше лицо похоже на лицо лакея на пиру у командора из «Дона Жуана». Я желаю счастья и желаю счастья и помогу его осуществить этой маленькой пухленькой Бишке». Вероятно, речь идет о готовящемся замужестве Екатерины Павловны. Существовало предание, что великая княгиня питала любовь к молодому умному князю М. Долгорукову и он отвечал ей тем же. Государь Александр Павлович не противился любви и браку их, но императрица Мария не соглашалась на это до тех пор, пока усиленные просьбы любимых сына и дочери не склонили ее на согласие. Государь немедленно уведомил письмом, которое послал с фельдъегерем. Но фельдъегерь прибыл в Иденсальми 17 октября 1808 г., то есть два дня после кончины князя. Два месяца спустя 1 января 1809 г. в Петербурге совершили помолвку Екатерины Павловны с герцогом Петром-Фридрихом-Георгом Ольденбургским (1784-1812)⁶. Его назначали генерал-губернатором Тверской, Ярославской и Новгородских губерний с резиденцией в Твери и главным директором путей и сообщений. В письмах Александра I за 1809 г. имя принца Георга часто встречается: «Расскажите об этих вещах как можно больше Георгу. В Новгороде он получил мое письмо. Будьте всегда также счастливы как я вам желаю». «Посылка Георга доставила мне непередаваемый словами восторг. Это ему я обязан тем, что послужило началом, и все время было объектом моих забот» – писал император.

После переезда в Тверь великая княгиня Екатерина начинает обустроить быт. Император писал, что он рад за сестру, довольную новым жилищем. Он даже давал рекомендации относительно деятельности садовника по устройству парка. В переписке брата и сестры всегда можно найти слова о дружеском чувстве, особенно со стороны императора: «Я глубоко тронут проявлением вашей настоящей дружбы, я страдал все эти дни, по-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

тому что не мог написать вам. У меня нет нужды говорить вам об обетах, которые я даю во имя вашего счастья. Они многочисленны и не принадлежат одному дню» – писал Александр I.

Политический контекст в письмах появляется именно с 1809 году. Ряд писем Александра I написаны из финских городов: Або и Борго. Он впервые пишет о мире после русско-шведской войны: «Теперь, уладив наши домашние дела, вернемся к делам народным. Этот мир совершенен, он именно такой, какой я хотел. Я не мог в должной степени возблагодарить Всевышнего. Полное уступок Финляндии до Торнео, включая Аландские острова, присоединение к континентальной системе и закрытие английских портов и наконец союз с Россией. Все было подписано без промедления, без посредников». Темы, которые обсуждали великая княгиня и император при личных встречах имели непосредственное отношение к государственной политике. В письме от 26 декабря 1810 г. Александр I писал: «Чтобы внести больше порядка и чтобы иметь больше времени для обсуждения, я предлагаю разделить наши беседы следующим образом»: 1) о политике, 2) о военном устройстве, 3) о внутренней администрации. Каждый из этих пунктов делился на ряд тем. В первой они обсуждали все что произошло в стране с прошлого лета, шага России по отношению к действиям других правительств и нынешнее состояние дел. Вторая группа включала в себя 7 тем: состояние о восстановление наших сил в течении последнего лета, численного увеличения, распределение, состояние резервов и их дислокация, количество новых набранных рекрутов, создание пополнения и состояние обороны. Третья группа состояла из 5 пунктов: обсуждение отчета госсекретаря, отдельного отчета, идеи по поводу создания новых институтов, организация внутренних войск, новая система увеличения рекрутских наборов.

Император всегда очень ждал личных встреч и общения с младшей сестрой. Так в 1810 г. после недели в Твери он поехал в имение А.А. Аракчеева «Грузино», которое находилось в Новгородской губернии, которая состояла в ведении принца Георга Ольденбургского. В письме к Екатерине Александр Павлович восхищался внутреннем устройством имения и просил передать свои комментарии Георгу, с пожеланием, чтобы принц-губернатор изучил и постарался перенять этот опыт. «Я прошу его проехать с генералом Аракчеевым, когда он будет осматривать владения в дроздах по всем тем деревням, через которые он меня провез и понаблюдать следующее: 1) порядок, царящий во всем, 2) чистота, 3) устройство дорог и полей, 4) правильное, симметричное расположение всего – писал император. Улицы деревень обладают той опрятностью, которой можно не встретить в городах. Эти владения демонстрируют реальные возможности такого порядка. Как улицы Новгорода, Валдая, Вышнего Волочка, Торжка

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

и Крестца нуждаются в подобном обустройстве. И как ощутима разница. Я повторяю, что местные деревни доказывают, что все это возможно».

Подводя итог, следует отметить, что переписка представляет большой интерес для исследователей. Она иллюстрирует повседневное общение членов императорской фамилии, что необходимо для понимания их характера и особенностей общения. Письма Екатерины Павловны и Александра I за 1805-1807 гг. носят игривый характер и демонстрируют нам зарождение дружбы. Все это сохранилось в письмах за 1808-1810 годов: стиль остался неизменным, и они также продолжают заботиться друг о друге. Общение становится более насыщенным и интенсивным. По темам, которые они обсуждают в переписке за 1808-1810 гг. можно судить о том, то император делится с сестрой своим мнением, обсуждает политику и ищет ее комментарии. Новым витком в их отношениях можно считать свадьбу Екатерины Павловны с герцогом Г. Ольденбургским. Екатерина Павловна переезжает в Тверь, где чувствует себя полноправной хозяйкой. Вокруг нее начинает формироваться собственное общество. Она покровительствует Ф.Ростопчину, Н.Карамзину, Н. Гнедичу и другим. Ряд писем Александра I показывает, что его сестра в курсе многих государственных дел, которые император поручает ее супругу. Таким образом, великая княгиня Екатерина Павловна – это не просто любимая сестра Александра I, это еще и член императорской фамилии, который постепенно начинает вовлекаться в политическую орбиту. Дальнейшее изучение переписки как исторического источника и сопоставление его с другими документами позволит комплексному изучению истории России первой четверти XIX века.

1. Переписка императора Александра I с сестрой великой княгиней Екатериной Павловной за 1808-1810 гг. СПб., 1910. С.20-36.

2. Дом Романовых. СПб., 1992. С. 137; Николай Михайлович Романов, великий князь. Император Александр I. Опыт исторического исследования. Т. 1. СПб., 1912. С. 1-15; Он же. Елизавета Алексеевна, супруга императора Александра I. Т.2. СПб., 1909. С. 215; Богданович М.И. История царствования Александра I и Россия в его время. Т. 5. СПб., 1871. С. 217-218; Данилова А. Пять принцесс. Дочери императора Павла I. М., 2002. С.281-300; Шильдер Н.К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. Т. 2. СПб., 1904.. С.211, 240; Богословский С.К. Император Александр I и великая княгиня Екатерина Павловна // Три века. Россия от Смуты до нашего времени. Т.5 М., 1913. С. 171-179; Зызыкин М.В. Царская власть и закон о престолонаследии в России. София. 1924. С. 158-159; Исмаил-Заде Д. Императрица Елизавета Алексеевна. М., 2001. С.143; Сорель А. Европа и французская революция. Т.7. Континентальная блокада. Великая империя. СПб., 1908. С. 138-209.

ХІІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

3. Русяев П.С. Переписка 1805 и 1807 годов императора Александра I с сестрой великой княгиней Екатериной Павловной как исторический источник // Возвращение Клио. Материалы областной студенческой научной конференции. Самара 2005. С. 34-39.

4. Знаменитые россияне XVIII – XIX веков. СПб., 1996. С.448-450.

5. Екатерина Павловна. Письмо графу Н.И. Салтыкову//Русский архив. 1911. № 2. С.309.

6. Николай Михайлович Романов, великий князь. Князя Долгорукие, сподвижники императора Александра I в первые годы его царствования. Биографические очерки. СПб., 1901. С. 73.

ПРОБЛЕМЫ СТУДЕНЧЕСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Григорьева М.В.

Харьковский национальный университет

Университетский вопрос всегда находился в центре внимания общества. Проблемы университетского образования, которые виделись как связанные с общественным устройством, занимали особое место в идейно-политической борьбе пореформенного периода. Нельзя не признать справедливость высказывания либерального публициста К.Д. Кавелина о том, что «история различных взглядов на университеты и их организацию наилучшим образом передает мысли современников о ходе и результатах общественного развития» [5, стб. 5].

Периодические издания Российской империи второй половины XIX – начала XX века были достаточно многочисленными, в рамках их комплекса существовало множество разнообразных ответвлений, представлявших взгляды почти всех существующих в то время общественных сил.

Публицистический комплекс второй половины XIX – начала XX века представляет собой значительную базу для исследования проблем студенческих объединений данного периода. Внимание общественной мысли к университетскому вопросу в значительной степени концентрировалось на проблемах университетской молодежи, и, в частности, вопросах ее корпоративных прав и возможностей объединения. Подобное внимание к проблемам студенчества обуславливалось запрещением студенческих организаций на законодательном уровне, а также некоторой демократизацией общественного мнения начиная с 60-х годов XIX в.

Во второй половине XIX в. проблемы студенческого самоуправления волновали не только студентов, но и университетское начальство, профес-

ХІІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

суру. Этой проблемой начинали интересоваться широкие слои населения, что нашло яркое отражение в российской публицистике этого времени.

Уже в период обсуждения проекта университетского устава 1863 г. в кругах профессорско-преподавательского состава возникла дискуссия о студенческой корпорации. Группа ученых во главе с Костомаровым приводила ряд аргументов против корпоративности, среди которых, в частности, были оторванность студентов от общества, превращение научного знания в «привилегию избранных», так называемая «искусственность» корпоративного объединения. Другая группа ученых, к которой принадлежали Стасюлевич, Чичерин и другие ученые, признавала необходимость студенческой корпорации, которая, по их мнению, помогает университету воспитывать из юношей образованных граждан, позволяет им жить в атмосфере особой духовной общности и общих традиций [2, 3].

Если в 60-е годы XIX в. стоял вопрос о необходимости студенческой корпорации и дискуссии в публицистике происходили, преимущественно, по этому поводу, то в 70-90-е годы ситуация резко изменилась. В этот период воспитательная функция университетов, необходимость их влияния на умственную и духовную жизнь студентов признавались большинством публицистов. Подобную тенденцию можно заметить в значительной части публикаций, выступавших за предоставление студенческим организациям легального статуса. Следует отметить, что такой точки зрения придерживалась и либеральная часть профессуры, стоявшая на стороне студенческого самоуправления [1, 8]. Этот период также был отмечен попытками анализа функций отдельных форм студенческих организаций и определением перспективных направлений их дальнейшего развития.

К началу XX в. общественное мнение все больше становится на сторону университетской молодежи, воспринимая ее корпоративные права как неотъемлемую составляющую университетской автономии. Обосновывается необходимость тесного сотрудничества профессорско-преподавательского состава со студенческой корпорацией для более эффективного выполнения университетом воспитательной функции. Большая часть авторов требует предоставления объединениям студентов официального статуса [4, 6, 7]. При этом преимущество предоставляется организациям научной направленности.

Безусловно, публицистическое освещение студенческой проблематики в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. носило достаточно живой характер, по его поводу высказывались самые разнообразные мысли и замечания. В целом, можно сделать вывод, что в рассматриваемый период российская публицистическая мысль прошла долгий путь от дискуссии о необходимости студенческой корпоративности до аб-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

солютного ее признания, хотя бы как общности, объединенной совместными учебными и научными интересами и пристрастиями.

1. Дрошин П. Студенческая жизнь // Отеч. зап. – 1879. – № 1. – С. 1 – 30.
2. Замечания иностранных педагогов на проекты уставов учебных заведений министерства народного просвещения. – СПб, 1863. – 417 с.
3. Замечания на проект общего устава императорских российских университетов. – СПб, 1862. – Ч. 2. – 530 с.
4. Из университетской жизни: Мнения периодической печати о предстоящей реформе университетов // Вестн. воспитания. – 1901. – № 6. – С. 112 – 153.
5. Кавелин К. Д. Свобода преподавания и учения в Германии // Кавелин К. Д. Собр. соч. – СПб, 1899. – Т. 3. – Стб. 5 – 70.
6. Куплеваский Н. О. Вопрос об организации студенчества университетов. – Харьков, 1901. – 23 с.
7. Левченко В. Кризис университетской жизни: (Мысли студента) // Рус. мысль. – 1908. – № 5. – С. 111 – 121.
8. Любимов Н. А. Университетский вопрос // Рус. вестник. – 1877. – Т. 127. – № 1. – С. 111 – 162.

Г.П. ФЕДОТОВ О НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ С.Ф. ПЛАТОНОВА

Галямичева А.А.

Саратовский государственный университет

В творческом наследии выдающегося историка, философа и публициста Георгия Петровича Федотова (1886–1951) особое место занимает книга «Святой Филипп Митрополит Московский»¹. Пожалуй, во всем многокрасочном творчестве Федотова нет другой работы, в которой бы его исследовательская мысль так отчетливо сосредоточилась на одном из явлений русской истории – кульминационном периоде опричнины.

В монографии Г.П. Федотова содержится уникальный для его творчества историографический этюд, в котором он рассматривает историю изучения опричнины в русской науке. Очерк открывается рассмотрением трудов классиков русской исторической мысли С.М. Соловьёва и В.О. Ключевского. Федотов констатирует, что С.М. Соловьёв давал в целом положительную оценку опричнины, считая её важным этапом строительства Российского государства. При этом Георгий Петрович отмечал внутреннюю противоречивость предложенных С.М. Соловьёвым оценок итогов царствования Ивана Грозного. По мысли Федотова, С.М. Соловьёв даже не пытался выявить связь между внешней (политической) и внутренней (со-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

циально-экономической) историей: «Большую часть VI тома Соловьёва занимают события внешней истории, которая изображается вне связи с внутренней. Причины поражения в Ливонской войне не ясны. Несколько замечаний об уродливых эксцессах опричнины не вносят ничего в понимание процесса. Можно сказать, что от читателя требуется вера в его разумность, несмотря на явно катастрофический его исход»².

Выводы С.М. Соловьёва послужили основой для ещё более отчётливо-положительных оценок К.Д. Кавелина и К.Н. Бестужева-Рюмина, проводивших прямые аналогии между Иваном IV и Петром I, называя обоих «Великими». «Таким образом, – отмечал Федотов, – для историков этого направления апология Грозного вытекала из предвзятой оптимистической концепции «исторического процесса», связанной с преувеличенной оценкой государственности»³.

С другой стороны, по мнению Г.П. Федотова, и революционно-демократическое крыло российского общества склонялось к положительной оценке исторической роли опричнины: «Здесь в пользу Грозного говорил демократический догмат, признанный почти всем без исключения русским обществом. Грозный сломил родовую аристократию и передал власть в руки худородного дворянства. В глазах многих, это была заслуга, искупавшая всё. Никто не ставил себе вопрос: что действительно выиграла Россия от насильственного истребления старого, культурного, свободолобивого правящего слоя, связанного с местными мирами и древними национальными традициями, и что она приобрела с революционным вторжением в ряды правящего класса массы проходимцев, татар, казаков и беглых преступников»⁴.

При глубочайшем уважении к великим заслугам В.О. Ключевского в изучении истории России⁵, Федотов полагал, что в оценке опричнины он был не столь убедителен, как в своих суждениях о других узловых вопросах русской истории. С точки зрения Ключевского, отмечал Федотов, опричнина была порождением причудливой фантазии Грозного царя, стремившегося к укреплению самодержавной власти: «Он оценивает Грозного, как правителя, – и приходит к выводу, что непоследовательность, противоречивость, распущенность, лежащие в основе его характера, оказали губительное влияние на его политическое дело. Этот приговор историка целиком относится и к опричнине»⁶. По мнению Федотова, такая характеристика опричнины не раскрывает её подлинного социального смысла, она скользит по поверхности событий, по их внешнему проявлению.

В этом ряду критических оценок особняком стоят характеристики творчества Сергея Фёдоровича Платонова, которому, по словам Федотова, и «принадлежит заслуга выяснения социального смысла опричнины»⁷. Ка-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

кие же черты творческого почерка С.Ф. Платонова позволили ему достигнуть указанного Федотовым результата?

Во-первых, это безупречная объективность исследования. Платонов подходил к источникам русской истории XVI – XVII веков без какой-либо априорной концепции – схемы российской истории, которая бы определила подбор материала, логику его рассмотрения и вольно или невольно обусловила бы характер выводов. Во-вторых, нельзя не согласиться с Федотовым в том, что книгу Сергея Фёдоровича пронизывает последовательный историзм. Он не пытался осмыслить опричнину в категориях политической борьбы XIX – начала XX веков, а старался выявить то конкретно-историческое содержание, которое имело это явление в XVI веке в России.

Указанные качества определили глубину платоновского анализа опричнины, причём этот анализ показал, что в реальной действительности имело место явное несоответствие между субъективным замыслом Ивана IV и объективными последствиями его политики. С наибольшей отчётливостью эта мысль была высказана в популярной книге С.Ф. Платонова «Иван Грозный», к которой также обращается Федотов на страницах своей монографии о митрополите Филиппе: «Каждое слово здесь продумано и взвешено. Вне всякой полемики автор защищает своё понимание Грозного от увлечений старых моралистов и новых апологетов. Уверенно и спокойно старый мастер ставит все вещи на своё место»⁸.

С.Ф. Платонов видел в опричнине вполне определённую политическую цель. Она состояла в том, что Иван IV перенёс те методы упрочения великокняжеской власти, которыми традиционно пользовалась Москва в борьбе с внешней опасностью, на борьбу с опасностью внутренней: «То, что удавалось с врагом внешним, Грозный задумал испытать с врагом внутренним. Он решил вывести из удельных наследственных вотчин их владельцев – княжат – и поселить их в отдалённых от их прежней оседлости местах, там, где не было удельных воспоминаний и удобных для оппозиции условий; на место же выселенной знати он селил служебную мелкоту на мелкопоместных участках, образованных из старых больших вотчин»⁹. Однако объективный результат опричной политики имел гораздо более далеко идущие последствия, чем политический замысел Грозного царя, – дело не ограничилось устранением княжат, как участников политической борьбы, а привело к коренному перевороту всей системы поземельных отношений в Русском государстве. В своих «Очерках по истории смуты» С.Ф. Платонов писал: «Опричнина массами передвигала служилых людей с одних земель на другие; земли меняли хозяев не только в том смысле, что вместо одного помещика приходил другой, но и в том, что дворцовая или монастырская земля обращалась в помещную раздачу, а вотчина князя или поместье сына боярского отписывались на государя.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Происходил как бы общий пересмотр и общая перестановка владельческих прав»¹⁰.

Отталкиваясь от выводов главы петербургской исторической школы, дополнив социальный анализ опричнины обращением к нравственному содержанию этого явления русской истории, Г.П. Федотов создал свою концепцию истории опричнины, которую он изложил на страницах книги «Святой Филипп Митрополит Московский».

1. Книга была впервые опубликована в 1928 году в Париже.
2. Федотов Г.П. Святой Филипп Митрополит Московский. М., 1992. С. 105.
3. Федотов Г.П. Святой Филипп митрополит Московский. С. 105.
4. Там же. С. 105-106.
5. По мнению Федотова, Ключевский и в начале 30-х годов XX века оставался наиболее авторитетным исследователем истории России, труды которого на многие десятилетия определили ведущую линию развития русской исторической мысли: «Схема Ключевского царствует почти неограниченно. Это не одна из многих, а единственная Русская история, на которой воспитаны два поколения русских людей» (Федотов Г.П. Россия Ключевского // Федотов Г.П. Судьба и грехи России. СПб., 1991. Т. 1. С. 329).
6. Федотов Г.П. Святой Филипп Митрополит Московский. С. 106.
7. На отношении Г.П. Федотова к С.Ф. Платонову и его трудам, несомненно, большое влияние оказал факт их личного знакомства. В годы его учёбы в Петербургском университете (1908 – 1912) С.Ф. Платонов являлся одним из самых популярных профессоров историко-филологического факультета, лекции которого собирали огромную аудиторию и являлись замечательными уроками исследовательского мастерства. Тогда же Федотов основательно изучил фундаментальный труд С.Ф. Платонова «Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI – XVII вв.», в первой части которого содержится обстоятельный анализ истории опричнины и прослеживается глубокая внутренняя связь между опричниной и смутным временем.
8. Федотов Г.П. Святой Филипп Митрополит Московский. С. 108.
9. Платонов С.Ф. Русская история. М., 1995. С. 94.
10. Платонов С.Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI – XVII вв. М., 1995. С. 103-104.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
ДЕБАТЫ О ПОЛИТИЧЕСКОМ ТЕРРОРЕ В РОССИЙСКОМ
ОБЩЕСТВЕ 1860-1880-х гг.

Ковальчук Е.Г.

Самарский государственный университет

Сейчас главная угроза человечеству – это терроризм, чума 21 века. В современном мире он не вызывает ничего, кроме страха и ненависти. И чтобы его можно было проследить, сдерживать, нужно обратиться к прошлому, извлечь из него уроки. Значительный интерес представляет российский политический терроризм. С помощью насилия, политических убийств террористы стремились дестабилизировать положение в стране. Но я не ставлю задачей изучать политические преступления. В своей работе мне бы хотелось рассмотреть следующую проблему: какое мнение существовало в российском обществе в 1860-1880-х гг. по вопросу политического террора. И понять, кто же был террорист – мученик или убийца.

Длительное время в российской литературе господствовало однобокое освещение сущности политического терроризма, его роли и места в общественном развитии. Его оправдывали. Активные его приверженцы, как правило, окружались ореолом мучеников. Другой точки зрения не приводилось. Наша задача – изучить все возможные мнения русской общественности. В то время не существовало безразличных. Общество разделилось на два лагеря – сочувствующих террористам, и тех, кто выступал с критикой и осуждением террориста и его действий.

Хотелось начать с концепции террористов и сочувствующих им, так как это наиболее освещенная в литературе точка зрения. Каждый поступок террористы объясняли в печати. Была хорошая пропаганда. У террористов не было обычного понятия преступления, оно носило характер мести. Они обвиняли в своих действиях государство, правительство, царя, говоря, что именно они вынудили на такие радикальные действия. «Самыми тяжелыми можно считать 1876-1877 гг. – писал Степняк-Кравчинский – целое поколение скошено страхом, тюрьмы переполнены. Аресты по малейшему подозрению. Люди приговорены на 10, 12, 15 лет каторги за несколько революционных разговоров с кучкой рабочих. Таким образом то, что делается совершенно свободно в любом западноевропейском государстве, у нас наказывалось наравне с убийством. Это только все более увеличивало страдания политических заключенных. И никаким образом не способствовало усмирению ситуации в стране»¹. Это только способствовало усилению действий террористов. Л.А. Тихомиров в зрелые годы писал, что на путь террора его сподвижников вело убеждение, что якобы в России ничего нельзя делать, она находится на краю гибели, и будет спасена только

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

чрезвычайными революционными мерами². И подобным образом считало большинство террористов.

Подобную концепцию они и проповедовали в своих заявлениях, программах. Только так они объясняли свои поступки общественности, не только российской, но и мировой. Кибальчич говорил на суде примерно следующее: «Если бы обстоятельства сложились иначе, если бы власти отнеслись патриархальнее к деятельности партии, то ни крови, ни бунта, конечно не было бы, мы все не обвинялись бы в царубийстве, а были бы среди городского и крестьянского населения»³. Желябов с ним соглашался: «Все мои желания были действовать мирным путем в народе, тем не менее я очутился в тюрьме, где и революционизировался. Вместо мирного слова мы сочли нужным перейти к фактической борьбе...»⁴.

Но нужно заметить, что первый террористический акт – выстрел Каракозова в Александра II, – был воспринят всем обществом отрицательно, даже включая тех, кто впоследствии будет сочувствовать террористам, да и самих будущих террористов. Главная ошибка Каракозова была в том, что он не объяснил свой поступок обществу, не привел нужных аргументов, которые бы доказали справедливость царубийства. Он был не понят и, следовательно, не принят.

Ярким примером, когда общество сочувствовало террористу, было дело Веры Засулич – покушение на Трепова, когда оправдательный приговор был воспринят с ликованием всеми слоями общества. Вся общественность переживала за девушку, которая решила встать на путь справедливости, и защитила заключенного. И победа в этом процессе только побудило революционеров идти путем террора. Таким образом, политический террор 1860-1880-х гг. был оправдан в печати. Сами террористы свои поступки объясняли как вынужденный шаг, спровоцированный действиями государства. И русская общественность сочувствовала террористу, его образу мученика. На процессе Веры Засулич во время суда собирались демонстрации в ее поддержку и с требованием освободить ее. Данный факт послужил только толчком для начала активного политического террора.

Но, несмотря на такую пропаганду, в обществе были те, кто выступал с осуждением террора. Долгое время в нашей историографии было трудно найти материал по проблеме неприятия политического терроризма, его осуждения. Но подобное мнение существовало и его нужно учесть.

Многие были напуганы политическим терроризмом. В основном это были представители власти, консервативные круги. Среди них можно назвать Валуева П.А., министра внутренних дел. После выстрела Каракозова он был поражен, испуган ситуацией, которая складывалась в России. В своих дневниках Валуев хвалил Господа за то, что попытка была неудачной, и государь остался жив. Каракозова он называет злодеем. И что глав-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ное – он восхищается поведением царя после выстрела, тем, что Государь не паниковал и сохранял спокойствие. Валуев отмечает, что после выстрела Александр заехал в церковь и отслужил благодарственный молебен. Таким образом, министр показывает близость Государя к народу, Богу. А террористов он приравнивает к безбожникам, которые покушались на своего царя⁵. Подобной точки зрения придерживались почти все правительственные и консервативные круги. Они считали цареубийц прежде всего безбожниками и благодарили Бога за постоянные неудачи террористов в покушении на царя. Но главное, что они ощущали – это была растерянность. Большинство не понимали, что происходит и как нужно себя вести в подобных ситуациях. Политический терроризм затронул не только царя, но и многих государственных служащих, и поэтому к растерянности приравнивался страх перед будущим.

Известно противоречивое отношение к террористам Достоевского Ф.М. Он обвинял не столько террориста в его преступлениях, сколько народ, который закрывал глаза на преступления. В своих дневниках Достоевский говорил, что народ не отрицает преступления и знает, что преступник виновен. Народ знает, что и сам виновен вместе с каждым преступником⁶. Достоевский не говорит о вине одного человека, виноваты те, кто закрывал глаза на его поступки. Главное, что можно сделать, по его мнению, усилить наказание. Только каторгой можно «вылечить» террориста, спасти его от необдуманного поступка в будущем. Если сами террористы и им сочувствующие говорили, что строгими наказаниями государь только ухудшает ситуацию, вынуждая идти на политический террор, то Достоевский Ф.М. считал, что жесткое наказание поможет спасти не только жертв террористов, но и самих террористов. Давать шанс исправиться, отпуская их, с точки зрения Достоевского, означало бы расшатывать веру в закон и порядок.

Попытку найти среднюю точку зрения между взглядами террористов и их обвинителей предприняли Соловьев В.С., Толстой Л.Н. Они считали, что революционеры действительно совершают преступление – с одним «но». Революционеры представлялись людьми, защищающимися от «более страшного зла» и совершающими акт самопожертвования. Лев Толстой и Владимир Соловьев не отрицали, что именно так для большей части общества представляется преступление террориста 1860-1880-х гг. Сами они понимали угрозу, исходившую от террориста и террористической агитации. С точки зрения этих мыслителей, единственным способом прекратить покушения на Государя и убийства государственных деятелей могло бы стать снятие ограничений на политическую деятельность, разрешение пропаганды, помилование террористов. Но они считали так не потому, что поддерживали точку зрения революционеров. Наоборот, В. Соловьев,

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Л. Толстой полагали, что Государь, как отец, должен только слегка наказать расшалившихся детей. В семье не должно быть крупных раздоров. Пусть революционеры занимаются политикой вполне законно, под наблюдением старших – в лице Государя. Серьезные методы только заставят террористов, как детей, идти наперекор все запретам, и тем самым усугубят ситуацию⁷.

Делая общий вывод по проблеме, кто такой террорист – мученик, жертвующий собой на благо народа, или не просто преступник, покушающийся на жизнь, но и безбожник, который покусился на жизнь своего Государя, – надо отметить следующий факт: террористы очень умело и продуманно объясняли свой поступок и его цели. И делали это они на языке, привычном для тех, к кому они обращались. Как говорят в наши дни, они отлично пропиарили свои преступления.

К сожалению, нельзя сказать, что такой же успешной была кампания против террора, развернутая в органах печати со стороны власти. Большой отпечаток наложили запреты, ограничивающие свободу печати и политическую деятельность. Фактически правительство не решалось опуститься до уровня своих оппонентов и начать открытую дискуссию по насущным политическим проблемам в периодике. Именно такая позиция никак не способствовала привлечению на сторону правительства определенных слоев общественности, в первую очередь либералов: для них была характерна не столько поддержка террориста, сколько неприятие противоположной точки зрения, консерваторов.

На мой взгляд, правительство первоначально сделало неправильный шаг – оно судило преступников за политическое преступление, что только окружало их венец мучеников, борцов за справедливость. Мне кажется, что судить их следовало бы как обычных преступников – убийц не человека, облеченного властью, а просто человека. Для общества террорист был бы тогда преступником, как любой другой, а для террориста унижительно было бы идти по статье за убийства и отбывать срок со всем сбродом, а не за политические преступления, где бы он находился в той среде, которая его воспитала.

Мы не можем и не имеем права судить ни одну из сторон. Наша задача была – рассмотреть все возможные взгляды современников, участников событий. По возможности это было сделано. Только хотелось бы заметить, что любое преступление – будь то террористический акт или злоупотребление власти – должно быть наказано.

1. Степняк-Кравчинский С. Подпольная Россия. М., 1960. С.38.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

2. Суворов А.И. Политический терроризм в России XIX- начала XX веков. Истоки, структура, особенности. // Социологические исследования. 2002. № 7. С.54.

3. Цит. по: Кошель П.А. История наказаний в России. История терроризма. М., 1995. С.239.

4. Цит. по: Кошель П.А. Указ. соч. С.240.

5. Валуев П.А. Дневники в 2-х тт. 1865-1876 гг. М., 1961. С.117.

6. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30-ти тт. т. 21. дневник писателя 1873. Л., 1980. С.18.

7. Баранов А.С. Образ террориста в русской культуре конца XIX – начала XX века // Общественные науки и современность. 1998. №2. С. 186.

ВКЛАД ОРЕНБУРГСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССИИ В ИЗУЧЕНИЕ АРХЕОЛОГИИ ЮЖНОГО УРАЛА

Евгеньев А.А.

Оренбургский государственный педагогический университет

На рубеже XIX-XX веков среди региональных научных обществ особое место занимала Оренбургская Учёная Архивная Комиссия. Одним из аспектов научной деятельности ОУАК была работа по изучению археологических памятников Оренбуржья и по охране таковых от уничтожения.

Одной из задач ОУАК была охрана памятников истории и археологии. Через ОУАК исследователям выдавались открытые листы на проведение раскопок¹. Члены Комиссии проводили работу по регистрации археологических памятников, привлекая к этому уездных исправников и земских начальников, священников и учителей губернии². В 1900 г. в результате анкетирования учителей, священников и чиновников в уездах губернии И.С. Шукшинцев создал работу «Сведения о курганах Оренбургской губернии» – своеобразный каталог археологических памятников губернии.

В 1905 г. А.В. Попов составил проект положения о мерах по охране памятников древности. В нем было отмечено: «исследование памятников древности может производиться только с разрешения охранительных органов»; была продумана система наказаний за разрушение памятников³. Но проект остался на бумаге, так как у ОУАК не было механизмов для его реализации.

Археологические раскопки проводили краеведы-любители – врач А.В. Попов, преподаватели И.А. Кастанье и А.П. Гра, землемер А.Л. Аниховский.

А.В. Попов в 1897 г. раскопал курган Шихан в окрестностях Оренбурга и начал раскопки курганного могильника на Бёрдинской горе, которые

ХІІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

были затем продолжены Н.Е. Макаренко, И.А. Кастанье и А.П. Гра⁴. Судя по погребальному инвентарю, эти курганы относятся к раннесарматской культуре.

Археолог из Санкт-Петербурга Н.Е. Макаренко исследовал разграбленный крестьянами большой курган у пос. Красногорского в Орском уезде. В центральном погребении кургана был захоронен представитель элиты сарматского общества, на что указывают находки золотых трубочек от обшивки плаща, меча в ножнах, обложенных золотым листом, бронзового котла⁵.

Значительный вклад в изучение археологии внес И.А. Кастанье. Известность ему принесли раскопки разграбленных в 1911 г. крестьянами курганов у села Покровка. Во втором Покровском кургане были найдены ценные в научном отношении предметы: печать из халцедона в золотой оправе, золотые украшения⁶. Тогда же, в 1911 г. крестьянами был раскопан курган близ деревни Прохоровки. Находками, изъятыми у крестьян членами ОУАК, заинтересовался известный ученый М.И. Ростовцев, организовавший экспедицию для исследования Прохоровских курганов во главе с С.И. Руденко. Среди погребального инвентаря курганов выделяются находки железного панциря, двух серебряных ахеменидских блюд, золотых шейных гривен, бронзовых зеркал⁷. Материал Покровских и Прохоровских курганов послужил основой для написания М.И. Ростовцевым монографии «Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма» – исследования, открывшего изучение сарматской проблематики в российской археологии.

Научные обобщения характерны и для работ краеведов из ОУАК, хотя они не были профессиональными учеными. А.В. Попов в одной из своих статей проанализировал распространение на юге России каменных жертвенников. Автор считал, что каменные блюда использовались для религиозных обрядов, и верно определил их культурную принадлежность: «курганы с каменными блюдами и столиками мы можем назвать скифскими или скифо-сарматскими»⁸.

В 1910 году в «Трудах ОУАК» была напечатана монография И.А. Кастанье «Древности Киргизской степи и Оренбургского края», в которой автор систематизировал весь археологический материал, накопленный в результате раскопок в Приуралье и Казахстане. В труд вошли сведения о курганах, городищах, изваяниях, руинах городов и других памятниках на огромной территории от Южного Урала до Аральского моря⁹. Информация, заключенная в этой работе, была использована впоследствии М.И. Ростовцевым и советскими учёными, что подчеркивает ее научное значение.

Показателем значимости работ И.А. Кастанье служит и тот факт, что его статья «Историко-сравнительный этюд о каменных бабах киргизских

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

степей и России» была высоко оценена профессором Парижского антропологического института А. де Мортилье, который выразил желание прочесть доклад на основе статьи на заседании Парижского Археологического общества¹⁰.

Краеведы из ОУАК участвовали в работе ряда археологических съездов начала XX века и хлопотали об организации такого съезда в Оренбурге¹¹. Вопрос о созыве XV съезда в Оренбурге решался положительно, однако в итоге ОУАК и городские власти отказались от этой идеи «вследствие постигшего край полного неурожая» и связанных с этим финансовых трудностей¹².

Исследования краеведов ОУАК внесли весомый вклад в развитие местной археологии. В результате проведенных ими раскопок был накоплен значительный археологический материал, который был впоследствии использован советскими учёными, что подчёркивает значимость научной деятельности ОУАК.

1. ГАОО, фонд 96, оп. 1, ед. хр. 46, л. 1-2; ед. хр. 54, л. 24; ед. хр. 98, л. 35.

2. ГАОО, фонд 10, оп.1, ед. хр. 59, л. 116-116об.; Протоколы // Труды ОУАК. Вып. 9. С. 186

3. Попов А.В. Проект закона об охране древностей // Труды ОУАК. Вып. 16. Оренбург, 1906. С. 265-266.

4. Попов А.В. Дневник раскопок кургана «Шихан» и других в окрестностях г. Оренбурга, произведённых летом 1897 года А.В. Поповым // Труды ОУАК. Вып. 4. Оренбург, 1898. С. 105-116; Макаренко Н.Е. Продолжение раскопки кургана около пос. Красногорского Оренбургского уезда // Труды ОУАК. Вып. 16. Оренбург, 1906. С. 76-94; Попов А.В. Исследования последних курганов на Бёрдинской горе 8-11 мая 1905 года // Труды ОУАК. Вып. 16. Оренбург, 1906. С. 202-205.

5. Макаренко Н.Е. Продолжение раскопки кургана около пос. Красногорского Оренбургского уезда // Труды ОУАК. Вып. 16. Оренбург, 1906. С. 82-83.

6. Кастанье И.А. Отчёт о раскопках двух курганов в Уральском уезде летом 1911 года // Труды ОУАК. Вып. 29. Оренбург, 1913. С. 80-81.

7. Ростовцев М.И. Курганские находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма // Материалы по археологии России. Вып. 37. Петроград, 1918. С. 10.

8. Попов А.В. По поводу доклада А.И. Деревенкова // Труды ОУАК. Вып. 23. Оренбург, 1912. С. 70.

9. Кастанье И.А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края // Труды ОУАК. Вып. 22. Оренбург, 1911.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

10. Кастанье И.А. Историко-сравнительный этюд о каменных бабах киргизских степей и России вообще в связи с каменными изваяниями Франции, Германии и прочих стран // Труды ОУАК. Вып. 22. Оренбург, 1911. С. 303.

11. Отчёт и протоколы заседаний за 1909 год // Труды ОУАК. Вып. 23. Оренбург, 1911. С. 282; Протоколы заседаний Архивной Комиссии за 1906 г. // Труды ОУАК. Вып. 19. Оренбург, 1907. С. 29, 38.

12. Протоколы заседаний // Труды ОУАК. Вып. 29. Оренбург, 1913. С. 53-54.

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДАХ ЕПИСКОПА ГЕРМОГЕНА (ДОЛГАНОВА)

Мраморнов А.И.

Московский государственный университет

Деятельность епископа Гермогена (Долганова, 1858 – 1918), крупной церковной и общественно-политической фигуры начала XX в., до недавнего времени оставалась почти неизученной. С появлением в этом году монографии, принадлежащей перу автору этих строк¹, ситуация, хочется верить, изменилась к лучшему, но в рамках одной работы невозможно было осветить все аспекты деятельности преосвященного Гермогена, важные для понимания его роли в истории России и Православной Церкви начала XX в. Так, в книге обстоятельно рассмотрена общественно-политическая деятельность владыки, но недостаточно обобщенно разобран вопрос об эволюции его политических взглядов. Этой теме посвящен настоящий доклад.

Главный источник, позволяющий изучить взгляды епископа Гермогена – это его собственные речи, проповеди, «слова», высказывания, которые сохранились, главным образом, на страницах периодической печати той эпохи. «Прямых» публикаций владыки (то есть, подписанных его именем) не так много. Служа в 1898 – 1900 гг. ректором тифлисской семинарии и редактируя по должности «Духовный вестник Грузинского экзархата» (далее – ДВГЭ), он довольно часто помещал на страницах журнала свои речи и подписывал их «А.Г.» (архимандрит Гермоген). В период же служения Гермогена в архиерейском сане его подпись, если не считать официальных документов, появлялась в епархиальной печати лишь под отдельными, нечастыми публикациями, такими, как воззвания, обращения и послания к пастве или, например, отклик на проект реформы духовной школы 1908 г. В то же время выступления епископа (как гомилетические, так и внебогослужебные) фиксировались епархиальными хроникерами, причем особен-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

но обстоятельно и подробно – в газете «Братский листок» (1904 – 1912 гг., в 1907 – 1908 гг. выходила под названием «Россиянин»), учредителем и неофициальным редактором которой был сам владыка². Кроме того, интересные сведения, отражающие воззрения епископа, содержатся в отдельных сохранившихся бумагах Гермогена, которые хранятся в Государственном архиве Саратовской области (Ф. 1132).

О политических взглядах Гермогена вплоть до его назначения на должность ректора тифлисской семинарии в 1898 г. с возведением в сан архимандрита известно совсем мало. Очевидно, воспитанный в патриархальной священнической семье, он с детства был убежденным монархистом, как и большинство тех выходцев из духовного сословия, которые решили пойти по стопам своих предков, а не включиться в «освободительное» движение, полностью разорвав традиционные сословные связи. Таких его взглядов не изменило ни длительное пребывание в стенах университета, ни заграничные поездки. Показательно, что, когда еще не решивший встать на путь духовного служения Георгий Долганов вернулся в Россию из Женевы, где обучался на медицинском факультете университета, власти провели у него обыск с целью выявить его возможную «неблагонадежность», но ничего не нашли³.

К периоду ректорства архимандрита Гермогена в Тифлисе относятся опубликованные в ДВГЭ тексты ярких монархических проповедей, таких, как пламенная речь над гробом скончавшегося в 1899 г. наследника русского престола великого князя Георгия Александровича⁴. Преданность монархии впоследствии останется идейной константой для епископа Гермогена – принципом, правильность которого не подвергалась сомнению даже тогда, когда монархия в стране уже пала.

Уже в грузинский период в речах Гермогена слышны также первые нотки антибюрократизма – такого подхода к оценке общественного устройства и политической системы в стране, который в системе взглядов владыки провозглашал приоритет нравственно-христианского над рутинно-бюрократическим⁵. Выступая осенью 1899 г. с отчетом о деятельности Тифлисского духовно-просветительного братства и говоря о запущенном в хозяйственном и нравственном отношениях районе грузинской столицы «Колючая Балка», архимандрит Гермоген с укоризной отмечал бездействие «местного гражданского неправославного муниципалитета», которому, «вероятно, хотелось держать неприкосновенной эту смрадную клоаку... для русского православного люда»⁶. Ясно, что еще до епископской хиротонии идеал политической системы для Гермогена ассоциировался с русской национальной и преданной царю властью. В то же время, претензии, высказывавшиеся в грузинский период в адрес «неправославных» властей,

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

позднее, уже в Саратове, были перенесены владыкой и на «вполне» православные власти, в частности, на губернатора и городскую думу.

Курс на дружественные отношения с местной гражданской властью, взятый Гермогеном в период губернаторства в Саратове П.А. Столыпина (совпавший с началом архиерейского служения в городе владыки), не был неотъемлемой компонентой его политических взглядов, в отличие, скажем, от подавляющего большинства православных архиереев современной России, для которых на критику и обличение властей уровня губернатора и выше наложено табу. Это подтверждает история взаимоотношений Гермогена с преемником Столыпина С.С. Татищевым, подробно описанная в монографии⁷.

Год 1905-й следует особо выделить в жизни Гермогена как период окончательного оформления его политической позиции, которая в это время приобретает самостоятельность и выходит за рамки простой, так сказать «нерефлексируемой» внутрикорпоративной убежденности в незыблемости монархии. Ее, монархию, он считал источником всех изменений и связей в обществе.

Епископ Гермоген чутко реагировал на революционные события 1905 г. После получения в Саратове известий о событиях 9 января владыка почти ежедневно совершал богослужения, завершавшиеся проповедями, в которых содержался призыв к умиротворению и народному смирению. Он неоднократно повторял в те январские и февральские дни, что «повиновение правительству угодно Богу, так как *сущие власти все от Бога учинены суть*; потому всякий, идущий против существующего государственного порядка, – несомненно, враг отечества и противник Божию велению»⁸. 6 февраля владыка служил панихиду по убитому накануне великому князю Сергею Александровичу. В своей речи после нее Гермоген отметил, что в смерти московского генерал-губернатора «повинно русское общество, многие члены которого мало веруют, не исполняют, даже отвергают уставы и постановления церкви Христовой, а также уставы и устои государственные»⁹. Итак, причины событий *политических* владыка искал в области *нравственной*. Поэтому можно думать, что его идеал политической системы имел, прежде всего, нравственную основу, гарантом которой в глазах епископа выступал самодержец.

В годы первой русской революции епископ Гермоген – убежденный противник революции – стал еще и активным борцом с ней. В дни грандиозных октябрьских митингов и погромов 1905 г. в Саратове он оказался единственным высшим должностным лицом губернского уровня, который противостоял этой стихии.

Причины революции Гермоген видел исключительно в сторонней агитации. 16 января 1905 г. он на проповеди в кафедральном соборе «разъ-

ХІІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

яснял многочисленным слушателям, что рабочие вовлечены были в заблуждение злонамеренными лицами – врагами отечества и веры Христовой; он убеждал и умолял уклоняться от этих злодеев и не слушать их преступных речей»¹⁰. Никаких естественных, «объективных» причин революции, кроме падения нравов в народе, владыка не видел или не хотел видеть.

В годы первой русской революции и в последующие несколько лет коллективным выразителем воззрений саратовского духовенства во главе с епископом Гермогеном была газета «Братский листок». В первой половине 1906 г., в том числе и в период выборов в Первую Государственную думу, на ее страницах оказывалась всесторонняя поддержка Саратовской народно-монархической партии. Эта партия с самого начала своего существования получила благословение саратовского архиерея, а в конце 1906 г. была преобразована в местный отдел Союза русского народа (СРН).

В ряде научно-справочных и публицистических работ епископ Гермоген ассоциируется с СРН, называется чуть ли не одним из лидеров этой наиболее многочисленной партии России начала XX в.¹¹. Такое упрощение противоречит исторической действительности. Сочувствуя первоначально идеям СРН и благословляя деятельность его местного отдела, владыка уже весной 1907 г. выступил с критикой ряда положений партии. В своем обращении к съезду русских людей, проходившему в конце апреля 1907 г. в Москве, Гермоген высказался против патриотизма, основанного только на партийности. Он подчеркивал, что «только чрез веру и церковь православную можно сохранить и защитить Россию от злобных, демонических происков врагов церкви»¹². СРН – близкая к Церкви партия, но не более того. Епископ же желал, чтобы «она, эта чисто русская партия всецело вошла в ограду церкви, поставив на знамени своем – превыше других лозунгов своих – веру православную, которой уже второе тысячелетие живет и питается русский народ»¹³. Таким образом, Гермоген говорил о некоей церковной партии, которая фактически в своей деятельности должна была следовать традиционной триаде «православие, самодержавие, народность». Особенностью гермогеновского понимания этой формулы было подчинение православию (а не самодержавию) двух других компонент. Тем самым Церковь кроме духовного авторитета должна была, по Гермогену, обладать еще и политическим авторитетом.

В то же время сам епископ неоднократно повторял, что не является политиком, что политика не входит «в сферу пастырского служения», а «Братский листок» чужд какой-либо партийности¹⁴. К этому тезису, однако, реже в теории, а чаще на практике прибавлялись разнообразные «но» и «однако», например, сформулированная владыкой обязанность каждого священника давать «ответ всякому вопрошающему не только по общест-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

венным, но и по другим (значит, в том числе, политическим. – *А.М.*) вопросам жизни»¹⁵.

Из провозглашенного владыкой правила невмешательства в политику и «чуждости» всякой партийности возникло исключение, перечеркнувшее все правило. Им стал созданный весной 1907 г. Православный всероссийский братский союз русского народа (ПВБСРН) – организация, которая откололась от местного отдела СРН и которую возглавил сам епископ Гермоген. Несмотря на пышное название и огромные планы, эта организация осталась партией местного масштаба, все узлы деятельности которой были завязаны на одном единственном человеке. Итогом ее деятельности стал раскол в стане саратовских правых и мелочная вражда между ними, длившаяся довольно долго¹⁶. Между тем идея главенства церковного над государственным, нравственного над формально-бюрократическим все более захватывала сознание владыки.

Гермоген не был автором специальных трактатов об идеалах государственного устройства (как ряд его современников из числа архиереев), но его политическое мировоззрение было достаточно системным. Источниковый материал убеждает в том, что стержнем этой системы был монархизм (или так называемый «правый монархизм»), на который владыка «нанизывал» свои представления о патриотизме (по Гермогену, истинный патриотизм – *русский и церковный*¹⁷), об исключительной роли русского народа в развитии страны и недопущении к каким-либо политическим и общественно значимым делам евреев и некоторых других «инородцев» и т.п. Кроме того, епископ Гермоген резко критиковал левые партии, их идеологию, но не выступал против них столь же последовательно, как, например, против толстовства. В целом же все, что в духовной сфере противоречило православию (в «гермогеновском» понимании), а в политической – самодержавию, попадало в поле критики владыки.

В конце 1907 г. епископа Гермогена принимал у себя император Николай II. Через несколько дней после этой встречи владыка делился впечатлениями от нее со своей паствой после богослужения в кафедральном соборе. «По вынесенному мною чувству в его (Николая II-го. – *А.М.*) душе живет такое богатство нравственных сил, ясного понимания задач нашей государственной жизни и устройства ее на началах порядка, законности и свободы»¹⁸. Епископ создавал в проповеди идеализированный образ монарха и постоянно, в течение всего своего служения в Саратове призывал паству к сплочению вокруг самодержавного монарха.

Важной гранью и в жизни, и в эволюции политической позиции епископа стал 1912 г., когда он был удален с саратовской кафедры¹⁹. На события, которые связаны с «делом» 1912 г., повлияло множество обстоятельств и факторов. Но для темы настоящего доклада важна политическая

XXI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

составляющая «дела». Существовала ли она вообще? Очевидно, да, ведь в произошедшем тогда конфликте налицо было не только и даже не столько столкновение Гермогена с членами Св. Синода по частным вопросам церковной жизни (о диакониссах и отпевании инославных). Фактически в январе 1912 г. владыка пошел на конфликт со всей синодальной системой, а значит – и с монархией, порождением которой была эта система. Возможно, Гермоген не понимал этого элементарного противоречия, но более вероятно другое. Он вполне мог рассчитывать на то, что его действия и заявления станут толчком к изменению существовавшего строя церковного управления, к созыву поместного собора, к восстановлению патриаршества²⁰, а это, в свою очередь, вызвало бы и перемены в политическом климате в стране в целом. Но при Николае II – стороннике сохранения политического и системного status quo во что бы то ни стало – такие расчеты имели мало общего с реальностью. Епископу Гермогену на практике мешал созданный им в системе собственных взглядов собирательный образ идеального монарха.

Еще с 1905 г. являясь последовательным критиком революционных преобразований, Гермоген не принял обеих революций 1917 г. Хотя владыка никогда не призывал к открытой борьбе с большевизмом, он стал убежденным противником новой системы, что позволяет объяснить, почему он оказался в числе первых архиереев Русской Церкви, с которыми расправились большевики.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что епископ Гермоген облакал в форму церковной проповеди известный принцип народного монархизма «царь хороший, бояре плохие». Но этим дело не ограничивалось: возрождение в лице Гермогена в начале XX в. претензий Церкви на часть прерогатив светской власти (ярчайший выразитель в истории России – патриарх Никон) было в начале XX в. не таким уж анахронизмом: при слабом политике Николае II вполне естественными выглядели попытки разных общественных сил, в том числе и церковных лидеров, получить политическое влияние в той или иной сфере жизни государства.

1. *Мраморнов А.И.* Церковная и общественно-политическая деятельность епископа Гермогена (Долганова, 1858 – 1918). Саратов: «Научная книга», 2006.

2. Епархиальные хроники как источник более подробно рассмотрены автором этих строк, см.: *Мраморнов А.И.* Труды священника А.П. Мраморнова и их историческое значение // *Мраморнов А.П., свящ.* Сочинения: Записки, епархиальные хроники, публицистика. / Ред.-издатель *А.И. Мраморнов.* Саратов, 2005. С. 6 – 15.

3. Из биографии еп. Гермогена // Саратовский листок. 1912. № 28. С. 2.

ХІІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

4. См.: Г[ермоген], а[рхимандрит]. Слово, произнесенное в Абастуманском храме, у гроба Цесаревича, 6-го июля 1899 года // Прибавление к ДВГЭ. 1899. № 15. С. 4 – 7.

5. Гермоген ни в Грузии, ни позже не затрагивал в своих речах чисто политической сферы, то есть не предлагал альтернативы правительственному курсу – курсу глубоко почитавшегося им *Самодержавного Монарха* (правда, если в отношении Николая II вообще можно говорить о каком-либо определенном «курсе»). Исполняя лишь долг пастыря, он призывал к усовершенствованию жизни на евангельских началах. В этом нет ничего удивительного. Удивительно другое – упорство, с которым выполнял свой долг Гермоген (особенно различимое на фоне типичного поведения церковного иерарха синодальной эпохи). Упрощая, можно сказать, что выделенная нами категория «рутинно-бюрократического» отождествлялась Гермогеном со злом в государстве. Не *бюрократия* как основа государственного управления, а именно *бюрократизм* как явление, при котором влияние бюрократии превосходило некую разумную черту, критиковался им.

6. Прибавление к ДВГЭ. 1900. № 6. С. 9 – 10.

7. См.: *Мраморнов А.И.* Церковная и общественно-политическая деятельность... С. 267 – 270.

8. *Пр. Р.* Деятельность Преосвященнейшего Гермогена Епископа Саратовского и Царицынского и градского Саратовского духовенства в тяжелое время народных волнений // Саратовские епархиальные ведомости. 1905. № 11. С. 563.

9. Там же. С. 562.

10. Там же.

11. Например, см.: *Голостенов М.Е.* Гермоген (Долганов Георгий Ефремович) // Политические деятели России. 1917. Биографический словарь. М., 1993. С. 79.

12. ГАСО. Ф. 1132. Оп. 1. Д. 102. Л. 1 об.

13. Там же. Л. 2.

14. В то же время епископ Гермоген сразу после создания своей собственной партии в мае 1907 г. на одном из выступлений в г. Царицыне фактически отождествил ее (партию) с Церковью: «Дух Христов, дух истинной церковности редко теперь приходится видеть среди народа. Поэтому-то я и призываю всех, в ком еще не погас дух Христов, кто еще чувствует нужду в руководстве Церкви Православной: объединяйтесь во “Всероссийский Православный Братский Союз Русского Народа” и под руководством Церкви Православной станьте на защиту своего отечества от раздирающей его смуты» (*Благовидов Л., свящ.* Посещение Его Преосвященством, Преосвященнейшим Гермогеном, Епископом Саратовским и Цари-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

цынским, города Царицына 26, 27 и 28 мая 1907 года // Россиянин. 1907. № 5. С. 3).

15. Отклик саратовской паствы своему Архипастырю // Братский листок. 1907. № 2.

16. Епископ отказывался освящать знамена саратовского отдела СРН и благословлять его деятельность. В Св. Синод посыпались жалобы, но и они не могли разрешить этого во многом искусственного созданного конфликта.

17. *М[агдалин]ский А.* Обновление почвы для всероссийского объединения русских людей. Речь Его Преосвященства Преосвященнейшего Гермогена, сказанная 23 декабря за литургией // Россиянин. 1908. № 1.

18. Там же.

19. Конфликт подробно описан, см.: *Мраморнов А.И.* Церковная и общественно-политическая деятельность... С. 276 – 307; *Его же.* «Дело» саратовского епископа Гермогена 1912 г. и синодальная система управления Русской Церковью в начале XX в. // Клио. Журнал для ученых. 2006. № 3 (34). С. 210 – 222.

20. В начале 1912 г. как в Саратове, так и в столице ходили слухи о том, что епископ Гермоген сам «метил в патриархи». Сведения об этом неоднократно встречаются в прессе января – февраля 1912 г., однако достоверность их вызывает большие сомнения. Прямых высказываний об этом самого владыки не имеется.

МИФОЛОГИЗАЦИЯ ЦУСИМСКОГО СРАЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Буранок С.О.

Самарский государственный педагогический университет

Цусимское сражение 14 – 15 мая 1905 г. постоянно привлекает особое внимание исследователей, часто мифологизирующих битву. Современные мифы можно разделить согласно их происхождению: 1) легенды очевидцев и современников; 2) мифы, созданные историками (так называемое «аналитическое мифотворчество»¹). При этом оба данных комплекса тесно связаны между собой, как правило, по следующей схеме: легенда, описанная современником, становится катализатором для последующего мифотворчества.

Миф первый – «о пассивности вице-адмирала З.П. Рожественского в начале Цусимского сражения». Обвинения предъявляют: В.Я. Крестьянинов, А.Б. Широкопад, А. Киличенков, Г.В. Озеров и К.Г. Озеров, И.М. Кок-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

цинский, Г. Рыжонок, А.И. Уткин². *Создатели мифа*. Подобная оценка действий адмирала З.П. Рожественского наблюдается у нескольких свидетелей: Н.Н. Дмитриева, А.С. Новикова-Прибоя, В.С. Кравченко³. *Разоблачение мифа*. Большой вклад в прояснение данной ситуации внесли работы В. Л. Кофмана, С.В. Сулиги⁴. Если принять во внимание их замечания, то становится ясно, что предлагаемые маневры невозможны по техническим причинам. Однако, несмотря на эти публикации, миф продолжает жить и находить себе новых сторонников.

Миф второй – «о проценте попадания». Этот вопрос стал подлинным «камнем преткновения» как отечественной историографии, так и мемуаристики. Так, например, В.П. Кузин пишет, что при Цусиме японцы добились 3,2%, а русские – 1,2%⁵. Эти же данные воспроизводит в своей работе доктор исторических наук Д.В. Лихарев⁶. Мифологичность подобных вычислений очевидна. *Создатели мифа*. Так, А.С. Новиков-Прибой, описывая знакомство русских пленных с броненосцем «Асахи», отмечал, что всех поразило отсутствие повреждений и следов от попадания снарядов⁷. *Разоблачение мифа*. Часть мифа, касающуюся того, что русские снаряды не поражали японские корабли, оспорил английский историк Н. Кампбелл⁸. В.Я. Крестьянинов, заявил, что вычислить процент невозможно, т.к. с японской стороны неизвестно количество попавших снарядов, а с русской количество выпущенных⁹ – любые попытки высчитать процент попадания обречены стать мифом и являются спекуляцией с цифрами.

Миф третий. «О снарядах и орудиях». Необходимо указать ведущие точки зрения на проблему в современной историографии Цусимского сражения. 1) Плохие снаряды, плохие орудия. Данную версию поддерживают А.Б. Широкопад, В.Я. Крестьянинов, В.А. Золотарёв и И.А. Козлов¹⁰; 2) плохие снаряды, хорошие орудия. Так из современных исследователей считают Г. Рыжанок, В.Н. Чистяков¹¹; 3) хорошие снаряды, хорошие орудия. Выразителями этой гипотезы являются А. Киличенкови В.Л. Кофман¹². Основная особенность всех вышеназванных точек зрения заключается в том, что фактически ни одна концепция не может быть признана доказанной, т.к. с успехом опровергается документами, свидетельствами и техническими характеристиками. В этом она имеет определённое сходство со следующим мифом.

Миф четвёртый. «О личности адмирала З.П. Рожественского». Наиболее детальный разбор качеств личности вице-адмирала З.П. Рожественского произведён в монографии В.Ю. Грибовского и В.П. Познахирева¹³. Историография вопроса представлена в статье В.Д. Лихарева¹⁴. Поэтому, как в случае с орудиями и снарядами, целесообразным представляется выделить ключевые точки зрения на проблему. Строго говоря, их три: 1) «обвинительная», представлена В.Д. Доценко, А. Киличенков, Р.М. Мельни-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ков, Г. Рыжанок, А.Б. Широкоград, Г.В. Озеров и К.Г. Озеров¹⁵; 2) «апологетическая». В качестве «защитников» адмирала выступают В. Чистяков, В.Л. Кофман и С.Д. Климовский¹⁶; 3) «компромиссная». Исследования личности адмирала строятся на комплексном анализе, многофакторном и объективном подходе. Таковы работы В.Я. Крестьянинова, В.Ю. Грибовского и В.П. Познахирева, М. Комкова¹⁷. Необходимо отметить, что отдельно, но в рамках того же мифотворческого направлению существуют работы с некоторой долей иррационализма и мистицизма¹⁸.

Таким образом, прослеживается типичная эволюция цусимских мифов: зарождение легенды (чаще всего в результате свидетельства очевидцев), её развитие (через другие свидетельства, документы и историографию), затем идёт появление «антилегенды», т.е. её полного (иногда просто абсурдного) опровержения и создание противоположного (но так же мифологичного, по сути) построения. И только после этого начинается по истине объективный и комплексный анализ изначального события. Как правило, и приведённые нами примеры это чётко показывают, процесс подобной эволюции в среднем занимает 90 – 100 лет.

1. Данный термин употребляется в следующих работах: *Шувалов Е.М.* Цусима: в защиту традиционных точек зрения от аналитического мифотворчества // *Корабли и сражения.* СПб., 1995. С. 21 – 35; *Лихарев Д.В.* Споры о причинах Цусимской катастрофы // *История.* 2005, №5. С. 168 – 178.

2. *Крестьянинов В.Я.* Цусимское сражение 14 – 15 мая 1905 г. СПб., 1998. С. 104 – 105. В его работе представлен наиболее корректный вид подобной критики. *Широкоград А.Б.* Русско-японские войны 1904 – 1905 гг. Минск, 2003. С. 340 – 341; *Киличенков А.* Ошибка Того и последний шанс адмирала Рожественского // *Морской сборник.* 1990, №3. С. 80 – 84; *Озеров Г.В., Озеров К.Г.* Правда о броненосце «Сысой Великий»: Цусима. Вильнюс, 2001. С. 113 – 116; *Кокцинский И.М.* Морские бои и сражения русско-японской войны или причина поражения: кризис управления. М., 2002. С. 82; *Рыжанок Г.* Верна ли версия В. Чистякова // *Морской сборник.* 1989, № 4; *Уткин А.И.* Русско-японская война: В начале всех бед. М., 2005. С. 372 – 377.

3. *Дмитриев Н.Н.* Броненосец «Адмирал Ушаков»: Его путь и гибель. СПб., 1997. С. 37; *Новиков-Прибой А.С.* Цусима: В 2 кн. Кн. 2. М., 1993. С. 13; *Кравченко В.С.* Через три океана / Изд. 3. СПб., 2002. С. 118.

4. *Кофман В.Л.* Цусима: анализ против мифов // *Наваль: Первый сборник Общества истории флота.* М., 1991. С. 7; *Сулига С.В.* Феномен Цусимы: http://tsusima.narod.ru/web/bibl_rjw_stat_suliga_melnikov.htm; *Сулига С.В.* Российский флот: Корабли русско-японской войны. М., 1993.

5. *Кузин В.П.* Мифы и реальность // *Синдром Цусимы.* СПб., 1997. С. 71.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

6. *Лихарев Д.В.* Споры о причинах Цусимской катастрофы // Отечественная История. 2005, № 5. С. 171. Мы разобрали лишь один пример вычисления процента попадания, но есть и другие. Так, В.Л. Кофман пишет о 4% для русских орудий и 10% для японских. См.: *Кофман В.Л.* Цусима: анализ против мифов // Наваль: Первый сборник Общества истории флота. М., 1991. С. 11. Но суть дела от изменения цифр не меняется.

7. *Новиков-Прибой А.С.* Цусима: В 2 кн. Кн. 2. М., 1993. С. 200.

8. *Campbell N.* The battle of Tsu-Shima // *Warship*, 1984, №2.

9. *Крестьянинов В.Я.* Цусимское сражение 14 – 15 мая 1905 г. СПб., 1998. С. 104 – 105.

10. *Широкорад А.Б.* Русско-японские войны 1904 – 1945 гг. Минск, 2003. С. 356 – 357. Далее следует вывод о плохой военной системе с обязательной мыслью о полном военном крахе самодержавия. Влияние данного тезиса прослеживается в работах В.Я. Крестьянинова, но больший акцент он всегда делает на специфике личного состава Второй Тихоокеанской эскадры: *Крестьянинов В.Я.* Цусимское сражение 14 – 15 мая 1905 г. СПб., 1998. С. 66 № *Золотарёв В.А., Козлов И.А.* Три столетия Российского флота: XIX – начало XX века. М., СПб., 2004. С. 603 – 605.

11. См. его работу о разборе выводов В. Чистякова: *Рыжанок Г.* Верна ли версия В. Чистякова // Морской сборник. 1989, № 4; *Чистяков В.* До первого залпа // Наваль: Первый сборник Общества истории флота. М., 1991. С. 17 – 22; См. так же: *Чистяков В.* Четверть часа для русских пушек // Морской сборник. 1989, № 2. С. 89 – 93.

12. *Киличенков А.* Ошибка Того и последний шанс адмирала Рожественского // Морской сборник 1990, № 3. С. 80 – 84; *Кофман В.Л.* Цусима: анализ против мифов // Наваль: Первый сборник Общества истории флота. М., 1991. С. 9 – 16.

13. *Грибовский В.Ю., Познахирев В.П.* Вице-адмирал З.П. Рожественский. СПб., 1999. Переиздана в 2002 г.: *Грибовский В.Ю.* Вице-адмирал Рожественский // *Семанов С.Н., Грибовский В.Ю.* Последние адмиралы. М.; СПб., 2002

14. *Лихарев Д.В.* Споры о причинах Цусимской катастрофы // Отечественная История. 2005, № 5. С. 168 – 178.

15. *Доценко В.Д.* Мифы и легенды Российского флота. СПб., 2003. С. 104 – 115; *Киличенков А.* Ошибка Того и последний шанс адмирала Рожественского // Морской сборник 1990, № 3. С. 80 – 84; *Мельников Р.М.* Броненосцы типа «Бородино». СПб., 1996. С. 36 – 38; *Рыжанок Г.* Верна ли версия В. Чистякова // Морской сборник. 1989, № 4; *Широкорад А.Б.* Русско-японские войны 1904 – 1945 гг. Минск, 2003. С. 338 – 357; *Озеров*

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Г.В., Озеров К.Г. Правда о броненосце «Сисой Великий»: Цусима. Вильнюс, 2001. С. 105 – 112.

16. *Чистяков В.* До первого залпа // *Наваль: Первый сборник Общества истории флота.* М., 1991. С. 17- 22; *Кофман В.Л.* Цусима: анализ против мифов // *Наваль: Первый сборник Общества истории флота.* М., 1991. С. 5–9; *Климовский С.Д.* Вице-адмирал З.П. Рожественский // *Морской исторический сборник.* 1991. Вып. 2. С. 9 – 64.

17. *Крестьянинов В.Я.* Цусимское сражение 14 – 15 мая 1905 г. СПб., 1998. С. 156 – 166.; *Крестьянинов В.Я.* Крейсера Российского Императорского флота 1856 – 1917. В 2 ч. Ч 2. СПб., 2000. С. 35 – 41; *Грибовский В.Ю., Познахирев В.П.* Вице-адмирал З.П. Рожественский. СПб., 1999. С. 254; *Комков М.* Цусима: загадки сражения // *Техника – Молодёжи.* 1990, № 6.

18. *Озеров Г.В., Озеров К.Г.* Правда о броненосце «Сисой Великий»: Цусима. Вильнюс, 2001. С. 142, 168. О мистическом спасении броненосца «Сисой Великий». Этим пронизана вся книга Озеровых. Мистические и сверхъестественные способности японцев описал в своей работе И.Л. Бунич: *Бунич И.Л.* «Князь Суворов». Минск, 1995. С. 199 – 201.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО «СОЮЗА 17 ОКТЯБРЯ»

Чередников В.В.

Самарский государственный университет

«Союз 17 октября» одна из самых значимых партий России. По своему устройству она была ближе к типу «партия-клуб»¹. Весьма показательным являлся социальный состав Центрального комитета партии октябристов. Все основатели «Союза 17 октября» принадлежали к торгово-промышленным и финансовым кругам, к крупным помещикам, к высшим слоям буржуазной интеллигенции и чиновников. Постоянное число членов, входивших в ЦК составляло 33 человека. За время существования «Союза» членами ЦК были 126 человек. Из них доля дворян составляла 87 человек, потомственных почётных граждан – 31, купцов – 3, крестьян – 1; землевладельцев – 29, домовладельцев – 48, крупных промышленников – 2. Что касается уровня образования всех членов ЦК, то высшее образование имели – 101, среднее – 3, домашнее образование получили 22 члена ЦК². Во главе «Союза 17 октября» находился Центральный комитет, состоящий до осени 1906 г. из двух отделов – петербургского и московского. В мае 1907 г. «двоецентрие» было ликвидировано, и был создан единый ЦК с местом пребывания в Москве.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

В Москве и Петербурге были созданы городские советы, координирующие деятельность районных и городских организаций. На местах конституировались губернские, городские, уездные и сельские отделы, во главе которых находился комитет или бюро. Теперь поговорим об основателях и лидерах «Союза 17 октября», являвшихся его основными фигурами. Это Корф П.Л., Шипов Д.Н., Гучков А.И., Родзянко М.В., Гейден П.А., Красовский М.В., Хомяков Н.А.

Петербургский отдел ЦК возглавлял крупный землевладелец, директор общества освещения газом Петербурга, действительный статский советник барон Павел Леопольдович Корф.

Корф Павел Леопольдович (1837 – 1913) – по окончании в 1854 г. Пажеского корпуса находился на военной службе в лейб-гвардии Семёновском полку. В 1860 г. вышел в отставку в чине штабс-капитана. В начале 60-х – мировой посредник в Шлиссельбургском уезде, в 1866-75-Шлиссельбургский уездный предводитель дворянства. В 1868-71 и 1874-77 –председатель петербургской губернской земской управы. В 1878-81 г. – петербургский городской голова. В начале 90-х входит в состав умеренного крыла земцев. Один из основателей «Союза 17 октября», в 1905-1906 – председатель, с 1907 – член петербургского ЦК «Союза». Октябрист консервативного толка³.

Московский отдел ЦК возглавлял Дмитрий Николаевич Шипов. Из семьи крупного помещика. В 1872 г. окончил Пажеский корпус. В 1877 г. стал земским гласным Волоколамского уезда Московской губернии, в 1891-93 гг. – председатель Волоколамской уездной, в 1893-1904гг. Московской губернской земской управы. Считал, что манифест 17 октября 1905 г. создал основы конституционного строя в России, но отказался вступить в конституционно-демократическую партию, полагая, что она заключила союз с революционерами. С конца 1905 г. один из лидеров «Союза 17 октября», в 1905 -1906 гг. был председателем его ЦК. В сентябре 1905 г., после заявления А.И.Гучкова о необходимости военно-полевых судов, покинул «Союз 17 октября»⁴.

Гучков Александр Иванович, родился 14 окт. 1862 г. в Москве, со степенью кандидата закончил историко-философский факультет Московского университета. Продолжил образование в Берлинском и Гейдельбергском университетах. В 1888 г. избран почётным мировым судьёй в Москве. В 1897 г. становится гласным городской думы.

Октябрьская декларация 1905 г. стала для Гучкова политическим ориентиром, определившим его поступки на протяжении довольно длительного срока. Он был убеждённым сторонником столыпинских программ обновления России путём реформирования сверху общественно-политических институтов и хоз. структур. Как глава крупнейшей думской фрак-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ции, лидер октябристов всемерно старался организовать поддержку политики кабинета. Однако довольно быстро осознал, что истинного примирения в стране не происходит и уверился, что глава правительства не является действительным Главой исполнительной власти.

Весной 1915 г. он становится председателем Центрального военно-промышленного комитета, а в сентябре избирается членом Гос. Совета от торгово-промышленной курии.

Родзянко Михаил Владимирович родился 9 марта 1859 г. в Екатеринославской губернии в семье дворянина, крупного землевладельца. Воспитание и образование получил в Пажеском корпусе, был камергером императорского дворца. С 1878 г. служил в Кавалергардском полку, в 1882 г. оставляет военную службу.

Родзянко являлся одним из основателей партии «союз 17 октября»; входил в её ЦК. Депутат III и IV Гос. Думы, с 15 ноября 1912 г. - председатель IV Гос. Думы. В 1913 г. после раскола «Союза 17 октября» и его парламентской фракции примкнул к его центристскому крылу-группе октябристов-земцев.

Гейден Пётр Александрович (1840-1907). Из знатной дворянской семьи голландского происхождения, граф. Воспитывался в Пажеском корпусе. В 1858 г. произведён в офицеры, поступил в Михайловскую артиллерийскую академию, окончил её в 1860 г., в том же году вышел в отставку в чине поручика. С 1870 г. – член Петербургского окружного суда, с января 1883 г. – член петербургской судебной палаты. Неординарные личностные качества Гейдена привлекли к нему внимание «высших сфер», и в декабре 1886 г. он был назначен начальником Канцелярии по принятию прошений на Высочайшее имя. В конце 1890 г. вышел в отставку. С 1889 г. постоянно избирался в губернские гласные, пользовался огромным авторитетом. В апреле 1895 г. избран президентом Вольного Экономического Общества. Стал одним из основателей «Союза 17 октября», член его ЦК (до июля 1906 г.). Депутат I Гос. Думы от Псковской губернии. В июле 1906 г. окончательно вышел из ЦК «Союза» и возглавил партию Мирного обновления⁵.

Красовский Михаил Васильевич (1851-1911). Из дворян, землевладелец. В 1871 г. окончил юридический факультет Киевского университета. С 1872 г. на государственной службе: в Сенате, министерстве юстиции, гос. Канцелярии, харьковской судебной палате, тайный советник. Один из основателей «Союза 17 октября», с 1905 г. - товарищ председателя петербургского ЦК октябристов. Редактор-издатель газеты «Новый путь». С 1906 г. – член Государственного совета от Черниговского земства, один из лидеров «группы центра», где выступал активным сторонником аграрного курса П.А.Столыпина⁶.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Хомяков Николай Алексеевич (1850-1925). Из потомственных дворян, сын славянофила А.С.Хомякова. В 1874 г. окончил физико-математический факультет Московского университета. С 1886-1895 гг. Смоленский губернский предводитель дворянства. В 1896 г. – директор Департамента земледелия министерства земледелия и гос. имущества. В 1902 г. вышел в отставку. С 1904 г. – член сельскохозяйственного Совета министерства земледелия. Октябрист, с 1906 г. член ЦК «Союза 17 октября». В 1906 г. был избран членом Гос. совета от дворянства Смоленской губернии, член Бюро парламентской фракции «Союза 17 октября». С ноября 1907 г. по март 1910 г. являлся председателем 3-й Гос. Думы⁷.

В итоге можно сделать вывод о том, что «Союз 17 октября» представлял собой своего рода партию элиты, в которой практически отсутствовали представители рабочего класса и крестьянства. Что же касается представителей ЦК партии, то это были люди очень образованные, имеющие большой вес в обществе, принадлежащие к торгово-промышленным и финансовым кругам, к крупным помещикам и высшим слоям буржуазии.

1. Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов и заседаний ЦК. М., 1996. С.7.

2. Политические партии России. Конец 19-первая треть 20 вв. М., 1996. С.747-755.

3. Политические партии России. С. 274-275

4. Политические партии России. С.699-700.

5. Там же. С. 146-147.

6. Политические партии России. С.280.

7. Политические партии России. С.665.

ЭСЕРОВСКИЙ ТЕРРОР КАК МЕТОД ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ И СПОСОБ ГЕНДЕРНОГО УТВЕРЖДЕНИЯ

Григорьева М.А.

Ставропольский государственный университет

На рубеже XIX – XX вв. в России наиболее ярко обозначились углубившиеся противоречия между запросами общества и политикой государства, игнорировавшей объективные потребности в реформах. Это привело к ужесточению протеста со стороны активно действующей части общества и в особенности радикально настроенной, что побудило ее к принятию крайних методов противодействия.

Актуальность народовольческих традиций террора 1860–80-х гг. сохранялась и в начале XX в., методы были активно восприняты наиболее

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

непримиримыми и оппозиционно настроенными партиями, в частности, Партией социалистов-революционеров. Терроризм имел для эсеров значение несколько большее, чем средство политической борьбы: обнаружив неспособность достичь своих целей посредством политики, революционеры обращаются к наиболее радикальным методам воздействия на публику и правительство, в результате, террористический акт превращается в своеобразное информационное послание, запечатанное в жестяную оболочку снаряда. В 1901 г. решение одной из самых сложных задач, поставленных эсеровской организацией, – сокрушить застывшую и закостенелую форму правления Российского государства – самодержавие, было возложено на Боевую организацию. В области тактики одним из ключевых партийная программа предусматривала положение о том, что борьба будет вестись «в формах, соответствующих конкретным условиям российской действительности»¹. При этом историческая действительность, на взгляд эсеров, определялась как «неудовлетворяющая общество», быстроменяющаяся и требующая незамедлительной реакции, правительство выступало в роли провокатора, своими действиями вынуждая не необходимые крайние меры с целью перелома ситуации, что в результате породило своеобразный «диалог ружей», – отвечающий кровью на пролившуюся кровь.

На протяжении многих десятилетий эсеровский террор фигурирует в общественном сознании как легенда, оценки которой, как правило, носят противоречивый характер, в том числе различных оценок он удостоивался со стороны террористов. Одной из его особенностей стало участие в террористическом движении женщин.

Начиная с 60-х гг. XIX в. в Российской империи менялись ментальные стереотипы поведения, в том числе, изменялись представления о роли и месте женщины в общественной жизни страны. Сами женщины по-разному проявляли себя в «предлагаемых им условиях». Была пассивная часть, которая предпочитала роль сторонних наблюдателей, была и другая часть, которая шла по традиционному пути, находя выход в благотворительной деятельности, беря на себя функции попечителей богоугодных заведений и т. п., но были и те, которые оказались вовлечены в бурные события политической жизни России в качестве непосредственных участников.

Партия эсеров, боевая ее подструктура, в частности, была привлекательна для *женщин* на основе принципа равенства по половому признаку: женщины, в том числе, наделялись управленческими функциями в зависимости от умений и организаторских способностей, степени доверия и ответственности. Сопоставляя данные, представленные в исследованиях О. Будницкого и Р. Городницкого², по численным показателям в партии эсеров, а так же по половому соотношению в ней, можно вывести следующее: из 44 женщин-террористок, действовавших в составе различных эсе-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ровских организаций с 1901 по 1911 гг., в руководящие сферы и структуры БО входили двое – Э. Лапина и Н. Климова (4.5 %), состояли в качестве техников – 7 человек (15.9 %), в качестве исполнителей – 35 (79.5 %). Среди мужчин-боевиков показатели выглядят несколько иначе: исходя из общего числа мужчин – 52 человека – цифры соответственно 7(13.5 %), 6 (11.5 %), 39 (75 %). Сравнительный анализ позволяет сделать вывод: в руководящей сфере в значительной степени преобладали мужчины, среди техников и исполнителей – женщины. С одной стороны, женщина получала возможность свободной самореализации, равные социальные права, с другой – остается замкнутой в традиционной гендерной стратификации, оказавшись на вторых ролях в качестве «материала». С учетом особенностей феминности: легкая внушаемость и способность к жертвенности – это вполне объяснимо.

В качестве особенностей женского эсеровского терроризма можно выделить целеустремленность и идеалистичность. Женщина-террористка может быть гораздо опаснее мужчины, обладая способностью концентрироваться на поставленной перед собой цели, без колебаний идет к ней, может выстрелить, будучи загнана в угол, кроме того часто она нуждается в том, чтобы доказать умение быть более жестокой по сравнению с мужчиной³. В одной из «Записных книжек» комендант Петропавловской крепости полковник Г.А. Иванишин выделял: «замечено следователями, что женщины-революционерки фанатичнее мужчин, отличаются стойкостью и подвергают себя <излишне> самоанализу; что раз они усвоили, того держатся до конца»⁴. Наблюдения начальника дворцовой охраны А.И. Спиридовича привели его к мысли о том, что «женщина на всех беспорядках <демонстрациях, выступлениях> самый зажигательный элемент, но изолирование его понижает настроение мужчин; без женщин мужчины менее воинственны»⁵. В этой мысли полковника Спиридовича еще больше убеждает случай Фрумы Фрумкиной⁶. Вероятно, во многом целеустремленность была связана с такой особенностью женского терроризма как идеалистичность. Вступление женщин в БО как правило воплощалось в стремлении к лучшей жизни для детей и в желании выполнить потребности общества⁷. Причем свою миссию в большинстве случаев несли до конца, используя при этом «вступление на эшафот» как акт агитации, последние слова – как завещание – и поэтому все сказанное тщательно продумывалось. Наблюдая за Еленой Ивановой, доставленной в Трубецкой бастион после слушания дела, полковник Г.А. Иванишин отметил в записной книжке какой «восторженной, довольной, а также хорошо владея собой» она прибыла с суда, и интересовалась, «когда ее повезут вешать»⁸. Практическое воплощение идеи считалось таковым только в том случае, если увенчивалось приговором к смертной казни, изменение приговора в пользу

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

бессрочных каторжных работ было тяжело перенести после свыкания с мыслью о скорой смерти. Этот момент Александра Измайлович определила в своей судьбе как переломный и один из самых трудных⁹. Таким образом, женщины-террористки чувствовали себя не просто носителями идеи, но и ее реализаторами.

Террор как метод достижения поставленной цели в условиях российской действительности начала XX в. не сумел оправдать себя, обнаружив ограниченность подобного способа ведения диалога с властью, но с другой стороны – расшатал закостенелую структуру общества и предложил новую социальную модель. Боевая организация эсеров вовлекала в террор женщин, делая ставку на особенности феминной природы, которая способна вызвать жалость и заставляла задуматься над критичностью ситуации, когда женщина вынуждена взять в руки оружие. Уверенная в своих силах и способностях женщина, решившаяся на террор, в свою очередь принимала на себя роль мессии. Общество реагировало на женский террор неоднозначно, явление вызывало самое разное отношение: от признания и сочувствия до осуждения, ненависти, признания.

1. Полный сборник платформ всех русских политических партий. – М., 2001. – С.18.

2. В качестве общей численности БО американская исследовательница Э. Найт приводит имена 78 террористов – 25 женщин и 53 мужчин. – См.: Будницкий О.В. Женщины-террористки: политика, психология, патология. – В кн.: Женщины-террористки в России. – Ростов н/Дону, 1996. – С. 7. Р.А. Городницкий настаивает на общей численности БО – 91 человек. – Городницкий Р.А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг. – М., 1998. – С. 236.

3. <http://worldebookfair.com> // Hudson A. The sociology and psychology of terrorism. Library of Congress – Federal research division. Washington, 1999. P. 57–58.

4. Иванишин Г.А. Записные книжки полковника Г.А. Иванишина. (Публикация А.Д. Марголиса, И.К. Герасимовой, Н.С. Тихоновой). – В сб.: Минувшее. Исторический альманах. – Вып. 17. – М.-СПб., 1995. – С. 506.

5. Спиридович А. И. Записки жандарма. – М., 1991. – С. 89.

6. Там же. – С. 134–135.

7. <http://worldebookfair.com> // Hudson A. The sociology and psychology of terrorism. Library of Congress – Federal research division. Washington, 1999. P. 58.

8. Иванишин Г.А. Указ. соч. – С. 509.

9. Измайлович А.А. Из прошлого. – В сб.: Женщины-террористки в России / под ред. О.В. Будницкого. – Ростов-н/Дону, 1996. – С. 361, 369.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И НАПРАВЛЕНИЯ АГРАРНОЙ
ЭВОЛЮЦИИ РОССИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА:
ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

Кильдюшкин В.М.

Самарский государственный университет

Изучение основных тенденций и направлений аграрной эволюции России в конце XIX – начале XX века, несомненно, было важнейшей задачей историков разных поколений. В разное время ученые использовали различные подходы для изучения темы.

С 1900 по 1908 гг. Чупров находясь за границей, написал ряд статей, в которых главное внимание посвящал одной задаче: как быть с грозно растущим оскудением деревни; где искать сил, способных отвести от нее ясно надвигающуюся опасность – превращения массы ее обитателей в толпу полуголодных нищих?

В последующие периоды, когда социально – экономическое развитие деревни рубежа XIX и XX веков рассматривалось с точки зрения истории, авторы научных исследований говорили о попытках правительства решить аграрный вопрос и улучшить жизнь российского крестьянства. Их критика сводилась к указанию ошибок и недочетов в проводимых реформах.

В 20 – 30-е гг. советская историография была ориентированна на ленинскую концепцию двух путей аграрного развития. Она базировалась на прежних основах: на признании процесса дифференциации крестьянства, на признании превосходства крупного хозяйства над мелким и принципиальной одностипности законов развития аграрного и промышленного капитализма, на признании того, что все регионы России следуют по пути, проторенному Западом, преодолевая пережитки докапиталистических укладов. Экономический анализ в концепции Ленина остается, таким образом, вполне традиционным, без принципиальной новизны, но зато социальный анализ создает совершенно новую трактовку аграрной программы для рабочей партии – трактовку, ориентированную на возможную победу средних слоев деревни.

В конце 20-х – начале 30-х гг. возобладал взгляд на противоборство двух путей как феномен классовой борьбы. Поборник такого подхода Н. Ванаг опирался при этом на сталинский постулат об отсталости царской России. Попытки говорить о развитии капитализма в рамках изучения проблемы двух путей (А. Гайстер) или аграрной политики правительства (С. Дубровский), подверглись уничтожающей критике. В результате был выделен и водружен на пьедестал социальный аспект проблемы.

ХІІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Вновь дискуссия по аграрному вопросу вспыхнула в советской историографии в конце 50-х – начале 60-х гг. Ее заслуга была скорее не в решении, а в постановке вопросов. Всерьез концептуальные моменты проблемы вновь дискутировались в конце 60-х – начале 70-х гг. Основа дискуссии заключалась в различной трактовке работ Ленина, произошла резкая поляризация мнений исследователей. Сторонники признания аграрного строя России буржуазным считали, что ленинские взгляды вполне сформировались уже к концу 90-х гг. XIX века, представлены в законченном виде в книге «Развитие капитализма в России» и не претерпели существенного изменения в начале XX века. Сторонники оценки аграрного строя как полукрепостнического приходили к известному противопоставлению двух циклов ленинских работ, разграниченных первой русской революцией. В начале 70-х гг. окончательно сложилось два подхода – концепция многоукладности (Тарновский) и концепция стадийности (Ковальченко), но начавшийся спор между ними был искусственно прерван в 1973 г. и возобновился во второй половине 80-х гг.

После 1973 г. акценты в аграрной историографии сменились. Призыв к изучению реального развития капитализма был понят вполне однозначно: в смысле стремления максимально «обуржуазить» характер аграрного строя, и хотя концепция стадийности требовала учета существенных особенностей низших и высших форм капитализма, специальное изучение первых почти замерло. Исследования возобновились лишь в конце 70-х – начале 80-х гг., главным образом в региональном масштабе.

Советской аграрной историографией была создана солидная фактологическая база, дана общая характеристика аграрного развития, которая сохраняет свое значение при любых концептуальных построениях.

Специфика современного состояния историографии такова, что, прежде всего, требуется критический анализ и новая постановка фундаментальных теоретико-методологических вопросов, составляющих принципиальный подход к теме. Советская историография, имеющая несомненные заслуги в деле изучения аграрной эволюции России, формировалась в столь жестких доктринальных рамках, что теоретическая схема не просто довлела, она стала порой подменять собой реальное содержание конкретных исследований. Теоретические новации, поэтому не касались принципиальных положений общепринятого марксистского взгляда. В этом были и свои преимущества: унификация понятийного аппарата, сопоставимость оценок и т.п. Но и цена оказалась слишком большой: мысль ученого двигалась в заданном направлении, самостоятельный подход исключался, альтернативные концепции объявлялись ошибочными или вовсе вредными как классово ущербные.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Сегодня отечественные историки оказались в непривычной для себя роли теоретиков и методологов. Теперь у ученых есть выбор: отрицать, игнорировать прежнюю «методологическую базу» или делать из нее определенные выводы, ведь как концепция, объясняющая социальный конфликт в русской деревни начала XX века с позиций революционной пролетарской партии, она вполне соответствует своему предназначению.

К одним из последних работ можно отнести статьи, опубликованные в сборнике «Россия сельская. XIX – начало XX века». В этом сборнике собраны статьи, в которых представлен новый взгляд на актуальные вопросы российской аграрной истории и историографии, рассматриваются малоисследованные и нетрадиционные аспекты историко-аграрной тематики, вводятся в оборот новые источники.

1. Анфимов А.М. Земельная аренда в России в начале XX века. М., 1961.
2. Ванаг Н.Н. Ленинская концепция двух путей развития капитализма в России. М.-Л., 1931.
3. Давид А. Дж. Мэйси. Аграрные реформы Столыпина как процесс: центр, периферия, крестьяне и децентрализация. // Россия сельская. XIX – начало XX века. Под ред. Корелина А.П. М., 2004. С. 251 – 283.
4. Дубровский С.М. Столыпинская земельная реформа. Из истории сельского хозяйства и крестьянства России начала XX века. М., 1963.
5. Зырянов П.Н. Крестьянская Община Европейской России 1907 – 1914 гг. М., 1992.
6. Кабытов П.С. Русское крестьянство в начале XX века. Самара, 1999.
7. Клейн Н.Л. Экономическое развитие Поволжья в конце XIX – начале XX века. Саратов, 1981.
8. Ленин В.И. Развитие капитализма в России. // Полное собрание сочинений. Т. 3.
9. Савельев П.И. Пути аграрного развития России в дискуссиях российских историков. // Россия сельская. XIX – начало XX века. Под ред. Корелина А.П. М., 2004. С. 25 – 53.
10. Устина Н.А. Крестьянский Поземельный банк в Среднем Поволжье (1885 – 1917 гг.). Самара, 2003.
11. Чупров А.И. Крестьянский вопрос: статьи, 1900 – 1908 гг. – М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1909.

ХІІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ НА ПУТИ К ДЕМОКРАТИИ: ТЮРКО – ТАТАРСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИЙ 1917 г.

Гатин А.А.

Казанский государственный университет

Никого уже не нужно убеждать в том, что 1917 год был переломной вехой в истории России. В условиях затянувшейся Первой мировой войны и ухудшения социально – экономического положения в России сложились предпосылки для революционного переворота. 28 февраля 1917 года уже было ясно – в Петрограде произошла революция. Государственный аппарат был полностью парализован и неспособен обеспечить управление страной.

Февральская революция открыла дорогу к демократии, конституционному строю всем политическим силам либерального и демократического толка. Свою радость в связи с падением самодержавия выразили и представители тюрко – мусульманских народов бывшей империи.

Встав на защиту Февральской революции, либерально – демократические деятели мусульманских народов должны были выработать единую политическую платформу для защиты своих национальных, религиозных и общественных интересов до созыва Учредительного собрания. Поэтому они решают провести в мае 1917 г. первый Всероссийский мусульманский съезд в Москве¹.

Представители Временного правительства внимательно следили за работой съезда, так как мусульманские представители намеревались выработать общую позицию по следующим важным вопросам: 1) отношение к войне; 2) будущее политическое устройство страны; 3) утверждение временного состава религиозных и национальных органов; 5) вопрос о земле; б) подготовка к выборам в Учредительное собрание и др.²

Созыв съезда приветствовали все общественные силы мусульманских народов России. Впервые в истории страны представители инородцев открыто высказывали свои суждения по поводу будущего устройства государства и свободно участвовали в решении внутренних национальных и религиозных вопросов на демократической основе. Съезд продолжался 11 дней. После обсуждения вышеуказанных вопросов по секциям и проведения 14 общих заседаний съездом были приняты важные решения по актуальным политическим, общественным, национальным и религиозным проблемам, волновавшим мусульман в условиях революции и двоевластия в стране.

В политической сфере важным итогом стало решение о создании Центрального Всероссийского мусульманского совета, призванного стать еди-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ным общественно-политическим органом мусульман вплоть до созыва Учредительного собрания³.

Острую дискуссию среди делегатов вызвал вопрос о государственном устройстве будущей страны. Речи о выходе из состава России в принципе не стояло. Представители мусульманских народов выступали с требованием учёта их религиозных и культурных особенностей. В дискуссии между автономистами и федералистами победила идея создания «Демократической республики на национально – территориально – федеративных началах»⁴.

Оценивая историческое значение первого Всероссийского мусульманского съезда следует отметить то, что мусульмане России и их передовая часть подошли подготовленными к оценке и принятию общего решения по политическим, общественным, национально – культурным и даже религиозным вопросам. Без революционной эйфории они понимали значимость исторического момента и возлагали большие надежды на участие в работе Учредительного собрания.

В условиях двоевластия ситуация в стране менялась быстро. Летом стало ясно, что Временное правительство неспособно контролировать ситуацию и не имеет чёткого плана действий для предотвращения эксцессов. В этих непростых условиях мусульманские деятели провели несколько съездов в Казани: Участниками казанских съездов были в основном татарские представители, что отражало изменившиеся условия. Итогом июльских съездов стало объединённое решение, утверждённое 22 июля 1917 года на совместном заседании делегатов указанных съездов:

«1) Немедленно, не дожидаясь созыва Учредительного собрания, дано указание приступить к созданию национально – культурной автономии для мусульман внутренней России;

2) Подготовка подробного проекта состава учреждений национально – культурной автономии передано продолжающемуся в настоящее время в Казани второму Всероссийскому мусульманскому съезду»⁵.

Уже 31 июля 1917 г. второй Всероссийский мусульманский съезд утвердил проект Конституции национальной автономии мусульман внутренней России. Главой комитета автономии был избран С. Максуди.

Во исполнение решений съезда было решено: «Не дожидаясь созыва Национального собрания, с этого дня взяв в свои руки религиозные и культурные дела, второй общемусульманский съезд избирает временно отдел образования в составе семи человек и отдел финансов в составе трёх человек. Духовное собрание признаётся религиозным отделом и эти три отдела вместе составляют временное Национальное управление»⁶.

Дальнейшие события спутали все планы татарских деятелей. Октябрьская революция и приход к власти большевиков, неудавшаяся попытка создания Волго–Уральского штата, разгон Учредительного собрания, Гра-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

жданская война – всё смешалось в водовороте истории. Надежды на создание в России демократического, конституционного строя оказались только мечтами. Кажется, от революционных потрясений никто не выиграл. Всех поглотила борьба: кого–то – раньше, кого–то – позже. Но никто тогда, в 1917 году, ещё не мог себе представить, что страну ждут ещё более страшные потрясения и трагедии: террор 30-годов и война.

1. Краткие сведения. Из записной книжки представителей Мелекеса и Буа. – Казань: Типо-Литография Торгового дома бр. Каримовых, 1917. – С. 2. (на тат. яз.)

2. Решения Всероссийского мусульманского съезда. – М.: Восточная печать, 1917. – С. 3. (на тат. яз.)

3. Там же. – С. 15-16.

4. Там же.

5. Национальная автономия. – Уфа: «Шарык», 1917. – С.1.(на тат. яз.)

6. Там же. – С. 7.

ИЗУЧЕНИЕ И ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 1920 – 1930 гг.

Иванов А.Ю.

Казанский государственный университет

Практика изучения и публикации нарративных источников личного происхождения занимает важное место среди историко-археографической работы в отечественной историографии 1920-1930-х гг. Деятельность, направленная на публикацию исторических источников считалась частью научно-исследовательской исторической работы.

На основании выявленных историографических источников были определены и проанализированы проблемы теории изучения эго-документов в отечественной историографии 1920-1930-х гг. Среди этих проблем можно назвать необходимость выявления и классификации источников, на которые опирался автор, создавая эго-документ, т.е. проблему анализа источников памяти автора, если речь шла об изучении мемуарного источника.

Одной из приоритетных была проблема определения личного отношения автора к описываемым в дневниках, мемуарах и письмах событиям. Отмечалась важность сопоставления различных вариантов текста, включая варианты нескольких разных публикаций одного и того же текста индивидуального источника, требование компаративного анализа переиздавав-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

шихся документов друг с другом, и каждого с рукописным оригиналом, с целью установления разночтений.

Для понимания исторического контекста, в котором создавался источник, отмечалась проблема реконструкции условий, в которых жил и работал автор эго-документа. Этот пункт включал в себя требование изучить жизненный путь автора до событий, описываемых в эго-документе. Это давало решение проблемы изучения представлений автора, специфики его восприятия событий, умения в них ориентироваться, его образования.

С точки зрения советской теории источниковедения 1920-1930-х, необходимо было решить следующие вопросы: выявить идейные позиции автора, его мировоззрение, определить специфику социальной среды, в которой происходило его развитие, охарактеризовать его осведомленность о событиях. Важнейшей проблемой была проблема установления времени и места написания эго-документа. Её решение позволяло источниковеду определить и те наслоения исторической эпохи, которые накладывали свой отпечаток на воспоминания, и – период между временем, когда происходили события, и временем написания воспоминаний.

Анализ практики изучения нарративных источников личного происхождения в процессе их подготовки к публикации выявил специальные авторские методики работы археографов. Теоретико-методологические принципы такого анализа были детально разработаны С.Н. Валком и другими учеными. Методики, основывающиеся на этих принципах отражены в работе редакторского корпуса издательств. Эта деятельность была проанализирована по фрагментарно сохранившимся в фондах редакций рецензиям, замечаниям в служебных записках, поручениям в протоколах заседаний редакционных коллегий, находящихся в центральных архивах. Специфические черты, отличающие методику археографического изучения текста эго-документа заключались в следующем:

- выявление и анализ рукописей нарративного эго-документа.
- изучение нескольких вариантов текста, с целью определения основного.
- анализ тематического содержания источника личного происхождения, с учетом специфики конкретной разновидности источника. Археографы исходили из того, что каждой такой разновидности присущи свои особенности, как со стороны способа изложения (различно будет изложено, например, одно и то же событие в письме очевидца, в мемуарах, в дневнике), так и со стороны происхождения и назначения разновидности.

В процессе исследования была прослежена эволюция теории и методики публикации нарративных источников индивидуального происхождения. Содержание эволюционных изменений обуславливается научными поисками археографов-историков, которые на протяжении исследуемого

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

периода осуществляли попытки создания «правил» и «методик» публикации исторических документов. Таким образом, период 1920-1930-х гг. в истории публикации эго-документов можно назвать периодом складывания традиций этой деятельности.

Важнейшим достижением источниковедения и археографии исследуемого периода стала выработка и совершенствование профессионального языка, категориального и терминологического аппарата дисциплин в сфере изучения и публикации исторических источников.

1. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации) г. Москва. Ф. Р-395. О.9. Д. 40-43; Д.176; Д.179; Ф. Р-533. О.1. Д. 115; Д. 221; Ф. Р-9425. О.1. Д. 6-8; Ф. Р-6887. О.1, Д. 17; Ф.533. О.1, Д. 1; Ф. Р-9425. О.1. Д.1.

2. ЦГАИПДРТ (Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан) г. Казань. Ф. 36. О.1, Д 12-27.

3. НАРТ (Национальный архив Республики Татарстан) г. Казань. Ф. Р-273. Д. 74-77.

МАКУЛАТУРНЫЕ КАМПАНИИ В СРЕДНЕВОЛЖСКОМ КРАЕ В 1920-1930-х гг.

Черкасова М.В.

Государственный архив Самарской области

В 1918 г. декретом ВЦИК было положено начало организации хранения документов в государственных архивах РСФСР. Состав и сроки хранения документов теперь определялись государством, а не самими владельцами документов, как это было ранее. Благодаря этой реформе были сохранены огромные документальные богатства страны. Но в то же время возникла проблема отбора документов, которые необходимо сохранить и документов, которые можно уничтожить. Утратившие практическую и научную значимость документы подлежали утилизации. Такие мероприятия в отечественной литературе традиционно определяются термином «макулатурные» кампании.

Общие сведения о «макулатурных» кампаниях 1920-1930-х гг. имеются в ряде современных научных работ по истории архивного дела¹. Краткий анализ их проведения в отдельных регионах и архивах страны содержится в нескольких статьях². Осуществление же макулатурных кампаний в Среднем Поволжье является практически не освященным в историографии. Соответственно целью нашего доклада является анализ макулатурных кампаний в указанном регионе.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

В 1919 г. декрет ВЦИК впервые зафиксировал возможность выделения архивных дел в макулатуру. Уничтожению подлежали дела «не имеющие значения для изучения истории, дипломатических отношений, политической, общественной, экономической, вообще каждой жизни, в разных ее проявлениях». Столь расплывчатая формулировка открывала простор для произвола при отборе документов к уничтожению.

Согласно установленным правилам оконченные дела советских учреждений хранились в них не более 5 лет, а затем передавались в архивы, где специально созданные разборочные комиссии осуществляли отбор материалов к уничтожению и составляли соответствующие описи, которые направлялись на утверждение в Поверочную комиссию Центрального архивного управления. Таким образом, сложился чрезвычайно централизованный порядок выделения макулатуры, который привел к тому, что в хранилищах накопились массы документов, которые сотрудники не успевали разбирать и описывать. Проблема обострилась к середине 1920-х гг., когда встал вопрос о сдаче в архивные органы документов советских учреждений за 1917-1921 гг. Помещений для хранения вновь поступающих документов катастрофически не хватало.

Выход из этой ситуации советскому руководству виделся в усилении темпов макулатурных кампаний в архивах. Таким способом правительство решало сразу несколько проблем: во-первых, освобождались необходимые для архивов помещения; во-вторых, архивы могли сами зарабатывать деньги от продажи макулатуры, в третьих, решалась задача недостатка сырья для бумажной промышленности.

В связи с курсом на усиление макулатурной кампании в 1928 г. была отменена монополия Центрального архивного управления на распоряжение архивной макулатурой. Теперь предприятия и учреждения сами разбирали свой материал, а в архивы направляли списки дел выделенных к уничтожению. Архивы должны были рассмотреть эти списки в течение трех дней, если же архив не рассматривал списки в срок, то они автоматически считались утвержденными, что давало учреждениям право сдавать документы в утилизацию без санкции архивистов. Здесь важно отметить, что учреждения стремились как можно скорее избавиться от собственной архивной документации, не затрачивая много времени и средств на разбор своих документов. Поэтому предприятия, составляя списки материалов предназначенных к уничтожению, не редко включали в них и важные архивные документы.

Макулатурная кампания охватывала не только архивы учреждений, но и хранилища архивных бюро. Выделение макулатуры стало первостепенной задачей архивов. По данным Крайархбюро краевым архивом в 1928г. было выделено 140702 килограмм; в 1929г. – 154.000 килограмм; 1929/30г.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

– 18. 274 килограмм. Всего за 2, 5 года 312. 474 килограмм³. Стимулирование темпов макулатурных кампаний приняло даже форму ударничества. Так, в 1930 г. Средне-Волжское краевое архивное бюро вступило в соцсоревнования с Нижне-Волжским краевым архбюро и архивным бюро Черномоземной области. Коллектив обязался выполнить производственный план на 120% и поднять производительность труда на 120%. При этом нормы выработки по выделению макулатуры возрастали на 239%⁴.

При такой спешности выделения макулатуры не редко уничтожались и ценные архивные материалы, что вызывало резкие протесты Центрального архивного управления, которое стремилось ввести процесс отбора архивных документов в более размеренное русло. Однако снижение темпов утилизации архивных материалов, которое стало наблюдаться в начале 1930-х гг. вызывало самые резкие нарекания со стороны представителей госторга и требование мобилизовать необходимую рабочую силу, чтобы не отставать от прошлых лет⁵. Не редко, такое осторожное отношение к архивным документам интерпретировалось и самими коллегами-архивистами как «вредительство». В 1932 г. Пензенскому окружному архиву с трудом удалось противостоять Пензенскому исполкому, который поставил вопрос о сдаче 50% архивного материала, хранящегося в Пензенском архиве в Утильгосторг.

Проведение макулатурной кампании в районных архивах имело ряд отличительных особенностей. Во-первых, организация разборочных комиссий в районных архивах часто было делом не выполнимым, поскольку не редко единственным работником в них являлся заведующий архивом. Во-вторых, в числе этих заведующих редко попадались квалифицированные специалисты. В-третьих, во многих районах архивы вообще не были организованы, поскольку районные органы власти не спешили выделять средства и людей на неприбыльную архивную работу.

Указанные трудности приводили к тому, что организованные макулатурные кампании здесь заменялись бесконтрольным уничтожением материала, который не редко сдавался в утилизацию без необходимой документации и санкций поверочных комиссий. Общие потери районных архивов невозможно установить, поскольку документы главным образом хранились без надлежащего учета и описания.

Таким образом, уничтожение архивных документов в Средне-Волжском крае, проводившееся уже с начала 1920-х гг., стало особенно интенсивным в 1928-1930 гг. К уничтожению архивных документов по объективным причинам стремились самые различные силы. Руководители предприятий и организаций желали избавиться от компрометирующих их материалов, к тому же занимавших полезные площади. Сами архивисты пользовались моментом, чтобы избавиться от груды неразобранных, сваленных в кучи документов, ра-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

зобрат и привести в порядок которые при малочисленных штатах практически не представлялось возможным. Нельзя не учитывать и такой фактор, как элементарное невежество новых управленцев, не понимавших значения исторических документов и не обладавших историческим сознанием. К тому же это происходило в условиях хронической нехватки сырья на бумажных фабриках страны.

В результате «макулатурные» кампании, с одной стороны, освободили ограниченные помещения архивохранилищ для приема новой документации. В ходе их проведения архивная служба постепенно отработывала поэтапную технологию уничтожения материалов, утративших свое значение, – от составления перечней со сроками хранения документов до вывоза их из архивов.

1. Савин В.А. «Хранить нельзя уничтожить»: Формирование и организация Государственного архивного фонда РСФСР-СССР, 1918-1950-е годы. М., 2000; Хорхордина Т.И. История Отечества и архивы, 1917-1980-е гг. М., 1994.

2. Боброва В.С. Макулатурные кампании 1920-1930-х гг. в Сибири // Отечественные архивы. 2001. № 5; Черноухова С.С. «Макулатурные» кампании в Уральской области // Отечественные архивы. 2003. № 6.

3. ГАСО. Ф.Р-779. Оп. 2. Д. 767. Л. 60.

4. Там же. Л. 62.

5. ГАСО. Ф.Р-636. Оп. 1. д. 7. Л. 22.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ НАУЧНОЙ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ САРАТОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Мерзляков С.Л.

Саратовский государственный университет

Решая в годы войны задачу подготовки необходимых стране кадров, коллектив университета одновременно занимался большой научно-исследовательской работой, направленной на решение важных оборонных и народнохозяйственных задач.

К сожалению, в имеющейся литературе, эта сторона жизни университета в годы войны представлена недостаточно¹. Задачей настоящей статьи является попытка восполнить этот пробел.

Как только начались боевые действия, план научно-исследовательской работы университета был пересмотрен с целью приближения его к военным нуждам. Были выделены темы научных работ,

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

имевшие большое значение с точки зрения обороны страны. Проблематика научной работы всех факультетов существенно изменилась².

В своей научной деятельности в годы войны СГУ сотрудничал с АН СССР, Наркоматом обороны, с Государственным комитетом по геологии, наркоматом нефтяной промышленности и т. д.³ При университете было организовано Бюро научно-технической помощи, задачей которого стала организация квалифицированных консультаций и необходимых исследований силами кафедр по запросам промышленных предприятий⁴.

Научно-исследовательская работа в университете велась постоянно. Работу приходилось вести в тяжелых условиях. Отсутствовало отопление, в лабораториях и мастерских температура зимой была ниже нуля, электроэнергия подавалась с перебоями, водопровод часто отключали. Недоставало необходимых реактивов и аппаратуры⁵. Фактором, неблагоприятно отразившимся на темпах работы, являлось проведенное Всесоюзным Комитетом по делам высшей школы при СНК СССР в связи с войной сокращение ассистентских единиц и контингента научно-технического персонала. На ряде кафедр штат был уменьшен до минимума и состоял лишь из заведующего кафедрой, который в своем распоряжении не имел ни одного сотрудника⁶.

Ученые университета вели руководство научно-исследовательской работой студентов. В 1943 г. в студенческих научно-исследовательских кружках занималось 220 студентов. В 1944-1945 гг. действовали 20 кружков⁷.

Однако главной была работа на оборону. Научные работники университета за годы войны провели свыше 500 научных исследований, выполнили 1500 практических заданий оборонных предприятий и Красной Армии, дали 2000 консультаций⁸. Только за один 1942 г. сотрудниками университета было выполнено и дано 900 специальных заданий и консультаций, сдано 99 тем в производство⁹.

Перед советскими историками встала задача изучения и популяризации героического прошлого народов нашей страны, борьбы с иноземными захватчиками. Это являлось важнейшим средством воспитания патриотизма у воинов и тружеников тыла. В этом направлении старались строить свою работу и саратовские историки¹⁰.

Особая страница истории тех лет связана с пребыванием в Саратове коллектива Ленинградского университета. Зимой 1942 г. было принято решение об эвакуации оставшихся преподавателей и студентов. Ректор ЛГУ профессор А. А. Вознесенский выбрал местом эвакуации Саратов. В ночь с 10 на 11 марта прибыл первый эшелон с эвакуировавшимися¹¹. В коллективе ЛГУ работало свыше 50 академиков, членов-корреспондентов АН СССР, свыше 100 профессоров¹². Это было очень важно для СГУ, т. к.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

научно-исследовательская работа затруднялась из-за нехватки материалов, оборудования, лабораторных помещений, а главное – научных кадров¹³.

Примером плодотворного сотрудничества может служить пользовавшийся особой популярностью в городе Университетский платный лекторий, работавший в воскресные дни в Большой физической аудитории 3-го корпуса. Преподаватели Саратовского и Ленинградского университетов читали в нем лекции на самые разнообразные темы, и аудитория всегда была переполнена слушателями¹⁴.

В заключение, хотелось бы подвести некоторые итоги. Наука развивалась даже в самые тяжелые моменты войны. Было исследовано много проблем, имевших практическое применение, происходила активная научная работа. Таким образом, Саратовский государственный университет внес своей научно-исследовательской работой большой вклад в Победу в Великой Отечественной войне.

1. Напр.: Саратовский университет. 1909-1959. Саратов, 1959; Высшая школа в годы Великой Отечественной войны. (1941-1945). Очерк истории. М., 1995; *Аврус А. И., Порох И. В.* Из истории научных взаимоотношений Санкт-Петербургского и Саратовского университетов (1909-1999) // Празднование 275 годовщины основания Санкт-Петербургского университета: Документы и материалы. СПб., 2003; *Аврус А. И.* Саратовский университет в годы Великой Отечественной войны // Страницы Великой Отечественной (к 60-летию победы). Доклады академии военных наук. Военная история 3 (15). Саратов, 2005 и др.

2. См.: ГАСО. Ф. Р-3745. Оп. 1. Д. 39. Л. 35-58.

3. См.: Архив СГУ. Ф. Канцелярия. Оп. 1. Д. 45. Л. 6.

4. См.: Там же; ГАСО. Ф. Р-332. Оп. 13. Д. 192. Л. 2.

5. См.: ГАСО. Ф. Р-3745. Оп. 1. Д. 39. Л. 44.

6. См.: ГАНИСО. Ф. 35. Д. 1. Л. 71.

7. См.: Коммунист. 1945. 29 декабря.

8. См.: Коммунист. 1942. 5 февраля; 1944. 15 декабря; 1946. 27 января.

9. См.: ГАСО. Ф. Р-332. Оп. 13. Д. 209. Л. 29.

10. См.: Саратовский университет. С. 108.

11. См.: *Аврус А. И.* Указ. соч. С. 153.

12. См.: Саратовский университет. С. 123.

13. См.: Там же.

14. См.: Там же. С. 155.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА ИОСИФА
ВОЛОЦКОГО В СОВЕТСКОЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ 1930-х – 1980-х гг.

Винокуров Д.А.

Башкирский государственный педагогический университет

Одной из характерных черт советской исторической науки является политизация исторического процесса. История русской церкви как «наиболее общей санкции» (Ф. Энгельс) феодального общества изучалась в строго определенном, «советском» научном дискурсе.

Научно-популярная литература, выходящая большими тиражами, написанная доступным языком и не загруженная текстологическим исследованием явилась мощным оружием советской власти, направленным на формирование негативного отношения «трудового» населения к «классово чуждой» силе – Русской Православной Церкви и ее истории.

Деятельность Иосифа Волоцкого (1439 – 1515) была максимально использована для этой цели. С 1930-х гг. четко обозначилась тенденция видеть в преп. Иосифе Волоцком «воинствующего церковника», выразителя «религиозного сознания боярско-княжеского класса»¹, чуждого угнетемому крестьянству. Б.А. Рыбаков в 1934 г. увидел в Иосифе беспощадного инквизитора, отправляющего на костер религиозных вольнодумцев. Игнатий Лойола и Доминик «могли бы гордиться такими соратниками»², заключает автор. Сравнить Иосифа Волоцкого с вождями инквизиции Запада предостерегал (в очень осторожной форме) еще в 1953 г. А.А. Зимин. Однако само звучное название «православная инквизиция» в советской научно-популярной литературе прижилось³.

С выходом Постановления ЦК КПСС от 10 ноября 1954 г. «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения» начался новый этап в освещении истории РПЦ. А.М. Самсонов проявил удивительную «методологическую» чуткость, когда, называя Иосифа «ярким защитником монастырского землевладения», «врагом всякого вольнодумия», стоящего «на антинародной позиции», придерживается буквального следованию концепции указанного Положения, о том, что «Церковь в России по самой своей природе занимала антинародную позицию в...ожесточенной классовой борьбе, которая на протяжении веков велась между трудящимися массами и господствующим классом эксплуататоров»⁴.

К 50-летию Октябрьской социалистической революции вышла коллективная монография «Церковь в истории России (IX в. – 1917 г.). Критические очерки», содержащая и «критику» трудов и дней Волоцкого игумена. Авторы упрекают Иосифа в социальной демагогии: даже сочинения

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

игумена направленные против жестокого обращения с холопами, признаются «демагогическим приемом, направленным к укреплению церковного авторитета»⁵.

Следующий этап обостренной борьбы советской науки с историей РПЦ начинается с начала 1980-х гг., количество обличительной литературы увеличивается по мере приближения к дате Тысячелетия Крещения Руси – 1988 г. Наиболее показательным образчиком низкокачественного, целиком и полностью определяемого политическими задачами «исследования» следует признать книгу Е.С. Варичева «Православная церковь: история и социальная сущность». Здесь антирелигиозный пафос достигает своего апогея. Автор нисколько не заботится об исторической достоверности, свободно изобретая новые исторические факты из эпохи Иосифа Волоцкого – «восстание в Новгороде» в 1470 г., «сотни и тысячи» казненных еретиков после собора 1504 г. и т.д. Противоеретическое творчество Иосифа получило следующую оценку: «Этот «боголюбец», не довольствуясь пропагандой религиозной нетерпимости, лживыми выдумками против инакомыслящих...освящает именем бога массовый террор, убийства ради защиты огромных награбленных богатств церкви»⁶. Ему вторил А.В. Белов (1983) – «Он (Иосиф – Д.В.) был готов расправиться с каждым, кто стоял на его пути. И расправлялся, не испытывая никаких угрызений совести»⁷.

Дальнейшие работы в научно-популярном жанре уже мало могли прибавить к таким характеристикам (см. например: Борисов Н.С., 1988; Прошин Г.Г., 1988; Лурье Я.С., 1988; Буганов В.И., Богданов А.П., 1991).

Примечательно, что даже перестройка не внесла никаких изменений в освещение деятельности Волоцкого игумена. Историографический интерес в этой связи имеет сборник статей «Русское православие: вехи истории» (1989). С одной стороны, история РПЦ впервые признается «противоречивой, не однозначной». С другой – раздел, посвященный Иосифу Волоцкому текстуально совпадает с аналогичным разделом в упоминавшейся выше «Церкви в истории России» (1967). За 22 года, отделяющие эти две обобщающие монографии, старые установки пересмотра не потерпели

Научно-популярная историография Иосифа Волоцкого советского периода была, по сути, целенаправленной политикой дискредитации истории Русской Православной Церкви. Средства, которыми эта политика реализовывалась назвать научными никак нельзя. Очевидно, что, оставаясь в рамках какой-либо идеологии и систематически подтасовывая факты можно создать только очередной миф. Вместе с тем необходимо отметить, что вопрос о роли Иосифа Волоцкого в нашей истории продолжает сохранять свое политическое звучание.

1. Никольский Н.М. История русской церкви. 3-е изд. М., 1983. С. 71

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

2. Рыбаков Б.А. Воинствующие церковники XVI века // Антирелигиозник. № 4. М., 1934. С. 30
3. См. например: Грекулов Е.Ф. Православная инквизиция. М., 1964
4. Самсонов А.М. Антифеодальные народные восстания и церковь. М., 1955. С. 6
5. Церковь в истории России (IX в. – 1917 г.). Критические очерки. М., 1967. С. 84
6. Варичев Е.С. Православная церковь: история и социальная сущность. М., 1982. С. 41
7. Белов А.В. Святые без нимбов. М., 1983. С. 191

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ «ПЕРЕСТРОЙКИ»

Хаджонко Р.И.

Ростовский государственный университет

Для целостного осмысления событий второй половины 1980-х годов проблема «интеллигенция и перестройка» является одной из ключевых. На сегодняшний день актуально выявление ментального компонента социально-политических изменений двадцатилетней давности. Исходя из данной задачи представляется целесообразным следующее определение интеллигенции: это слой работников гуманитарной области, занимающихся производством и ретрансляцией культурных ценностей. Подобный подход выводит нас за рамки морализаторской традиции и русского интеллигентского мифа. Проблема политической роли интеллигенции в этом случае трансформируется в проблему соотношения духовной и политической власти. Каковы возможности влияния культурной элиты на политический процесс? Как возможна конверсия духовной власти в политическую и возможна ли она вообще?

Попытки ответа на эти вопросы содержатся уже во многих существующих концепциях. Они объясняют процессы второй половины 1980-х гг. с разных идеологических позиций. Согласно одной из них, «перестройка» – дело рук интеллигенции. По версии Э. Лимонова, интеллигенция (она же – «новая буржуазия») является победившим классом буржуазной революции, произошедшей в СССР¹. По мнению М. Чулаки, существует «деятельное ядро, которое под разговоры о неостребованности интеллигенции движет историю куда хочет»². В. Сапрыкин пишет о «либерально-буржуазной интеллигенции», «убившей» Советский Союз³. Все эти концепции объединяет представление о том, что продуцирование культурных смыслов напрямую определяет политический процесс. Интеллигенция, как властительница дум,

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

воспринимается в связи с этим и как субъект манипуляций, направляющий и народ, и власть по нужному пути. Смыкается с этой позицией точка зрения Павловского, который утверждает о принятии интеллигентами «ключевых решений» в эпоху «перестройки»⁴. В этом случае речь скорее идёт о непосредственном, инструментальном воздействии на политические фигуры, хотя и основанном на определенном интеллектуальном капитале. Противоположная мифологема отводит интеллигенции подчинённую роль в политических процессах, нивелируя её историческое значение. Узловым элементом этой группы теорий служит такая схема: политическая элита, используя механизмы контроля над интеллигенцией, выработанные за долгие годы, использовала её как инструмент в своих целях. С помощью духовной власти интеллигенции политическая элита манипулировала народом. К таким выводам приходят столь разные авторы, как Ципко⁵ и Пригарин⁶. Весьма распространены многочисленные промежуточные концепции, которые активно развивались уже с начала «перестройки», когда власть стремилась разделить с интеллигенцией ответственность за реформы и привлечь её к процессу преобразований. Ключевую роль интеллигенции в подготовке «перестройки» подчёркивал сам Горбачев⁷.

Итоги событий второй половины 1980-х годов позволяют сделать следующие выводы относительно политического участия интеллигенции:

1. Интеллигенция спровоцировала реформы в обществе через эрозию коммунистической идеологии в предшествующий «перестройке» период. Ключевым в этом процессе стал культурный авторитет интеллигенции среди политической элиты, повлиявший на формирование особого типа партийных реформаторов.

2. В политическом пространстве «перестройки» интеллигенция первоначально выполняла функцию символического оформления нового облика власти, создания благоприятного имиджа команды Горбачева и его политики у населения страны, что было необходимо для его победы во внутрипартийной борьбе. В дальнейшем она выполнила функцию идеологического оформления политических размежеваний.

3. Обнаружились незначительные тенденции конверсии духовной власти в политическую. Процесс вхождения интеллигенции в политическую элиту был слабо связан с публичным авторитетом, несмотря на обретение политическим процессом массового характера. Ключевым остался фактор доступа в прежнюю политическую иерархию, что позволило партийным интеллектуалам в массовом порядке подняться на высший эшелон управления. Для научной и художественной интеллигенции подобные попытки носили спорадический характер и в конечном счёте противоречили их групповой ментальности.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

4. Опыт «перестройки» в некоторой степени подтвердил представления об обслуживающем характере интеллигенции, которая не выступает как самостоятельный политический субъект, отстаивающий свои интересы. Вместе с тем нельзя не отметить, что демократические преобразования представляли для интеллигенции реальную ценность, согласуясь с тем духовным вектором, который выкристаллизовался на протяжении всей ее многовековой истории.

1. *Лимонов Э.* Чаадаевщина // Советская Россия, 1991, 5 мая.

2. *Чулаки М.* Интеллигенция и эволюция // <http://www.art.spb.su/chulaki/articles/2000/07.01.2000.html>.

3. *Сапрыкин В.А.* Слово публициста. Интеллигенция и контрреволюция (1985-2002 гг.) // <http://marx-journal.comunist.ru/no20/Saprykin.htm>.

4. *Павловский Г.* «Век XX и мир»: урановый могильник российской интеллигенции // www.russ.ru/politics/20010116_gpavl.html

5. *Ципко А.* Горбачёв поставил на «социалистический выбор» и проиграл. // Независимая газета – Сценарии, 11.11.1996; Он же Через 80 лет после Октября в России власть принадлежит постмодернистским марксистам // Независимая газета – Сценарии, 4.11.1997.

6. *Пригарин А.* Будущее – за интеллигенцией (полемиические заметки) // Альтернативы, 1999, №3.

7. Нарастивать интеллектуальный потенциал перестройки. Встреча в ЦК КПСС с деятелями науки и культуры 6 января 1989 г. – М., Издательство политической литературы, 1989.

К ВОПРОСУ О ТОЛКОВАНИИ ТЕРМИНА «ИМПЕРИЯ» В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Матвеев В.Е.

Омский государственный университет

Империя – это сложное, комплексное понятие, формулируемое исследователями с целью изучения связанных с этим термином вопросов.

Существует серьезная терминологическая проблема: общепринятого содержания термин «империя» не имеет. Содержание термина может быть определено исходя из изучения ценностно-религиозно-идеологического комплекса, вопросов модернизации, взаимопроникновения государственных моделей (диффузия структур и функций) и др.

Изучение литературы, посвященной исследованию империй, показало, что создание теории империи затруднено в силу переплетения многих составных явлений проблемного поля. Большинство ученых, обращается к раскрытию частных признаков, не дающих возможности комплексного

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

подхода к изучению содержания термина. Тем не менее, предпринимаются попытки поиска и создания такого подхода через разделение существующих определений на синдромные и функциональные (С.И. Каспэ), исследование «несущих конструкций» империи (А.В. Ремнев), использование сравнительно-исторического метода и контекстного изучения (А. Рибер, А. Чубарьян).

Необходимо четко разделять существование термина – лексемы и явления, которое с помощью первого переносится в сферу разума для осознания окружающей действительности. С этой целью возможна постановка проблемы определения термина на разных уровнях: глобальный термин, включающий в себя в качестве составных частей уже существующие и возникающие проблемные разделы (затронутые на сегодняшний день явления). Таким образом, термин будет означать то, что в своей качественной совокупности будут подразумевать входящие в его состав термины, обозначающие более цельные явления.

С другой стороны, современная наука подошла к использованию нового вида термина – выходящего за рамки логического анализа. Это термин-символ, который подразумевает пластичное и менее противоречивое наполнение в силу существования уровней исследования, где применяются логические инструменты, однако, простое суммирование которых не дает полного представления об объекте, понимание которого находится за границей логических противоречий. В данном случае при построении вышеописанной схемы изучения объекта, «империя» будет определяться как составной продукт явлений и их анализа, будучи встроенной в модель перерастания «количественного» (дающего отдельные частные результаты) познания в качественное (появление нового понимания в результате осознания противоречивости и единстве объекта).

Далее предполагается рассмотреть основные подходы к разрешению вопроса о содержании дефиниции «империя», сложившееся в современной исторической литературе последнего десятилетия.

НОВГОРОДСКОЕ ЛЕТОПИСАНИЕ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

Фомина Т.Ю.

Казанский государственный университет

Летописание Великого Новгорода в истории русского летописания занимает особое место. Это связано с одной стороны с той важнейшей социально-политической ролью, которую играла новгородская земля в истории русского государства, с другой – это самая богатая по числу сохранившихся-

212

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ся памятников летописная традиция с единой линией развития на протяжении восьми столетий (XI-XVII вв.). В процессе изучения новгородского летописания прослеживаются три важнейших направления: 1. формирование репертуара памятников новгородского летописания; 2. проблемы их публикации; 3. анализ научных работ с точки зрения расширения исследовательской тематики, усложнения методов изучения, выделения дискуссионных аспектов.

Начало формирования основного репертуара памятников новгородского летописания относится к 30-м годам XIX. В процессе подготовки Археографической комиссией серии Полное собрание русских летописей (ПСРЛ) были выделены и в 1841¹ и 1848² годах опубликованы – Новгородская первая (Н1), Новгородская вторая (Н2), Новгородская третья (Н3) и Новгородская четвертая (Н4) летописи. Нумерация памятников условна и соответствует порядку расположения летописных текстов внутри тома. В начале XX в. А.А.Шахматовым была определена Новгородская пятая летопись (Н5), в исследованиях равнозначно именуемая Новгородской Хронографической летописью или Хронографическим списком Н4³. Список Государственной публичной библиотеки под номером F. IV. 238., обнаруженный Шахматовым в процессе публикации исследования о так называемой «Ростовской летописи», был назван ученым летописью Дубровского (XVI в.), в научной литературе он известен и как «свод 1539 г.» и как список Дубровского Н4. В дооктябрьский период памятниками новгородского летописания так же были признаны Новгородская Карамзинская летопись и Летописец епископа Павла. Так называемая Летопись Авраамки⁴ хотя и была составлена в Смоленске, но изучалась в числе новгородских сводов, т. к. в ее состав вошла чрезвычайно интересная несохранившаяся новгородская летопись, содержащая уникальные известия в период с 1447 по 1469 гг.

В конце 1950-х–начале 1960-х гг. результате кропотливой археографической работы советским исследователем С.Н.Азбелевым были выделены три не известных ранее свода XVII в. – Новгородская Забелинская (НЗаб), Новгородская Уваровская (НУв)⁵ и Новгородская Погодинская (НПог) летописи⁶. В числе публикаций советского периода необходимо назвать Н2⁷ и лучшее на сегодняшний день издание Н1⁸. В 2002 г. в издательстве Дмитрий Буланин была опубликована Новгородская Карамзинская летопись⁹. Там же в настоящее время готовится к изданию Летописец епископа Павла, ранее не публиковавшийся¹⁰. Репертуар памятников новгородского летописания продолжает расширяться до сих пор. Так в 2005 г. Е.Л.Конявской был введен в научный оборот и издан новый летописный свод названный Новгородской Большаковской летописью¹¹.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Для дальнейшего полноценного изучения летописных памятников Великого Новгорода необходима публикация Н5, издание которой не было завершено в начале XX в., самостоятельное переиздание списка Дубровского, который издавался лишь в качестве вариантов к Н4. Н3 и НУв опубликованы не лучшим образом, НЗаб издана М.Н.Тихомировым только в своей заключительной части¹², НПоГ не издавалась вообще.

Важнейшей на сегодняшний день является проблема изучения истории новгородской летописной традиции. В дооктябрьский период она наиболее обстоятельно исследовалась А.А.Шахматовым¹³, итоги изучения данного вопроса советскими исследователями в середине 1940-х гг. были изложены Д.С.Лихачевым и В.Л.Комаровичем¹⁴. В начале 1960-х гг. летописание Великого Новгорода XVII в. изучалось С.Н.Азбелевым¹⁵. В современных исследованиях А.Г.Боброва¹⁶ и О.Л.Новиковой¹⁷ история новгородского летописания XV-начала XVI вв. прослежена в контексте историко-культурных перемен в жизни республики на протяжении этого периода.

Особое место в отечественной историографии занимают вопросы времени, места и обстоятельств создания новгородских сводов. Более полутора столетий не утихает дискуссия относительно авторов-составителей Н1¹⁸. В числе дискуссионных остаются и такие проблемы начального новгородского летописания как возможность реконструкции начальной новгородской летописи и восстановления утраченной части Синодального списка Н1¹⁹.

Ведущим в процессе анализа летописных известий остается метод сравнительного анализа. Исследователи середины XIX в. применяют его к спискам одной летописи²⁰, позднее известия новгородских летописей в ограниченных хронологических рамках сравниваются с ПВЛ и общерусскими памятниками²¹, на сегодняшний день предпринимается сравнительный анализ памятников на всем протяжении летописного текста с применением математических методов, статистических данных, компьютерных технологий²².

В советский период был сделан значительный шаг в изучении идеологической направленности летописных сводов²³, остается актуальным изучение деятельности монастырских центров книгописания²⁴. С 1970-х гг. до настоящего времени продолжается дискуссия Г.М.Прохорова и Я.С.Лурье по вопросам изучения Новгородской Карамзинской летописи, относительно начала общерусского летописания²⁵.

Несмотря на то, что памятники новгородского летописания продолжают оставаться одними из самых изучаемых русских летописных источников, их исследовательские перспективы далеко не исчерпаны.

1. Полное собрание русских летописей. Т. 3. СПб., 1841. 9 с., 2 табл., 308 с.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

2. Полное собрание русских летописей. Т. 4. СПб., 1848. 238 с.
3. Полное собрание русских летописей. Т. 4. Ч. 2. Вып. 1. Пг., 1917. 6, 264 с. (издание не завершено)
4. Полное собрание русских летописей. Т. 16. СПб., 1889. 3 нум. с., 2 табл., 320 стб., 69 с.
5. Софийский временник, или Русская летопись с 862 по 1534 год. В 2 ч. М., 1820. 456 с. – на сегодняшний день он известен как один из списков Новгородской Уваровской летописи.
6. Азбелев С.Н. Летописные памятники Новгорода XVII-XVIII вв. (Обзор списков) // ТОДРЛ. 1957. Т. 13. С. 282-296.; Азбелев С.Н. Новгородские летописи XVII в. Новгород, 1960. 295 с.; Азбелев С.Н. Развитие летописного жанра в Новгороде в XVII в. // ТОДРЛ. 1858. Т. 15. С. 251-283.; Азбелев С.Н. Текстологическое исследование Новгородской Уваровской летописи // ТОДРЛ. 1960. Т. 16. С. 270-287.
7. ПСРЛ. Т. 30. : Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивская) летопись. М., 1965. 240 с.
8. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М. ; Л., 1950. 640 с.
9. ПСРЛ. Т. 42. : Новгородская Карамзинская летопись СПб., 2002. 224 с.
10. Бобров А.Г. Новгородские летописи XV века. СПб., 2001. С. 34.
11. Конявская Е.Л. Новгородская летопись XVI в. из собрания Т.Ф. Большакова // Новгород. ист. сб. СПб., 2005. Т. 10(20). С. 322-482.
12. Тихомиров М.Н. Новгородский Хронограф XVII века // Новгород. ист. сб. 1940. Вып. 7. С. 66-114.
13. Шахматов А.А. Летописи // Новый энциклопедический словарь. Пг., 1915. Т. 25. Стб. 146-166.; Шахматов А.А. Обзорные русские летописных сводов XIV-XVI вв. М. ; Л., 1938. 372 с.; Шахматов А.А. Общерусские летописные своды XIV-XVI вв. // ЖМНП. СПб., 1900. Ч. 331. С. 90-176 ; СПб., 1900. Ч. 332. С. 135-200 ; СПб., 1901. Ч. 338. С. 52-80. Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. 687 с.
14. История русской литературы. М. ; Л., 1946. Т. 2. Ч. 1. 531с.
15. Азбелев С.Н. Новгородские летописи XVII в.; Азбелев С. Н. Развитие летописного жанра в Новгороде...
16. Бобров А.Г. Новгородские летописи XV века. СПб., 2001. 287 с
17. Новикова О.Л. Новгородские летописи начала XVI в. : текстологическое исследование // Новгород. ист. сб. 2003. Вып. 9 (19) С. 221-244.
18. Перевошиков В.М. О русских летописях и летописателях по 1240 год. // Труды императ. Российской Академии. СПб., 1841. Ч. 4. С. 78.; Прозоровский Д. И. Кто был первым писателем первой новгородской летописи

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

си? // ЖМНП. СПб., 1852. Ч. 75. С. 1-28.; Тихомиров И.А. О Тимофее пономаре, упоминаемом в Синодальном списке первой Новгородской летописи // ЖМНП. 1887. Ч. 250. С. 28-37.; Подвигина Н.Л. К вопросу о месте составления Синодального списка Новгородской первой летописи // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9., История. 1966. № 1. С. 67-76.; Гимон Т.В. Гиппиус А.А. Новые данные по истории текста Новгородской первой летописи // Новгород. ист. сб. 1999. № 7(17). С. 18-47.

19. Яниш Н. Новгородская летопись и ее московские переделки. М., 1874. 96 с.; Сенигов И.П. О первоначальной летописи Великого Новгорода. СПб., 1884. 41 с.; Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. 687 с.; Перфецкий Е.Ю. Русские летописные своды и их взаимоотношения. Братислава, 1922. 101 с.; Истрин В.М. Замечания о начале русского летописания. По поводу исследований А.А. Шахматова в области древнерусской летописи // Известия ОРЯС Рос. АН 1921. Пгр., 1923. Т. 26. С. 45-102.; Известия ОРЯС Рос. АН 1922. Л., 1924. Т. 27. С. 207-251.; Лихачев Д.С. «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 года // ИЗ. 1948. Т. 25. С. 240-265.; Рыбаков Б.А. Остромирова летопись // ВИ. 1956. № 10. С. 46-59.

20. Прозоровский Д.И. Кто был первым писателем первой новгородской летописи? // ЖМНП. СПб., 1852. Ч. 75. С. 1-28.; Погодин М.П. Новгородские летописи // Известия ОРЯС Император. АН. СПб., 1858. Т. 6. Стб. 209-233.

21. Сухомлинов М.И. О древней русской летописи, как памятнике литературном // Учен. зап. Императ. АН. СПб., 1856. Кн. 3. С. 1-230. (2 отд.); Яниш Н.Н. Новгородская летопись и ее московские переделки. М., 1874. 96 с.

22. Гимон Т.В. Гиппиус А.А. Новые данные по истории текста Новгородской первой летописи // Новгород. ист. сб. 1999. № 7(17). С. 18-47.; Прохоров Г.М. Материалы постатейного анализа общерусских летописных сводов. (Подборки Карамзинской рукописи, Софийская I, Новгородская IV и Новгородская V летописи) // ТОДРЛ. 1999. Т. 51. С. 137-205.

23. Насонов А.Н. О русском областном летописании. // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1945. Т. 2. № 4. С. 290-294.; Лихачев Д.С. Идеологическая борьба Москвы и Новгорода в XIV-XV вв. // ИЖ. 1941. № 5. С. 43-56.; Лихачев Д.С. «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 года // ИЗ. 1948. Т. 25. С. 240-265.

24. Семенов А.И. Лисицкий монастырь – пригородный центр новгородского книгописания // ТОДРЛ. 1961. Т. 17. С. 369-373.; Бобров А.Г. Новгородские летописи XV века.

25. Лурье Я.С. Новгородская Карамзинская летопись // ТОДРЛ. 1974. Т. 29. С. 207-213.; Прохоров Г.М. Летописные подборки рукописи ГПБ, Ф.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

IV.603 и проблема сводного общерусского летописания // ТОДРЛ. 1977. Т. 32. С. 165-198.; Лурье Я.С. Еще раз о своде 1448 г. и Новгородской Карамзинской летописи // ТОДРЛ. 1977. Т. 32. С. 156-186.; Прохоров Г.М. Материалы постатейного анализа общерусских летописных сводов. (Подборки Карамзинской рукописи, Софийская I, Новгородская IV и Новгородская V летописи) // ТОДРЛ. 1999. Т. 51. С. 137–205.

СИЛЬНЫЕ И СЛАБЫЕ СТОРОНЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ РОССИИ (НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА ПРОГРАММНЫХ ДОКУМЕНТОВ И СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Шацких А.В.

Самарский муниципальный институт управления

Политические партии в настоящее время весьма активно развиваются. Такой же всплеск активности наблюдался на стыке XIX – XX веков. Это было связано с тяжелым положением империи – экономический кризис, проигранная война, репрессии рабочих – все это обостряло недовольство населения. Цензура, отсутствие свободы слова способствовало образованию политических организаций, которые могли высказывать свои убеждения только прописывая их в уставах.

На сегодня ситуация такова – терроризм, экономическая нестабильность (по последним данным социологического исследования Россия занимает 113 из 118 позиций по качеству жизни) – заставляет организации искать пути для решения проблем.

Из этого следует, что партийность начала века, равно как и многопартийность на его исходе возникали в России при отсутствии базовых оснований гражданского общества, что послужило причиной не востребованности социальной и политической энергии масс.

Развитие института многопартийности позволяет регистрировать организации называемые партиями, подходящие под определение, данное партиям наукой. Таким образом, в России помимо так называемых «партий власти» существует огромное количество мелких организаций, образованных исключительно на основе интересов их лидера, например «Партия любителей пива».

Множество партий также можно объяснить стремлением их лидеров проникнуть во власть, этим объясняется то, что большое количество партий создаются непосредственно накануне выборов.

Таким образом, актуальность данной проблемы неоспорима и мною сделана попытка проанализировать слабые и сильные стороны современных партий, но для этого необходимо также определить, что может назы-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ваться партией, классификация политических партий также является важной задачей, поскольку без этого условия невозможно понять всю специфику развития и существующие проблемы современных партий России.

Также можно выделить четыре пункта, на которые необходимо найти ответ, проведя исследование. В самом ли деле, что:

1. Сегодняшнее многообразие партий весьма сложно для восприятия не только для «старого» поколения, но и для нынешней молодежи, которая хотя и старается понять политические перипетии, но зачастую это не всегда ей удается?

2. В России часто граждане не участвуют в выборах, объясняя это тем, что, не имеет смысла ходить на выборы, раз уже все заранее решено, или просто не считают свой голос важным, и укоренение одной правящей партии избавило их от необходимости принимать решение вообще, ибо за них уже все решило государство?

3. Современное общество находится под влиянием криминальных структур и СМИ, а духовная поддержка изживает себя?

4. Необходим волевой лидер, чтобы «навести порядок» в стране?

Анализ программных документов (Единая Россия, КПРФ, ЛДПР) и соотнесение полученных результатов с итогами социологического исследования позволили бы найти ответы на эти вопросы.

Социологический опрос подразумевает ответы на вопросы следующего характера:

1. Какова причина выбора респондентом данной партии?
2. Влияет ли имидж партии на выбор респондента?
3. Как соотносится программа партии с ее реальными действиями?

1. Авинери Ш. «Партии, социально-культурная медитация и роль гражданского общества» // <http://www.politstudies.ru>

2. Виноградова М.Ю. «Технология проведения кампаний федеральных партий: проблема идентичности» // http://library/practice/media/rfelec_gor/

3. Голосов Г.В., Лихтенштейн А.В. «Партии власти» и российский институциональный дизайн: теоретический анализ // <http://politstudies.ru>

4. Джанда К. «Сравнение политических партий: исследование и теория. Современная сравнительная политология». М.:1997. – С. 90

5. Институт современного социализма. Политические партии России на современном этапе // <http://www.nasledie.ru/bibliot/kniga11/vybor3.htm>

6. Лихтенштейн А.В. «Закон о политических партиях. Стратегии партийного строительства российских элит: «партии власти» // http://library/practice/media/rfelec_gor/

7. Макаренко Б.И. «Парламентские выборы 2003 г. как проявление кризиса партийной системы» // <http://politstudies.ru>

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

8. Маслов Н.Н. «Крах однопартийной системы. Политические партии России: история и современность». М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. – С. 407 – 414

9. Пайпс Р. «Создание однопартийного государства в Советской России (1917–1918 г.)»//<http://politstudies.ru>

10. Политические партии России: история и современность. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. – С. 5

11. Тютюкин С. В. Политическое пробуждение России на рубеже XIX –XX веков. Политические партии России: история и современность. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. – С. 69 – 84

12. Щербак А.Н. «Принятие Закона о партиях – элемент «управляемой демократии»»//http://library/practice/media/rfelec_gor/

СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ РУССКОЙ КРЕСТЬЯНКИ ПОРЕФОРМЕННОГО ПЕРИОДА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Макарова Г.Ю.

Самарский государственный университет

Наряду с общиной формой сельской повседневности выступал крестьянский двор. Он являлся основной производственной ячейкой сельской общины, на нем держались все хозяйственные связи с деревней. Он служил основой бытовой морали сельчан. Статус и положение крестьянского двора выстраивали этику соседских отношений в деревне. Крестьянский двор действовал как сплоченный элемент социальной организации с разделением труда и власти. Двор представлял собой основу производства, потребления, отношения собственности и общественных связей, моральной поддержки и взаимопомощи. Эта проблематика была ведущей в отечественном крестьяноведении.

Центром мира, столпом мироздания, защитой от бед напастей, источником радостей и горестей была для крестьян семья. В русской деревне конца XIX – начала XX в. преобладающими были два типа семей: составная (преимущественно отцовская) и малая или нуклеарная семья. Семья скреплялась наибольшим нравственным авторитетом. Таким авторитетом обычно пользовался традиционный глава семьи. В основе внутрисемейных отношений лежал иерархизм. Все подчинены главе семьи, женщины – большухе (жене главы семьи) и мужчинам, младшие по возрасту – старшим, дети – взрослым. Женщина находилась на заднем плане, она не имела голоса и должна была беспрекословно слушаться большака и своего мужа.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Анализ внутрисемейных отношений представляет исключительный интерес, поскольку отношения в семье и большом обществе находились в тесном взаимодействии и обуславливали друг друга. По семье можно судить об обществе, и наоборот. Основным источником по данной теме является книга современника данного периода, члена Самарского окружного суда (1871-1876), члена императорского Русского географического общества П.А. Матвеева¹. Он собрал богатейший материал по Самарской губернии, много сведений о семейном быте – устройстве семьи и возникающем в ее среде юридическим отношениям. Вопрос о земельной общине, переделе полей, разделе сенокосов и других угодий был, едва затронут в работе. Автор ограничивается очерками народного семейного быта крестьян.

Современная эпоха с особой остротой выдвигает необходимость исследовать культуру и традиций русского общества. Под традициями понимается социальное и культурное наследие, передающееся от поколения к поколению и воспроизводящееся в обществе длительное время. Это наиболее устойчивая, стереотипная часть культуры. Свадебный обряд – это одна из основных традиций. Описание русской крестьянской свадьбы можно найти в одноименной книге². Все обряды и песни записаны со слов крестьянки Олонецкой губернии, Ирины Андреевой Федосовой, и нищей Ульяны из Петрозаводска.

Последние десятилетие ХХ и начало ХХI в. круто переменили отношение к деревне, в том числе к «женской истории». История женщин привлекала многих своей неразработанностью. В 1999 г. в журнале «Историческая социология» была опубликована статья С. Д. Морозова³. О повседневности русского севера в 2000 г. была опубликована книга Василия Белова⁴. Всю свою жизнь он собирал устные рассказы, песни, пословицы, частушки, письма читателей, записки бывалых людей, предметы быта и материальной культуры Вологодской, Архангельской, Кировской областей России, работал в архивах, изучал разнообразные этнографические материалы и на основе всего этого создал книгу о природном и философском круговороте крестьянской жизни русского севера.

Книга рассказывает о ладе, а не о разделе крестьянской жизни. Автор старался рассказать лишь о том, что знает, пережил или видел сам, либо знали и пережили близкие ему люди. Половина материалов записана со слов его матери Анфисы Ивановны Беловой.

В 2000 г. выходит первое в мировой историографии обобщающее, фундаментальное исследование социальной истории с конца XVII в. до 1917 г.⁵ Под новым углом зрения рассмотрен широкий круг проблем: географическая среда и колонизация, территориальная экспансия и национальный вопрос, демографические проблемы и переход от традиционной к современной модели воспроизводства населения, развитие малой семьи и

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

демократизация внутрисемейных отношений, социальная структура и социальная мобильность населения, город и деревня в процессе урбанизации, динамика крепостнических отношений от зенита до заката в начале XX в., эволюция сельской и городской общины, городских и дворянских корпораций, менталитет различных сословий как важный фактор социальной динамики, эволюция российской государственности от патриархальной к конституционной монархии и многие другие проблемы. Исследование базируется на массовых статистических источниках и применении междисциплинарного и сравнительно-исторического подходов, в нем широко использованы работы зарубежных историков.

Книгу о крестьянской цивилизации написал В. Бердинских, которая была опубликована в 2001 г.⁶ Содержание труда основано на воспоминаниях о жизни, быте, нравах, обычаях, верованиях русского крестьянства. Эта работа представляет собой попытку нравственно-философского осмысления последствий социального сдвига XX века, который принято называть раскрестьяниванием России. Это первая книга по устной истории в России.

В 2002 г. была опубликована библиографическая работа Н. Пушкаревой⁷. Этот труд охватывает русскую и зарубежную историографию по «женскому вопросу».

Фундаментальной работой о вопросах освоения и заселения Сибири, миграционных и демографических процессов, культурно-бытовых традиций и воззрений крестьянства в XVII – XX вв. является труд О.Н. Шелегиной⁸. В работе раскрываются социокультурные аспекты адаптации русского населения в Сибири, показана роль в этом процессе общины, церкви, семьи, календарных обычаев и праздников, общественного быта горожан. Состояние, развитие и функционирование элементов духовной культуры в условиях освоения новой территории рассматриваются как процесс и результат социокультурной адаптации.

Важнейшее значение имеет книга В.Б. Безгина о крестьянской повседневности конца XIX – начала XX в., месте и роли в ней сельских традиций⁹. В работе осуществлена попытка решить ряд исследовательских задач: выявить традиции хозяйственного уклада деревни, проанализировать влияние на сельскую повседневность аграрной реформы и процесса модернизации; исследовать устои крестьянской семьи и их эволюцию, охарактеризовать положение женщины в семейном быту, дать оценку процессу семейных разделов и тд.

Завершая историографический обзор, следует отметить, что в исторической литературе изучены вопросы хозяйственной деятельности крестьянства, общественно-политической активности деревни, семейно-брачных отношений. Проблемы крестьянского менталитета, общественного созна-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ния деревни, правовых воззрений жителей села требуют своего дальнейшего исследования.

1. *Матвеев П.А.* Очерки народного юридического быта Самарской губернии, СПб., 1877.

2. Описание русской крестьянской свадьбы. С текстом и песнями: обрядовыми, голосильными, причитальными и завывальными. В 3 частях. М., 1887.

3. *Морозов С.Д.* Демографическое поведение сельского населения европейской России (конец XIX – начало XX в.) // Историческая социология. 1999. // <http://ecsocman.edu.ru>

4. *Белов В.* Повседневная жизнь русского севера. М., 2000.

5. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVII – начало XX в.). В 2 т. СПб., 2000.

6. *Бердинских В.* Крестьянская цивилизация в России. М., 2001.

7. *Пушкарева Н.* Русская женщина: история и современность. Два века изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. М., 2002.

8. *Шелегина О.Н.* Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири. Социокультурные аспекты. XVIII – начало XX вв. Выпуск 2. М., 2002.

9. *Безгин В.Б.* Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX вв.). Тамбов, 2004.

ПОЗИЦИЯ В.П. МИЛЮТИНА ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ ВОПРОСУ НА БАЛКАНАХ (1922-1924 гг.)

Войтова Я.Н.

Кубанский государственный университет

В начале 1920-х гг. Балканы рассматривались большевистским руководством в Москве как один из наиболее вероятных очагов распространения революции по всей Европе, поэтому этой проблеме уделялось немало внимания. Особое место занимал балканский вопрос в деятельности известного советского партийного и государственного деятеля Владимира Павловича Милютина (псевдоним Эмтин). В первом Советском правительстве он был наркомом земледелия, в 1918–21 гг. заместителем председателя ВСНХ, в 1922–24 гг. представителем Коминтерна в Австрии и на Балканах.

Цель данной статьи – рассмотреть малоизвестную сторону деятельности В.П. Милютина в балканском направлении.

В 1922 г. В.П. Милютин был направлен в Софию на IV съезд Болгарской компартии (БКП), где развернул активную деятельность по выясне-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

нию установления советского строя при поддержке Советской России и оказался вовлеченным в стихию балканских национально-территориальных проблем. Милютин отмечал, что в силу ряда причин руководство БКП не торопится организовывать восстание в Болгарии, и переворот пришлось отложить.

В конце 1922 г. Милютин был направлен от Исполнительного комитета Коминтерна в Вену, как специалист по балканским делам.

На 4-й конференции Балканской коммунистической федерации (БКФ) в июне 1922 г. определился новый подход к национальному вопросу на Балканах. В резолюцию конференции ввели понятие «самоопределение балканских народов». Решение национального вопроса на Балканах виделось в создании Балканской советской федеративной республики¹. Милютин, говоря о 4-й конференции БКФ, отмечал, что выявились серьезные разногласия с сербским представителем по национальному вопросу. Только после долгих обсуждений эти разногласия были смягчены. Покидая Балканы, Милютин в письме от 3 июля 1922 г. рекомендовал руководству КПЮ уделить серьезное внимание национальному вопросу: «Именно в Югославии должно получить особое значение проведение резолюции по национальному вопросу, принятой II Конгрессом Коммунистического Интернационала. Использовать лозунг «самоопределения наций» в Югославии, использовать движение на этой почве – ваша задача!»²

В начале 1923 г. Милютин в Вене усиленно добивался от руководства КПЮ принятия лозунга самоопределения народов Королевства СХС (ему это удалось на II конференции КПЮ в мае 1923 г.³).

На 6-й конференции БКФ в ноябре 1923 г. в Москве принцип самоопределения балканских народов был дополнен фразой «вплоть до отделения», а затем и «до образования самостоятельного государства». Активно обсуждалась македонская проблема, Македония признавалась географическим и экономическим целым, выдвигались лозунги «Независимой Македонии» и «Македонии для македонцев», создание которой предполагалось путем отделения от Югославии, Греции и Болгарии македонских земель и их последующего объединения⁴.

После переворота 9 июня 1923 г. в Болгарии, в котором, по неофициальным сведениям, принимала участие Внутренняя македонская революционная организация (ВМРО) Т. Александрова, информация, поступавшая в Москву по македонскому вопросу, стала значительно более обширной. Помимо прежних партийно-коммунистических, включая письма Милютина из венского центра, определенные данные стали поступать от лидеров самих македонских организаций – ВМРО федералистов и ВМРО автономистов, которые проявляли заинтересованность в установлении связей с Москвой. Македонскому вопросу стало уделяться особое значение, так как

ХІІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

в большевистских кругах постепенно стала оформляться определенная линия относительно балканских национальных проблем и их использования в революционных целях.

Летом 1923 г. в коминтерновских донесениях из Вены возникла тема македонского восстания и его использования для установления «рабоче-крестьянского правительства». 17 августа Милютин писал в ИККИ о замыслах Т. Александра поднять восстание в Македонии и о необходимости использовать его для взятия власти и «организации рабоче-крестьянского правительства» в Болгарии. Одновременно Коминтерн, по его мнению, должен был заявить о праве Македонии на «полное самоопределение вплоть до отделения»⁵.

Сообщая 14 сентября 1923 г. в Президиум ИККИ о начавшемся в Болгарии вооруженном выступлении, Милютин предполагал, что можно ожидать восстания в македонцев в Югославии⁶, в связи с чем, он направил в ЦК КПЮ письмо «с указанием необходимости поддержать македонское движение». От КПЮ он требовал также твердой поддержки хорватского движения, чтобы не упустить подъем борьбы за самоопределение и использовать в своих целях⁷.

Милютин неоднократно сообщал о предстоящем восстании в Македонии, но в марте 1924 г. от него поступила информация, что намеченное автономистским крылом ВМРО восстание на апрель отложено ими на месяц⁸ (в результате восстание так и не произошло).

Помимо этого Милютин являлся членом Балканской комиссии, занимающейся балканскими проблемами, однако в комиссии часто возникали разногласия в позициях Милютина и Коларова⁹, а так же других членов.

19 июня 1924 г. на Политбюро ЦК РКП (б) слушался вопрос «О Македонии»¹⁰, в обсуждении участвовал Милютин. Его мнение относительно поддержания партизанства в Болгарии было признано неправильным. Смена приоритетов в коммунистическом руководстве отразилась на судьбе Милютина, его полномочия в качестве представителя ИККИ в венском бюро Коминтерна были прекращены в середине 1924 г., в связи с «балканскими проблемами» его фамилия последний раз встречается в материалах VII Балканской коммунистической конференции¹¹ и на заседаниях Политбюро ЦК РКП (б)¹² (июль 1924 г.).

В.П. Милютин на протяжении всего периода своей деятельности на Балканах проявлял себя как убежденный сторонник практической реализации идеи мировой революции, которой так и не было суждено осуществиться.

1. Гришина Р.П. Коминтерн, РКП(б) и курс Болгарской коммунистической партии на подготовку нового вооруженного восстания в первой по-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ловине 1924 г года: по материалам российских архивов. Славяноведение, 2000. № 5. С. 31.

2. Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции: (в документах центральных российских архивов начала – середины 1920-х гг.). Ч. 1. М. 2000. С. 23-24.

3. Там же. С. 57-59.

4. Поповски В., Жила Л. Македонското прашање во документите на Коминтерната. Т. 1., Д. 1. Скопје, 1999. С. 136-198.

5. Национальный вопрос... С. 90-91.

6. Там же. С. 131-132.

7. Поповски В. Жила Л. Указ. соч. С. 130-131.

8. Там же. С. 324-327.

9. Коларов В.П. – в 1922-1923 гг. генеральный секретарь ИККИ, член Президиума ИККИ, один из руководителей БКП.

10. Поповски В., Жила Л. Указ. соч. С. 544-547.

11. Национальный вопрос на Балканах... Ч. 2. С. 65-68,

12. Там же. С. 104, 110.

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ СРЕДИ КРЕСТЬЯНСТВА МАРИЙСКОЙ АССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941-1945 гг.)

Кошкина О.А.

Марийский государственный университет

Изучение патриотического движения в тылу в годы Великой Отечественной войны, различных его форм является интересной темой для исследования. Патриотическое движение колхозного крестьянства Марийской АССР, а точнее такая его форма, как сбор материальных средств в помощь Красной Армии, – тема еще малоизученная. Ей посвящены всего несколько статей в местной историографии¹. Сбор материальных средств в помощь Красной Армии можно разделить на несколько видов: это сбор денежных средств на строительство боевой техники, подписка на военные займы и денежно-вещевые лотереи, сбор теплых вещей и продуктов для бойцов Красной Армии. Большинство сведений по данной теме дают материалы прессы, в частности статьи центрального органа печати республики – «Марийской правды».

Уже начало Великой Отечественной войны ознаменовалось по всей стране бурным подъемом патриотического движения. Широкий размах патриотического движения в Марийской АССР приходится на осень 1941 г. и начинается с организации сбора теплых вещей для бойцов Красной Армии.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Члены сельскохозяйственной артели «Рвезе коммунары» Больше-Акашевского сельсовета Йошкар-Олинского района обратились ко всем колхозникам республики со следующим призывом: «Мы призываем вас, колхозники и колхозницы, организовать сбор теплой одежды для фронта. Чем больше мы дадим бойцам полушубков, валенок, фуфаяк, брюк и других теплых вещей, чем больше мы проявим заботы о бойцах, тем быстрее будет обеспечена победа над врагом. Товарищи женщины-колхозницы! Среди вас найдется много мастериц по изготовлению теплой одежды. Проявите материнскую заботу о бойцах, которые, не щадя своей жизни, защищают нашу Родину, нашу честь и свободу»². Уже к началу 1942 г. трудящиеся Марийской республики внесли для Красной Армии 4,5 тысячи полушубков, более 16 тысяч пар валенок, 8,5 тысячи шапок, 1,5 тысячи меховых жилетов, свыше 26 тысяч варежек и носков и др.³

В 1942 г. открылась подписка на первый Государственный Военный Заем и уже за 3 дня достигла по республике 48 миллионов 691 тысячи рублей. В том числе колхозники подписались на 19 миллионов 450 тысяч рублей и колхозы (на процентный выпуск займа) – на 6 миллионов 363 тысячи рублей⁴. Подписки на военные займы организовывались в республике в течение Великой Отечественной войны каждый год.

Конец 1942 г. отмечен подъемом патриотического движения по сбору средств на строительство боевой техники. Он проходил по всей стране под разными лозунгами (танковые колонны «Рязанский колхозник», «Воронежский колхозник», «Ленинградский осоавиахимовец» и т.д.). Марийская АССР присоединилась к этому движению под лозунгами «Построим авиационную эскадрилью «Марийский колхозник» и в 1944 г. – танковую колонну «Марийский богатырь». Члены Ежовского сельсовета Йошкар-Олинского района, собравшие 13.500 рублей наличными, обратились к населению республики: «Мы призываем вас последовать нашему примеру и широко развернуть сбор средств на постройку авиаэскадрильи. Это будет лучшим подарком трудящихся нашей республики героической Красной Армии, лучшим нашим ответом на почин тамбовских и саратовских колхозников. В новогоднем отчете Родине и ее защитникам на фронте, за досрочное представление которого борется каждый колхоз, укажем количество собранных средств на строительство самолетов»⁵. К концу декабря 1942 г. уже было собрано в Пектубаевском районе 2.202.000 рублей, Новоторьяльском – 1.600.000 рублей, Мари-Турекском – 1.495.000 рублей, Елаховском и Ронгинском – по 1.300.000 рублей, Куженерском – 1.200.000 рублей, Оршанском – 1.147.000 рублей. Председатель колхоза «Социализм» Мари-Турекского района К.И. Айглов направил телеграмму И.В. Сталину: «В нашем колхозе 50 хозяйств. Обсуждая новогодний отчет Родине и фронту, мы решили на свои средства заказать самолет для Красной

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Армии и уже внесли 100 тысяч рублей в банк наличными. Пусть наша боевая машина громит врага». В ответ колхоз получил телеграмму с благодарностью от И.В. Сталина⁶. За зимний период 1942-1943 гг. трудящиеся республики собрали и сдали 30.822.000 рублей на строительство авиаэскадрильи «Марийский колхозник»⁷.

С 25 октября 1943 г. в МАССР проходила третья денежно-вещевая лотерея. За короткое время от трудящихся республики поступило 5 миллионов 576 тысяч рублей наличными⁸.

За весь период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. трудящиеся МАССР собрали около 100 миллионов рублей денежных средств в помощь фронту⁹. Более половины из них – это взнос колхозного крестьянства республики. И несмотря на огромные трудности и начавшийся с 1943 г. кризис в сельском хозяйстве, колхозное крестьянство сыграло значительную роль в развитии патриотического движения в МАССР.

1. Гусев К.П. К вопросу о патриотическом движении среди трудящихся Марийской АССР в год коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны // Труды. Вып. 17. Йошкар-Ола: МАРНИИЯЛИ, 1962. – С. 133-140; Палутов Г.В. Колхозное крестьянство Марийской республики в годы Великой Отечественной войны // Труды. Вып. VIII. Йошкар-Ола: МАРНИИЯЛИ, 1956. – С. 3-34; Швыдченко В.И. Участие трудящихся Марийской АССР в оказании помощи фронту в период Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) // Ученые записки МГПИ им. Н.К. Крупской. Т.14. Йошкар-Ола, 1957. – С. 3-36.

2. Марийская правда. 1941. 11 сентября.

3. Марийская правда. 1942. 14 января.

4. Марийская правда. 1942. 17 апреля.

5. Марийская правда. 1942. 13 декабря.

6. Марийская правда. 1942. 29 декабря.

7. Гусев К.П. Указ.соч. – С. 137.

8. Марийская правда. 1943. 26 октября.

9. Гусев К.П. – С. 137.

НОВАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ: ПРОБЛЕМЫ И МЕТОДОЛОГИЯ

Колесова П.А.

Самарский государственный университет

На Западе несколько десятилетий существует научное направление, получившее название «новая историческая наука». Как указывает

ХІІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

А.Я. Гуревич., термин «новая историческая наука» тождествен понятию Школы «Анналов» – направление исторического знания, возникшее во Франции в 20-30 гг. XX в., утверждение научных позиций которого приходится на период после окончания Второй мировой войны¹. Родоначальниками Школы «Анналов», или «новой исторической науки», были два великих историка – Люсьен Февр и Марк Блок. Что безусловно объединяло этих ученых, это стремление преодолеть господство старой историографии, ее методов и идейных установок, в частности, представления о приоритете письменных, прежде всего архивных источников, о главенствующей роли событийной истории – политической, дипломатической, военной. Февр и Блок призывали историков отказаться от академической, «историзирующей» истории, повернуться «лицом к ветру», к жгучим проблемам современности, привлекая для их разрешения опыт людей прошлого, а значит, воскрешая жизнь этих людей во всей ее полноте и сложности – их привычки чувствовать и мыслить, их повседневную жизнь, их способы борьбы с обстоятельствами².

«Новая историческая наука» доказала новизну и в постановке проблем, и в методах их решения, и в отборе источников. Основоположники Школы «Анналов» мыслили историю глобальной наукой о человеке и обществе, которая должна изучать прошлое в органическом единстве составляющих его элементов³. Л. Февр именует такую историю «тотальной», что нельзя понимать как «всеобщая». «Тотальная», или «глобальная», история может охватывать определенный, не слишком длительный промежуток времени и ограничиться какой-либо местностью, локусом. И все равно это история людей, живших в прилагаемых пространстве и времени, она рассматривается с максимально возможного числа точек наблюдения, в разных ракурсах, с тем, чтобы восстановить все доступные историку аспекты их жизнедеятельности, понять их поступки, события их жизни в ее много-сложности, в переплетении самых разных обстоятельств и побудительных причин⁴. То есть, простыми словами, «тотальная» история не делит прошлое на отдельные «частичные», ведомственные истории: экономическую, политическую, дипломатическую. Наоборот, она стремится дать объемную картину прошлого, затрагивая все ее аспекты на разных уровнях. Блок и Февр пользовались данными географии, экономики, психологии, лингвистики, что и стало принципиальным отличием «новой исторической науки». Речь идет о так называемом междисциплинарном подходе, то есть заимствовании исследовательских стратегий, принятых в других науках. Последователи Школы «Анналов» развивали эту традицию. Как указывает А.Я. Гуревич, «в свое время наблюдалось ее сближение с социологией и политической экономией, психологией и географией; затем со структура-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

лизмом и этнологией; одновременно она обратила особое внимание на историю ментальностей»⁵.

Возникшая как своего рода ересь «новая историческая наука» закономерно дефрагментировалась и породила внутри себя уже целый спектр течений, например, «новая экономическая история», «новая социальная история», историческая демография, история ментальностей, история повседневности, микроистория, а также ряд узких направлений исследования (история женщин, тела, питания, болезней, смерти, старости, сна, жестов и т.д.)⁶.

Активная разработка проблем «новой социальной истории» ведется в отечественной исторической науке. Публикуются статьи методологического характера, выпускаются ежегодники «Новая социальная история», «Одиссей». Статьи, публикуемые на страницах этих журналов, не знают дискриминации по полу и возрасту, цвету кожи и места жительства, имущественному положению и занятиям своих «героев». Исследуются все социально значимые общественные проявления жизнедеятельности не только «основных», но и маргинальных групп, в том числе «молчаливых» низов, национальных и сексуальных меньшинств, инвалидов и заключенных, детей и стариков⁷. Специальное внимание уделяется истории семейных отношений, социальной роли женщины и ее личности. Исследуются такие важнейшие аспекты жизни общества, как городская культура, влияние на людей условий труда и быта, состояние их здоровья, социальные последствия болезней и эпидемий, проблемы питания, экологии. Наиболее активная деятельность «социальных» историков ведется как в Институте всеобщей истории, так и среди специалистов по отечественной истории, например, Казанского и Томского государственных университетов. Разрабатываются как общие вопросы, так и отдельные проблемы. Нельзя не упомянуть Б.Н. Миронова – автора фундаментального труда по социальной истории России периода империи с конца XVII в. до 1917 г., выполнившего оригинальное исследование в каждой из областей, рассмотренных в книге: демография, урбанизация, семейная организация, социальная стратификация и социальная мобильность, сельская и городская община, право, суд и государственность.

В ходе дискуссий 70 – начала 80 годов XX в. выявились противотенденции в понимании предмета и содержания социальной истории. Одни исследователи, рассматривая социальную историю как промежуточную область между экономической и политической историей, ограничивали ее задачу изучением социальной структуры в узком смысле слова, то есть исследованием истории социальных ячеек, групп, институтов, движений; другие стремились постичь человеческое общество в его целостности, исследуя социальные связи между индивидами⁸. Единой точки зрения о предмете «но-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

вой социальной истории» среди ученых нет и сегодня. По мнению того же Гуревича, социальная история должна заниматься анализом состава общества и отношений между образующими его классами, сословиями и группами⁹. Л.Н. Чернова считает, что в центре внимания социальной истории должно быть социальное поведение людей в самых разных его аспектах¹⁰. С моей точки зрения, предметным полем исторических исследований «новой социальной истории» может быть такое пространство, которое вбирает в себя изучение всего того, что относится к проявлению социальности человека, то есть исследование общественных взаимодействий.

Принципиально новым и ведущим методом исследования является метод исторического или междисциплинарного синтеза. Он предполагает заимствование, освоение и использование методов других дисциплин, о чем говорилось выше. Несомненно, это повышает эффективность, разносторонность исследований. Однако стоит учесть опасения В.В. Согрина по поводу заимствования методов других наук: если такой перенос осуществлять механически, то существует угроза превращения истории в «филиал» той же социологии, политологии, этнологии или психологии, угроза утраты специфических черт именно исторической науки¹¹.

К методам «социальных» исследований относятся также методы, предложенные еще М. Блоком метод построения общей модели социального явления, которая затем модифицируется и усложняется в свете многообразия ее черт; сравнительный, или компаративный, метод; качественный и количественный, макро-, мезо- и микроанализ; анализ языка, исторической семантики.

При таком богатом инструментарии «новая социальная история» остается по-прежнему одной из самых привлекательных и влиятельных областей исторических исследований. Несмотря на неоднозначность в понимании предмета, а во многом, может, и благодаря ей, вследствие обширнейшей проблематики и возможности выбора методов исторического исследования, характерной тенденцией сегодняшней отечественной и зарубежной «новой социальной истории» является поиск новых тем, новых проблем и новых подходов.

1. Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993. С. 6.

2. История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996. С. 6.

3. Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы / Под ред. Б.Г. Могильницкого, И.Ю. Николаевой. М., 2005. С. 14.

4. Гуревич А.Я. Указ. соч. С. 65.

5. Там же. С. 7.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

6. История ментальностей, историческая антропология. С. 6.
7. Шпотов Б.М. Проблемы методологии истории на страницах «Journal of Social History» // Thesis.- 1993.-Вып. 2. С. 235.
8. Репина Л.П. Социальная история и историческая антропология в современной британской и американской медиевистике // Новые научные направления. <http://www.auditorium.ru>
9. Гуревич А.Я. Указ. соч. С. 67.
10. Чернова Л.Н. Правящая элита Лондона XIV-XVI вв. Саратов, 2005. С. 9.
11. Согрин В.В. Перестройка в исторической науке и диалог с зарубежной историографией // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. М., 1989. С. 21.

ФРАНЦИЯ И «ЕВРОПЕЙСКИЙ ОБОРОНИТЕЛЬНЫЙ СОЮЗ» НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТ «ИЗВЕСТИЯ» И «ПРАВДА» (1950-1954 гг.)

Уфимская Е.С.

Самарский государственный университет

Моя статья посвящена одной из животрепещущих проблем 50-ых гг. XX столетия, которая тогда играла важнейшую роль – это создание Европейского оборонительного сообщества (ЕОС), как примера первых шагов в развитии интеграционных процессов. США, Европа внимательно следили за дискуссиями вокруг «европейской армии», разделившись на сторонников и противников этой идеи. Советский Союз также не остался в стороне от европейских событий. Поскольку центром борьбы вокруг этого проекта была Франция, то задачей моей статьи является показать политическую борьбу во Франции по вопросу создания ЕОС.

В октябре 1950 г. французское правительство выступило с проектом создания Европейского оборонительного сообщества. Страны-участницы должны были объединить свои военные силы в единую наднациональную «европейскую армию». Договор о создании ЕОС был подписан в мае 1952 г. шестью европейскими странами: Францией, Германией, Италией, Бельгией, Нидерландами и Люксембургом¹. Этот проект предусматривал растворить национальные армии в общей европейской, унифицировать вооружение, обмундирование. В процессе рассмотрения эти условия пересматривались, вызывая волну протеста. Решающим этапом на пути создания военного союза стало рассмотрение вопроса о ратификации договора в Национальном собрании Франции. В августе 1954 г. он был отклонен страной, которая сама выступила с инициативой создания «европейской армии».

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Несмотря на то, что договор о создании Европейского оборонительного союза был подписан между шестью государствами, горячая борьба вокруг этого вопроса разгорелась именно во Франции. Обсуждение этого проекта раскололо не только политические партии, но и французскую общественность на тех, кто поддерживал эту идею и их оппонентов. В других странах-участницах выступления против «европейской армии» были редки и не имели большой поддержки. Эти особенности были отражены в газетах «Известия» и «Правда». Большинство статей посвящалось событиям во Франции. О странах Бенилюкса упоминалось лишь тогда, когда речь заходила о каких-то совместных совещаниях. Несколько раз указывалось о выступлениях протеста в Италии. При характеристике позиции ФРГ делался акцент на том, что канцлер К.Аденауэр направлял все усилия на реализацию этого проекта, вопреки желанию германского народа².

С первых же шагов на пути создания ЕОС, когда французский министр Рене Плевен выступил с этой инициативой в 1950 г., советская пресса начала освещать эту тему. «Известия» и «Правда» заняли непримиримую позицию в отношении «европейской армии». В качестве аргументов они приводили то, что эта армия не отвечала интересам Франции. По мнению газет, эта идея появилась по «указке» Вашингтона и должна была удовлетворять его интересам. «Известия» писали: «В своем современном выражении «Соединенные Штаты Европы» порождены американским империализмом, который в политике закабаления европейских народов усматривает одну из предпосылок осуществления своих обширных планов мирового господства³. На страницах советских газет часто публиковались мнения по интересующим вопросам авторитетных историков, каким являлся профессор А.Ерусалимский. Он подчеркивал, что «планы объединения являются по своему происхождению целями американского империализма, который использует французскую вывеску, чтобы обмануть западноевропейские народы, заставить их пойти на национальное унижение и примириться с общим курсом»⁴. Главное опасение автора статьи было связано с формированием германских дивизий с германским командованием. А.Ерусалимский скептически отзывался о гарантиях, которые давали США и Англия не возрождать германский милитаризм. При этом, Англия, давая подобные гарантии, не ступала в военный союз, боясь тем самым ослабить свои позиции⁵.

Важнейшим аргументом, выдвигавшимся в статьях газет «Известий» и «Правды» против «европейской армии», было то, что реализация этой идеи способствовало бы перевооружению Германии и возникновению военной угрозы.

Несмотря на то, что статьи газет негативно оценивали интеграционные процессы в Европе, в них содержалось много информации, касавшейся кон-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

кретных событий, происходивших в процессе обсуждения проекта о ЕОС. Часто делалась ссылка на французские газеты, что дает возможность понять атмосферу, царившую во Франции во время обсуждения проекта. 7 февраля «Правда» по материалам «Монд» сообщила, что «правительственные круги Франции ведут активную подготовку к ратификации договора о ЕОС. Как сторонники, так и противники этого соглашения хотят поскорее приступить к дебатам, чтобы придти к тому или иному решению, ибо отсутствие решения сковывает ход французских дел и отравляет обстановку»⁶.

На страницах советских газет приводятся мнения противников создания «европейской армии». Чаще всего публикуются статьи из коммунистической газеты «Юманите», освещается позиция Всеобщей конфедерации труда, различные общественные акции, проводимые против военного союза⁷. Эта однобокость подачи информации не позволяет читателю увидеть противоположную сторону процесса – действия сторонников Европейского оборонительного союза.

Статьи «Известий» и «Правды», выражая свою враждебную позицию к «европейской армии», подчеркивая невыгодность этого проекта для Франции, позволяют читателю увидеть сложность, неоднозначность подхода в отношении этой идеи во французском обществе, вылившегося в политическую борьбу.

1. Наумова Н.Н. Франция и проблема учреждения военно-политического объединения в Западной Европе (1950-1954) // Вестник Московского университета. Сер.8. История. 2005. № 2. С.5.

2. Цит. по: Против вооружения Западной Германии. Правда. 1952. 15 октября.

3. Цит. по: Американские планы "европейского сообщества" // Известия. 1951. 5 июля.

4. Цит. по: Ерусалимский А. Американские планы европейского общества // Известия. 1952. 4 июля.

5. Там же.

6. Цит. по: Вопрос о судьбах Франции // Правда. 1954. 7 февраля.

7. Огнев И. Народ Франции против «европейской армии» // Известия. 1954. 22 августа.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
АРХИВЫ И ВЛАСТЬ: ПРОБЛЕМЫ КОМПЛЕКТОВАНИЯ
КАДРОВОГО СОСТАВА (НА МАТЕРИАЛАХ САМАРСКОЙ
ГУБЕРНИИ)

Пятовский В.Л.

Самарский государственный педагогический университет

Декрет «О реорганизации и централизации архивного дела...» от 1.06.1918 г., который означал коренное реформирование всей архивной системы, осуществлялся в условиях Гражданской войны, что не могло не отразиться на его реализации. Прежде всего необходимо отметить слабость государственной власти, которая, по понятным причинам, не имела возможности осуществлять централизованное управление архивным строительством, на местах это выразилось в том, что инициатива создания губернских архивных учреждений принадлежала в большинстве случаев Губернским ученым комиссиям. В Самаре при активном участии Комиссии, а так же ряда научных обществ Университета была создана Коллегия архивного фонда, которую вскоре возглавил бывший князь, С.А.Хованский, происхождение не помешало ему быть утвержденным Главархивом, который в то время возглавлял довольно либеральный Д.Б.Рязанов¹. Надо сказать, что в первые годы своего существования губархив был в значительной степени независим от центра, это нашло выражение в большой роли Коллегии, а позже Совета при уполномоченном, которые по сути брали на себя часть полномочий Главархива. Что касается комплектования штата Самарского губархива, то вплоть до 1924 г. оно происходит без сколько нибудь существенного влияния партийных и государственных органов. При этом отношения между властью и архивными работниками складывались непросто, что было связано прежде всего с социальным происхождением последних. Заведующий архивом Хованский С.А. за период с 1918 по 1920 гг. арестовывался трижды и даже помещался в камеру смертников. Не нуждаются в комментариях предъявляемые обвинения – дважды он арестовывался как «классовый враг». Но все три раза Хованский С.А. отпускался за недоказанностью². Безусловно, давление карательных органов определенным образом сказывалось на состоянии штата архива, но его не следует преувеличивать, т.к. активность этих органов не носила характера целенаправленной деятельности, сознательно направленной на внесение изменений в кадровый состав архива, за это говорит тот факт, что аресты Хованского С.А. никак не сказались на положении занимаемом им в архиве.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Ситуация меняется в начале 20-х гг., когда к руководству Коллегией Главархива приходит М.Н.Покровский, который берет курс на централизацию и «большевизацию» архивной системы³.

Если в центральных архивах начало «большевизации» относят к 1922 г., когда была осуществлена «чистка» Петроградского отделения Центрархива (ЦА), то в провинции это – 1924 г., точкой отсчета здесь может служить циркуляр ЦА «об образовании политических секций...», в соответствии с которым политсекцию должен возглавлять большевик, а при назначении рядовых сотрудников – учитывать их партийность⁴. В результате уже в ноябре 1924 г. был назначен новый заведующий Самарским архивным бюро, коим стал Р.Я. Озолин, бывший рабочий, состоявший в партии с 1904 г., бывший сотрудник органов ЧК- ГПУ, он был направлен в архив, по его словам, для «осуществления общего политического руководства архивным делом»⁵. Об отношении нового со старыми специалистами можно судить по отзыву Озолина в одном из отчетов в ЦА, где он характеризует старый штат архива как «князей и их подголосков» и прямо указывает на борьбу внутри архива⁶. С приходом Р.Я. Озолина постепенно в состав архива вводятся коммунисты, но радикальные перемены происходят в период с октября 1925 г. по октябрь 1926 г., когда уходят сразу 10 человек, в том числе все те, кто работал в архиве с момента его основания.

Результатом «чисток» стало значительное снижение образовательного уровня архивных работников. К октябрю 1926 г. в составе архива не остается ни одного сотрудника с высшим образованием, а большая часть имеет низшее или не имеет его вовсе, и только 7 человек обладали средним образованием, причем именно партийные работники имели наиболее низкое образование: из восьми только у двоих было среднее⁷.

Необходимо отметить, что процесс «большевизации» натолкнулся на объективные трудности, связанные с низкой оплатой труда архивистов: члены ВКП (б) шли в архив довольно неохотно, по возможности пытались сменить род деятельности, рассматривая работу в архиве как временную, так в 1926 г. из числа новых сотрудников, членов ВКП (б) – ВЛКСМ, было почти половина, но не смотря на это курс на «большевизацию» был продолжен, число коммунистов росло, и к середине 1927 г. они составляли до 2/3 состава. Хотя Р.Я.Озолин и пытался скрыть снижение качества работы архива, он все же был замечен в Москве, и, на ряду, с признанием заслуг заведующего, ЦА указывает на то, что «наличие малоквалифицированных работников является тормозом в работе бюро» и рекомендует «взять курс на замену должностей, которые заняты лицами не имеющими специальной архивной, специалистами»⁸. В итоге, «большевизация» была приостановлена, но результаты ее были необратимы, «здоровому комму-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

нистическому духу» были принесены в жертву квалифицированные кадры архивистов.

Можно утверждать, что кадровые изменения в Самарском архивном бюро, вызванные «большевизацией», носили более радикальный характер, чем в целом по стране, где по состоянию на 1927 г. процент «партийных» в среднем составлял около 33%, тогда как в Самаре он приближался к 70%.⁹

1. Государственный архив Самарской области. Ф.Р-780.Оп.2.Д.3.Л.3.
2. Волжская заря. 1994. 22 ноября.
3. Хорхордина Т.И. История Отечества и архивы. М.,1994. С.90.
4. Сборник руководящих материалов по архивному делу. М.,1968. С.105.
5. ГАСО.Ф.Р-780.Оп.1.Д.1.Л.1-2об.
6. ГАСО.Ф.Р-780.Оп.2.Д.73.Л.18.
7. ГАСО.Ф.Р-780.Оп.2.Д.56.Л.97.
8. ГАСО.Ф.Р-780.Оп.2.Д.72.Л.14.
9. ГАСО.Ф.Р-780.Оп.Д.73.Л.30.

ОСВЕЩЕНИЕ КРЕСТОНОСНОЙ АГРЕССИИ В ПРИБАЛТИКЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIII ВЕКА В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ИСТОЧНИКАХ

Артемов А.С.

Самарский государственный университет

В последние годы данной теме было посвящено немало статей, очерков и книг. К великому сожалению большинство из них носит явно научно-популярный характер¹.

Но, вместе с тем появляются и издания очень высокого качества².

И в тех и в других изданиях внимание сконцентрировано в основном на Невской битве и Ледовом побоище. И это не удивительно, ведь споры о значении этих событий в истории России не утихают уже многие годы.

Сам же процесс покорения крестоносцами Прибалтики, как правило дается в сжатом, но достаточном чтобы составить общую картину событий, виде.

Теперь затронем непосредственно интересующую нас тему, а именно – источники по данной проблеме. Что касается русских источников, то здесь можно отметить Новгородскую Первую летопись старшего извода. А также «Житии Александра Невского». Но, только русскими источниками ограничиваться ни в коем случае нельзя, поэтому поговорим о западноев-

ХІІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ропейских источниках. К сожалению их не так много как хотелось бы. А из тех что мы имеем центральное место занимают следующие:

1) «Хроника Ливонии» Генриха Латвийского³. Ее автор – церковный священник и непосредственный участник христианизации Ливонии. »Хроника» Генриха состоит из четырех книг. Ее хронологические рамки охватывают период с 1186 по 1227 год.

2) «Старшая Ливонская Рифмованная Хроника». Она содержит 12 017 стихов. Имя автора «рифмованной хроники» неизвестно. Установлено, что хроника составлена в последние десятилетия 13го века. Содержание «Рифмованной хроники» охватывает период от начала немецкой агрессии в Прибалтике (конец 12го века) до последнего десятилетия 13го века⁴.

Подводя итоги вышеизложенного можно сделать два вывода:

1) Ценность западноевропейских источников в том что именно в них мы можем найти те сведения которые не содержатся в русских источниках. Например, о взаимоотношениях Рижского епископа с Ливонским орденом.

2) Большую ценность для исследователя представляет сравнение данных западноевропейских и русских источников. Здесь можно вспомнить хотя бы, ставшую уже хрестоматийной, проблему подсчета павших в Ледовом побоище немцев.

В Новгородской Первой летописи указывается что рыцарей погибло 400 и еще 50 попали в плен, в то время как «Рифмованная хроника» говорит о 20 погибших рыцарях и о 6 взятых в плен.

Такое расхождение объясняется тем, что наши предки видимо посчитали рыцарями всех немецких воинов на одежде и на щитах которых был изображен крест.

Исходя из вышесказанного можно заключить что рассмотрение крестоносной агрессии в Прибалтике в первой половине 13 века просто невозможно.

1. Широкоград А.Б. Дипломатия и войны русских князей. М.,2006.
2. Андреев А., Шумов С. Тевтонский Орден. Крах крестового похода на Русь. М.,2005.
3. Генрих Латвийский. Хроника Ливонии / пер.С.А.Анниского. М.-Л., 1938.
4. Бегунов Ю.К., Клейнберг И.Э., Шаскольский И.П. Письменные источники о Ледовом Побоище. М.-Л., 1965.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ВЛАСТЬ. ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

Анциборова Л.С.

Самарская государственная экономическая академия

Проблема «интеллигенция и власть» весьма актуальна. Власть в значительной степени определяет духовную сферу общества, главным действующим лицом которой является интеллигенция – носитель и хранитель культуры, образования и науки. «Интеллигенция является духовно-нравственным ядром общества»¹.

Важнейшим представляется аспект взаимодействия представителей интеллигенции и политической власти, так как именно он вскрывает смысл феномена интеллигенции в России и отвечает на вопрос о ее предназначении. Кроме этого, характер взаимоотношений творческой интеллигенции и власти во многом определяет качественные характеристики культуры.

В этом смысле интересен период 1980-90-х годов, насыщенный кардинальными событиями в отечественной истории. В отечественной историографии нет пока названия этому этапу, однако, он вместил в себя «перестройку» и демократические реформы приведшие к смене общественного строя и нуждается в особом осмыслении.

В конце XX века, в условиях раскола российского общества, не утихающих политических страстей важным является вопрос об общественно-политическом развитии интеллигенции страны. Интерес к ее роли в общественном развитии никогда не утрачивал своей актуальности, поскольку российская интеллигенция всегда занимала особое место в общественной жизни страны, будучи в той или иной степени вовлеченной в политическую борьбу. Одним из наиболее активных отрядов интеллигенции принявшим и поддержавшим «перестройку», была художественная интеллигенция.

Глубокие перемены 1965-1985 годов, преобразившие формы функционирования экономики, содержание отношений между обществом и властью, изменили социальный, нравственный облик интеллигенции, характер ее взаимоотношений с властью. Продолжалось расслоение интеллигенции, изменение ее статуса и самого понятия. Интеллигенция, бывшая духовной элитой, превратилась в массу людей, включающую многочисленные социальные группы и категории: инженеров, административно-управленческий персонал, ученых, артистов, преподавателей.

После августовской революции демократическая интеллигенция стала стремительно раскалываться, все большая часть ее переходила в оппозицию к новой демократической власти. Интеллигенция в эти годы переживала глубочайший кризис, что оказывает негативное воздействие на ре-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

формы в России. После августа 1991 года проблема «интеллигенция и власть» вновь приобрела чрезвычайно актуальное значение. Вновь интеллигенция пришла к власти, встал вопрос как себя вести и что делать с полученными лаврами.

В социокультурном развитии российской провинции интеллигенции всегда принадлежала значимая роль.

В обобщающих трудах и специальных исследованиях рассмотрение проблемы интеллигенции в масштабе всей страны и особенно столичной интеллигенции нашло свое отражение. Однако на уровне крупных регионов России, вопреки, казалось бы, их возросшему значению и роли, проблема изучена гораздо меньше. К сожалению, работ, прямо или косвенно связанных с исследованием поволжской интеллигенции, ее взаимоотношения с властью (особенно в период 1980-90-х годов), довольно мало².

Что касается работ по интеллигенции, то их хронологически можно разделить на три части: дореволюционный период, советский и современный.

Для дореволюционных работ было характерно перенесение концепта «интеллигенция» из сферы философии, где оно означало особое состояние духа, в сферу социологии – применительно к исторически и социально конкретной части народы, взявшей от имени своего народа на себя функции общественного самосознания³. В это время в стране происходили значительные изменения переломного характера: разложение сословного строя и развитие капиталистических отношений. Реформируемая Россия нуждалась в резком увеличении количества высококвалифицированных специалистов: инженеров, юристов, врачей, учителей, которое происходило не только из среды дворянства, но из других – менее привилегированных сословий, формируя быстро растущий слой «разночинной интеллигенции», получающих чин и звание по праву образования. В силу ряда причин многих ее представителей не устраивал существующий в стране социальный и политический строй, они желали его изменить, причем не столько для себя, сколько во имя и во благо народа, не устраивали их и порядки буржуазного Запада⁴.

Что касается работ по интеллигенции, вышедших в советское время, то в силу тоталитарного характера существующего строя, требующего моноидеологии и не признающего духовного и научного плюрализма, понимание интеллигенции по сравнению с дореволюционным периодом становится менее разнообразным. Социологически она понимается как «прослойка» между двумя «основными классами» советского общества – рабочим классом и трудовым крестьянством, а этически как особый слой людей, занятых в сфере духовного производства и обладающих особым духовным качеством – интеллигентностью. Что касается «интеллигенции и власти», то весь советский период был периодом умолчания о сущности и

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

многих важнейших аспектах политической власти, и, прежде всего, об ответственности власти перед интеллигенцией. В 80-90-х годах XX века это самым роковым образом сказалось на судьбах станы, ее народов.

Только к началу 90-х годов XX века появляются сборники, в которых на основе данных социологических исследований анализируется влияние советской интеллигенции на перестройку в обществе, развитие процессов демократизации и гласности как в стране в целом, так и на конкретном предприятии⁵. В современных работах обозначается тенденция к снятию противоречий между этическим и социологическим подходами через применение культурологического подхода к исследованию интеллигенции, и рассмотрение ее, одновременно, в качестве как исторического, так и социокультурного феномена. Усилился интерес к исследованию социальной роли интеллигенции в трансформационных процессах. Преодолению этих противоречий способствует деятельность существующего в Иваново с 1992 года Межвузовского центра РФ «Политическая культура интеллигенции, ее место и роль в истории Отечества», на базе которого в 1998 году создан НИИ Интеллектоведения, разрабатывающий новую теоретико-методологическую парадигму интеллектоведения как самостоятельной отрасли научного знания, осуществляющий координацию научно-исследовательских работ по проблемам интеллигенции РФ, стран ближнего и дальнего Зарубежья, накопление и использование уникальных научно-информационных материалов, а также подготовку и переподготовку специалистов по данной проблеме⁶.

Начиная с 1991 года, регулярно выпускаются сборники, в которых содержится материалы, характеризующие интеллигенцию в российском обществе, в современном российском обществе. Рассматриваются вопросы роли и места интеллигенции в особый период становления в стране рыночных отношений и как в этих условиях сохранить социальную группу образованных людей, интеллектуальный потенциал нации в условиях кризисной ситуации в стране⁷.

В современной научной литературе, прежде всего исторической литературе проблема «интеллигенция и власть» представлена в нескольких аспектах. Многие современные исследователи акцентируют внимание на том, что интеллигенция сегодня широко представлена во всех политических силах, активно действующих в России и, влияющих на политику и формирование властных структур⁸. Подчеркивается также различие между функциями властных структур и интеллигенцией в политике. Другие утверждают, что интеллигенции, особенно творческой, чуждо непосредственное участие в политике⁹.

Можно отметить ряд монографий, где поднимается проблема «интеллигенция и власть». Например, в работе Л. Остермана «интеллигенция и

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

власть в России»¹⁰ понятие «интеллигенция» рассматривается в период 1985-1996 гг. Власть в указанный период была фактически персонифицирована сначала Горбачевым, потом Ельциным. А сам выбранный период ограничивает время некоторого взаимопонимания и сотрудничества интеллигенции с ними.

Еще одним показателем, что в настоящее время интерес к проблеме взаимоотношения интеллигенции и власти проявляется с большей силой, является увеличившееся число квалифицированных исследований. За последние годы регулярно пишутся и защищаются диссертации, авторы которых, так или иначе, обращаются к проблеме¹¹. Летом 2006 года на кафедре Самарского Государственного Университета Глухой Т.В. была защищена кандидатская диссертация на тему «Творческая интеллигенция и власть в Среднем Поволжье в период 1920-30-х годов»¹². Автор рассматривает политику советской власти по отношению к творческой интеллигенции, творческую интеллигенцию Среднего Поволжья в условиях культурного строительства периода 1920-30-х годов.

Несмотря на большое количество работ по проблемам интеллигенции, появившихся особенно в последние годы, в нашем интеллигентоведении до сих пор существуют видимые противоречия, которые выражаются в отсутствии единства в восприятии интеллигенции, в отсутствие четкого понимания интеллигенции (либо как социального феномена, либо как феномена исторического). К тому же в науке до сих пор существует несогласованность понятий «интеллигенция», «интеллектуал», «образованный слой» и т.д.

1. Чуприна В.И. Интеллигенция и власть: исторический опыт взаимодействия в середине 50-х – начале 90-х гг. XX. в. М., 2000.

2. Боганцева С.С. Художественная интеллигенция и власть в СССР. М., 1995; Власть и интеллигенция в сибирской провинции. Новосибирск, 1996; Жидков В.С. Театр и власть. М., 2001; Остерман Л. Интеллигенция и власть в России. М., 2000; Сизов С.Г. Интеллигенция и власть. История и судьба. М., 2000.

3. Кондаков И.В. К феноменологии русской интеллигенции // Русская интеллигенция. История и судьба. М., 2000. С. 72.

4. Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. Репр. изд. 1909 г. М., 1990. 212 с.

5. Интеллигенция и перестройка. М., 1991. 182 с.

6. Интеллигенция. Провинция. Отечество. Проблемы истории, культуры, политики. Иваново, 1996; Интеллигент и интеллигентноведение на рубеже XXI в. Иваново, 1999; Актуальные проблемы историографии отечественной интеллигенции. Иваново, 1996.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

7. Интеллигенция в социальных процессах современного общества. М., 1992. 182 с.

8. Актуальные проблемы историографии отечественной интеллигенции. Иваново, 1996. С. 50

9. Там же. С.63.

10.Остерман Л. Интеллигенция и власть в России (1985-1996). М., 2000. 377 с.

11.Сальников В.И. Провинциальная интеллигенция в период трансформации российского общества второй половины 1980-90-х гг. Воронеж, 2003; Чуприна В.И. Интеллигенция и власть: исторический опыт взаимодействия в середине 50-х – начале 90-х гг. XX в. М., 2000 и др.

12.Глухова Т.В. Творческая интеллигенция и власть в период 1920-30-х гг. в Среднем Поволжье. Самара, 2006.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Секция «Русская культура»

УКАЗ 1762 г. О ПЕРЕСЕЛЕНИИ СТАРООБРЯДЦЕВ И ОСНОВАНИЕ ИРГИЗСКИХ СКИТОВ

Наумлюк А.А.

Саратовский государственный университет

По единодушному мнению историков раскола¹, Саратовский край стал прибежищем для старообрядцев уже во второй половине XVII столетия, однако массовое поселение старообрядцев в этих местах началось в середине века XVIII. Прежде всего, это было связано с разрешением староверам занимать пустующие земли по рекам Большому и Малому Иргизу. С середины XVIII века здесь образуются знаменитые Иргизские старообрядческие монастыри.

После поражения раскола в Соловецком противостоянии (1669-1676 гг.) северные староверы основали в Польше в районе реки Ветки крупнейший центр старообрядчества². С 1735 г. ветковские старообрядцы начинают испытывать постоянные притеснения со стороны гражданских властей, что закончилось полным разгромом монастырей в 1764 г. Поэтому неудивительно желание староверов вновь найти себе безопасное пристанище. Таким местом для притесняемых раскольников могли стать пустынные земли по берегам Иргиза. Инициатива переселения пришла с самого Поволжья. По воспоминанию известного поэта и государственного деятеля Гавриила Романовича Державина автором проекта поселения беглых староверов на Иргизе был крестьянин села Малыковки (ныне г.Вольск) Иван Серебряков³. Имя Серебрякова в исследовательской литературе появляется не часто, однако именно при его участии было позволено беглым старообрядцам вернуться на Родину. На проект первоначально обратил внимание император Петр III, отправивший указ на рассмотрение в Сенат. Ответа не пришло из-за случившегося 28 июня 1762 г. переворота.

Восшедшая на престол императрица Екатерина II начала с колонизаторской политики привлечения в Поволжье разного люда, имевшего желание поселиться в России. 14 октября 1762 г. вышел известный манифест «просвещенной царицы» о том, что «не только иностранных разных наций, кроме Жидов, благосклонное с Нашею обыкновенную Императорскую Милостию, на поселение в Россию приемлем, и наиторжественнейшим образом утверждаем, что им хотяб по законам и следовало учинить наказание, но однакож все их до сего преступления прощаем»⁴.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

До 1766 г. на Волге образовалось 104 иностранных колоний⁵. В 1763 г. для разработки солевых месторождений о.Эльтон сюда приглашались малороссийские чумаки. Наконец, 14 декабря 1762 г. вышел Сенатский указ, разъясняющий повеление императрицы относительно раскольников, пожелавших вернуться в свое Отечество. Указ был направлен исключительно к староверам, о чем прямо указывалось: «до сего бежавшими из своего отечества в Польше и в других за границу местах не малое число находится раскольников»⁶.

Пограничному контролю запрещалось чинить какие-либо препятствия приходящим беглецам, их надлежало с новыми паспортами препровождать в Астраханскую губернскую или Саратовскую воеводную канцелярию, где с них брали подписку о несобращении в раскол и выдавали Открытый лист.

Указ 14 декабря 1762 г. остался в литературе не более чем очередным этапом заселения Поволжья. Однако представляется, что именно он послужил основным источником для колонизации Саратовского края в XVIII веке. Так за три года сюда пришло 6 с половиной тысяч семей иностранных колонистов⁷, тогда как только в 1763 г. с Ветки на Иргиз отправилось, по переписи генерала Маслова, около 20 тысяч⁸. Сюда следует прибавить непрерывный поток беглого населения, находившего в раскольничьей среде безопасное жительство. В окрестностях образовалось несколько старообрядческих селений: Криволучье, Балаково, Каменка и Мечетное (ныне г.Пугачев); и пять монастырей – три мужских и два женских.

Всех Иргизских старообрядческих монастырей было образовано пять: три мужских (Нижне-Воскресенский – Авраамиев, Средне-Никольский – Пахомиев-Филаретов, Верхне-Спасопреображенский – Исаакиев) и два женских (Успенский – Анфисин, Покровский – Маргаритин)⁹. При этом женские обители, основанные на землях соседних мужских монастырей играли весьма несущественную роль в образовании Иргизского старообрядческого центра.

Оценивая значение образования Иргизского старообрядческого центра для Саратовского края нельзя не признать, что указ 1762 г. явился одним из основных законоположений на основе которого проводилась колонизация Заволжья. Однако практически это касалось лишь первой волны вернувшихся из Польши староверов – то есть тех, кто основал Иргизские монастыри и прилегающие раскольнические селения. В дальнейшем сами обители стали притягательным местом паломничества для староверов России, селившихся либо в самих монастырях, либо в их окрестностях.

В русле же общегосударственной политики основание Иргизского раскольнического центра вполне закономерно вписывается в религиозный рационализм Екатерины II, рассматривающей старообрядчество в виде крупного экономического потенциала страны.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

1. Воробьев М. Православное краеведение. Очерки церковной истории Вольска и Саратовского края. М., 2002; Соколов Н. С. Раскол в саратовском крае. Опыт исследования по неизданным материалам. Поповщина до пятидесятих годов настоящего столетия. Саратов, 1888.; Перетяткович Г. И. Поволжье в XVII и в начале XVIII века. Одесса, 1882. Т. 2.

2. Филарет архиеп. История Русской церкви. Изд. Сретенского монастыря, 2001. С. 634-635.

3. Державин Г. Р. Записки из известных всем происшествиев и подлинных дел, заключающих в себе жизнь Гавриила Романовича Державина. СПб., 1859. С. 415.

4. Полное собрание законов Российской Империи. С. 126-127.

5. Гераклитов А. А. Указ. соч. С. 374.

6. Полное собрание законов Российской Империи. С. 130.

7. Там же. С. 374.

8. Филарет, архиеп. Указ. соч. С. 784.

9. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 106. Л. 28, 56, 79.

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ УЧИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И УРОВЕНЬ ИХ ПОДГОТОВКИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Хохлова И.Л.

Самарский государственный университет

Источниками для исследования данной проблемы послужили законодательные и нормативные документы. В частности, «Положение о начальных народных училищах» от 14 июля 1864 года, «Устав гимназий и прогимназий» от 19 ноября 1864 года, «Устав гимназий и прогимназий» от 30 июля 1871 года, «Положение о городских училищах» 1872 года, а так же материалы делопроизводства – отчеты Министра народного просвещения, отчеты попечителей учебных округов, штатные расписаниями, ведомости и пр.

Осуществление в России в 60 – х годах XIX века буржуазных реформ содействовало более быстрому развитию капиталистической экономики, а это, в свою очередь, повысило тягу к образованию.

В России указанного периода система образования была очень разветвленной и сложной, но наибольшая информация в законодательных источниках представлена о гимназиях и городских училищах, поэтому объектом данного исследования являются именно указанные типы школ.

Появление городских училищ вызвало необходимость обеспечить их учительскими кадрами. Дело усложнялось тем, что городские училища по своей структуре были разнотипны, они делились на двух-, трех-, четырех-,

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

пяти- и шестиклассные, но не по числу лет обучения, которое везде было одинаковое, а по количеству учителей. В двухклассном училище при шестигодичных отделениях работало два учителя, иначе говоря, каждый учитель одновременно должен был заниматься с тремя отделениями; если в училище было три учителя – с 2 отделениями. Учитель, следовательно, вел преподавание всех предметов в своих отделениях. Только уже в XX веке классная система была заменена предметной¹.

Одновременно с «Положением о городских училищах» министерство народного просвещения утвердило 31 мая 1872 года «Положение об учительских институтах». В «Положении» указывалось, что учительские институты – учебные заведения закрытого типа, воспитанники должны были жить в интернатах при институтах. Курс обучения устанавливался в три года. «Нормальное число воспитанников в каждом учительском институте полагается 75, из них 60 на полном содержании министерства народного просвещения, остальные 15 – стипендиаты других ведомств, частных лиц и своекоштные»². В учительские институты принимались молодые люди всех «званий и состояний», не моложе 16 лет, выдержавших экзамен на курс уездного (городского) училища.

Учительские институты не были привилегированными учебными заведениями. Большинство учащихся учительских институтов были выходцами из крестьян и средних городских сословий.

В зависимости от категории учебного заведения преподавать могли окончившие:

- курс в высших учебных заведениях;
- в учительских семинариях и вообще получившие специальную подготовку и образование;
- в специальных учебных заведениях;
- в средних учебных заведениях;
- в низших учебных заведениях;
- получившие домашнее воспитание и право преподавания по экзамену³.

Уставы 1864 и 1871 годов определяли необходимость преподавателю гимназий иметь университетское образование. Однако этого было недостаточно: для начала работы требовался документ об окончании учительских курсов⁴.

Особое место в «Положении» отводилось вопросу о личности учителя. Право преподавания в училищах получали и лица духовного звания, и светские лица. Однако если духовные лица имели право преподавания, не подтверждая свою компетентность и благонадежность никакими документами, то светские лица согласно § 16 «Положения» должны были получить разрешение на преподавание от уездного училищного совета по представ-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

лении удостоверения в добропорядочности и благонадежности. Уездные и губернские училищные советы согласно этому «Положению» становились органами руководства и контроля за деятельностью училищ на местах. В состав училищного совета входили представитель министерства народного просвещения, представитель министерства внутренних дел, представитель городского самоуправления. Возглавлял училищный совет председатель, выбиравшийся из членов совета. Председателем губернского училищного совета мог быть только архиерей⁵. Лицами, удостоверявшими благонадежность, были местные помещики, духовные чины, полицейские и некоторые другие чиновники, известные училищному совету. Без этого даже при наличии самой высокой общей и педагогической подготовки нельзя было получить разрешение на занятие учительской должности⁶.

Выпускники учительских институтов не пользовались правами и льготами, которые были предоставлены выпускникам средних учебных заведений. Министерство народного просвещения не разрешало, например, выпускникам учительских институтов держать экзамен на звание воспитателя гимназии, хотя такие права были даны выпускникам гимназий, реальных училищ и других средних учебных заведений. Между тем, выпускники средних общеобразовательных учебных заведений не имели никакой педагогической подготовки, в то время как окончившие учительские институты, многие из которых до поступления в институт работали учителями начальной школы, имели специальное педагогическое образование.

Правительство мало тревожилось отсутствием подготовленных учителей для городских и сельских начальных училищ, а недостаток их был весьма ощутим. Как указывается в «Подробной объяснительной записке к проекту сметы министерства народного просвещения на 1912 год», из 4912 учителей городских и других соответствующих им училищ, на 1910 год окончили учительские институты 2480 человек, то есть меньше половины. Несмотря на это в последующие годы количество учительских институтов росло медленно. На январь 1911 года учительский персонал начальных школ всех ведомств состоял из 71430 учителей, 115030 учительниц и 49051 законоучитель, из которых в начальных школах работали 49745 учителей, 64475 учительниц, а в городских училищах преподавали 9866 учителей⁷.

Дальнейшие дополнения в законодательство о частных учебных заведениях были внесены в 1879 году и касались допуска преподавателей в частные школы. До указанного момента считалось, что в учебные заведения, которые не обладают правами для учителей и учащихся, учителя назначаются по правилам, применимым к частным учебным заведениям. Но в то же время в законодательстве о частных училищах эти правила фактически отсутствовали, и часто содержатели частных учебных заведений нанимали

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

преподавателей по своему усмотрению. По положению 1879 года делать это можно было только с согласия учебного ведомства⁸.

В заключение можно сказать о том, что в учительской среде преобладал слой разночинцев (было характерно для городских училищ) и среди учителей гимназий большинство было выходцев из дворянских семей. Такое различие диктовалось, прежде всего, различными требованиями к уровню образованности педагогов.

Но, тем не менее, правительство не делало решительных шагов для улучшения сложившейся ситуации.

1. Кузьмин Н.Н. Учительские институты в России. (Лекции по истории педагогики) Челябинск, 1975. С. 4.

2. Цит. по: Кузьмин Н.Н. Учительские институты в России. (Лекции по истории педагогики) Челябинск, 1975. С. 4.

3. Стойкович Ю.А. Положение учителя и ученика в образовательных учреждениях Самарской губернии в конце XIX – начале XX века// Историко – археологические изыскания. Выпуск 1. СГПУ. Самара, 1996. С. 67.

4. Руднева Т.И. Указ. соч. С. 89.

5. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. 2-я половина XIX в./ Под ред. А. И. Пискунова. М., 1976. С. 516.

6. Смирнов В. З. Реформа начальной и средней школы в 60-х годы XIX века. М., 1954. С. 144.

7. Сучков И.В. Социальный и духовный облик учительства России на рубеже XIX – XX вв // Отечественная история. 1995, № 1. С. 64.

8. Чеков М. О. Частные школы Поволжья во второй половине XIX – начале XX веков. Самара, 1999. С. 12.

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ СИСТЕМЫ МИССИОНЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1905-1917 гг.)

Кутлакова М.В.

Тольяттинский государственный университет

Российская империя начала XX века являлась полиэтничным и поликонфессиональным государством, где одним из основных средств интеграции населения до революции 1917 г. выступала Русская православная церковь в соответствии со статусом официальной религии.

Церковь распространяла свое вероучение на территории страны с помощью миссионерской деятельности, которая имела два направления: «внутреннюю» и «внешнюю». «Внутренняя» миссия осуществляла распро-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

странение веры среди «отпавших» от православия: старообрядцев и сектантов, представителей других христианских «инославных» конфессий: католиков и протестантов. Миссия «внешняя» занималась веропроповедничеством среди представителей нехристианских учений: мусульман, буддистов и язычников.

К началу XX века в России сформировалась система миссионерства, основанная на деятельности ряда церковных учреждений и работе отдельных миссионеров. Общее руководство миссионерством осуществлял Святейший Синод, как орган управления всей деятельностью Русской православной церкви¹.

Средством обращения в Православную церковь старообрядцев являлось введенное в начале XIX века указами Синода от 27 октября 1800 года и от 6 февраля 1801 года, так называемое «единоверие». В основе этого средства лежал компромисс, основанный, с одной стороны, на признании «раскольниками» церковной иерархии а, с другой стороны, на разрешении им совершать богослужение с некоторым нарушением существующих на данное время православных канонов – с употреблением «двоеперстия» и «старопечатных книг».

Большое значение имела государственная вероисповедная политика, которая включала такие средства, как за крещение в православие предоставляли значительные льготы, наделяли землей и пр., а переход в другие конфессии, действующие на территории страны, карался как уголовное преступление².

В результате миссионерской деятельности церкви, в начале 1905 г. к православию принадлежало 87 893 875 человек и немногим более 400 000 единоверцев, что составляло около 70 % от населения Российской империи иной национальности³.

Однако революционные события 1905 года показали назревшую в российском обществе необходимость модернизации всех сфер жизни страны, вынудили царское правительство обнародовать уже давно имевшиеся в проекте некоторые свободы в области вероисповедной политики.

17 октября 1905 года был объявлен «Высочайший указ» о веротерпимости, который существенно сокращал разницу в правовом положении между Православной церковью и другими религиями, действующими на территории империи. Христианским конфессиям разрешалось иметь свои учебные заведения. В отношении нехристианских вер указ ходатайствовал об облегчении процедуры разрешения на строительство их культовых и учебных учреждений. А главное, новым вероисповедным указом фактически отменялись наказания государственного «Уголовного уложения» за переход из православия в «инославные» христианские церкви, старообрядчество и сектантство. Соответственно, новый закон не препятствовал су-

ХІІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ществованию в России старообрядческих и сектантских общин. Указ 17 октября 1906 г. определил порядок образования общин, права членов и руководителей. Соответственно, последователи иных религий стали широко использовать в своих целях царские манифесты.

Результатом новой вероисповедной политики стал кризис миссионерской деятельности Православной церкви. Показателем данного кризиса стал не только низкий процент привлеченных к церкви представителей из других конфессий, но и массовый отход от православия в другие вероучения, в особенности в ислам, католичество, протестантизм и старообрядчество. Поэтому была выдвинута задача усилить миссионерскую деятельность, выработать новые приемы полемического и апологетического воздействия на население.

С целью формирования новой системы миссионерской деятельности при Святейшем Синоде весной 1908 года было создано Особое Совещание по делам миссий. В результате были разработаны «Правила об устройстве внутренней миссии православной Русской церкви», которые были утверждены в мае 1908 года. В них указывалось на повсеместную обязательность миссии, в задачу которой входило и предупреждение духовного заражения сектантством членов Церкви, упор делался на привлечение к миссионерской деятельности всего православного прихода, состоящего из священноцерковнослужителей и православного населения, вакансии миссионеров были упразднены. Основной формой работы признавалось ознакомление православных с лжеучениями сектантов и способами их пропаганды. Уделялось внимание проповеди, поучению, частной беседе⁴.

«Правила получили поддержку на открывшемся в июле 1908 года в г. Киеве IV Всероссийском миссионерском съезде, принявшим так же постановление о привлечении к активному миссионерству монастырей, организации миссий в войсковых частях⁵. Если постановления Киевского съезда касались в основном регламентации работы «внутренней» миссии, то деятельность открывшегося в 1910 году в г. Казани миссионерского съезда была посвящена миссии среди «инородцев», мусульман и язычников, проживающих на территории Приволжско-Камского региона. Решениями Казанского съезда в основу «внешней» миссии был положен культурно-просветительский фактор, методами реализации которого должны были служить: подготовка кадров национальной учительской интеллигенции, общее просвещение «инородцев» через обучение в начальных церковных училищах⁶.

В результате новой постановки миссионерской деятельности, число присоединений к Православной церкви, начиная с 1909 года, стало превышать количество «отпадений» в другие конфессии. Данная тенденция происходила на фоне с каждым годом увеличивающегося общего числа право-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

славного населения Российской империи. Если к началу 1908 года в России было 91 704 580 православных, то к началу 1914 года их число было равно 98 534 800 человек⁷.

Таким образом, миссионерская деятельность Русской православной церкви с изменением вероисповедной политики государства в результате первой русской революции 1905-1907 гг. значительно модернизировалась, тем самым, сформировав новую систему. Миссионерство вышло на качественно новый уровень: «охранительная» система уступила место проповеди, поучению, частной беседе. О том, что это изменение позитивное подтверждает факт некоторой стабилизации ситуации.

1. Смолич И.К. История русской церкви. 1700-1917. Ч.2. М.,1997. С. 231.

2. Там же. С. 232.

3. Князева О.Р. Миссионерская деятельность РПЦ в 1905-1917 гг.(на примере епархий Пермской губернии). Автореф. на соиск. канд. наук. Пермь, 2000. С.12.

4. Филипов С.А. Социально-гуманитарная деятельность прихода Русской православной церкви в конце XIX-XX веков. (На материалах Самарской епархии) Автореф. на соиск. канд. наук. Самара, 2002. С.18.

5. Смирнов Н.А. Миссионерская деятельность Церкви (Вторая половина XIX в.- 1917 г.). // Русское православие: вехи истории. М., 1989. С.449.

6. См. Миссионерский съезд в Казани 18-26 июня 1910 г. Казань, 1910.

7. Князева О.Р. Миссионерская деятельность РПЦ в 1905-1917 гг. (на примере епархий Пермской губернии). Автореф. на соиск. канд. наук. Пермь, 2000. С.14.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЖУРНАЛА «МИР ИСКУССТВА» (1898-1904 гг.)

Александрова К.А.

Тольяттинский государственный университет

«Мир искусства» – это целый комплекс явлений русской художественной жизни 1890-х – 1910-х годов. Под этим названием издавался журнал, основанный кружком художественной интеллигенции, устраивались выставки; так именовалось содружество художников, постепенно сгруппировавшихся вокруг первоначального кружка¹. Ядро кружка составляли А.Н. Бенуа, Д.В. Философов, В.Н. Нувель, К.А. Сомов, Л.С. Бакст, Е.Е. Лансере, С.П. Дягилев.

ХІІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Именно в их среде сформировалось своеобразное художественное течение, за которым в искусствоведении закрепилось наименование «Мир искусства». Однако само название возникло позднее им был окрещен журнал, образовавшийся после первых выставок, в конце целого периода подготовительной деятельности².

Цель данной статьи – рассмотреть некоторые вопросы, связанные с процессом создания журнала «Мир искусства».

С первых шагов существования новое общество, образовавшееся вокруг «кружка Бенуа – Дягилева», отмежевалось от современных им ведущих художественных сил – передвижничества и Академии художеств, объявив о своем намерении искать новые пути в искусстве³.

Практическая задача, возникшая перед ними, состояла в поисках трибуны способной консолидировать силы молодых художников Петербурга и Москвы⁴. Ею мог бы стать художественный журнал. Непосредственная связь исканий художников с журналистикой и критикой обещала не только консолидацию творческих сил, но и незнакомые прежде русской художественной жизни возможности эстетической борьбы и пропаганды⁵.

Попытки реализации мечты о создании собственного органа начались примерно за пять лет до возникновения «Мира искусства». Лишь с 1896 г. идея журнала стала приобретать более или менее конкретные очертания⁶, но создан и издан он был лишь после первого опыта общего выступления «кружка Бенуа – Дягилева» в виде «Выставки русских и финляндских художников»⁷.

Летом-осенью 1897 г. С. Дягилев обсуждает с А. Бенуа организационно-практическую сторону намечающегося издания⁸. Журнал должен был основан на деньги меценатов С.И. Мамонтова и кн. М.К. Тенишевой⁹.

23 марта 1898 г. в Главное управление по делам печати поступило прошение о разрешении «выдавать в свет» новый журнал, состоявший из трех разделов: «1) отдел чистого художества (живопись, скульптура, архитектура, музыка, художественная критика), 2) отдел прикладного искусства или художественной промышленности, 3) отдел художественной хроники»¹⁰. Издательский договор был подписан уже 30 марта¹¹. После долгих споров журнал получил название «Мир искусства». 10 ноября 1898 г. вышел его первый номер.

Само название нового журнала отражало цель издания: охватить все области художественной культуры России и Европы, независимо от того, к какому направлению или времени они принадлежали. Главным критерием отбора должны были стать талантливость и художественность¹². Журнал ратовал за мастерство и профессиональную культуру, за свободу индивидуальности художника.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Просветительская работа «Мира искусства» направлялась по двум основным руслам: журнал освещал современное состояние изобразительного искусства в России и в некоторых странах Западной Европы, и планомерно, систематически открывал перед читателями забытые или непонятые ценности национальной художественной культуры прошлого¹³.

Среди иллюстрированных журналов конца XIX в. «Мир искусства» выделялся и высокой художественностью оформления. Обложка по рисунку Коровина, отлично выполненные репродукции, оформление с заставками и концовками в русском стиле, марка с символическим рисунком Бакста, изображающим одинокого орла на горной вершине. Чтобы добиться подобного вида журнала, редакции приходилось преодолевать многие технические затруднения¹⁴.

Современники отмечали, что «Мир искусства» был «совершенно передовой для своего времени журнал»¹⁵, начавший «необходимую борьбу за возрождение пластических искусств в России»¹⁶.

1. Журавлева В.Е., Машковцев Н.Г. «Мир искусства». Борисов-Мусатов. В кн.: История русского искусства: В 2-х тт. Т.2., кн.2. – 2-е изд., перераб. – М.: Изобр. искусство, 1980. – 288 с., ил. 216. С. 65-66.

2. Бенуа А. Н. Возникновение «Мира искусства». Русское искусство XVIII-XX вв. – М.: Пресском, Яуза, Эксмо, 2005. – 544 с. С. 293.

3. Гусарова А.П. «Мир искусства». – Л.: Художник РСФСР, 1972. – 99 с. С. 5.

4. Эткинд М.Г. А.Н. Бенуа и русская культура к.19-н.20 вв. – Л.: Художник РСФСР, 1989. – 480 с., ил. С. 59.

5. Эткинд М.Г. А.Н. Бенуа и русская культура к.19-н.20 вв. – Л.: Художник РСФСР, 1989. – 480 с., ил. С. 66.

6. Бенуа А. Мои воспоминания. В 5 кн. Кн. 4. – М.: Наука, 1993. С. 192.

7. Бенуа А.Н. Возникновение «Мира искусства». Русское искусство XVIII-XX вв. – М.: Пресском, Яуза, Эксмо, 2005. – 544 с. С. 294.

8. Бенуа А. Мои воспоминания. В 5 кн. Кн. 4. – М.: Наука, 1993. С. 192.

9. Тенишева М.К. Впечатления моей жизни. – М.: Захаров, 2002. – 396 с. С. 211-212.

10. По: Эткинд М.Г. А.Н. Бенуа и русская культура к.19-н.20 вв. – Л.: Художник РСФСР, 1989. – 480 с., ил. С.68.

11. Бенуа А. Н. Возникновение «Мира искусства». Русское искусство XVIII-XX вв. – М.: Пресском, Яуза, Эксмо, 2005. – 544 с. С. 310.

12. Гусарова А.П. «Мир искусства». – Л.: Художник РСФСР, 1972. – 99 с. С. 14.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

13. Петров В.Н. «Мир искусства». – М.: Изобр. искусство, 1975. С. 12.
14. Остроумова-Лебедева А.П. Автобиографические записки. I-II тт. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. – 590 с.: ил. С. 220-222.; Бенуа А.Н. Возникновение «Мира искусства». Русское искусство XVIII-XX вв. – М.: Пресскон, Яуза, Эксмо, 2005. – 544 с. С. 315, 319.
15. Никольский В. История русского искусства: Живопись. Архитектура. Скульптура. Декоративное искусство. – М.: ТЕРРА, 2001. – 304 с. С. 263.
16. Гиппиус З. Воспоминания. – М.: Захаров, 2001. – 461 с. С. 271.

НИГИЛИЗМ 1860-х ГОДОВ В РОССИИ КАК МОЛОДЁЖНАЯ СУБКУЛЬТУРА

Ицкович М.А.

Самарский государственный университет

Феномен русского нигилизма 1860-х годов в течение долгого времени порождает самые противоречивые толкования и привлекает внимание исследователей. Представители дореволюционной, эмигрантской и советской историографии оставили большое количество трудов по идеологии нигилистического (радикального, революционно-демократического) движения, представленной именами Чернышевского, Писарева и Добролюбова. Однако не меньший интерес представляет и социокультурный аспект нигилизма, поскольку это движение не только внесло в общественное сознание России новые идеи, но и породило социальную общность, для которой был характерен совершенно особый тип личности, своя система ценностей, образ жизни и бытового поведения.

Американский исследователь Д. Брауэр впервые применил для характеристики «радикального сообщества» 1860-х годов термин «субкультура», позаимствованный из современной социологии. Субкультура в данном случае понимается как культура определённой социальной группы, по некоторым параметрам отличающаяся от культуры общества в целом¹. Точка зрения Брауэра получила дальнейшее развитие в современных исследованиях, посвящённых нигилизму, как зарубежных, так и отечественных, причём иногда используется понятие «контркультуры» или даже «антикультуры», чтобы подчеркнуть мотив противостояния обществу. Что касается возрастных рамок, то при всей условности определения данной субкультуры как молодёжной, нет сомнений в том, что «типичный» нигилист – это молодой человек. Таким он предстал и в мнении противников, и в самоотождествлении, о чём свидетельствуют термины «молодое поколе-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ние», «передовая (сознательная) молодёжь», которые использовались для обозначения радикальной интеллигенции².

Существенным признаком субкультуры нигилистов-шестидесятников был её маргинальный характер, что отмечали многие исследователи, начиная с авторов известного сборника «Вехи». Нигилистическое движение многими его участниками и современниками воспринималось как протест против миропорядка, основанного на крепостном праве, против элитарной дворянской культуры. Этот протест был связан, во-первых, с общей дискредитацией «старого порядка» после Крымской войны и начала реформ Александра II, а во-вторых, с возросшей ролью представителей непривилегированных слоёв населения в интеллектуальной жизни общества. Нигилисты сознательно подчёркивали свой разрыв с официальной Россией и с культурой «высшего общества» через вызывающий стиль поведения, одежды, речи, беря за образец нравы разночинцев, в особенности семинаристов.

Одним из главных пунктов расхождений «детей» с «отцами» было отношение к труду и богатству. Важной составляющей частью идеологии нигилизма было обличение паразитизма господствующих классов. В противовес этому, нигилисты подчёркивали нравственное достоинство труда и признавали за человеком право пользоваться только теми благами, которые ему на самом деле необходимы (теория «разумного эгоизма»). В жизненной практике, такая мораль приводила к тому, что радикальная молодёжь вела почти аскетический образ жизни, отказывалась от доходов родителей, от всякой роскоши и излишеств в быту.

Для нигилизма была характерна также гуманистическая направленность, стремление к раскрепощению и освобождению человека от всего, что его угнетает. Все социально-культурные нормы, запреты, традиции воспринимались ими как сила, подавляющая личность. Наиболее ярко бунт против традиций выразился в отрицании родительского авторитета и провозглашении равноправия между мужчиной и женщиной. Нигилизм в общественном сознании ассоциировался с проблемой «отцов и детей», разрыва поколений. Но очевидно, что этот разрыв был следствием, а никак не причиной возникновения новой субкультуры. Напротив, бунт против родительской власти, вплоть до бегства из дома, был обусловлен конфликтом по поводу политических или религиозных убеждений. Что касается взаимоотношений между полами, то утверждение равноправия женщин было тоже следствием просветительской идеологии, которую исповедовали нигилисты. Исходя из этого, они отрицали все формы внешней вежливости по отношению к женщине как лицемерную компенсацию за её рабское положение, выступали за свободу расторжения брака, против насилия над человеческими чувствами.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Важной чертой нигилистического сознания был культ науки и образованности. Разум был для нигилиста высшим авторитетом, и с точки зрения соответствия или несоответствия ему он анализировал все явления общественной жизни. Самоназванием нигилистов – «мыслящий реалист» – подчёркивало критический склад ума, свободу от любых «идеалистических предрассудков», прежде всего религиозных. Наука, интеллектуальный труд представлялись им основным средством переустройства общества на новых, более справедливых началах. Знание стало предметом гордости, что проявлялось в организации кружков самообразования, в стремлении приобрести «полезную обществу» интеллектуальную специальность.

Существенной частью нигилизма был протест против «условной лжи цивилизации»³. В поведении вместо изысканных светских манер и внешней вежливости культивировалась прямота и искренность, доходящая до грубости. В одежде вместо роскоши утверждалась скромность и показная небрежность. Эти особенности были свойственны не только разночинцам, но и тем, кто владел навыками светского поведения, и были продиктованы стремлением противопоставить себя окружающим, подчеркнуть свою оппозицию существующему порядку.

1. Brower Daniel R. Training the nihilists. Education and radicalism in tsarist Russia. Ithaca-London, 1975. P. 35.

2. Антонович М.А., Елисеев Г.З. Шестидесятые годы. Воспоминания. М.-Л., 1933. С. 42.

3. Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 1990. С. 266.

ЖЕНСКОЕ ДОМАШНЕЕ ВОСПИТАНИЕ В ДВОРЯНСКИХ СЕМЬЯХ В РОССИИ 1861-1890 гг.

Яранова И.О.

Самарский государственный университет

В пореформенной России значительные изменения произошли в области женского воспитания. Оно было различным, что зависело непосредственно от социальной группы, к которой относился ребенок. Однако у девочек всех сословий было одно общее – с раннего детства их приучали вести домашнее хозяйство. По мнению родителей, постоянные обязанности по ведению хозяйства воспитывали в детях чувство ответственности. Например, купцы Стахеевы в своем имении выделили детям огородные грядки, на которых выращивались редиска, морковь и огурцы. В саду стояла клетка с кроликами, которых дети должны были кормить. Зимой девочки также проводили время с пользой, разрезая страницы новых книг,

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

продаваемых без переплетов¹. Таким же образом воспитывалась и Великая княгиня Елизавета Федоровна. Она сама выполняла домашнюю работу: убирала комнаты, постели, топила камин². Естественно, что работа по дому у девочек крестьянок значительно отличалась от той, которую выполняли, к примеру, дворянки.

На воспитание девочек в дворянских семьях оказывали большое влияние отношения с родителями, которые были весьма неоднозначны. С одной стороны они тратили большие деньги на прислугу, обучение, а с другой – практически не общались с детьми, иногда даже избивали их. Оба родителя могли, к примеру, больше года не интересоваться занятиями своих дочерей³, а ласки или игры с родителями были редкостью⁴.

Общение отцов с дочерьми было довольно скудным. А.Э. Павлюченко отмечает, что весьма типичным для жизни многих девочек был отец, который подавлял их, требовал безусловного подчинения. За малейшую провинность следовало наказание: угол, ременная плеть⁵. А.В. Левицкая вспоминает, что отца она с сестрами боялась, хотя он никогда не наказывал – «каждый вечер, перед тем, чтобы идти спать они, подходя к кабинету, крестились, не решаясь войти к отцу, чтобы поцеловать ему руку»⁶. Подобные отношения были у девочек и с матерями. До 7-8 лет мать, также как и отца, маленькие дворянки видели мало. К матери детей водили здороваться каждое утро на минуту. Сама же мать приходила в детскую очень редко, и только по делам. Общалась она в основном с няней или гувернанткой: давала указания, ругалась с ними, критиковала⁷.

Такое общение отцов и матерей с дочерьми было возможно по двум причинам. Во-первых, дети жили отдельно от родителей. Причем под спальни детей даже самые богатые помещики назначали более темные и невзрачные комнаты, в которых уже ничего нельзя было устроить для взрослых членов семьи⁸. Девочки с братьями жили в одной комнате совсем обособленно⁹. Во-вторых, девочками занимались другие люди. Этими людьми были няньки, бонны, гувернантки. У каждой из них были свои обязанности.

Бонна мыла, одевала, кормила, водила детей гулять. Ни отходила от них ни днем ни ночью. Нянька чистила одежду, убирала комнаты, приносила еду, мыла посуду. Бонны и няни обычно жили в одной семье достаточно долгое время, иногда даже всю сознательную жизнь. Они воспитывали всех хозяйских детей, были практически членами семьи.

Фактически воспитанием девочек до 8 лет занимались исключительно гувернантки. Обычно они были немками или француженками, в большинстве случаев необразованными. А.Фет отзывался об одной из гувернанток так: «Дело преподавания в руках ее спориться не могло потому, что она не знала правил французской грамматики,... не давала уроков музыки, крайне

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

небрежно относилась к делу воспитания»¹⁰. Гувернанткам в среднем платили 1000-1200 рублей в год. Поскольку от гувернанток, в смысле обучения, толку не было – они в лучшем случае могли научить свою воспитанницу игре на пианино – родители, которым не безразлична судьба девочки, сами занимались с ней.

Другой вариант домашнего обучения – обучение учительское. Качество такого обучения было, за редким исключением, крайне низким. Здесь все зависело от опытности учителя. Учителями могли быть не только преподаватели московских гимназий и женских институтов, но и гимназистки. Последние отличались «изяществом и щегольством», им не интересно было вести урок, они все торопились его окончить. Л. Толстой в письме А. Фету описал одно из таких занятий, случайно услышанное у знакомых.

«– Семь и пятнадцать, – много ли это будет? – спрашивала учительница. Но так как изумленный взгляд ученицы был единственным ответом, то учительница убедительно подхватывала, – Неправда ли, это будет 22? – Так прекрасно! Если из двадцати пяти яблок вы отдадите двадцать, много ли у вас останется? Неправда ли у вас останется пять? Очень хорошо!» – и так далее в том же роде. Но вдруг безо всякого перехода:

– Отчего люди рождаются?

– От молока! – протяжно и пугливо пропищала ученица.

– Ну да, ну да! Млекопитающее!»¹¹.

Итак, домашнее образование в России 1861-1890 гг. не было эффективным. Даже очень богатая семья могла нанять для воспитания своей дочери неграмотную гимназистку. Самое интересное было то, что родители искренне полагали, что девочке дают хорошее воспитание. Участие же самих родителей в формировании характера дочерей сводилось к оплате жалования гувернантке, учителю или гимназистке.

1. Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI-XX вв.: исторические очерки. М., 2001. С. 548.

2. Ганичева М., Кошелева В. Самые знаменитые красавицы России. М., 2001. С. 331.

3. Павлюченко А.Э. Вера Фигнер. М., 1963. С. 4.

4. Полонский Я.П. Проза. М., 1988. С. 291.

5. Павлюченко А.Э. Вера Фигнер. М., 1963. С. 4.

6. Левицкая А.В. Воспоминания Анны Васильевны Левицкой, урожденной Олсуфьевой // Российский архив. Т. 9. М., 1999. С. 257.

7. Андреева-Бальмонт Е.А. Воспоминания. М., 1996. С. 35.

8. Водовозова Е.П. На заре жизни Т.1. М., 1964. С. 68.

9. Андреева-Бальмонт Е.А. Воспоминания. М., 1996. С. 34-38.

10. Фет А. Воспоминания. Т. 2. М., 1890. С. 297.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

11. Там же. С. 361-362.

СТРУКОВ ОЛЕГ СЕРГЕЕВИЧ – ИСТОРИК-КРАЕВЕД

Романович В.Д.

Самарский государственный университет

XX век – век военных и революционных потрясений – вызвал мощное и многогранное отражение жизненных перипетий в публицистике и исторической науке. Великая Отечественная война стала еще одним испытанием для народа в целом и для научной интеллигенции в частности. Кто-то исполнял свой долг, участвуя в войне, другие трудились в тылу, но были и те, кто попадал в жернова репрессивного аппарата. Окончание войны и приход Хрущева ознаменовали возрождение краеведческой науки, обращение к истории города к его культуре. Это стало возможным благодаря искреннему интересу и энтузиазму историков профессионалов и любителей. После некоторого молчания к научной работе вернулись уже известные краеведы, например Ф.Г. Попов¹, но в тоже время происходит заметное обновление в рядах исследователей, появляются новые имена. Смело можно говорить о преемственности двух поколений – довоенного и послевоенного. Об этом, прежде всего, свидетельствует изменившаяся тематика научных изысканий и подъем общественной деятельности. В период 1960-1970 гг. в Самаре работали такие историки как: Аннаев Н.П., Арнольд В.Н., Гурьянов Е.Ф., Струков О.С., Ширманов А.И. и др. Особенно хотелось бы выделить О.С. Струкова, чье имя достаточно известно среди краеведов благодаря его активной общественной деятельности и неутомимому энтузиазму в исследовании истории края, но считаю, нелишне будет упомянуть некоторые факты из его биографии.

Струков Олег Сергеевич родился в Москве 30 марта (12 апреля) 1908 г. отец был архитектором, мать домохозяйкой. По специальности Струков – инженер-конструктор. С 1929 г. работал в ЦАГИ в конструкторском отделе Туполева А.Н. В годы войны он был переведен в Иркутск на завод № 125 конструктором. Июль 1942 – декабрь 1944 старший инженер в филиале ЦАГИ в Новосибирске. Декабрь 1944 – март 1945 занимал должность старшего инженера ОКБ Лавочкина на заводе № 81 в Москве. В январе 1950 г. переехал в Куйбышев, где поступил в Куйбышевский филиал Гипроавиапрома, впоследствии преобразованный в Куйбышевский Промстройпроект, в качестве инженера². Как видно из этой биографической справки Струков не являлся профессиональным историком, однако это вовсе не мешало ему со всей серьезностью и скрупулезностью изучать историю города. С момента переезда в Куйбышев Струков активно участвует в

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

общественной деятельности. В 1964 г. в Куйбышевской областной библиотеке начали проводиться «Краеведческие четверги» – ежемесячные краеведческие чтения в которых принимали участие О.С. Струков и др.³. Здесь выступали с докладами и сообщениями по самым различным отраслям краеведения деятели науки, представители различных учреждений, краеведы-исследователи архивных документов и других первоисточников документального значения. В этом же году Олег Сергеевич был избран ответственным секретарем Куйбышевского областного общества краеведения и председателем секции Памятников культуры этого общества⁴. В 1965 он принял активное участие в организации Куйбышевского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры⁵. В 1968 был инициатором организации историко-краеведческой секции Куйбышевского областного музея краеведения и избран ее председателем⁶. Секция в годы председательства Олега Сергеевича провела большую работу по раскрытию множества ошибок в историко-краеведческой литературе о старой Самаре. Работы членов секции открыли много нового и неизвестного из истории Самары и во многом изменили стереотипные представления о старом городе. Струков лично участвовал в выявлении и сохранении памятников истории и культуры, боролся с бюрократическими проволочками. Неоднократно в периодических изданиях появлялись его статьи с призывом о сохранении памятников старины, в которых рассказывалось о Большой Царевщине и Христорождественской церкви⁷, о необходимости сохранения Спасской башни кремля в городе Сызрани и о многих других объектах имеющих историческое значение. Однако исследовательские интересы краеведа были гораздо шире, чем кажется на первый взгляд, Олег Сергеевич собирал сведения о населении, промышленности, транспорте, водопроводе, дорогах, о библиотеках, здравоохранении и т.д.⁸. Для него не существовало второстепенных тем, к изучению любого вопроса он подходил с особой добросовестностью, опирался только на проверенные факты, такому профессионализму мог позавидовать любой дипломированный историк. Струков не боялся вступать в спор с известными специалистами, так на протяжении нескольких лет он полемизировал с Гурьяновым Е.Ф. исследователем архитектуры Самары. Его претензии не были беспочвенны, каждое свое слово Олег Сергеевич доказывал документально. Именно этот конфликт в дальнейшем привел, по словам Струкова к кризису историко-краеведческой секции⁹, а сам он был вынужден уйти в отставку.

Говоря о Струкове-краеведе, следует отметить, что его научная деятельность имела большое значение для возрождения интереса к истории края. Его запомнили как человека преданного своему делу. Благодаря его усилиям мы можем любоваться замечательными памятниками архитектуры города Самары, и в этом его заслуга колоссальна. Однако личность

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Олега Сергеевича примечательна еще и тем, что он оставил серьезное наследие в виде материалов и документов личного происхождения, которые в данный момент находятся на хранении в Государственном Архиве Самарской Области. Эти документы представляют огромную ценность для любого исследователя, материалы фонда позволяют сделать выводы о качественном развитии краеведения и о перспективности дальнейшего изучения истории Самары.

1. Попов Федор Гаврилович родился 2 марта 1902 г. в семье крестьянина села Кузькино Матвеевской волости Бугурусланского уезда – теперь это Матвеевский район Оренбургской области. С начала 30-х Попов стал заниматься разработкой истории революционного движения и гражданской войны в нашем крае. В начале ноября 1938 г. по клеветническому обвинению он был арестован и приговорен к заключению в лагерях.

2. ГАСО. Ф.4940. Оп.1. Д. 33. Л. 1.

3. Дубцова В.И. Краеведческие четверги // Волжская коммуна.1971. 25 февраля.

4. ГАСО. Ф.4940. Оп.2. Д. 16. Л. 3.

5. Минц З. Сохраним памятники истории и культуры // Волжская коммуна. 1965. 11 ноября.

6. ГАСО. Ф.4940. Оп.2. Д. 16. Л. 4.

7. Струков О.С. Сохраним памятники старины // Волжская коммуна. 1966. 7 июля.

8. ГАСО. Ф.4940. Оп. 1. Д. 33. Л. 5.

9. ГАСО. Ф.4940. Оп. 2. Д. 17. Л. 7.

РУССКАЯ ДВОРЯНСКАЯ УСАДЬБА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Горунова Н. Ю.

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

Русская усадьба – это феномен нашей истории и культуры. История усадьбы насчитывает шесть веков, но, и сейчас, эта тема требует дополнительного изучения. Особенностью русской усадьбы являлась ее многопрофильность: она представляла собой административный, хозяйственно-экономический, архитектурно-парковый и культурный центр. В усадьбах представители дворянского сословия получали воспитание и образование, в усадьбах закладывались основы традиций семьи и рода, уважения и гордости памятью предков, фамильными реликвиями. Быт и культурный облик русской усадьбы постоянно менялись, хотя следование традициям

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

весьма ощутимо сказывалось и в архитектуре и в повседневном быте усадеб. Несмотря на то, что после реформ 1860-х годов последовало разорение части дворянских имений, но, однако усадебная жизнь уже стала традицией, слилась с дворянским самосознанием. Многие усадьбы представляли собой «культурные гнезда». В 1920-х годах появилось это понятие «культурное гнездо», введенное в научно-исследовательский оборот Н.К.Пиксановым¹. Автор выделяет несколько параметров, которым должен соответствовать этот термин: определенный круг деятелей; постоянная деятельность; выдвижение питомцев².

Усадьбы различались не только своей историей, но и по своим размерам, социальному статусу владельцев. П. Рузвельт предлагает следующую классификация усадеб, оговаривая, что эти три типа параллельно существовали в усадебной культуре: 1. аристократические усадьбы с характерным для них фантазией и роскошью; 2. дворянские гнезда – патриархально замкнутые миры, в которых землевладелец правил как мудрый барин-батюшка; 3. усадьбы – центры культурной жизни³. Однако надо отметить, что далеко не все исследователи безоговорочно принимают подобную классификацию. Например, Т.П. Платонова считает, что эта классификация не вполне отражает реалии усадебной жизни⁴. В своем исследовании на материалах Саратовской губернии она показывает, что большинство известных саратовских усадеб сочетало в себе черты различных типов. При всем разнообразии усадеб, у них было одно общее – это личность хозяина. Усадебная культура всегда носила личностный характер. Усадьба представляла собой целый мир. Образ каждого усадебного микромира становился уникальным, поскольку строился в соответствии с личностью его владельца. Образование, семейное положение, особенности характер, взаимоотношения с друзьями и соседями – все это накладывало отпечаток на усадебную жизнь.

В 1861 году в жизни усадьбы наметились колоссальные перемены. Дальнейшее развитие дворянской усадебной пошло двумя путями. С одной стороны, многие усадьбы, без почти безвозмездного пользования трудом крепостных крестьян, разорялись и либо переходили в руки купечества, с другой – становились последним пристанищем обедневшего дворянства. В дореформенный период случаи приобретения сельских усадеб представителями купечества были редкими и исключительными. В конце XIX – начале XX века переход усадеб к предпринимателям принял массовый характер. Они приобретали в основном «дворянские гнезда», случаи возведения новых усадебных комплексов были редки. Для новых владельцев стало нормой приглашение в свои усадьбы художников, писателей, композиторов и создание для них благоприятных условий для творчества. Например, усадьба Абрамцево, с 1870 года принадлежала промышленнику и меценату

ХІІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Савве Ивановичу Мамонтову (до этого усадьба принадлежала писателю С.Т. Аксакову). С.И. Мамонтов приглашал в свое имение единомышленников в своих творческих взглядах художников, приверженцев прогрессивных направлений в искусстве⁵.

Но и усадьбы, продолжавшие находиться в руках дворянства, были центрами культуры. Например, в усадьбе Зубриловка, принадлежавшей князьям Голицыным был учрежден закрытый пансион «... в селе Зубриловка...было учреждено много полезных заведений, полезных не только для крестьян, но и для помещиков»⁶. Представители художественной интеллигенции начала XX века часто стремились в сельские усадьбы. Зубриловку дважды посещал художник В.Э. Борисов-Мусатов, который воссоздал мир грез уходящей усадебной культуры. Под впечатлением усадьбы В. Э. Борисов – Мусатов создает полотна «Гобелен», где сквозит «элегическая печаль воспоминаний о гулявших когда-то по аллеям зубриловского парка мечтательных девушках»⁷, «Водоем», «Призраки», «Прогулка при закате»⁸. В работах Борисова-Мусатова сквозит какая-то грусть по уходящей усадебной культуре. Он торопится взглянуть на эту старину, как бы боясь не успеть. Здесь, в Зубриловке, Мусатов впервые полно ощутил единство мечты и яви. Он запечатлел романтические уголки усадьбы, наполнил его мечтательным призрачным настроением присущего ему мироощущения. Огромное значение русской усадебной культуры заключалось в том, что многие ее явления зарождались в столичной художественной культуре, преломляясь через духовную среду усадьбы, оказывали заметное влияние на русскую художественную культуру в целом. Огромную роль дворянская усадьба играла в развитии культуры провинции. Свой след усадьба оставила в культуре деревни. Основные усилия помещики направляли на внедрение основ просвещения и оказание медицинской помощи больным. Но имел место и обратный процесс. Дворянская усадьба подвергалась непосредственному влиянию народного творчества.

1917 год нанес последний удар по русской усадьбе. Декретом о земле 26 октября 1917 года помещичья усадьба была ликвидирована. Усадебная культура начинает уничтожаться насильственным путем. Еще в начале 20 века С. Маковский подметил важную деталь: вся трагедия даже не в том, что умирает усадебная культура, а в том, что мы даже не знаем эту область художественности. «...Всякая культура, отжив свое, уступает место новым требованиям жизни. Вопрос в том, что этот быт, эта помещичья культура завещала нам образцовые памятники искусства, которые мы должны были бы охранять от посягательств времени и людей как историческую и художественную ценность, как национальное достояние наше на все времена»⁹. Таким образом, многие русские усадьбы, которые являлись глубоко национальной чертой отечественной культуры, представляли собой своеобраз-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

разные «культурные гнезда», именно в них возникало особое культурное пространство, особая атмосфера, которая создавала социокультурные предпосылки для Русского Ренессанса рубежа XIX-XX веков. Сегодня дворянская усадебная культура сохранилась лишь как художественный и литературный образ. Немногие из уцелевших усадеб превратились в музеи, но для основной массы была уготована более печальная судьба. В настоящее время возродить усадьбу не представляется возможным. Но нужно серьезно изучать ее, чтобы сохранить в истории страны, в национальном самосознании, как объект исторической и культурной памяти.

1. Пиксанов Н.К. Областные культурные гнезда. М.,-Л.,1928.
2. Там же. С.63.
3. Рузвельт П. Усадебная культура Грибоедовского времени// Известия РАН. Серия литературы и языка. Т.54.1995. №4. С.52-55.
4. Платонова Т.В. Провинциальное дворянство в конце XVIII – первой половины XIX века. Автореферат. Саратов,2002. С.21.
5. Каждан Т.П. Художественный мир русской усадьбы. М.,1997. С.211.
6. Русский архив. 1873. №11. С.2202.
7. См. Русакова А. Борисов-Мусатов. Л.,1974. С.98.
8. Попова С.Г. Образ русской усадьбы в живописи XIX – начала XX века // Преподавание истории в школе.2003. №3. С.10.
9. С.Маковский. Две подмосковные князя С.М. Голицына. Старые годы, 1910. январь. С.24.

СЮЖЕТ И СИМВОЛИКА В САТИРИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ 1905-1907 гг.

Павлов С.Ю.

Самарский государственный университет

В сатирических журналах 1905-1907 гг. прослеживаются все основные события и явления первой российской революции: 9 января 1905 г., Манифест 17 октября, Всероссийская октябрьская стачка, декабрьское вооруженное восстание в Москве, деятельность Гос. Думы, нерешенный крестьянский вопрос, черносотенные погромы; в сатирических красках оценивается деятельность Николая II, С.Ю.Витте, А.А. Столыпина, Дурново и др. политических деятелей. Рядом с ними мы видим и новых героев тех грозных лет: рабочего, с оружием в руках борющегося за свое и общее освобождение от ига царя и капитала; крестьянина, силой осуществляющего свою

ХІІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

мечту о земле; солдата, отказывающегося стрелять в восставший народ, – активных деятелей революции.

«Не было ни одного момента в жизни тех времен, которого бы не заметила российская сатира. Все это, безусловно, помогает понять настроение народа и страны в момент выбора между революцией и реформой.

Видимости всеобщей сытости и благополучия, мира и спокойствия, царского единства с народом противопоставлялась другая, оппозиционная атмосфера среди демократических слоев»¹.

Л.А. Спиридонова, исследователь периодической печати в указанный отрезок времени, отмечала: «Характерная черта литературы 1905-1907 гг. – злободневность, публицистичность, преобладание сатиры факта. Реальный документ, переданный с абсолютной точностью, вдруг начинал звучать сатирически»².

Так, «Адская почта» перепечатала «высочайший» приказ по 2-ой гвардейской пехотной дивизии: «Низший чин должен ходить с полным сознанием своего достоинства как имеющий счастье состоять на царской службе, как носитель доблестного мундира, который замарать и запятнать грешно: шапка набекрень, молодцом, красавцем, щеголем, женихом, картинкой, дабы встречные военные любовались, а обыватели проникались почтением и уважением»³. Обыватели мгновенно припоминали «доблестных» носителей мундира, стрелявших в народ в день Кровавого воскресения. В накаленной атмосфере революционных лет «изречения» царя и подобные приказы воспринимались как самая ядовитая пародия.

«Блестящим примером реального факта, звучащего сатирически, был известный приказ Трепова, который на похоронах Александра III командовал своему батальону: «Смотреть веселее!» Писателю достаточно было сказать «дурак», «болван», «балбес», чтобы оппозиционно настроенный читатель сразу догадался: это сатира на «наших». Таким образом в роли «сатирических приемов» неожиданно выступили официальное сообщение, газетный документ, отчет, реклама, а с другой стороны, ребус, шарада, арифметическая задача, даже фигура умолчания»⁴.

В «Сигнале» напечатана «арифметическая задачка» О. Дымова для гимназистов: «Солдат получает в сутки 2 1/8 фунта хлеба, 1/16 куска сахара, 0,00(3)... фунта мяса, 3 ведра воды неизвестное количество оскорблений. Когда он взбунтует?»⁵.

В.П. Кранихфельд, изучая сюжетные линии сатирической печати 1905-1907 гг., замечал: «Общая картина русской жизни в первых (после 17-го октября) номерах журналов вызывает к себе полное недоверия, недоумевающее, но еще пока шутовское отношение»⁶.

«Бурелом» указывает способы приготовления конституции: « Берут несколько «верных слуг отечества», несколько рот солдат, и, не жалея па-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

тронов, всем этим нагревают народ, пока он не вскипит. Мажут его... по губам обещаниями. Много болтают до полного охлаждения и подают на стол в форме Гос. Думы без народных представителей»⁷.

«Зритель» по поводу той же Гос. Думы недоумевает: «Что это, право? – избиратели, избиватели... Кто же в Думу-то попадет?»⁸

«Недоумеая по поводу причин этой «неразберихи» в правительственных действиях, журналы объясняют ее полной растерянностью правительства перед событиями.

Более прочный критерий для лиц, желающих ориентироваться в хаосе современности, предлагают «Стрелы» (1905. № 6). Журнал рекомендует строго отличать законы, которые опубликовываются для иностранных банкиров, от административных распоряжений, которые издаются для русских подданных»⁹.

«Приемы осуществления каждой из «возвещенных» свобод в отдельности подтверждают общие замечания.

Свободу союзов «Стрелы» (1905. № 1) иллюстрируют в виде полицейского, который держит в дружеских объятиях хулигана и мясника-черносотенника. Свобода собраний дает повод «Зрителю» (1905. № 18) нарисовать идиллическую картину: околоточный 18 октября обращается к собравшейся толпе с речью: «Господа, ну чего вы, право? Всё, слава Богу, устроилось, собрания разрешены, говорить можно вволю, так разоидитесь же».

Свобода печати по новому закону определяется «Дятлом» в таком противопоставлении: «Подцензурная печать осматривается, а потом конфискуется, а свободная – сначала конфискуется, а потом осматривается»¹⁰.

«Художникам, работавшим в сатирических журналах, приходилось применять различные иносказательные и символические образы (в том числе и геральдические), при помощи которых слегка прикрывалась, декорировалась основная мысль рисунка, что производило на зрителя сильное впечатление. В безобидных на первый взгляд рисунках узнавались образы государственных чиновников, представителей административной и военной власти. В сатирической журналистике выработался своеобразный язык, которым обозначалось то или иное лицо: так, усы кольцами обозначали П.А. Столыпина; усы кверху, торчком – председателя II Гос. Думы кадета Ф.А. Головина; плоский лоб и огромные бакенбарды принадлежали И.Л. Горемыкину; некий дегенеративного вида субъект, сгибающийся под тяжестью орденов, – не кто иной, как адмирал Дубасов; в вислоухом старце в очках, с лысым черепом узнавали К.П. Победоносцева; П.Н. Дурново имел счастье обозначиться двумя символами – свиньей и овсом (намек на то, что Александр III, узнав о его причастности к крупным хищениям овса, в сердцах назвал сановника «свиньей»).

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Во всех слоях русского общества нарастала неприязнь к правящей династии. Облик царя сильно потускнел. Но напрямую к карикатуре на него прибегнуть еще не решались. Значительную помощь в шаржировании его образа оказала геральдика». «Объектом сатиры для начала стали императорские и государственные эмблемы, и среди них главный – российский орел с мечом, скипетром и державой. Именно с помощью геральдики были сделаны две блестящие карикатуры на царя и государственного орла, навсегда вошедшие в историю мировой политической карикатуры. Они были опубликованы в превосходном с точки зрения оформления и полиграфии сатирическом журнале «Жупел» (основатель и редактор-художник З.И. Гржебин).

В первом же его номере было помещено несколько памятных рисунков»¹¹. Центральным стал «Орел-оборотень»¹². Рисунок остроумно и зло трактовал герб Российской империи. Мы наблюдаем стилизованного 2-го орла, к которому, с точки зрения официальной геральдики, как будто нет претензии – на орлиных головах корона, горностаевая мантия и т.д. Однако подпись настораживает. Если это «оборотень», то, следовательно, рисунок надо перевернуть.

Что же увидит зритель, когда гордый орел будет перевернут? Тыльную сторону стоящего царя, высоко поднявшего мантию и представшего в жалком обнаженном виде. Слово «Конституция» на короткой, вздернутой мантии, заключенное в геральдический щит, орлиные лапы в виде эполет на плечах царя, странная шутовская корона на его голове – все это показывает нелепость, неестественность ситуации, зыбкость всей затеи 17 октября. Недаром в те времена бытовала поговорка «о царском манифесте, годном только для известных мест».

Другой пропагандистской акцией, направленной против царя, стало изображение осла в пышно декорированной средневековыми атрибутами рамке, выполненное художником И.Я. Билибиным. Блестяще знавший предмет, живописец изобразил геральдический сюжет, поместив в середине солнца, но в центре солнца – силуэт осла. Гордый символ монархизма трансформировался в полезное, но, увы, малопочтенное животное¹³».

«Осел... в 1/20 натуральной величины»¹⁴ – с этой короткой, но очень емкой надписью эта карикатура производит впечатление и сейчас. «Именно она явилась причиной закрытия журнала и водворения в тюрьму его редактора. Художник проявил большую смелость, ибо искажение подобным образом самодержавных атрибутов власти (осел вместо орла, помещение на первом плане грифонов – эмблемы рода Романовых) расценивалось тогда как тяжкое уголовное преступление, наравне с подделкой государственных кредитных билетов»¹⁵.

ХІІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

«Образ Николая II прочно связан с изображением тщедушного кривонного мальчика, дурно себя ведущего, с шишкой на голове. Сатирики всячески обыгрывали его безволие, зависимость от окружающих, инфантильность, мнительность, глупость. В сатирических журналах 1905-1907 гг. Коля, Ника, маленький Романов, «нечистоплотный мальчик», «мальчик с пальчик». Постепенно шишка на голове, полученная цесаревичем Николаем в Японии при столкновении с полицейским, вырастает до огромных размеров»¹⁶. С. Чехонин, художник журнала «Зритель», в номере 10-м поместил виньетку с изображением царя и его чиновников. Царь изображался в виде рахитичного человека на тонких ножках с огромной шишкой на голове. Когда цензура догадалась об этом, Чехонин нашел новый символ- пылающее сердце»¹⁷. «В речи по поводу событий 9-го января Николай II выразил лицемерное сожаление о случившемся и заявил, что его сердце тоже облилось кровью»¹⁸. В «Масках» появился рисунок «Червонный туз или пылающее сердце»¹⁹, где царь изображен с червонным тузом вместо головы. «Пылающее сердце- символ, созданный на основе ироничного обыгрывания слов царя, – выглядит как дутая фальшивка»²⁰.

Сатирические журналы с их оперативностью и широким демократически настроенным читателем привлекали лучших представителей русской интеллигенции возможностью в злободневной, политически заостренной форме выказать свое отношение к происходящим событиям. Писатели и художники самых разных направлений, представители художественных группировок, стоящие подчас на полярных позициях, объединялись под «крышей» журнала, желая внести свой посильный вклад в дело демократизации и политического обновления России.

1. Предисловие // Русская сатирическая периодика 1905-1907 гг. в собрании Ульяновского историко-культурного центра им. В.И. Ленина. Каталог. Ульяновск. 2000. С.5

2. Спиридонова (Евстигнеева) Л.А. Русская сатирическая литература начала XX в. М.1977. С.26

3. Адская почта. СПб., 1906. №2. Обложка.

4. Спиридонова (Евстигнеева) Л. А. Указ. соч. С. 26-27

5. Сигнал. СПб., 1905. № 3. С.4

6. Кранихфельд В.П. О русской сатирической журналистике // Мир Божий. 1905. № 12. С.19

7. Бурелом. СПб., 1905. № 1. С.4

8. Зритель. СПб., 1905. № 18. С.8

9. Кранихфельд В.П. Указ. соч. С. 119.

10. Там же. С. 120-121.

11. Интернет: <http://toprunet.com/article.php?=477>

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

12. Жупел. СПб., 1905. №1.
13. Интернет: <http://toprunet.com/article.php?477>
14. Жупел. СПб., 1905. №3 С. 12.
15. Интернет: <http://toprunet.com/article.php?477>
16. Спиридонова (Евстигнеева) Л. А. Указ. соч. С. 28.6
17. Интернет: <http://toprunet.com/article.php?477>
18. Спиридонова (Евстигнеева) Л. А. Указ. соч. С. 28-29.
19. Маски. СПб., 1906. №1.С.2
20. Спиридонова (Евстигнеева) Л. А. Указ. соч. С. 29.

СОЦИАЛЬНЫЙ ИДЕАЛ З.Н. ГИППИУС И Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО

Воеводина А.А.

Самарский государственный университет

Вопрос о социальном идеале занимает важное место в любой мировоззренческой системе. В обстановке «религиозного ренессанса» начала XX века естественным было стремление перенести решение общественных и политических вопросов, а значит и поиски социального идеала, в сферу духовного, нравственного. Именно эта тенденция воплотилась в идейных исканиях видных представителей творческой интеллигенции З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского. Они обращались к вопросам мировоззренческого, религиозного, общественного, политического характера в многочисленных художественных, философских, публицистических, литературно-критических и мемуарных произведениях.

В отличие от многих других представителей интеллектуальной элиты, З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковский принимали активное участие в общественно-политической жизни страны. Духовная близость этих людей позволяет рассматривать их философские и общественные взгляды как единую систему.

З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковский выработали и пропагандировали определенный образ идеального общественного устройства, которое должно было установиться в результате совершения истинной революции. В понятие революции З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковский вкладывали религиозное содержание, опираясь на понимание смысла истории как последовательной смены религиозных эпох – Царства Ветхого Завета (Бога-Отца), Нового Завета (Бога-Сына) и Третьего Завета (Святого Духа)¹. Современное состояние общества З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковский оценивали как критический момент перехода к третьей ступени развития человечества, вхождение в Царство Третьего Завета как конечной цели исторического процесса, которое должно осуществиться путем революции.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Царство Третьего Завета, по мысли З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского, – это общество совершенного синтеза, где решатся все противоречия общественных форм (личность и общество, дух и плоть, рабство и свобода и т.д.) и, таким образом, раскроется полнота религиозной правды. Д.С. Мережковский писал о Третьем Завете как «синтезе, совершенном соединении Богочеловека с Богочеловечеством, безгранично-свободной и безгранично-любовной религиозной общине, грядущей истинной единой соборной и вселенской Церкви»².

Общество Третьего Завета, основанное на «новом религиозном знании», считали Д.С. Мережковский и З.Н. Гиппиус, должно было не только разрешить все существовавшие антиномии, но и раскрыть любовь как шовную свободу. Любовь они рассматривали как серьезную проблему (вслед за В. Соловьевым с его интерпретацией любви как пути к спасению, воссоединению с Богом³). Перед человечеством стоит триединая задача, – писала З.Н. Гиппиус, – «три, нераздельно связанных между собою вопроса: 1) о «я» (личность), 2) о «ты» (личная любовь) и 3) о «мы» (общество)». И в этой «тройственной мировой задаче» в представлении З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского задача любви занимает «серединное место», играя роль «моста», соединяющего Личность и Общество⁴: «Все ныне со мною, все ныне избранники, / Одною любовью мы слиты в одно»⁵; «когда соединится все в великой любви, – то все будет в Боге и Бог будет во всем»⁶. (З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковский, как и В. Соловьев, проповедовали грядущее «общественное» спасение, а не только личное спасение, что обещало историческое христианство⁷).

Грядущий Третий Завет З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковский рассматривали как соединение трех ипостасей Святой Троицы, причем Святому Духу они приписывали женскую природу – это Мать-Дух, Вечная Женственность, святая Женщина-Мать. В своем позднем сочинении «Иисус Неизвестный» Д.С. Мережковский обращал внимание на то, что Иисус Христос называл Святой Дух Матерью. Сам Христос у Д.С. Мережковского выступал как муже-женщина, андрогин⁸. Именно таким образом Гиппиус и Д.С. Мережковский восприняли популярный среди представителей серебряного века культ Вечной Женственности.

Прообразом общества будущего, определенным шагом к осуществлению Царства Третьего Завета, З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковский считали «тройственный союз», который они создали совместно с Д. Философовым в 1901 году, а также попытки создать другие подобные «союзы» (успешным оказался лишь союз Карташева с Татьяной и Натальей Гиппиус). Эти священные браки втроем как реализация Церкви Святого Духа должны были оставаться духовными, платоническими. Традиционный христианский брак З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковский отвергали, так как он не мог,

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

по их мнению, решить проблему пола, противостояния духа и плоти, личности и общества («брак и семья – никогда не были *метафизический* решением вопроса»⁹).

Итак, социальный идеал З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского включал в себя такие элементы их религиозно-философской системы, как понятие «нового религиозного сознания» и «Царства Третьего Завета», представления о Троице и Вечной Женственности, идея тройственности бытия, концепция любви, свободы и тайны пола.

1. Мережковский Д.С. Меч // Мережковский Д.С. Не мир, но меч. К будущей критике христианства. СПб., 1908. С. 25-27; Мережковский Д.С. Грядущий Хам // Мережковский Д.С. «Больная Россия». Избранное. Л., 1991. С. 45; Пахмусс Т. Творческий путь Зинаиды Гиппиус // Зинаида Гиппиус. Новые материалы. Исследования. М., 2002. С. 220.

2. Мережковский Д.С. Меч. С. 36.

3. Соловьев В.С. Смысл любви// Соловьев В.С. Смысл любви: Избранные произведения: Стихи, письма, философские эссе. М., 1991.

4. Гиппиус З.Н. О любви // Гиппиус З.Н. Мечты и кошмар (1920-1925). СПб, 2002. С. 434.

5. Гиппиус З.Н. Сны // Гиппиус З.Н. Стихотворения; Живые лица. С. 74.

6. Мережковский Д.С. Смерть богов (Юлиан Отступник) // Мережковский Д.С. Собрание сочинений. В 4 т. М., 1990. Т. 1. С. 149.

7. Гиппиус З.Н. О любви. С. 434-435; Мережковский Д.С. Две тайны русской поэзии (Некрасов и Тютчев)// Мережковский Д.С. В тихом омуте. Статьи и исследования разных лет. М., 1991. С. 446.

8. Мережковский Д.С. Иисус Неизвестный. М., 1996. С. 67, 114.

9. Гиппиус З.Н. Влюбленность // Гиппиус З.Н. Литературный дневник (1899-1907). М., 2000. С. 140.

ДОСУГ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДА САМАРЫ В 1918-1920 ГОДЫ

Рогач А.А.

Самарский государственный университет

Обычно под словом «досуг» понимают свободное от работы время¹. Это достаточно широкое определение. В рассматриваемый нами период проведение досуга чаще всего переплеталось с общественной работой, участием в массовых демонстрациях и митингах. Первая мировая война, затем революционные события и последовавшие за ним Гражданская война и интервенция кардинальным образом изменили жизнь «маленького че-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ловека». Выяснение того, чем интересовался городской обыватель в свободное время, как устраивал свой досуг открывает путь к пониманию его образа мыслей, отношения к действительности.

С приходом большевиков к власти в городе оживилась, а точнее сказать изменилась общественная жизнь. К ранее существовавшим профессиональным союзам и их органам – фабрично-заводским комитетам, теперь прибавились Коммунистический союз молодежи, различные агитационные бюро, рабочие клубы. Как правило, эти учреждения сочетали в себе функции культурно-просветительных и общественных учреждений. Среди задач, стоявших перед общественными организациями неотложными были: ликвидация неграмотности, безработицы, нищеты. В отличие от досоветского периода, когда подобные учреждения создавались добровольно, по инициативе отдельных лиц или общественных групп, в рассматриваемый нами период они организуются по заказу государства – сверху. Отсюда их подчиненное положение по отношению к государственным структурам. Одной из задач общественных организаций была культурно-просветительная работа, а также агитационная деятельность.

Основными формами общественной жизни были митинги, демонстрации, собрания. В первые дни Советской власти для ведения агитационно-пропагандистской работы среди населения при ревкомах, исполнявших власть Советов, были созданы группы агитаторов. Затем практическое руководство культурно-просветительской работой до осени 1920 года осуществляли внешкольные отделы Наркомпроса, а с ноября 1920 года Главный политико-просветительный комитет республики (Главпролитпросвет) и его местные органы, работавшие под руководством партийных комитетов².

Центрами культурно-просветительной работы были избы-читальни, клубы, народные дома, библиотеки, школы для взрослых, народные университеты. Наиболее часто встречавшейся формой агитации и пропаганды коммунистических идей был митинг. Так, в июне Культурно-просветительной секцией политического отдела южной группы восточного фронта были организованы митинги на Вокзальной площади, на площади против Советской больницы (бывшая Земская), Трубочного завода и Хлебной площади. Для присутствующих с 8 часов вечера начинал играть духовой оркестр. С наступлением темноты демонстрировали кинематографические картины: «Пролетарский праздник (1-е мая)», «Вскрытие мощей Тихона Задонского» и «Убийство Розы Люксембург и Карла Либкнехта». После показа картин докладчик разъяснял их смысл. Выступления на митингах носили различный характер от вопросов внешней политики, когда ораторы разъясняли собравшимся международное положение России и классовый характер войны с белогвардейцами, до самых насущных для горожан тем,

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

например «Почему уменьшился хлебный паек»³. Митинги всегда сопровождались стечением больших людских масс.

Другим местом, где самарцы проводили свое нерабочее время с пользой, были различные клубы. В городе существовало большое количество подобных заведений. Среди них можно назвать следующие: Рабочий клуб железнодорожников, Клуб имени товарища Калинина при Самарской учебной школе инструкторов, Клуб печатников имени М. Горького, Мусульманский клуб имени Вашитова, Украинский клуб имени Шевченко и другие. Клубы возникали при каждом крупном заводе и фабрике⁴. Для координации деятельности всех организаций по инициативе Совета профессиональных союзов был организован Общесоюзный клуб⁵. В клубах также читались лекции на актуальные темы, проводились любительские постановки спектаклей. Нужно заметить, что библиотеки открывались практически при каждом клубе, а также при крупных фабриках и заводах. Благодаря этому их количество в Самаре по сравнению с 1917 годом выросло почти в 3 раза⁶. Помимо клубов для взрослых активно действовали детские школьные клубы. В них дети после занятий в школе, собирались для игр, бесед; устраивались разнообразные кружки развития и совместные занятия⁷.

Своеобразной организацией, сочетавшей в себе функции просвещения и общественного учреждения был Пролеткульт. В Пролеткульте работали различные студии – театральная-драматическая, живописи, рисования, лепки, хора, скрипки, рояля и другие. В занятиях могли принять участие как рабочие, так и их дети⁸.

С переходом власти к большевикам огромное распространение приобрели массовые праздники. Это можно объяснить усталостью людей от напряженных серых будней, а также традиционной русской чертой – быть причастным к чему-то большому, яркому, быть вместе с коллективом, быть как все. При организации праздничных мероприятий большевики стремились делать их по возможности более яркими, запоминающимися. Наряду с новыми видами массовых мероприятий продолжала сохраняться традиция праздновать церковные праздники, которые были введены в состав государственных. К началу 20-х гг. нерабочими днями были объявлены 12 крупнейших православных праздников⁹.

Наряду с организованными формами досуга существовали и индивидуальные. Такие как, например, прогулки по городу. К услугам Самарцев было несколько городских парков. Самым популярным среди них был Струковский сад. Это был довольно красивый сад на берегу Волги, хотя и небольшого размера – в те времена главное увеселительное место в Самаре¹⁰. Летом горожане любили совершать речные прогулки. Прогулка по Волге была прекрасным развлечением, в особенности на ту сторону реки¹¹.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

По мнению выдающегося историка М.Н. Тихомирова, жившего и работавшего в Самаре в 1919-1923 годы, жизнь в городе была тихой и в достаточной мере приятной. Он вспоминал: «Развлечений было немного, но в Самаре существовало три театра: один драматический, поблизости от Струковского сада, другой – оперный... Третий театр был временный и самый лучший. В нем играли приезжие артисты, кажется, из Ленинграда, причем играли очень хорошо»¹². Театральное дело входило в ведение Самарского отдела искусств. Деятельность его в этой области шла по пути упорядочения театра: велась работа по изменению репертуара, декораций¹³. Новая власть критически относилась к театральному репертуару. Многие пьесы были раскритикованы и запрещены. Для улучшения ситуации предлагалось фильтровать многовековое художественное наследие и выбирать то, что было терпимо и допустимо на советской сцене.

Яркую характеристику театральной публики дает в своих воспоминаниях З.М. Славянова: «Население утомленное войной и связанными с нею переживаниями, захвачено было подъемом нахлынувших новых впечатлений, а потому стремилось из дома.... Буржуазия почти скрылась. Интеллигенции в театрах стало мало. Большая часть ее была занята общественной работой»¹⁴. По мнению актрисы, театральный зритель изменился. «В антрактах между актами стали громче, страстные хлопки, но появились семечки и поцелуйные причмокивания с галереи даже в городском театре»¹⁵. Артисты «Олимпа» умоляли публику не бросать на сцену, хотя бы тяжелые вещи, – с легкими они мирились...». Что касается репертуара тех лет, то стоит отметить его разнообразие. Самарскими городскими театрами демонстрировались зрителям драмы и трагедии «Смерть Иоанна Грозного», «Каширскую старину», «Потонувший колокол», «Разбойников», «Графа де-Ризора», комедии «Волки и овцы», «Ревизор» и многие другие¹⁶.

Не замирала и музыкальная жизнь города. Первый в Самаре оркестр народных инструментов был организован еще до революции, однако расцвет его деятельности начался с 1918 году, художественным руководителем его был А.И. Алло. В репертуаре оркестра звучали русские народные песни в обработке В. Андреева, произведения М. Глинки, А. Бородина, А. Рахманинова¹⁷.

Таким образом, культурная жизнь города, несмотря на все трудности, не останавливалась даже в самые тяжелые времена. Театры, концертные залы, музеи продолжали работать, ставились новые спектакли, проводились лекции и экскурсии. Многие жители города принимали участие в массовых праздниках. Государство в годы гражданской войны делало первые шаги по регламентации досуга. Это достигалось посредством включения человека в общественную и культурную жизнь. Всевозможные общественные учреждения, в свою очередь находились под контролем государ-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ства. В процессе участия людей в массовых, коллективных мероприятиях происходила ориентация населения на борьбу с внутренним и внешним врагом, на трудовые подвиги.

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1986.
2. Гомжин В.Ф. Культурно-просветительная работа на Средней Волге в первые годы советской власти (1917-1920) // Наш край. Вып. 1. Куйбышев, 1974. С. 54-55.
3. Коммуна. 1919. №№ 163, 181. 29 июня, 20 июля.
4. Коммуна. 1919. 14, 25 июня, 22 июля, 6 сентября.
5. Коммуна. 1919. 22 августа.
6. Цит. по: Бубнов А.А. Культурно-просветительская деятельность профсоюзов Среднего Поволжья в годы гражданской войны (1918-1920 гг.) // Профсоюзное движение в Поволжье 1917-1928 гг. Ульяновск, 1981. С. 83.
7. Коммуна. 1919. № 224. 11 сентября.
8. Коммуна. 1919. № 170. 8 июля.
9. Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917-1922 гг. М., 2001. С.305.
10. Тихомиров М.Н. Самара в моей жизни (1919-1923). Самара, 1994. С.16.
11. Тихомиров М.Н. Самара в моей жизни ... С.17.
12. Тихомиров М.Н. Самара в моей жизни ... С. 20.
13. Коммуна. 1919. № 156. 21 июня.
14. Славянова З.М. «Искусство и революция» в Самаре 1917-1918 годов // Революция 1917-1918 гг. в Самарской губернии. Самара, 1918. Т. 1. С. 107-108.
15. Славянова З.М. «Искусство и революция» в Самаре 1917-1918 годов // Революция 1917-1918 гг. в Самарской губернии. Самара, 1918. Т. 1. С. 108-110.
16. Известия Самарского отдела искусств. 1919. № 1. С. 12.; № 3. С. 12-13, 16.
17. Новикова Г.В. Развитие художественной самодеятельности в Самаре (1917- 1930 гг.) // Великая Октябрьская социалистическая революция и культурное строительство в Куйбышевской области. Куйбышев, 1988. С. 26.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ ЧУВАШСКАЯ КУЛЬТУРА 1917-1920-х гг.: ИДЕОЛОГИЯ И ИСКУССТВО

Абрукова Т.А.

Чувашский государственный педагогический университет

1917-1920-е гг. – яркий период в истории чувашского народа. После революций 1917 г. на всем российском пространстве происходила смена культурной парадигмы. Началось разрушение старого «буржуазного» и строительство нового «социалистического» мира. Моделирование иной реальности затрагивало все сферы деятельности человека. Масштабность данного процесса была настолько велика, что его последствия остаются ощутимыми и в настоящее время. В представленной работе предпринимается попытка анализа исторической ситуации раннесоветского периода в Чувашии. Революции 1917 года изменили не только общественно-политическую сферу, но и сознание людей. Создавая позитивные условия для развития этноса, советская власть одновременно формировала новые структуры повседневности. В обиход вошло множество ранее неизвестных понятий: «Советы», «социализм», «кулак», «нэп», «пионер» и др. Инновации коснулись всех сфер деятельности. Если представители интеллигенции могли осознать происходящие процессы, то большинство населения не было готово к быстрым переменам. Чувашская нация к началу XX века представляла собой общество с традиционным типом культуры, для которой характерны: общинность, коллективизм; сельский аграрный образ жизни; устный тип передачи информации; атемпоральные пространственно-временные представления, связанные с земледельческим циклом и др. В новом государственном устройстве начался процесс модернизации сельского хозяйства. Росла техническая оснащенность, экономическая эффективность производства, развернулась коллективизация. Традиционная чувашская культура стала приобретать черты индустриальной, массовой культуры. Самой важной задачей для молодого советского государства стала перестройка сознания народа. Руководству страны приходилось завоевывать расположение масс, преодолевать инерцию мышления традиционной культуры, обладающей большой степенью консерватизма. На всех уровнях началось творение нового типа личности – «сознательного и активного строителя коммунизма». По мнению В.И.Ленина, неграмотный человек стоит вне политики. В 1919 г. он подписал декрет о ликвидации безграмотности. Развернулась компания по просвещению населения, главной задачей которого стало идейное воспитание. Руководство страны формировало «советскую картину мира» с особыми онтологическими представлениями: «Пространство и время в советской культуре моделируется

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

всегда однозначно: они разделены на две несоприкасающиеся части: старый мир и новый мир»¹. В сознании чувашей возникла трещина, разделившая историю народа на этапы до и после революции. Под воздействием философии «марксизма-ленинизма» в национальных пространственно-временных представлениях впервые начала доминировать категория линейного движения. Движущей силой стала идея коммунизма, к которому стремилось советское государство. В будущем данное учение должно было распространиться по всему миру. Если раньше пространство чувашей ограничивалось рамками своей деревни (поселения), то в советскую эпоху оно охватывало более масштабные понятия и имело перспективу расширения: ЧАССР→РСФСР→СССР→мировое сообщество. Категория времени постепенно приобретала линейную ориентацию, освобождаясь от связи с земледельческим циклом. Развитие общества прогнозировалось как поэтапная смена различных общественных формаций, ведущая к коммунизму. Процесс даже имел своеобразный ритм: с 1929 г. он мыслилось, как чередование «пятилеток». Изменение онтологических представлений свидетельствовало о трансформации традиционной культуры этноса, в которую все больше проникало элементов массового общества. Распространению «советской картины мира» способствовала стройная система идеологической обработки масс. Она представляла собой общественные объединения, работающие с разными поколениями людей: 7-9 лет – октябрятские группы; 10-15 лет – пионерская организация; 14-28 лет – комсомол; 28 лет и далее – коммунистическая партия. Данные структуры действовали по принципу преемственности. Общей для всех являлась военная атрибутика: строевой шаг, пятиконечная звезда, флаг, красный галстук, значок, ритуалы – салют, линейка, исполнение гимна, вынос знамени, подъём флага и др. Советская власть формировала общество военизированного типа, готовое в перспективе распространять идеи марксизма-ленинизма по всему миру. Развитие шло по правилам боевых действий с провозглашением «фронта индустриализации», «фронта коллективизации» и т.д. Хождение строем стало принципиально новым видом моторики этноса, аналог которого отсутствовал в национальной традиции. Художественная культура Чувашии чутко реагировала на происходившие перемены. Перед ней стояла задача создания искусства нового типа, соответствующего запросам меняющегося социума. Искусство оценивалось, как эффективный способ манипулирования общественным сознанием. Агитационная направленность чувашского профессионального творчества первого послереволюционного десятилетия отразилась в выборе соответствующих жанров, наиболее доступных большинству населения. В литературе авторы предпочитали создавать художественные очерки, в изобразительном искусстве – плакаты, в музыкальном – песни. Отвечая «социальному заказу» современности, дея-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

тели искусства включались в пропагандистскую деятельность. Идеологические установки эпохи формировало содержание и стилистические черты раннесоветского искусства. Первое послереволюционное десятилетие ознаменовалось кардинальными переменами в истории чувашского народа. Активное воздействие советской культуры трансформировало типологические свойства национальной традиции. Инновации коснулись всех сфер деятельности и, в первую очередь, общественного сознания. Вглядываясь в облик своих современников, композиторы видели «твердые, волевые выражения лиц, как бы отлитые из чугуна и бронзы. Грудь у человека труда – как железная, сухожилия – что ремень или стальная цепь, глаза острые, ястребиные»². И внешне и внутренне нация перерождалась, приобретая черты Homo soveticus. Измененному социуму нужна была новая музыка. И она зазвучала.

1. Левченко М.А. Капля крови Ильича. Сотворение мира в советской поэзии 1920-х годов // Независимая газета. 1998. 5 ноября.

2. Павлов Ф.П. Собрание сочинений в 2-х томах. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1971. Т. II. С.187.

СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И РЕПРОДУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ СОВЕТСКОГО ГОРОДА В 1930-е гг.

Климочкина А.Ю.

Самарский государственный университет

Перипетии преломления директивных постановлений советской власти в жизни простых людей, последствия нормирования интимной сферы и особые стратегии выживания можно выявить, исследуя семейные отношения и социальную сторону репродуктивного поведения горожан 1930-х гг.

Великие потрясения начала 1930-х гг. не могли отразиться на советской семье. Заявления об освобождении женщины дали мужчинам повод отказываться от ответственности, но также были другие факторы, усиливающие возможность мужчин легкомысленно относиться к браку. Это и мощная внутренняя миграция, когда миллионы мужчин, мобилизуясь, покидали дом, и демографическая ситуация с нехваткой мужского населения. В городах нарастал жилищный кризис¹, что в значительной степени провоцировало уход мужей из дома, особенно после рождения ребенка. Английский социолог К. Гейгер даже пишет об особом типе равнодушного «ну-и-что – мужа», который складывается в этот период². В то же время судебные органы крайне легко относились к алиментным делам и дети слишком часто оставались без обеспечения (7-9 р. в месяц на ребенка)³.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

В 1930-е гг. тысячи женщин, которые часто оставались единственными кормильцами в семье, были вовлечены на производство. Из-за нехватки детских учреждений в этот период остро встает проблема детской безнадзорности. В протоколах заседаний райпрофсоветов Самары в 1932 г. говорилось, что «иногда матери забывают детей в яслях по несколько суток», а одна женщина заявила, что «удушит своего сына, если его выгонят из деточага, так как у нее еще 4 ребенка и нет ни времени ни средств на его воспитание»⁴.

Аборты были разрешены. Однако несмотря на их легальность в начале 1930-х гг., была довольно существенна доля искусственных абортов проводившихся знахарками⁵. Скорее всего такая ситуация была вызвана как низким культурным уровнем населения, так и тем, что в период крайне тяжелых лет первой пятилетки за аборт приходилось платить, и операция в любом случае запрещалась, если у пациентки не было детей⁶. Кроме того ситуация с родовспоможением и детскими учреждениями оставалась очень напряженной. В 1932 г. помощь могла быть оказана не более 35 % рожениц и 17 % маленьких пациентов. Отсюда очень высокая детская смертность: в начале 1930-х гг. в Самаре 30-40% младенцев умирали не дожив до года⁷.

Государство было серьезно обеспокоено падением рождаемости и тем, что не наблюдается прироста населения ожидавшегося при социализме. Поэтому с середины 30-х гг. советская власть начинает проводить политику направленную на укрепление семьи. В 1935 г. был издан закон «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности», по которому на родителей безнадзорных детей могли наложить штраф или заставить их платить за содержание их ребенка в детдоме. А в мае 1936 г. правительство издает уже комплексный законопроект об укреплении семьи. Причем проект закона после обсуждения партийной верхушкой и юристами⁸ был опубликован 27 мая 1936 г. в печати для общенародного обсуждения.

По законопроекту предполагалось запретить аборты, за исключением случаев угрозы жизни матери. Устанавливалось уголовное наказание лицам, сделавшим аборт, и принуждающим к аборту (2-3 года тюрьмы). Многодетные матери после 7-ми детей должны были получать пособие в размере 2000 р. в год, а после 11 детей – 5000 р. единовременного пособия и по 3000 ежегодно. Предполагалось значительно увеличить пособия по уходу за ребенком, число роддомов и детских учреждений. Получение развода затруднялось в результате требования личного вызова в загс и отметки в паспортах для обоих разводящихся супругов и повышения платы за регистрацию развода. Размеры алиментов повышались от одной трети до 60% заработка отсутствующего родителя; санкция за неуплату алиментов увеличивалась до 2-х лет тюрьмы⁹.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Дискуссия по новому закону развернулась в среде различных социальных групп в газетах и на специально посвященных этому собраниях. Как и ожидалось, большинство отзывов превозносило счастье больших семей и радость материнства¹⁰, однако практически все они содержали некое «но».

В критических заявлениях по проекту совсем не было философских заявлений о праве плода на жизнь. В большинстве писем и выступлений говорилось, что аборт следует разрешить людям живущим в тяжелых жилищных условиях или же предоставлять первоочередное жилье много-семейным: «Сейчас некоторые имеют 3-х детей, с мужем семья в 5 человек, а жилплощадь 8 метров. Дети спят на полу, через них шагают. Где же еще ставить качку?»¹¹. Многие предполагали, что нужно учитывать материальные условия, доходы семьи. Один служащий заявлял: «Если мне допустить рождение третьего ребенка, жена работать не будет, а на одном моем заработке в 200 р. далеко не шагнешь. А есть люди, которые зарабатывают 100-150 р. на семью. Другое дело если взять какого-нибудь ответственного работника, зарабатывающего 1000 р., его жене нужно рожать, а если не хочет, взять у нее 500 р. штрафа, чтобы выбить спесь»¹². Некоторые женщины указывали на конфликт между работой (общественной жизнью, учебной) и материнством. Взятые вместе, письма и выступления показывают, что граждане предлагали оставить легальными аборт для многодетных, студенток, одиноких, женщин, живущих в скученных условиях и с материальными трудностями; короче, почти для каждой советской женщины, которая бы обнаружила нежелательную беременность.

В отличие от полного запрета абортов горожанки страстно поддерживали ужесточение законодательства по разводам и алиментам, а также расширение сети детских учреждений. Многие предлагали еще повысить плату за развод, а уклонявшихся отцов заставлять работать в лагерях, чтобы заработок вносить на содержание детей. Мужчины подавали слабый голос в свою защиту и говорили, что высокая плата за развод приведет к невыносимому совместному проживанию супругов, а огромные алименты обрекут на нищенское существование вторую семью разведенного. Что касается пособий многодетным, многие предлагали платить его, начиная уже с 4-5 ребенка в семье.

После месяца обсуждения 27 мая 1936 г. закон вступил в силу. В основном он повторял проект. В результате постановления государство добилось цели. Число разводов резко сократилось, например на 50% в 1938 г. в Куйбышеве по сравнению с 1934 г., а Чапаевске несколько месяцев после принятия закона люди вообще перестали разводиться¹³. Рождаемость повысилась: так если в 1934 г. показатель рождаемости в Самаре и Ульяновске был 13-16 на 1000 человек, в малых городах 18-27, то в конце 30-х гг. он составлял соответственно 34-38 и 54 на 1000. В культуре второй поло-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

вины 30-х гг. стал господствовать «пафос плодовитости»¹⁴, газеты пестрели фотографиями матерей, грудных младенцев, роддомов и яслей¹⁵. Однако детская смертность все еще была высокой из-за перегрузки роддомов, и тяжелой ситуацией с детским здравоохранением. К тому же складывалось чрезвычайно неблагоприятное положение с так называемыми «неполными» абортами, т.е. по какой-либо причине начинавшимися дома¹⁶.

К.Гейгер писал, что в браках часто встречаются любовные треугольники, в советском же обществе существовал специфический треугольник, где роль третьего угла играло государство¹⁷. В целом властные мероприятия направленные на защиту семьи положительно были восприняты населением, упрочение семьи истолковывалось, как начало возвращения к нормальной жизни. Несмотря на непопулярный запрет на аборт женщины, пережив болезненный опыт конца 20-х, начала 30-х гг., согласились на сделку с режимом, которая расширяла ответственность за семью со стороны мужчин и государства, но требовала от женщин принять двойную ношу работы и материнства.

1. Норма жилплощади в Самаре снижалась до 3 кв.м. на человека, В Чапаевске до 2 кв.м. ГАСО. Ф.Р-4038. Оп.1. Д.12. Л.65
2. Geiger H.K. The family in Soviet Russia. Cambridge, 1968.P.242.
3. Советская юстиция 1935, №26.Л.4.
4. СОГАСПИ. Ф.9356. Оп.9. Д.55. Л.3-4
5. См. ГАСО. Ф.Р-2148. Оп.1. Д.28. Л.27; Ф.Р-1160. Оп.1. Д.64.Л.2.
6. ГАСО. Ф.Р-2148. Оп.1. Д.28. Л.26.
7. СОГАСПИ.Ф.714. Оп.1. Д.190.Л.33.
8. Об этом: Goldman W.Z. Women, the state and revolution: Soviet Family policy and Social Life. 1917-1936. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.P.330-334.
9. Волжская коммуна. 1936. 27 мая.
- 10.См: например письма: «Дети – наше счастье!», «Благодарим партию и правительство!» Волжская коммуна. 1936, 28 мая и др.
- 11.ГАСО.Ф.Р-56. оп.1 Д.598.Л.63.
- 12.Там же.Л.141.
- 13.ГАСО. Ф. Р-4372. Оп.1. Д.78.Л.1; Д.69Л.1.
- 14.Паперный В. Культура Два. М., 1996. С.163-165.
- 15.Волжская коммуна. 1936. 30 июня, 2,3 июля и т.д.
- 16.ГАСО.Ф. Р-2521. Оп.3. Д.550.Л.2; Р-Ф.4038. Оп.1. Д.12. Л.35.
- 17.Geiger H.K. Op.cit. P.242.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ ОСОБЕННОСТИ КАДРОВОГО СОСТАВА УЧИТЕЛЕЙ В ЧУВАШСКИХ БРАТСКИХ ШКОЛАХ

Никифорова О.А.

Чувашский государственный университет

Во второй половине XIX – начале XX века христианское просвещение стало основным методом утверждения православия среди народов Поволжья. В первую очередь, к его реализации приступили школы, открывавшиеся Братством Св. Гурия (функционировали с 1867 по 1918 гг.)¹. Большое количество братских школ было открыто в чувашских селениях.

Ведущая роль в работе братских школ отводилась учителям. Учебная и внеурочная их деятельность регламентировалась в соответствии с миссионерско-просветительской системой Н.И.Ильминского, официально утвержденной в 1870 г. в качестве государственной программы «иногородческого» образования². В связи с неоднозначными оценками кадрового состава братских школ в отечественной историографии, настоящая работа имеет целью выявить особенности их подготовки, социального статуса, стажа работы, материального положения.

По национальности учителя были крещеные чуваша, в единичных случаях среди них встречались татары, русские и даже язычники. Женщины в основном обучали в женских братских школах (около 6 школ) и часто это были жены священников и учителей. Оплата труда братских учителей была самой низкой по сравнению с другими школами³.

Для анализа образовательного уровня учителей Братства Св. Гурия, нами выделено несколько хронологических этапов в подготовке учителей:

1) 1867 – 70-е гг. Большинство учителей не имели образования и проходили обучение под руководством братчиков и священников⁴.

2) 80-е – первая половина 90-х гг. Повысился образовательный уровень учителей. Многие из них стали поступать в специальные педагогические заведения (Казанскую центральную крещено-татарскую школу, Казанскую учительскую семинарию, Симбирскую чувашскую учительскую школу)⁵, училища, в том числе и духовные, сельские школы с недостаточным педагогическим образованием.

3) с 1894 г. начинается качественно-новый этап. С открытием специального педагогического Ишаковского двухклассного училища Братства Св. Гурия⁶ для чувашей у будущих учителей появилась возможность проходить подготовку с учетом последующей их работы в чувашских братских школах;

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

4) 1905 – 1917 гг. с изданием Манифеста в 1905 г. началась критика братских школ. В 1913 г. целая группа школ (почти половина) перешла в ведение земства⁷.

Следовательно, основными причинами в смене этапов подготовки учителей явились объективные обстоятельства: отсутствие специальных педагогических заведений, поддержка учителей Братством или ее отсутствие, происходящие на тот период события в стране, перемена в сознании местного нерусского населения. Следует так же отметить невысокие требования Братства к образовательному уровню учителей.

Тем не менее, Братство контролировало работу учителей. В обязанности светских инспекторов входило: посещение школ, проведение «годовых испытаний», отслеживание деятельности учителей, открытие новых школ⁸. Стоит, однако, отметить, что в постоянной опеке был положительный момент, поскольку инспекторы направляли деятельность учителей, оставляли рекомендации, давали образцовые уроки, награждали наиболее отличившихся и т.д.

В то же время миссионеры и священники осуществляли руководство учителями по вопросам духовного воспитания. Обычно основную нагрузку нес один учитель, в то время как в церковно-приходских земских и других школах работал еще законоучитель, второй учитель и помощник учителя⁹. Поэтому братские учителя часто покидали школы не только по причине низкой оплаты труда, но и из-за большой нагрузки. Как удалось выяснить, стаж работы учителя обычно не превышал 3 лет (52,3%). Редко они оставались на прежних местах в течение 4 – 10 лет (40,9%), и только единицы (6,8%) превышали десятилетний срок работы в одной школе¹⁰.

Таким образом, можно констатировать сравнительно невысокий образовательный уровень учителей школ Братства Св. Гурия, большую учебную и внеклассную нагрузку и наряду с этим – низкую оплату труда. Эти и другие обстоятельства способствовали текучести кадров. Школы не имели высокопрофессионального постоянного состава учителей. Однако, период второй половины XIX – начала XX века характеризуется успехами в христианском просвещении нерусского населения, что связано прежде всего с национальностью учителей. С введением миссионерско-просветительской системы Н.И. Ильминского, на должность учителя стали назначать не русских, как это было в предшествующий период, а крещеных чувашей, которые становились для своего народа образцом христианина. Как свидетельствуют источники, учителей из своей среды чуваша воспринимали лучше, чем представителей другого народа. Задача учителя заключалась в воспитании «инородца в духе православной веры» и его духовном обрусении. Для ее решения не было острой необходимости в получении учителями братских школ семинарского или гимназического образования. Достаточно

ХІІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

было знать основы православной веры и искренне им следовать. Отсутствие же специальных знаний учителей компенсировалось руководством и помощью братчиков и миссионеров.

1. Отчет о деятельности Братства Св. Гурия в Казани. 1867-1868 гг. Казань, 1868. С.9.

2. Журнал министерства народного просвещения. М., 1870. С. 55-58; Павлова А.Н. Система Н.И.Ильминского и ее реализация в школьном образовании нерусских народов Востока России. Чебоксары, 2004. С.124-127.

3. Государственный Исторический Архив Чувашской Республики. Ф.503. Цивильский уездный училищный совет. Оп.1. Д.104. Л.2, 16 (об.).

4. Отчет о деятельности Братства Св. Гурия в Казани. 1870-1871. Казань, 1871. С.71; Таймасов Л.А. Православная церковь и христианское просвещение народов Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века. Чебоксары, 2004. С.308-311.

5. Павлова А.Н. Система Н.И.Ильминского и ее реализация в школьном образовании нерусских народов Востока России. Чебоксары, 2004. С.137-140.

6. Отчет о деятельности Братства Св. Гурия в Казани. 1893-1894. Казань, 1894. С.28-32.

7. Эфиоров А.Ф. Нерусские школы Поволжья, Приуралья и Сибири. М., 1948. С.26-27.

8. Ильминский Н.И. Избранные места из педагогических сочинений. Казань, 1892. С.48.

9. Коблов Я. О необходимости инородческих миссионеров в деле просвещения инородцев. Ответ Бобровникову. Казань, 1905. С.6, 8; ГИА ЧР. Ф.229. Цивильское уездное отделение Казанского епархиального училищного совета. Оп.1. Д.5. Л.39.

10. Отчеты о деятельности Братства Св. Гурия в Казани с 1867 по 1914 гг.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЛИТЕРАТУРЫ ТАТАРСТАНА В 1945-1964 гг.

Галихузина Р.Г.

Институт истории Академии наук Татарстана

Характерной чертой развития культуры в послевоенные годы было усиление вмешательства партийно-государственного аппарата в культурную жизнь общества.

Жесткая идеологическая линия возобладала также в общественно-политической и культурной жизни Татарстана. Она четко была обозначена

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

в постановлении ЦК ВКП (б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в татарской партийной организации». Документ был принят в конце войны, в августе 1944 г., когда стало ясно, что Советский Союз одержит победу, и у руководства появилась возможность отказаться от идеологических уступок, на которые оно вынуждено было пойти в критические для государства дни войны.

Таким образом, ослабление режима не входило в планы партийно-государственной верхушки. Власть переходит к укреплению позиций коммунистической идеологии. Новая волна репрессий 40-х годов захватила судьбы таких известных писателей, как А. Гилязов, Г. Тавлин, С. Рафиков. Положение литературы на взлете сталинской эпохи характеризовалось как кризисное.

Постановление 1944 г. явилось определяющим в отношении проводившейся в республике национальной политики вплоть до середины 80-х годов. Оно давало жесткие установки татарскому обкому КПСС быть бдительными в отношении проявлений национализма со стороны татарской интеллигенции.

Новым импульсом для усиления идеологического контроля стал принятый в 1946-48 гг. ряд идеологических постановлений ЦК. Они требовали от партийных организаций и творческой интеллигенции наступления по всему «идеологическому фронту», борьбы за чистоту марксистско-ленинского мировоззрения против безыдейности, аполитичности, пережитков прошлого, национальных предрассудков. Эти постановления тяжело отразились на творческих судьбах отдельных деятелей культуры, на последующем развитии литературы. Так, в 40-е годы как идейно порочные были раскритикованы произведения Ф.Хусни, С.Баттала, Н.Исанбета, М.Амира.

В татарской литературе первого послевоенного десятилетия безраздельно господствовал соцреализм.

Ведущей темой для татарских литераторов была прошедшая Великая Отечественная война (Г. Баширов «Честь»(1948), А. Абсалямов «Белые ночи» (1947), «Орлята» (1948), К. Наджми «Книга героев» (1945), И. Гази «Мы еще встретимся»), однако в официальной литературе раскрывалась она довольно однообразно: изображались лучшие черты и качества советского человека, положительные явления современной советской жизни, при этом трудности и проблемы восстановления жизни после войны не были представлены. Это не означает, конечно, что серьезных работ не было написано.

Так, талантливым писателем А. Абсалямовым был создан роман «Газинур» (1951), в основу которого были положены реальные события: подвиг Героя Советского Союза Газинура Гафиятуллина, повторившего под-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

виг А. Матросова. Главный персонаж произведения стал олицетворением образа советского положительного героя. Этот роман – одно из лучших произведений «воспитывающей» литературы соцреализма.

Отметим также, что татарской литературе первого послевоенного десятилетия далеко не всегда хватало настоящей глубины в раскрытии духовного облика человека, давало себя знать тематическое и жанровое однообразие.

Особое место в разработке татарской прозой темы дореволюционного прошлого татарского народа занимают работы (И. Гази «Незабываемые годы» (1949); К. Наджми «Весенние ветры» (1948)). Также заметно усиление внимания к жизни выдающихся прогрессивных деятелей (А.Файзи «Тукай» (1952)).

Подводя итог деятельности татарских писателей в первое послевоенное десятилетие, выделим, что главными темами были:

- героика военной поры;
- строительство социализма;
- произведения историко-революционного характера.

Административное вмешательство в деятельность представителей культуры, борьба с буржуазной идеологией, политические оценки художественных произведений накладывали отпечаток на содержание созданных в этот период работ. Все эти меры призваны были «поставить на место» лучших представителей интеллигенции, вернуть атмосферу тотального страха, успевшую за годы войны несколько ослабеть.

Первое послесталинское десятилетие было ознаменовано серьезными переменами в духовной сфере. Либерализация общественно-политической жизни дала мощный импульс для развития литературы. Было ослаблено идеологическое воздействие на творчество художественной интеллигенции.

В литературе однообразная парадность сталинского соцреализма сменилась обилием новых тем и стремлением отразить жизнь во всей присущей ей полноте и сложности.

В произведениях, посвященных Великой Отечественной Войне, героически возвышенные образы сменяются изображением тяжести военных будней. Писателей интересует человек со своими страхами, болью и душевным смятением (М. Амира «Люди из Ялантау» (1954) и «Чистая совесть» (1959)).

Тема созидательного труда народа продолжает занимать центральное место в татарской прозе рассматриваемого периода. Произведения И. Гази «За городом Казанью» (1958), А.Абсалямова «Огонь неугасаемый» (1958), Ф. Хусни «Любовь под звездами» (1954), А.Еники «Спасибо, товарищи» (1952) обогатили литературу глубиной раскрытия духовного мира героев и широтой охвата жизненных явлений. Также продолжала присутствовать

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

историко-революционная тематика (Ф.Хусни «Тропа пешехода» (1958)). Писатели тем самым выполняли предписания партии, демонстрируя преимущества жизни общества в послереволюционное время.

Необходимо также подчеркнуть, что в данный период не приветствовались темы, отражавшие традиции и обычаи татарского народа, идущие из глубины веков. Поощрялась пропаганда духовного облика советских людей коммунистического общества (Ф.Хусни «Тридцатый год» (1930), Маннур «Славные люди» (1953), Нури «На главном направлении» (1953), А.Абсалямов «Огонь неугасимый» (1958))

После длительного перерыва большими тиражами вновь были изданы произведения таких видных татарских писателей, как Г.Ибрагимов, Ф.Бурнаш, И.Усманов. В литературу пришли молодые авторы, один из них – Г.Ахунов- рассказал в своем романе «Клад» (1962) о том, как «большая нефть Татарии преобразует облик республики». Большое значение имела реабилитация некоторых репрессированных при Сталине деятелей культуры (К.Тинчурин).

В целом для литературы Татарстана в период «оттепели» характерно:

- возрастание интереса к человеку, его духовным ценностям;
- авторы в своих произведениях отходили от традиционной лакировки реальной жизни людей в социалистическом обществе.

Несмотря на появление новых произведений, в которых пробивались ростки свободомыслия, до полной свободы творчества в годы «оттепели» было далеко.

Все это оказывало сдерживающее влияние на развитие литературы и искусства, показывало пределы и истинный смысл «оттепели» в духовной жизни, создавая неблагоприятную обстановку среди творческих работников, рождало недоверие к политике партии в области культуры.

ПЛАКАТ КАК СРЕДСТВО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ГРАЖДАНСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ СССР И ГЕРМАНИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Касымова Д.А.

Самарский государственный университет

В условиях современной информационной глобализации и бурного развития технологий, позволяющих политикам воздействовать на массовое сознание и манипулировать общественным мнением, особую актуальность приобретает изучение средств и методов пропаганды в годы Великой Отечественной войны, когда накал противостояния двух систем потребовал

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

небывалого в мировой практике информационно-пропагандистского обеспечения. Идеологам нацизма и коммунизма потребовалась наиболее доступная и дешевая с точки зрения репродуцирования форма для выражения своих политических принципов. Одним из таких универсальных средств стал плакат.

Гражданское население любой страны менее идеологизированно, подвергается меньшему психологическому давлению со стороны политического руководства, чем военнослужащие, а потому более восприимчиво к пропаганде противника. Именно это обстоятельство позволяет различать цели воздействия на жителей собственного государства и население противоположной стороны.

Так, если главными задачами пропаганды на вражеской территории являются дискредитация военно-политического руководства противника и формирование положительного отношения к своей стране, а вместе с тем проведение различного рода мероприятий по снижению наступательного порыва неприятеля и ослаблению его способности к обороне. То основным в пропагандистской работе на своей территории неизменно будут цели прямо противоположные: консолидация населения вокруг руководства страны и проводимой им политики, сдерживание недовольства лишениями и трудностями, связанными с войной, яростная критика идей пораженчества и противодействие пропаганде противника.

Само собой разумеется, что подобные задачи преследовало как советское, так и германское командование в том и другом случаях. И отечественные, и немецкие плакатисты стремились выставить противника в дурном свете, вместе с тем демонстрируя превосходство своего руководства. Но если немецкие художники активно использовали устрашающие образы врага. Например, Сталина чаще всего изображали в виде дьявола, поджигателя войны, убийцы, бандита, аморального звероподобного существа. То отечественные авторы склонялись к карикатурному изображению Гитлера и его окружения, что объясняется особенностями живописной традиции и некоторыми чертами русского менталитета. Таким образом, советские плакаты стремились свести угрожающий потенциал противника до минимума, в то время как целью подобных немецких работ было запугивание зрителя и побуждение его к агрессии.

С целью подрыва авторитета военно-политического руководство и СССР, и Германия стремились опорочить друг друга перед лицом граждан своей страны и страны неприятеля, используя также подборку компрометирующих фактов. Так, говоря об отсталости и несостоятельности советской системы, гитлеровская агитация делала упор на демонстрацию разрухи, голода и социальных бедствий в СССР в противоположность благосостоянию и счастливой жизни при национал-социализме. Одними из самых

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

выигрышных козырей в руках нацистов оказались репрессивная политика НКВД и неудачи в области сельского хозяйства. Значительная часть недовольных охотно верила идеалистическим картинкам с немецких плакатов, наиболее распространённым сюжетом которых была мирная сельская жизнь под охраной гитлеровской армии. Жители оккупированных территорий получали из немецких плакатов картину весьма далёкую от действительности. Большим тиражом распространялись картины и плакаты о хорошем обращении и беззаботной жизни в Германии. В такой ситуации советской пропаганде не приходилось защищаться, в ход шли контраргументы о репрессиях немцев.

Наряду с использованием приемов дискредитации военно-политического руководства противника, широко применялись способы мобилизации собственного населения. Основным фактором, объединяющим население Германии был мотив «справедливого уничтожения недочеловеков», угрожающих существованию Германии. Центральное место здесь заняла идея «еврейского большевизма», т. к. согласно утверждениям Гитлера в России под маской марксизма господствовало «международное еврейство». Нацистский плакат широко освещал идею «азиатско-еврейской заразы» и представлял собой визуальный симбиоз антирусских, антибольшевистских и антисемитских образов. В отличие от германского плаката, советская графика не создавала антинемецких типов. В отечественной пропаганде существовали только антифашистские образы. Исходя из условий и характера военных действий в СССР большее значение придавалось идее обороны государства, а потому плакат взывал к патриотическим чувствам, обрушивал народную ненависть на вторгшегося противника, требовал возмездия. С целью достижения максимального эмоционального воздействия использовались всевозможные женские и детские образы, исторические параллели. Подобные темы существовали и в немецком плакате, однако, их было значительно меньше по сравнению с угрожающими картинками и пропагандой национал – социалистических идей.

При оценке степени эффективности вышеперечисленных методов, следует сказать, что советский плакат оказался не только более мобильным, но также и более близким простому человеку. Главное и решившее в итоге исход войны было то обстоятельство, что в отличие от немецких плакатов, обращённых к разуму, наши изображения были направлены к сердцу народа, к его чувствам, а отсутствие национальных элементов сделали возможным его использование и после войны.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ КУЛЬТУРНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ В 1950–60-е гг.: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Панкратова Л.А.

Самарский государственный университет

Человечество в целом, и каждый человек в отдельности, находится в постоянном взаимодействии с окружающим миром. И если первоначально (на первых этапах развития человечества) доминирующую роль на личность оказывала природа, то со временем влияние природы заменялось влиянием общества на человека посредством духовной жизни общества. Культура становится хранителем выработанного в духовной жизни общества опыта, который включается в культуру в форме культурного наследия и аккумулируется в традиции¹.

При изучении культуры общества, на любом отрезке времени, важным для исследователя является не только создаваемые обществом культурные ценности, но средства и способы, возможности их распространения среди различных общественных слоев, а также изменения в содержании, характере и целях использования этих ценностей.

В целом, в культурном преобразовании Поволжья данного периода можно выделить следующие основные проблемы:

- изменения в системе образования региона;
- развитие системы средств массовой информации;
- реорганизация в культурно-просветительских учреждениях (музеях, библиотеках и т.п.).

В отечественной истории исторической науки первые попытки осмысления культурной жизни советского общества появились уже в 1920-х гг.²

В рамках Среднего Поволжья первым исследованием, где автор попытался проследить развитие культуры Куйбышевской области с 1917г., стала работа К.Я. Наяшкина³.

1950 – 1960 -е гг. знаменательны тем, что история советской культуры становится отдельной темой научных знаний и в это время появляется много статистических данных⁴.

В 1970 – 1980 -е гг. появляются сборники материалов и документов по развитию культуры и народного образования во многих областях региона⁵.

Особое место в период 1990-х гг., занимает работа Морозова Н.А., обобщившего материал предыдущих десятилетий⁶.

Таким образом, несмотря на интерес исследователей к данной проблематике, некоторое количество аспектов культурного строительства региона (таких как развитие киносети, театров), по-прежнему нуждается в

ХІІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

более детальном освещении. Это дает хорошую базу для дальнейших исторических исследований.

1. Бордюгов Г.А., Козлов В.А. Духовная жизнь советского общества как предмет историко-культурных исследований // Вопросы истории и историографии советской культуры. М. 1987., С.28-31.

2. См., например: Луначарский А.В. По Среднему Поволжью. Л. 1929.

3. Наяшкин К.Я. Культурное строительство в Куйбышевской области за 30 лет. Куйбышев, 1947.

4. См., например: Забота об укреплении материальной базы. Сборник статей. Куйбышев, 1950.

5. Достояние культуры – народу. Культурное строительство в Ульяновской области. 1917-1975 гг.: Документ 1. Бордюгова Г.А., Козлова В.А. Духовная жизнь советского общества как предмет историко-культурных исследований // Вопросы истории и историографии советской культуры. М.1987.,С.28-31; См., например: Луначарский А.В. По Среднему Поволжью. Л.1929; Наяшкин К.Я. Культурное строительство в Куйбышевской области за 30 лет. Куйбышев,1947. Документы и материалы. Саратов, 1979; Культурное строительство в Куйбышевской области (1938-1977): Сб. документов. Куйбышев,1982; Культурное строительство в Пензенском крае,1939-1977. Документы и материалы.Саратов,1989.

6. Морозов Н.А. Народное образование и культурно-просветительские учреждения Среднего Поволжья в 1950-ые – начале 1960-х гг. Автореф. дис... к.и.н. Самара: Самарский государственный педагогический институт имени В.В.Куйбышева, 1993.

ОБРАЗ СОВЕТСКОГО УЧЕНОГО В КИНЕМАТОГРАФЕ КОНЦА 1940-х – НАЧАЛА 1950-х гг.: ОТОБРАЖЕНИЕ ИЛИ СОЗДАНИЕ РЕАЛЬНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ КИНОФИЛЬМОВ «ВЕСНА» И «АКАДЕМИК ИВАН ПАВЛОВ»)

Кныш Н.А.

Омский государственный университет

Модель взаимоотношений между советской властью и учеными представляется в большинстве исследовательских работ как выполнение тоталитарного заказа научным сообществом. Власть выступает как организатор и контролер научного знания, а критерием истинной научности нередко становятся соображения идеологического характера. Нам представляется неверным сводить сложную систему отношений между наукой и властью исключительно к репрессивному контролю со стороны последней. Наша

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

рабочая гипотеза в разработке проблемы трансформации образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие – политика советской власти по формированию нового образа исторической науки находила определенный отклик и в самом научном сообществе историков, внутренний посыл со стороны его представителей.

В ключе развития междисциплинарных связей истории с другими социо-гуманитарными дисциплинами (и не только) в нашей работе применяются теоретические конструкции социоанализа Пьера Бурдьё. Согласно концепции П. Бурдьё, человек живет не только в физическом пространстве, но и в символическом, которое включает в себя все пространство человеческих представлений об окружающем мире. В символическом пространстве существует символический капитал, символическая власть, символическое насилие, символические структуры и символический порядок. Символический капитал, как капитал чести и престижа, как признание, имя и «отличность», по утверждению П. Бурдьё, реален. Он конвертируем, подвержен инфляции, узурпации, за него ведется борьба. В ходе таких конфликтов враждующие группировки пытаются навязать в качестве единственно легитимных свои взгляды на мир, свои классификационные схемы, свои представления о том, «кого (и по каким причинам) считать кем». Важным аспектом символической власти является ее продуктивная способность «творить вещи при помощи слов», т.е. управлять социальным миром, управляя представлениями о нем. Символические структуры обладают огромной властью над людьми, задавая ориентиры социальных практик.

Материал истории богат на примеры применения символического насилия. Радио, кино, художественная литература, СМИ и т.п. являются основными формами такого принуждения, посредством которых и навязываются принципы видения мира.

Историческая наука участвует в борьбе за навязывание легитимного видения социального мира настолько, насколько ее результаты становятся непосредственно инструментами этой борьбы и инструментами «символической агрессии». Исходя из теории П. Бурдьё, поле науки является полем производства культурной продукции. В нашем случае в качестве такой продукции рассматривается образ исторической науки. Образ как символический капитал, используемый властью для легитимизации, упрочения своих позиций. (Пример того, как власть с помощью истории идеологизирует общество.) Здесь показателен, на наш взгляд, будет не только процесс формирования и оформления образа исторической науки, но и особенности его трансляции, как в научном сообществе, так и в обществе в целом.

В ситуации холодной войны науке придавалось политическое значение, наука использовалась в качестве инструмента политической борьбы двух сверхдержав. Это время характеризует концепция двух противостоя-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

щих друг другу наук – советской и западной, когда подчеркивались национальные истоки советской науки, ее независимость от Запада и приоритет во всех научных областях. Демонстрировать всему миру величие Советского Союза должно было и искусство.

В связи с этим, на наш взгляд, показателен образ русского ученого, представленный в советском кинематографе. Обращение на основе междисциплинарного взаимодействия к визуальным источникам, в данном случае к произведениям кинематографа, расширяет источниковую базу нашего исследования. При этом нами учитывается, так называемый «эффект поля» Бурдые – мы не можем понять произведение и его значение без знания истории поля, где оно произведено.

Существуют невидимые механизмы превращения кинофильмов в инструмент поддержания символической власти. Кинопродукция, обладая эффектом реальности – показывать и заставить поверить в то, что показываешь, имеет власть над формированием сознания очень большой части населения (особенно в ситуации рассматриваемого нами времени, когда каждый просмотр фильма был событием). Воздействие художественных образов на сознание и память людей очень велико. Кино может скрывать, показывая, и показывать, скрывая. Важно увидеть то, что хотели скрыть.

В данном случае будут рассмотрены два кинофильма – «Весна» (1947, реж. Г.В. Александров), показывающего работу профессора Никитиной над проблемой использования солнечной энергии и «Академик Иван Павлов» (1949, реж. Г.Л. Рошаль), историко-биографический фильм о жизни и научной деятельности академика И.П. Павлова, Нобелевского лауреата.

«Весна» признана классикой жанра музыкальной комедии, который был одним из популярнейших жанров советского кино. (Показательно, что большинство советских фильмов, где представлен интеллигент, сделаны в жанре комедии.) В 1947 году картине за оригинальность сюжета была присуждена премия VII Венецианского кинофестиваля. В центре сюжета фильма – история о том, как режиссер Громов пытается снять фильм об ученой Никитиной, занимающейся проблемами солнечной энергии. Получая актрису, как должен себя вести «настоящий ученый», Громов говорит: «Ученый – это человек, который живет в замкнутом мире своих формул. Это пустынный в большом городе. В строгом уединении творит он будущее, презрев сегодняшние земные радости». Никитина в свою очередь доказывает Громову, что «настоящий советский ученый» живет в самой гуще современной жизни и ничто человеческое ему не чуждо. По-другому и не может быть, так как «настоящий» = советский человек не может относиться отчужденно ни к себе, ни к тому, что его окружает.

Хорошо налаженный быт профессорской жизни (в фильмах примерно до середины 1940-х гг. «быт» трактовался как синоним буржуазности и

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

вещизма) трактуется как признак хозяйственности и заслуженная награда за интеллектуальный, творческий (подчеркнем, а не только за физический) труд. Бесспорно, успехом заканчивается эксперимент профессора Никитиной. Триумф! Торжество! Переворот в науке!

В обозначенное нами время власть отдавала предпочтение картинам историко-биографического жанра. Выступая, прежде всего, транслятором в массовое сознание идеологом имперского и патриотического дискурсов, названный жанр предоставлял широкое поле для их мифологемных трансформаций. Картина «Академик Иван Павлов» в 1950 г. была присуждена Сталинская премия I степени (символ официального признания). И.П. Павлов предстает перед зрителем великим русским физиологом, создателем материалистического учения о высшей нервной деятельности. Он, несомненно, патриот. Прежде всего, для него важна его работа. Работа во имя и на благо русской науки. Не менее важны и результаты работы. Это вклад не только в русскую, но и в мировую науку в целом. Тональность фильма, усиливаемая мелодией, такова как и в предыдущем – Триумф! Торжество! Переворот в науке!

В фильмах представлены и внешние легкосчитываемые знаки-приметы ученого (характерные и для образа интеллигента в целом) – шляпа, очки, борода, книги и т.д. Портрет профессора Никитиной в начале фильма – сухарь, в строгом жакете с квадратными плечами, шляпа, роговые очки, поглощена только наукой.

Идеологически названные фильмы отвечали предъявляемым требованиям обозначенного нами времени: показать и доказать, что русская наука – самая передовая в мире и советская власть, как никакая другая, оказывает ей максимальную помощь и поддержку. Ученый презентуется как Другой: думает о другом, интересуется другим, ведет себя по-другому. Поведение, поступки ученого не всегда понятны окружающим его обывателям. Для них он – чудаковат, что иронически обыгрывается в фильмах. Признается и подчеркивается социальная значимость деятельности ученого: она необходима, без нее не осуществима идея прогресса. При всей отвлеченности профессиональных интересов ученого, отстраненности от сиюминутной утилитарно-практической значимости его усилий он все же неразрывно связан с окружающей его действительностью, с ее потребностями и вызовами.

Кинематограф играет большую роль в создании визуального образа и стереотипных моделей реальности и во внедрении их в массовое сознание. Советское кино (впрочем, как и современное кино), являясь самым массовым по форме способом советского культурного творчества, часто выступало в качестве инструмента создания реальности, а не ее отображения.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Партийная цензура строго следила за процессом создания и выхода на экраны кинолент. Постановления ЦК ВКП (б), редакционные статьи в газете «Правда» определяли первоочередные задачи идеологической работы. Отмечались достижения советской культуры и одновременно вскрывались ее недостатки, тем самым задавались нормы, которым должны были следовать «все и каждый». Утверждалась особая актуальность «незыблемого» принципа партийности, произведения должны были сочетать «высокую идейность» и «совершенство художественной формы». В основе всего – метод социалистического реализма. И все же одним из важнейших показателей была именно «идейная выдержанность». Огромное значение (идеологическое и пропагандистское) выпуску фильмов придавал и сам Сталин. Он лично был цензором едва ли не каждого из них.

Под контролем было все художественно-информационное пространство СССР – радио, телевидение, кинотеатры, библиотеки, средства массовой информации, книжные магазины и т.д. Это позволяло власти сохранять полную монополию на создание информационной реальности, когда эмоциональное воздействие художественных образов на сознание и память людей подкреплялось средствами массовой информации.

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ БИСЕРОПЛЕТЕНИЯ В РОССИИ

Миронова О.А., Кирилина И.В.

Институт истории и права ПГПУ им. В. Г. Белинского

В последнее время возрос интерес исследователей к изучению социокультурных проблем развития общества. Культура – это сложное, многофакторное явление, которое охватывает все сферы жизни общества, определяет уровень его развития. Так как культура формируется из обычаев, традиций, обрядов, индивидуальных для каждого народа, тенденций в создании деталей народного костюма, в развитии собственного градостроительства, в живописи, в интерьере, то изучение каждого из этих аспектов способствует созданию наиболее полного представления об уровне развития общества. Наличие у народа собственных промыслов и ремесел – показатель его самобытности и уникальности. Индивидуальная культура каждого этноса является составной частью культуры всего человечества.

В настоящее время начинается возрождение традиционных видов промыслов и рукоделий, которые в свою очередь являются неотъемлемой частью истории культуры каждого народа. Поэтому предметом нашего исследования является история развития искусства бисероплетения как составной части истории культуры России.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Искусство бисероплетения в России прошло сложный путь развития от изделий, служивших оберегами, изготовлявшихся еще в VIII в., до шедевров декоративно-прикладного искусства, таких как стеклярусный кабинет Китайского дворца в Ораниенбауме под Петербургом¹.

В ходе исследования мы выделили ряд причин возникновения искусства бисероплетения в России: совершенствование технологии производства бисера; стремление украсить себя, одежду, жилище; стремление защитить себя и свое имущество от злых сил; использование украшений в качестве предметов обмена.

Уже в IX в. в Киеве существовали небольшие мастерские по изготовлению стеклянной посуды, предметов быта и украшений, мозаичных смальт и цветных эмалей. Позднее из Киева стеклоделие распространилось в Чернигов, Владимир, Рязань, Галич, Полоцк и другие города. Развитие стеклоделия на Руси было прервано татаро-монгольским нашествием. На протяжении нескольких веков бисер ввозили в Россию из Венеции и Германии. В XV в. привозной бисер применялся русскими рукодельницами наравне с драгоценными камнями и жемчугом. Только в XVI в. началось возрождение стеклоделия в небольших сельских мастерских – гутах на западе и юго-западе страны и на Украине². С увеличением интереса к бисерному рукоделию резко повысился спрос на бисер и стеклярус разных сортов и оттенков. В 1752 г. М. В. Ломоносов получил от сената разрешение на строительство Усть-Рудицкой фабрики под Ораниенбаумом для изготовления изделий из стекла. В XVIII в. началось активное развитие бисероплетения в России³. Причинами этого являются: наличие у дворянок свободного времени и денежных средств для покупки дорогого иностранного бисера, возможность использования труда крепостных крестьян, влияние европейской моды. Каталоги, руководства по рукоделию и рисунки способствовали широкому распространению этого вида рукоделия среди представительниц дворянского сословия, которые принуждали к этому занятию крепостных крестьянок. Постепенно мода на этот вид рукоделия распространилась на все остальные сословия.

Изделия из бисера использовались в быту. Так из бисера делали: сумочки; кошельки; чубуки; аксессуары для карточной игры; подсвечники; подстаканники; обивка для мебели; ширмы; каминные экраны; вышитые картины; шкатулки и предметы для рукоделия; вышитые оклады икон и так далее.

Основной причиной изменения интереса к бисероплетению в конце XIX в. явилось угасание моды на него. А идеологические установки Советского государства привели к длительному периоду застоя в развитии бисероплетения. В последней четверти XX в. наблюдается тенденция увеличения интереса к искусству бисероплетения и соответственно его возрождение.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Основными способами работы с бисером являлись: вышивка, вязание крючком, вязание на спицах, низание бисером, бисерное ткачество, мозаика на воске, техника сабле.

Современные виды бисера очень разнообразны, но уступают по количеству цветов и размеров бисеру использовавшемуся в XVIII – XIX вв. Создание коллекций и проведение выставок способствует сохранению и развитию этого вида рукоделия на современном этапе, поскольку сохранившиеся изделия служат образцами для современных работ и основой для совершенствования искусства бисероплетения. Одним из способов сохранения наследия прошлого является проведение реставрационных работ⁴. Они позволяют воссоздать и сохранить техники и приемы работы с бисером.

Таким образом, искусство бисероплетения в России прошло сложный путь развития. Совершенствовалась технология производства бисера, методы и приемы работы с ним, расширялась сфера применения изделий из бисера, а в зависимости от сословной принадлежности рукодельницы возникали особенности в изделиях из бисера. Искусство бисероплетения в России достигло такого уровня развития, что русские бисерные работы стали образцами для европейских мастериц. Дальнейшее изучение истории бисероплетения является важным, поскольку этот вид искусства – неотъемлемая часть истории культуры России.

1. Ляукина М. Бисер. Основы художественного ремесла. М., 1999.
2. Литвинец Э.Н. Забытое искусство (о бисере) // Сделай сам. 1992. № 2.
3. Энциклопедический словарь. Под ред. И. Е. Андреевского. СПб. Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. 1891. Т.2.
4. Юрова Е. С. Эпоха бисера в России. М., 2004.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ДВОРЯНСКИХ УСАДЕБ XIX в. В САМАРСКОМ КРАЕ

Бабина С. Л.

Самарская государственная академия культуры и искусств

Тема русской усадьбы в современных социально-культурных условиях явилась для многих гуманитарных наук интересным и благодатным предметом исследования.

Усадьба в России – одна из важнейших составляющих отечественной культуры.

Усадебно – парковый комплекс, как памятник истории, выступает значимым фактором интеграции общества в развитии самосознания и сохранения природного и культурного наследия.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Современное состояние большинства усадеб (исключения составляют царские резиденции и крупные усадебные комплексы аристократов) печально. При этом сохранившиеся архитектурно-парковые комплексы, зачастую фрагментарно, являются осязаемым и достоверным посланием из прошлого. Почти вековая дистанция, отделяющая нас от последнего взлета в истории усадебного строительства, позволяет достаточно объективно судить о масштабах созидания и разрушения. Сегодня перед нами ставится задача уловить уходящее, понять и зафиксировать последние приметы усадебной культуры.

В последнее время наметился интерес к изучению провинциальных усадеб, о чем свидетельствуют отдельные публикации в рамках самарского краеведения. В большинстве изданий край рассматривается как единое целое в историческом и культурном пространстве России. В имеющихся работах, изданных до 1990-х гг., история самарского дворянства рассматривается с позиции взаимоотношения крестьянства и высшего сословия¹.

В работе П.С. Кабытова² параллельно с изучением крестьянства происходит анализ помещичьего землевладения и землепользования в период империализма. Самарскому дворянству было посвящены исследования П.И. Савельева³, Е.П. Бариновой⁴.

Два коллективных труда ведущих самарских историков заслуживают самого пристального внимания. Это «Самарская летопись»⁵ – трехтомник, выпущенный под редакцией П.С. Кабытова и Л.В. Храмкова. Данная работа явилась началом создания своеобразной «энциклопедии» Самарского края с древнейших времен до наших дней. Ценность для данной темы заключается в том, что в ней целый раздел посвящен дворянству, его роли и значению в истории Самарского края.

В коллективной монографии самарских ученых «История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней»⁶ одна из глав посвящается самарскому дворянству и помещичьим усадьбам.

По истории местного дворянства написано ряд диссертационных работ, в числе авторов: О.А. Курсеева⁷, Г.А. Третьякова⁸, З.М. Кобозева⁹, Н.М. Селиверстова¹⁰, Е.Ю. Дементьева¹¹, Е.В. Мишина¹², Н.Б. Кремер¹³, Ю.М. Кузнецова¹⁴. Тема дворянского сословия поднимается в сборниках,¹⁵ изданных на основе международных научных конференций, проходящих в Самаре.

В ряде статей предпринимались попытки освещения истории и развития отдельных усадебных комплексов на территории Самарского края. Это относит, главным образом, к Усолю и Рождествено на Самарской Луке¹⁶.

Событием в краеведческой литературе явилось издание, подготовленное сестрами Полоцкого Спасо-Ефросиниевского монастыря в Белоруссии¹⁷. В книгу наряду с религиозно-нравственными «Беседами» вошли ее

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

воспоминания о семье, о жизни в родовом имении на территории современного Кинель-Черкасского района Самарской области.

Особый раздел в изучении Самарского края составляют издания районного уровня краеведов-любителей¹⁸.

Материал по истории владельческих имений содержится на сайтах Интернета¹⁹.

В целом можно отметить отсутствие среди современных публикаций, работ обобщающего характера, что делает дальнейшее исследование темы перспективным.

Источниковую базу данного исследования составляют: архивные документы Российского Государственного архива древних актов (РГАДА), Государственного Архива Самарской области (ГАСО); опубликованные статистические материалы; фотоматериалы и информация старожилов Самарской области, как результаты полевых экспедиций в сельские районы 2001 – 2006 гг.

В Самарской губернии, отдаленной от центра, сравнительно с центральными губерниями, было гораздо меньше помещиков, несмотря на обширность земельных угодий.

Это можно объяснить удаленностью от центра и трудностями перевода и обустройства на месте помещичьих крестьян в исследуемый регион. В числе землевладельцев на конец XIX – начало XX вв. известные деятели того времени. Вернее сказать, потому и было у них много земли, что желающих обустроить здесь свои поместья немного, слишком издалека приходилось «переводить» сюда крестьян. Но этом дальнем пограничном российском крае располагались дворянские усадьбы известных деятели того времени – Рычковы, Дурасовы, Неплюевы, Бедряга, Пыхачевы, Боянусы и др.

Список заповедных памятных мест нашего края значительно пополняют старинные дворянские усадьбы помещиков (в основном – военно-служащих), основавших еще в XVIII веке свои родовые гнезда и, разумеется, деревни и села, крестьяне которых кормили жителей вновь заведенных городов. К таковым относились усадьбы в селах Спасское, Усолье, Богородское (Языково тож), Давыдовка, Богдановка и ряд других.

Дворянские гнезда, некогда украшавшие села и деревни своими усадебными домами и парками, вместе с их великолепными храмами, построенными помещиками были снесены революционным ураганом. Где-то еще доживают свой век остатки барских особняков, сегодня превращающиеся в историческую пыль; бывшие роскошные парки и посадки вырубаются, зарастают дикой порослью, вытаптываются людьми и скотом; зияют ранами заброшенные церкви великолепной архитектуры. А какая богатая информация могла бы сопровождать экскурсионные маршруты по культурно-историческим местам Самарской области. Несмотря на резкий поворот го-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

сударственной политики в сторону реанимации исторической памяти, к сожалению, государство наше еще слишком бедно для реализации планов восстановления памятников старины (слишком велик список утрачиваемого), а время действует безжалостно разрушительно, и чем дальше, тем безжалостнее, быстрее. Созидательные дела такого рода пока движутся только энергией, трудом энтузиастов. О «сохранности» уникальных памятников провинциальной культуры свидетельствуют материалы экспедиций по разным районам Самарской области:

Борский район – Неплюевка, Страхово, Языково;

Кинельский район – Богдановка;

Кинель-Черкасский район – Александровка, Богородское, Най-Лебен, Тимашево;

Клявлинский район – Степное Дурасово, Долгорукое;

Приволжский район – Спасское, Давыдовка;

Челно-Вершинский район – Zubовка, Петровское, Чистовка.

Общественные перемены в жизни постсоветского общества заставляют взглянуть на русскую усадьбу как на содержащую в себе все особенности национальной психологии и менталитета.

В исторических исследованиях усадеб, хозяйственной, культурной, общественной, литературной деятельности их обитателей заинтересованы местные администрации, музееведы, краеведы и люди, которые стремятся к познанию своей малой родины.

1. Сельское хозяйство и крестьянство Среднего Поволжья в период феодализма и капитализма. Чебоксары, 1982.

2. Кабытов П.С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма. Саратов, 1982.

3. Савельев П.И. Поместное дворянство Самарской губернии накануне первой русской революции 1905 – 1907 годов // Крестьянство в трех русских революциях: Межвузовский сборник статей. Куйбышев, 1982. С. 14-29.

4. Баринова Е.П. Власть и поместное дворянство России начала XX века. Самара, 2002.

5. Самарская летопись. Очерки истории Самарского края с древнейших времен до начала XX века / Под ред. П.С. Кабытова, Л.В. Храмкова. В 3-х кн. Кн. 1, 2. Самара, 1992, 1993.

6. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. В 7 т. М., 2000.

7. Курсеева О.А. Поместное дворянство Поволжья в конце XIX – начале XX века / Авт. дис. на соискание ученой степени канд. ист. наук. Куйбышев, 1985.

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

8. Третьякова Г.А. Поместное дворянство Европейской России в 1917 году (на материалах губерний центрально-земледельческого района и Поволжья) / Авт. дис. на соискание ученой степени канд. ист. наук. Куйбышев, 1990.

9. Кобозева З.М. Дворянство центрально-промышленного района в начале XX века / Авт. дис. на соискание ученой степени канд. ист. наук. Самара, 1995.

10. Селиверстова Н.М. Дворянство Среднего Поволжья накануне проведения Великих реформ / Авт. дис. на соискание ученой степени канд. ист. наук. Самара, 1995.

11. Дементьева Е.Ю. Провинциальное дворянство Среднего Поволжья / Авт. дис. на соискание ученой степени канд. ист. наук. Самара, 1999.

12. Мишина Е.В. Поместное дворянство Оренбургского Заволжья: хозяйственная и культурная деятельность середина XVIII – начало XX века / Авт. дис. на соискание ученой степени канд. ист. наук. Самара, 2004.

13. Кремер Н.Б. Социальные отношения и организация управления в крепостной Усольской вотчине Орловых, Орловых-Давыдовых (1768 – 1861 гг.) / Авт. дис. на соискание ученой степени канд. ист. наук. Самара, 2004.

14. Кузнецова Ю.М. Русская дворянская усадьба. Экономические, политические и социально-культурные аспекты (вторая половина XVIII – начало XIX вв.) / Авт. дис. на соискание ученой степени канд. ист. наук. Самара, 2004.

15. Барина Е.П. Дворянские усадьбы в начале XX века // Самарский край в контексте российской и славянской истории и культуры. Самара, 2004. С. 170 – 174; Ее же: Корпоративные права и экономические интересы дворянства в начале XX века // Самарский край в контексте Российской истории... Самара, 2002. С. 80-87.

16. Смирнов Ю.Н. Самарское «графство» Орловых // Самарский краевед: историко-краеведческий сборник. Сост. Завальный А.Н. Самара, 1995. С. 17 – 54; Артамонова Л.М. Строительство каменных храмов в Усольской вотчине графа В.Г. Орлова в начале XIX в. // Самарская область. Этнос и культура. – 1997. № 2 – 3. С. 66 – 69; Линт В. Летопись села Рождествено // Самарские губернские ведомости – 150. 2001. № 11, № 12.

17. Нина (Боянус), игум. Наши беседы о жизни. М., 2004.

18. Куликов А.И. Клявлино и клявлинцы. Клявлино, 1998; Петелин В. Заволжье. М., 1988; Мельников И.М. Мой родной, любимый Хворостянский край. Самара, 2004; Романов И.А. Страницы истории // Трудовая жизнь. 1994. 5 янв., 15 янв.; Валентинова В. Тимашево прежде // Трудовая жизнь. 1967. 26 дек., 28 дек.; Веревкин А., Авдотина Т. Село Богородское // Трудовая жизнь. 1967. 28 авг.; Матвеева В., Гришина А. Соляные пере-

ХII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

мены // Трудовая жизнь. 1967. 19 сен.; Яшина З., Веревкина В. История одного села // Трудовая жизнь. 1967. 15июля.

19.Алексушина Т. Усолье – имение «екатерининских орлов» на Волге // [http:// www.zodhscy.ru](http://www.zodhscy.ru); Классики гомеопатии: К.К. Боянус (старший) // [http:// www.ollo.norma.ru](http://www.ollo.norma.ru).

Печатается в авторской редакции
Компьютерная верстка, макет В.И. Никонов

Подписано в печать 14.11.06
Гарнитура Times New Roman. Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Печать оперативная.
Усл.-печ. л. 19,0. Уч.-изд. л. 17,78. Тираж 120 экз. Заказ № 556
Издательство «Универс групп», 443011, Самара, ул. Академика Павлова, 1

Отпечатано ООО «Универс групп»